

Марк Поповский ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

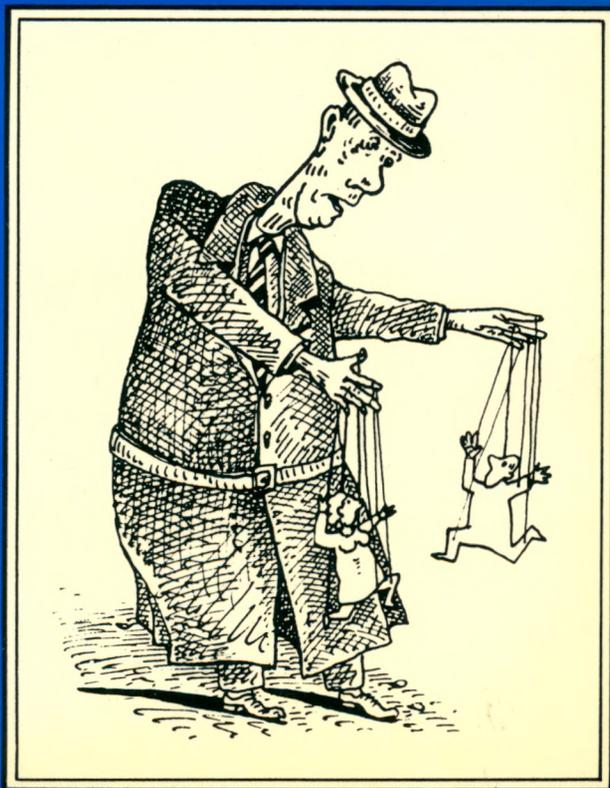
Марк Поповский

Марк Поповский

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

ОН, ОНА И СОВЕТСКИЙ РЕЖИМ

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Mark Popovsky

**THE SUPERFLUOUS
THIRD**

He, She and the Soviet Regime

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Марк Поповский
ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Он, она и советский режим

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985

Mark Popovsky: TRETII LISHNII. ON, ONA I SOVETSKIĖ
REZHIM.

First Russian edition published in 1985
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Mark Popovsky, 1985
Copyright © Russian edition Overseas Publications Interchange Ltd, 1985

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0 903868 57 1

Cover design by Andrzej Krauze

Printed by Polyglott-Druck, West Germany

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Работая в городской публичной библиотеке Нью-Йорка, я сказал как-то сотруднику, который помогал мне подбирать литературу, что пишу книгу о советском сексе и надеюсь сообщить западному читателю нечто новое. „Разве секс бывает новым или старым, советским или американским? — усомнился опытный библиотекарь. — Насколько я знаю, в этой области нет ни истории, ни географии. Природа секса вечна и неизменна”. Мне не раз приходилось сталкиваться на Западе с такой точкой зрения. Огражденные своими демократическими институтами от вторжения государства в личную жизнь, люди Европы и Америки часто не подозревают, во что могут превратиться такие сферы, как любовь и секс, под воздействием государственного вмешательства.

Есть две причины, по которым советский секс мало известен за пределами страны в своих подлинных реалиях. Во-первых, по своей психологической конструкции русские традиционно не склонны открывать посторонним эту сторону своей жизни. (Пуризм Льва Толстого и Федора Достоевского известен каждому, кто знаком с произведениями этих

классиков.) Но на природную нашу стеснительность советская система наложила второй запрет. Советы засекретили секс так же, как они засекретили данные о прожиточном минимуме граждан, детскую смертность, распространение алкоголизма и другие социальные проблемы, которые им не удалось привести в соответствие со своей идеологией, лозунгами и обещаниями.

Секретность закрытого общества давно уже стала „притчей во языцех”. Но в то время как тайны военного и экономического потенциала СССР живо волнуют Запад, засекреченный советский секс оставлял до сих пор европейского и американского читателя равнодушным. Между тем речь идет о сфере, близкой к правам человека и проблемам гражданской свободы. Этот угол общественной жизни СССР до сих пор остается в тени. Благодаря контролю советской цензуры брачные, семейные и сексуальные коллизии не проникают на страницы книг официальных писателей, не появляются в фильмах, выпускаемых государственной кинематографией. Статистика абортов и внебрачных детей, социология проституции и гомосексуализма по-прежнему остаются данными сверхсекретными. Даже такие опытные журналисты, как Гедрик Смит („Русские”) и Роберт Кайзер („Россия: власть и народ”), нарисовавшие убедительную картину советской жизни, смогли очень мало сказать о проблемах пола в тоталитарном обществе.

Я подхожу к теме „Секс и социализм” не в качестве медика (хотя когда-то и занимался медициной) и не как бытописатель. Будучи автором книг о людях советской науки, я исследую секс, как социальное явление, лежащее на границе между желаниями личности и интересами государства. Я пытаюсь разобраться, как извечные отношения мужчины и женщины деформируются под влиянием советских законов, идеологии, советских традиций и судебно-лагерной системы; пытаюсь проследить, какую абберацию вносят в любовь двоих такие элементы, как недостаточное жилищное строительство, массовые аресты, несовершенство противозачаточных средств и призыв женщин в армию. Иными словами, речь идет о книге социологической. Вместе с тем, это очень

л и ч н а я книга, полная самых интимных подробностей, поскольку вместе со мной ее писала большая группа свидетелей, недавних эмигрантов из Советского Союза. История нашего сотрудничества такова.

Задумав труд „Он, она и советский режим”, я стал знакомиться с тем, что уже написали по этому поводу американские авторы. Некоторые из них коснулись этой темы в книгах о советской женщине и семье. Я нашел среди их сочинений несколько вполне серьезных. Авторы, однако, не скрывали, что материалы для своих книг они черпали из открытой советской прессы, художественной литературы и официальной статистики. Других источников у них не было, да и быть не могло. Но всякому, кто прожил жизнь т а м, хорошо известно, насколько недостоверны, а порой и преднамеренно фальсифицированы факты и цифры, которые Кремль предоставляет для открытой публикации.

Наиболее серьезные авторы давно уже заметили это. Профессор Henry L. Roberts, один из авторов содержательного сборника „Women in Soviet Union” (edited by Donald R. Brown, Columbia University 1968), писал, что понять и постичь проблемы женщины, пола, секса в современной России „обескураживающе трудно”. Доктор Робертс писал: „Положение русской женщины видится мне либо очень абстрактно и безлично, сквозь призму статистических данных, либо чрезвычайно лично, когда оно возникает на страницах литературного произведения... Создается неприятное ощущение, что реальность ускользает от нас между статистикой и литературными образами. Мне очень хотелось бы, — завершает он свою мысль, — чтобы здесь, на Западе, появилось, наконец, подлинное *знание* (подчеркнуто д-ром Робертсом) о реальной русской женщине... Отсутствие таких знаний до сих пор было связано с тем, что русская жизнь слишком отдалена от нас, а также потому, что в течение длительного времени л и ч н ы е контакты с русскими мужчинами и женщинами были почти недоступны”.

Замечание американского историка и социолога, высказанное более 15 лет назад, не утратило смысла и сегодня. Ведь советские власти по-прежнему не позволяют ино-

странцам вступать в свободные контакты с гражданами страны социализма, опрашивать их или распространять среди них анкеты. Исходя из этого, я начал свою работу над книгой о советском сексе прежде всего с опроса эмигрантов из СССР. „Личные контакты с русскими мужчинами и женщинами“, о которых мог только мечтать профессор Робертс, сразу открыли глубины, в которые не могли до того заглянуть даже самые добросовестные западные ученые. Мне удалось опросить в той или иной форме (интервью, анкеты, переписка) 250 моих соотечественников, поселившихся после эмиграции из СССР в Израиле, странах Европы, в США и Канаде. В этих свидетельствах, перенесенных с магнитофонной пленки на бумагу, открылась громада л и ч н о г о опыта интимной жизни. Сегодня я могу с гордостью сказать, что имею 250 помощников, без которых книга была бы попросту невозможна.

Кто эти люди?

О своей личной жизни рассказали мне мужчины и женщины в возрасте от 22 до 76 лет. Большая часть интервьюируемых относится к людям среднего возраста — 36—42 года. Мужчин среди моих собеседников — 60 процентов. Хотя 62 процента опрошенных приехали из Москвы и Ленинграда, но 38 процентов остальных дают полное представление о географии страны. Об особенностях сексуальной жизни своего края рассказали уроженцы Белоруссии, Украины, Грузии, Азербайджана, Молдавии, Татарской АССР, Крыма, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Прибалтийских республик, Дальнего Востока и острова Сахалин. Так же разнообразно представлены и профессии. Мне удалось опросить пятнадцать врачей, много инженеров, программистов, ученых (особенно математиков), школьных учителей, музыкантов, редакторов, архивистов, журналистов, писателей, режиссеров. Одновременно опросу подверглись шоферы, матросы, парикмахеры, заводские рабочие и техники. Показания дали также крупный профсоюзный деятель из Минска, работник советской милиции из Свердловска и бакинский цензор.

Среди других источников информации, которыми я пользовался, можно упомянуть советские газеты и журналы. Они

хотя и содержат минимум статей на интересовавшую меня тему, но, независимо от желания авторов и редакторов, дают внимательному наблюдателю небезынтересные детали. Точно так же оказывались подчас весьма информативными советские энциклопедии, особенно если просматривать подряд несколько изданий за разные годы.

От анализа художественной советской литературы я почти отказался, так как романы и повести в стиле социалистического реализма уже были широко использованы американскими социологами. Зато я счел важным пользоваться в качестве источника информации устным народным творчеством и, прежде всего, анекдотом. Почти 150 лет назад, побывав в России, французский путешественник маркиз де Кюстин написал в своей книге: „Всякая угнетенная нация имеет ум, склонный к осмеянию и сатире, к карикатуре; она мстит за свое бездействие и унижение сарказмом”¹. Мысль эта не только не устарела, но стала даже более актуальной в новое время. В стране, где газеты, радио, телевидение, кино и театр отражают только официальные взгляды властей, анекдоты — подчас единственный источник реальной информации о точке зрения народа. Недаром в СССР так жестоко преследуют всякого, кто их рассказывает. При Сталине за анекдоты пошли в лагеря тысячи граждан. Правда, Хрущев и Брежнев делали вид, что анекдотов не существует, но не прошло и двух месяцев после воцарения Ю. Андропова, как в газете „Комсомольская правда” появилась явно угрожающая статья против тех, кто „пытается использовать анекдот, чтобы опозлить наш строй”². Народ ответил на эти предупреждения залпом новых шуток и анекдотов и в том числе анекдотами сексуального и псевдосексуального характера. Широкое распространение, в частности, приобрели две шутки явно антиправительственного звучания: „В СССР произошла сексуальная революция: к власти пришли о р г а -

¹ Цитирую по книге „Воспоминания о России”. Нью-Йорк, „Серебряный Век”, 1982. Репринт с издания 1910 г. СПб.

² „Комсомольская правда” от 17 декабря 1982 г., статья „Где растет чертополох”.

н ы". И еще: „В советских магазинах появились порнографические товары: голые полки". Впрочем, приведенные шутки еще довольно невинны. Русский сексуальный анекдот, как правило, грубоват и содержит непристойные слова и ситуации. Но для историка тексты делятся не на приличные и неприличные, а на достойные доверия и фальшивые. Я предпочитаю правду, выраженную грубыми словами, грубой лжи советских газет.

Должен заметить, что собрать свидетельства от 250 бывших советских граждан оказалось совсем не легко; дело это потребовало 15 месяцев непрерывной работы. Прежде всего пришлось столкнуться со „страхом иудейским" моих собеседников. Хотя все интервьюируемые были предупреждены о том, что их имена не будут фигурировать в книге, многие боялись разговаривать со мной. Главной причиной были „тетя в Житомире", „брат в Казани" и т. д. Одна дама, которую страх обуял уже после интервью, прибежала ко мне в панике с требованием, чтобы я вернул ей уже сделанные нами по обоюдному согласию записи. Ее испугало, что она разоблачила тайны местного обкома партии.

Но значительно чаще причиной отказа дать интервью оказывалось советское воспитание. Воспитание это налагает запрет на любые разговоры, относящиеся к сфере секса. Даже интеллигентные люди не могли преодолеть „стыдливости", которой в СССР их обучали с младенчества. „Вы попали не по адресу, — заявила мне пожилая женщина-врач из Москвы, — на т а к и е темы я с посторонними мужчинами не разговариваю". Другой эмигрант, опять-таки человек с высшим образованием, прислал письмо, где были такие строки: „Вашу попытку навязать мне анкеты определенного характера я могу рассматривать не иначе, как мелкое хамство". Анкета „Секс в СССР", как уже говорилось, анонимная, была разослана в количестве 250 экземпляров. Сто пятьдесят экземпляров ее вернулось ко мне заполненными. Страх перед анкетой, отражающий обычную для советского гражданина боязнь оставить „след в бумагах", имел и другой смысл.

Насколько я мог понять, термин „секс“, означающий нормальную половую жизнь, ассоциировался у некоторых моих собеседников с термином „порнография“, что, по определению словаря, означает: „непристойная, вредная литература, в которой смакуются сцены разврата; непристойные рисунки, фотографии”¹. Такое смешение понятий не случайно, ибо советская пресса использует слово „секс” не иначе, как с эпитетами „буржуазный”, „пьяный”, „грязный”. Десятилетиями читая и слыша это словосочетание, советский гражданин, естественно, начинает воспринимать понятия „секс” и „порнография” как синонимы. В том, что подмена двух понятий имеет для советских идеологов пропагандистский смысл, я смог недавно убедиться снова.

В декабре 1982 года журнал „Ридерс Дайджест” опубликовал мой очерк „Главный секрет: есть ли в России секс?”. Очерк являлся как бы наброском идей будущей книги. В качестве отклика советская газета „Русский голос”, выходящая в Нью-Йорке, опубликовала большую статью, в которой опять-таки настойчиво смешивала два понятия. Хотя статья в „Ридерс Дайджест” толковала о том, что советская цензура заставляет писателей и киносценаристов выбрасывать из своих произведений все относящееся к сексу и тема эта никогда не обсуждается с экранов советских телевизоров, автор „Русского голоса” написал: „М. Поповскому очень хотелось бы, чтобы в Советском Союзе была неограниченная свобода секса, свобода порнографии. Ему хотелось бы, чтобы киоски Москвы, Ленинграда, Киева и других городов были заполнены непристойными журналами, а на улице Горького... расположились порнографические кинотеатры...” И так далее². То обстоятельство, что платные агенты исполняют свои служебные задания, никого удивить не может. Удивляло и печалило меня во время работы

¹ Словарь иностранных слов. М. „Советская энциклопедия”, 1964, с. 512. Слова „секс” в словаре нет. Слово „Сексуальный” расшифровывается как „половой, имеющий отношение к половой жизни”, с. 580.

² Русский голос. 20 января 1983. Статья „За что они ратуют”, с. 4.

над книгой другое: насколько глубоко пропагандистские тексты въелись в сознание моих соотечественников, покинувших СССР и поселившихся ныне на другой стороне планеты...

Затрудняла работу над книгой и другая причина: автору пришлось за эти годы шесть раз сменить профессию, чтобы заработать себе на жизнь. Не всегда удавалось найти работу лектора и журналиста: приходилось служить клерком, швейцаром и уборщиком мусора в большом офисе. В эти годы я неоднократно обращался в различные фонды и институты с просьбой поддержать мои исследования. Все они, включая American Council of Learned Societies; Russian Institute of Columbia Univ. (N.Y.C.); German Marshall Fund of the U.S.; The National Council of Soviet & East European Research; Kennan Institute, мне отказали. Не приютила меня, несмотря на двукратные просьбы, и The Mac Dowell Colony, Inc. (Peterborough N. H.). Естественно, их отказы огорчали меня. Но по здравому рассуждению я вижу теперь, что должен скорее благодарить эти учреждения, нежели обижаться на них. Отказав мне в поддержке, они преподали мне урок а м е р и к а - н и з м а, подтолкнули решать свои творческие (и не только творческие) проблемы собственными силами.

Теперь, когда книга завершена, я вижу, что самой глубокой благодарности достойны прежде всего мои соотечественники, те советские эмигранты, которые, преодолев страх перед КГБ, пересилив свое „антисексуальное” воспитание, лень и равнодушие, нашли время и желание поделиться своими жизненными наблюдениями. Им, моим соавторам, посвящаю я этот труд.

Автор

Нью-Йорк
Июль 1984 г.

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТ: ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ

Я получил письмо от знакомого профессора математики Ш. Уроженец города Саратова, он эмигрировал и ныне преподает в одном из американских университетов. Ш. рассказал: его учитель доктор физико-математических наук Абрам Миронович Лопшиц живет в Москве. Воспитатель большой школы российских геометров, Лопшиц интересуется не только математикой. Среди прочего его занимают разнообразные аспекты социологии. Недавно старый профессор отправился в библиотеку им. Ленина и в научном зале заказал „Отчет Кинси” на английском языке. Книга эта, составленная американским социологом Альфредом Кинси и группой его сотрудников, носит название *Sexual Behavior in the Human Female* и пользуется международной известностью. Восьмидесятитрехлетний Лопшиц два часа прождал выполнения своего заказа, не дождался и подошел к даме, заведующей залом. „Зачем Вам этот отчет, профессор? — спросила она. — Вы ведь математик, а „Отчет Кинси” толкует о проблемах секса. Мы вынуждены отказать Вам, поскольку Ваши

профессиональные интересы не имеют никакого отношения к этому американскому изданию”.

Письмо о злключениях старого математика в библиотеке им. Ленина напомнило мне мои собственные тревожения в этом главном книгохранилище страны. Я читал там книги тридцать лет. Но еще раньше, чем я вступил под своды этого прославленного учреждения, я услышал о нем от своей школьной учительницы. Учительницу эту, преподававшую в нашем десятом классе, мы, выпускники 1941-го года, очень любили. Она была умным и дружелюбным человеком, и мы охотно делились с ней нашими маленькими юношескими тайнами. Я как-то тоже поделился с ней своими интимными переживаниями. Речь как будто шла о моих чувствах к девочке-школьнице. Я не понимал себя, мучался, томился, изливал свои чувства в стихах. Девочке я признаться боялся, а по отношению к окружающим проявлял, наоборот, агрессивность и раздражение. Учительница попыталась меня утешить и сказала, что разгадку моего состояния я скорее всего найду в книгах Зигмунда Фрейда. „Найти эти книги нелегко, — предупредила она. — Фрейд последний раз издавался в СССР в год твоего рождения. Но, может быть, ты найдешь его книги в Ленинской библиотеке”.

Разговор наш происходил за два месяца до того, как Россия вступила во Вторую мировую войну. Вскоре после выпускных экзаменов я ушел на фронт и вспомнил о Фрейде только 5 лет спустя, будучи студентом Московского университета. В общем каталоге библиотеки им. Ленина Зигмунд Фрейд не значился. Я обратился к библиографу. „Студентам Фрейд не выдается”, — последовал ответ. Я попытался объяснить, что я не только студент. В качестве военного медика я прошел с армией до границ Германии, работал в госпиталях и сам вел прием в качестве фельдшера. Но библиограф остался неумолим. „Вам, молодой человек, вообще не следовало бы упоминать книги этого автора, — сказал он. — Владимир Ильич Ленин считал теории Фрейда вредной чепухой”. Такого рода аргументы в сталинскую эпоху звучали неотразимо, и мне пришлось ретироваться.

Прошло еще 10 лет. Сталин умер, и в общественной ат-

мосфере страны ощущалось некоторое послабление. К 1957-му году я был опытным научным журналистом, сотрудником ведущих советских газет и журналов. В Москве у меня только что вышла первая книга о врачах. По какому-то поводу снова вспомнился злополучный Фрейд. К тому времени я уже имел доступ в научный зал и к главному каталогу библиотеки на 4-м этаже. Я заказал книги знаменитого психиатра, убежденный, что теперь мне уже нечего опасаться отказа. И тем не менее отказ пришел. „В чем дело?“ — удивился я. „Эти книги выдаются только специалистам“, — ответила молоденькая библиотечарша. Я отправился с жалобой к заместителю директора. Мрачноватого вида дама выслушала меня с явным неудовольствием. „О каких медиках вы пишете?“ — строго спросила она. Не чуя подвоха, я стал рассказывать, что пишу биографии ученых. „В первую мою книгу включены биографии двух знаменитых хирургов и фармаколога, — сказал я, — а сейчас я работаю над жизнеописанием врача, борца с особо опасными инфекционными болезнями“. „Чем же вы недовольны, гражданин? — подняла брови строгая дама. — Вы же сами признали сь, что среди ваших литературных героев психиатров нет. А Фрейд — психиатр. И правильно сделали сотрудники, что не дали вам его книги. Книги эти вам не нужны...“

Так и не получил я на своей родине доступа к трудам австрийского ученого, который впервые осмыслил роль сексуального начала в поведении личности. Читать эти книги мне довелось на Западе уже после эмиграции.

В России я долгие годы полагал, что мои неприятности с Фрейдом зависят от бюрократического характера библиотеки им. Ленина и ее сотрудников. Но недавно, уже в Нью-Йорке, я взял интервью у киевского художника М. Т. Он рассказал, как в Киеве в Республиканской библиотеке ему не разрешили читать книги римского писателя I века н. э. Петрония. Художник М. Т. — любитель и знаток античности. Придя однажды в читальный зал Республиканской библиотеки в Киеве, он попросил дать ему книгу Гая Петрония Арбитра „Сатирикон“. Оказалось, что из-за слишком вольных сцен, которые позволял себе поэт двухтысячелетней давно-

сти, книги его (выпущенные в Советском Союзе) стоят в специальном секретном зале библиотеки. Их не только не выдают читателям, но даже карточки на эти сочинения изъяты из каталога, чтобы читатель вообще не спрашивал их.

„В каждом новом издании Петрония советские переводчики делают все большее число пропусков, которые заполняют многоточиями, — рассказывает художник-киевлянин. — Принцип „смягчения”, а по существу искажения, текста широко распространен при переводе и других римских и греческих авторов. „Смягчающие” поправки внесены, в частности, в VII элегию при издании Третьей книги Овидия Назона „Аморес”. Делать такие поправки переводчиков заставляют в одних случаях редакторы издательств, в других — цензура. Зная об этой тенденции начальства, переводчики подчас и сами уродуют тексты древних авторов”.

Да что там римляне и греки! Даже великие русские поэты — гордость отечественной литературы, не избегают ножниц цензуры. Всякий раз, как классики позволяют себе какое-то легкомыслие, их одергивают. Строго наказан Михаил Лермонтов (1814—1841): его блестящие „Юнкерские поэмы” можно найти разве что в академическом издании предвоенных лет. Но и там текст слишком вольных поэм „Гофшпиталь”, „Петергофский праздник”, „Монго” и других на добрую половину выброшен строгими блюстителями пристойности и заменен точками.

Для широкой публики недоступны и те издания Александра Пушкина (1799—1837), где содержится его шутивно-эротическая поэма „Сашка”. Составители собраний сочинений великого поэта как правило исключают также текст другой поэмы-сказки „Царь Никита и сорок его дочерей”. Сказка, написанная, когда поэту едва исполнилось 23 года, может показаться несколько фривольной, но в ней нет ни единого неприличного слова или непристойного выражения. У мифического русского царя Никиты — сорок дочерей. Красавицы и умницы, они однако лишены от рождения главного признака своего пола. В сказке повествуется, как некая колдунья, которую с трудом разыскал в лесу царский гонец, согласилась помочь царским дочерям. Она вручила

гонцу запертый ящик с сорока столь ценными предметами. Дальше говорится, что по неосторожности гонец чуть не утерял дорогой подарок; как, наконец, доставленный во дворец ларец помог 40 очаровательным девушкам обрести то, что им не хватало, выйти замуж и стать счастливыми...

Годом раньше молодой Пушкин написал свою „Гавририаду”, поэму, которую поэт Вяземский определил как „прекрасную шалость”. „Царь Никита” стоит в том же ряду пушкинских гениальных шалостей. Развлекая себя и своих друзей-читателей, поэт между прочим стремился досадить и „важной дуре, слишком чопорной цензуре”. Царскую цензуру поэту одолеть удалось: до революции поэма про Никиту и его дочерей публиковалась. А в советское время она появилась лишь дважды в строго академических изданиях.

Есть в этой поэме-сказке, написанной 160 лет назад, эпизод, удивительно созвучный сегодняшнему положению в Советском Союзе. Царь Никита панически боится упоминания о сексе и запрещает своим подданным любое слово на эту тему. Методы его сильно смахивают на методы, принятые в современной России.

Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных –
Им держал такой приказ:
„Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит
Или только намекнет,
Что у них не достает,
Иль двусмысленное скажет,
Или кукиш им покажет, –
То – шутить я не привык –
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже”.

Интересно, что составители последнего десятитомного собрания сочинений А. С.Пушкина из 230 с лишним строк поэ-

мы опубликовали только первые 27 строк. По указанию цензуры в примечаниях сделано было при этом указание на то, что хотя эта „непристойная сказка” действительно написана Пушкиным, но „остальная часть (сохранилась) в не очень надежных копиях”. А раз копии ненадежны, то и публиковать стихи не стоит¹.

Прочитав это рассуждение, я очень пожалел, что не имею возможности побеседовать с каким-нибудь советским цензором. Очень уж хотелось спросить его, ради чего, по каким указаниям цензура урезает тексты русских и античных авторов. Конечно, я понимал, что у меня крайне мало шансов встретить в Соединенных Штатах советского цензора. Люди этой профессии не склонны покидать свое отечество, тем более что живется им там совсем не плохо. И вдруг (о, чудо!) среди поселившихся в Нью-Йорке советских эмигрантов я обнаружил даму, которая 15 лет была сотрудницей учреждения, именуемого Комитет по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит). Под названием этим, как известно каждому советскому гражданину, скрывается **ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ**. Моя новая знакомая менее года назад приехала из города Баку (Азербайджан), где в течение полутора десятка лет через ее руки проходили романы, журнальные статьи и пьесы местных авторов. Правда, римлян и древних греков ей цензурировать не приходилось, но с произведениями современников совершала она пертурбации весьма значительные.

„Нет, — утверждает сорокалетняя Людмила П., — в инструкциях нашего Комитета никакого упоминания о сценах половой жизни не было. Но, конечно, я хорошо знала, что именно от меня как от цензора ожидают. Все, что может напомнить читателю о сексе, должно быть строго просмотрено и отфильтровано. Быть цензором нелегко, — говорит Л. П., — Нужна интуиция, чтобы различать, что в литературном произведении представлено как явление т и п и ч н о е, а что относится к частному случаю. Писатель может писать обо

¹ А. С. Пушкин. Собр. соч. М., „Художественная литература”, 1975. Т. 3, сс. 378, 480.

всем и в том числе о недостатках отдельных героев, но он должен избегать о б о б щ е н и й. Наша работа состояла в том, чтобы вылавливать такие попытки обобщать. В сложных случаях я обращалась к старшим товарищам, а те к своим старшим. Конечная задача цензуры: не допускать в печать фактов, которые порочат советский строй или могут быть использованы на Западе против советского строя. С этой точки зрения я и смотрела на литературные произведения”.

Я попросил бывшего цензора вспомнить о конкретных решениях, которые она принимала, когда обнаруживала в книгах азербайджанских писателей интимные сцены. Людмила П. рассказала: „Мне пришлось читать рукописи двух писателей, братьев Ибрагимбековых. Первая называлась „Кто поедет в Трускавец”, а вторая — „Один весенний день”. У этих писателей, конечно, есть элементы секса, но это добропорядочный секс, и я как цензор его пропускала. Но я всегда помнила: нельзя допускать детализации любовных сцен. И еще: советский читатель должен видеть, что грубые сексуальные поступки совершает герой *отрицательный*, а положительный, наоборот, любит чисто и искренно. Мы, например, допустили любовные сцены в романе Исса Гусейнова, который называется „Магомед, Мамед, Малиш”. Там герой, крупный чиновник, имеет любовницу и совершает фривольные поступки. Почему мы это пропустили? Потому что в конце книги автор разоблачает героя и порок оказывается наказанным”.

„Но с другой книгой, — вспоминает цензор Людмила П., — мне пришлось серьезно поработать. Автор нарисовал своего героя, который лежит на брачном ложе со своей женой. Жену эту ему сосватали, она ему не нравится, вернее, безразлична. Но рассуждать уже не приходится, он женился и как муж обязан сделать эту женщину своей женой. И вот, чтобы ободрить себя, герой начинает вспоминать, как в раннем детстве мать брала его с собой в женское отделение бани. Ему, маленькому мальчику, уже тогда было интересно рассматривать женские прелести купающихся соседок. Эти давние воспоминания возбуждают его и позволяют выполнить свой долг в первую брачную ночь”.

Что сделала цензура? Нет, Людмила П. не запретила книгу. Она даже не выбросила рискованный эпизод. „Я только запретила автору описывать детали, — вспоминает цензор. — Прикосновения, осязание, запахи исчезли из текста. Я посоветовала автору г о л о с л о в н о (так!) объяснить читателю, что его герой видел то-то и то-то. Он все сделал, как надо, и мы книгу к публикации разрешили. Меня авторы любили, — заключает свой рассказ Людмила П., — я была другом и помощником многих азербайджанских и русских писателей”.

Бесхитростный, искренний рассказ бакинского цензора дает объяснение некоторым литературным событиям, свидетелем которых я был в Москве в 50-е—60-е годы. И читатели и писатели в СССР как-то привыкли к бесполости отечественных романов и повестей. И вдруг, как гром с ясного неба, грянула история с книгой Галины Николаевой. Николаева, лицо вполне официальное, член Союза писателей СССР, в 1957 году опубликовала роман „Битва в пути”. Как и полагалось советскому роману, действие происходило на заводе и сюжет крутился вокруг производственных проблем. Но на фоне „трудовых буден” Николаева позволила себе изобразить томления и страдания двух любовников. Чтобы иметь место для свиданий, эти двое оборудовали себе за городом полуразвалившуюся избенку. Никаких сексуальных сцен в книге не было, просто герои позволили себе интимно встречаться и любить друг друга, не взирая на то, что он был женат, занимал высокую должность и имел в кармане партийный билет.

Критики принялись клеймить роман как порнографический. Бросались они на книгу свирепо, дружно и сообща, и из этого можно было понять, что сверху кто-то давал им команду. Но кто? И, главное, зачем? Николаеву ожидали большие неприятности. Поговаривали об исключении ее из Союза писателей. Однако, в конце концов, дело было замято. Спасли ее какие-то высокопоставленные друзья. Откровенно говоря, мне было непонятно: зачем нужна была травля, почему надо „спасать” писателя, вся вина которого в том только и состояла, что он коснулся интимной стороны жизни героев.

Но, видно, не случайно так взъярились критики. Была в их атаке некая закономерность. Лет пять спустя, уже в начале 60-х годов, объектом нападок стал писатель Анатолий Медников, автор документального романа о событиях Второй мировой войны. Он получил от цензуры указание коренным образом изменить свою книгу. У Медникова его герой — полковник, в полном соответствии с реальной правдой жизни, спал на фронте с медицинской сестрой — сержантом. Цензура заявила, что такая ситуация нетипична. В годы, когда весь советский народ напрягал свои силы для борьбы с фашистской гидрой, полковник на фронте мог думать только о победе над врагом. О девочках думать он не мог. Если же паче чаяния он и спал в это время с какой-нибудь особой женского пола, то это в крайнем случае была врач госпиталя, по чину никак не ниже, чем капитан третьего ранга. А с медсестрой-сержантом спать полковник не мог. Ни в коем случае. Пришлось книгу переделывать.

Недавно в эмигрантском журнале „Синтаксис” попались мне строки из статьи видного ленинградского литературоведа профессора Ефима Эткинда. Анализируя многочисленные советские табу, живущий ныне на Западе Эткинд пишет: „Герои советских романов — особенно в 30-е—50-е годы — не спали со своими возлюбленными, не отправляли физических нужд, почти не ели, не болели, а если появлялись дети, то как бы падали с неба”¹. Сказано — точнее нельзя. Но дело в том, что запреты не сняты и по сей день. Попытка автора даже в самой скромной форме говорить о сексуальных чувствах своих героев встречает отпор армии редакторов, цензоров, критиков. Не реже, чем раз в полгода, „Литературная газета” производит публичную порку непослушных авторов, вопреки запрету выводящих сексуальные коллизии на страницы своих книг. Один из недавно битых таким образом вполне законопослушный советский литератор Леонид Бежин в романе „Метро Тургеневская” позволил своей героине слишком разгорячиться: „Я не понимал ее движе-

¹ „Синтаксис” № 9. Париж, 1981 г. Ефим Эткинд „Советские табу”, сс. 3—16.

ний, — пишет автор, — и тогда Сусанна сама расстегнула пуговицу кофты, вся горячая и дрожащая. Я старался ее успокоить, как бы отстраняя то, что она задумала, но Сусанна ко мне прижалась, и мы оба упали на дождевик...” Эти строки привели критика „Литературной газеты” в негодование: „На дождевик? Среди ясного дня? Что же это, записи сластолюбивого старца?”¹

Открыто говорить о том, что государственная цензура целеустремленно душил всякое живое слово о любви, советские писатели никогда не решались. Вероятно, единственная книга, в которой автор крайне осторожно коснулся „пренебрежения к любовному чувству” в советском искусстве и литературе, была книга Юрия Рюрикова „Три влечения”. Конечно, автор не посмел, да и не мог назвать подлинных гонителей. Ему пришлось взвалить вину на неких безымянных писателей и критиков, для которых „жизнь тела была... чем-то низшим кошачьим, какой-то уступкой человека животному миру”. И, тем не менее, говоря о тридцатых, сороковых и пятидесятых годах, Рюриков произнес максимум разрешенной правды: „Все реже стала попадаться в книгах настоящая, полнокровная любовь живых людей. Все чаще ее заменяет дистиллированный отвар, настоянный на вздохах и парениях духа, диетическая манная каша, очищенная от всякой чувственности... Люди, о которых Ильф и Петров говорили, что „поцелуйный звук для них страшнее разрыва снаряда”, старались тогда отлучить плотскую любовь от нравственности и разлучить с ней человека. Кое в чем это удалось им, и не только в литературе. Из живописи и скульптуры на два десятилетия исчезло обнаженное тело — одна из самых светлых ценностей, данных человеку природой, один из высших видов красоты, заложенной в человеке”².

Мы, современники событий, хорошо знали, что именно имел в виду Юрий Рюриков. В 1962 году глава советского государства Никита Хрущев явился на выставку художни-

¹ „Литературная газета”. 13 августа 1980. Наталья Иванцова. „Вся мелочь жизни?..”

² Юрий Рюриков. „Три влечения”. М., „Искусство”, 1968 г.

ков в Московском Манеже и учинил мастерам кисти свирепый разнос за то, что на одной из картин оказалась — подумай только! — голая женщина. Картина „Обнаженная” принадлежала кисти талантливого художника старшего поколения Фалька. Но Хрущев не слышал никогда фамилию художника и не подозревал о существовании в искусстве того, что известно под именем „ню”. Он кричал, чтобы немедленно убрали „эту голую Вальку”. Он бранился и угрожал тем художникам, которые, забыв стыд, пишут, что им приходится в голову. Такой позор и разврат недопустим в советском обществе.

Хотя Хрущев сошел с политической сцены очень скоро после выставки в Манеже (но не в результате своего страстного обличения!), его установки в изобразительном искусстве не были отвергнуты. Предубеждение против нагого тела на картинах осталось. Полотна многих других художников по той же причине были объявлены неприличными. В частности, серьезные неприятности выпали на долю крупного живописца Пластова. Этот вполне официозный художник представил в Государственную Третьяковскую картинную галерею холст, на котором молодая мать, выбежав нагишом из деревенской бревенчатой баньки, торопливо одевает своего только что искупавшегося ребенка. Картина милая, естественная, отнюдь не разжигающая страстей, но руководство Третьяковки отвергло ее из-за непристойности сюжета. Только после многолетней борьбы картина Пластова заняла свое место на стенах государственной галереи.

В провинции столичные строгости удваиваются и утраиваются. Особенно, если провинция глухая. В городе Саранске, столице Мордовской автономной республики, есть картинная галерея. Галерея не слишком значительная. Но часть залов отведена под произведения талантливого скульптора, местного уроженца Степана Эрзи (1876—1959). Среди прочих фигур есть у Эрзи скульптура Лебедь и Леда. Кто не знает древнегреческого мифа о красавице Леде, супруге спартанского царя Тиндарея; восхищенный ее красотой, Зевс овладел ею, превратившись в Лебедя. Тема Леды и Ле-

беда вот уже две с половиной тысячи лет привлекает к себе художников. Сюжет этот можно найти у многих художников 15-16 веков: Леонардо да-Винчи, Перуджино, Веронезе. Миллионы зрителей обзревают полотна этих художников в музеях всего мира. У скульптуры, сделанной Эрзьей, другая судьба. Она стоит в отдельном зале, на пороге которого посетителя встречает строгий смотритель. От девушек и молодых людей страж требует предъявить документ, свидетельствующий о том, что им уже исполнилось 16 лет. Если же у смотрителя возникает подозрение, что посетитель моложе и у него нет при себе оправдательного документа, в зал со скульптурой Леды его не впускают. Таково распоряжение министерства культуры республики. „Мне повезло, — вспоминает один из посетителей музея в Саранске. — Я смог представить смотрителю студенческий билет, в котором значилось, что мне уже 18. И таким образом я получил доступ к знаменитой скульптуре”.

Страх перед обнажением чувств и тела не миновал и советского кино. Стало уже традицией во всех купленных за границей фильмах иссекать кадры, которые кажутся советским цензорам от искусства слишком рискованными. Запрещено показывать не только сексуальные сцены, но даже намекать на возможность такого рода отношений. Ни о каких голых телах в западных фильмах не может быть и речи. По отношению к советским фильмам строгости идут еще дальше. Хотя, за ничтожным исключением, кинематографисты любовь в кино изображают в духе романов Тургенева, в середине 70-х годов XX века заместитель министра кинематографии СССР Баскаков на одном из совещаний сделал резкий выговор тем режиссерам, которые выводят на экран героинь в нижней сорочке. Позднее специальным (хотя и секретным) распоряжением советским кинематографистам запрещено было показывать в фильмах полуодетых женщин и пьющих водку мужчин.

О том, как строго соблюдается это указание, мне удалось неожиданно узнать уже после того, как я покинул Советский Союз. В 1982 году в Нью-Йорке и других городах Америки был показан фильм советского режиссера Андрона

Кончаловского „Сибириада”. Фильм был слабым, но американцы, знающие советские нравы, с некоторым удивлением увидели в фильме остро сексуальный эпизод изнасилования. Актриса Гурченко предстала в этой сцене с обнаженной грудью. „Ну вот, видите, — заметил мне один из американских профессоров, специалист по русской литературе, — на вашей родине началась либерализация...” Я написал в СССР о новых веяниях в отечественном кино и очень скоро получил письмо от друга-сценариста. „Что ты придумываешь, — писал он. — Какое изнасилование? Такой сцены в фильме „Сибириада” нет и в помине. Я дважды видел фильм...” Вот так теперь делают: для американцев — одно, для своих — другое...

Страх перед показом человеческого тела достигает порой размеров фантастических. В начале 70-х годов вполне официальный советский кинорежиссер Станислав Ростоцкий поставил неплохой фильм о Второй мировой войне, о фронтовой любви, о девушках-солдатках. По советским стандартам у фильма „А зори здесь тихие...” успех был фантастический. Его похвалил публично сам Брежнев, актеры и режиссер получили Государственную премию (1975). Но и этот абсолютно идеологически выдержанный и идеологически „правильный” фильм не избежал цензорских ножниц. Когда картину решили показать по советскому телевидению, то первым делом из нее удалили сцену во фронтовой бане. Сцена снята режиссером до крайности целомудренно. Обнаженное женское тело, если где и проглядывало сквозь пар, то в дозах поистине гомеопатических. Но охранители нравственных устоев и это выбросили.

Стремление пощадить стыдливость советского гражданина можно заметить не только на вершинах административной лестницы. Соответствующие команды получают в СССР даже милиционеры. Интервьюируя бывших подданных СССР, я услышал множество историй о том, как строго милиция преследует тех, кто нарушает некие неписанные правила ношения одежды. В южном курортном городе, например, была несколько раз задержана пианистка с международным именем. Она приехала в Сочи (Кавказ) на гастроли и жарким летним днем шла по улице в сарафане. Националь-

ная русская одежда из легкой цветной ткани, сарафан действительно открывает руки, плечи и шею. Но, даже по советским понятиям, ничего вызывающего в сарафане нет. И тем не менее пианистку оштрафовали. Она якобы совершала действия, „возбуждающие нездоровый интерес публики”. А пожилого профессора зоологии Ивана Пузанова оштрафовали за то же преступление в другом кавказском городе — Батуми. Он приехал вести наблюдения над морской фауной. При этом позволил себе появиться на улице в майке, то есть опять-таки с открытыми руками и плечами. И поплатился штрафом.

Такая стыдливость присуща, как оказалось, не только милиционерам южных городов, но и некоторым вполне интеллигентным северянам. Ленинградская актриса Е. С. рассказывает: „В Театральном институте имени Островского (ныне Театр музыки и кинематографии) многие годы работал один из самых крупных в СССР театральных преподавателей Борис Зонн. Однажды, при очередном наборе студентов, профессор Зонн объявил, что он просит абитуриентов приходить на экзамены в купальных (пляжных) костюмах. Зонн считал, что при отборе будущих актеров приемная комиссия должна не только слышать их голоса, но и видеть их тела. Молодых людей, стремящихся попасть на сцену, требование профессора не смутило. Но партийное руководство института было потрясено. На срочно созванном партийном собрании профессор Зонн подвергся двухчасовой „проработке”. На этом собрании было официально заявлено, что обнажать тело публично — бесовестно, это толкает молодежь на аморальные поступки. Профессору кричали, что такого рода экзамены разлагают нравы; здесь не пляж, а учебное заведение... В результате профессор Зонн потерял работу в институте и на несколько лет был лишен возможности обучать будущих актеров”.

О паническом страхе перед обнажением рук и ног на сцене рассказывает и актриса Л. Г. Она работала много лет в Драматическом театре имени Леси Украинки в Киеве. В пьесе официального советского драматурга Вадима Собко „Жизнь начинается снова” Л. Г. получила роль „отрицатель-

ной немки” времен Второй мировой войны. Действие пьесы разворачивается в 1945 году, незадолго до разгрома гитлеровской Германии. Героиня – немецкая актриса, связанная с гестапо, танцует в кабаре на рояле. Спектакль решено было показать офицерам оккупационной советской армии в Восточной Германии. Театр выехал на гастроли и тут у Л. Г. начались неприятности. Театральный художник предложил одеть „отрицательную немку” в платье с длинным разрезом спереди. В сцене на рояле Л. Г. так и танцевала. Колготок не было, и танцевала она с голыми ногами. У зрителей сцена эта вызвала неподдельный восторг. Однако тотчас после спектакля в театр пришел приказ военных властей зашить у актрисы юбку по крайней мере до половины разреза. Юбку зашили, но после второго спектакля режиссер робко доложил начальству, что в таком виде сцена не дает зрителям ясного впечатления о том, что перед ними – „распущенная фашистка”. Разрез на юбке был снова восстановлен. Но при этом актрисе приказали одеть удлиненные черные чулки, дабы не шокировать голыми ногами зрителей – советских офицеров.

Соккрытие на сцене рук и ног – еще не самая большая беда советского театра. Зритель теряет значительно больше от того, что авторы пьес, а вслед за ними режиссеры, скрывают от него подлинные чувства своих героев. Видный театровед Иосиф Юзовский писал об этом всесоюзном поветрии так: „Когда вполне положительный герой и вполне проверенная советская героиня целуются на сцене, можно подумать, что это для них тяжелое испытание. Они целуются так благонамеренно, чтобы, Боже упаси, у зрителя не вспыхнуло какое-нибудь легкомысленное подозрение, обнимаются, как бы выполняя директиву... Они панически скрывают от публики и друг от друга, что они мужчина и женщина.. Когда герой и героиня, о которых точно указано в программе, что они муж и жена, удаляются в соседнюю комнату, зритель сомневается, что у них, например, может родиться ребенок”¹.

¹ Иосиф Юзовский. Статья в сборнике „Зачем люди ходят в театр”, М., 1964.

Свой сарказм критик Юзовский обращает, якобы, к актерам, которые слишком холодны в выражении чувств. Но актеры тут ни при чем. Просто автор этих строк не мог прямо и открыто указать на подлинных виновников всероссийского ханжества. Юзовский лучше, чем кто бы то ни было другой, знал, что не актеры и даже не режиссеры повинны в том, что на сцене советского театра живая жизнь потеряла свои реальные формы. Режиссеры, равно как и писатели-драматурги, сами играют в том общегосударственном спектакле, где роли их, увы, строго predetermined. Некоторое представление об этом всеобщем спектакле дают воспоминания актера Большого драматического театра в Ленинграде Бориса Л. Случай, о котором он вспоминает, произошел в 1963 году, но, по мнению старого актера, случай этот не утратил своей типичности и по сей день.

Большой драматический театр (главный режиссер Товстоногов) пользуется в стране высоким уважением публики за серьезную режиссуру и отличный актерский состав. В том году театр готовил сатирическую пьесу Леонида Зорина „Римская комедия”. Уже вот-вот должна была состояться генеральная репетиция, когда первому секретарю областного комитета партии Толстикову донесли: пьеса опасная. Хотя толкуется в ней о событиях времен императорского Рима, в пьесе затрагивается вопрос об отношениях власти и искусства. Кроме того, в пьесе есть сексуальные сцены.

В сталинские времена секретарь обкома (хозяин города и области!) в таком случае вызвал бы к себе в кабинет главного режиссера, обругал бы его, пригрозил тюрьмой и, не глядя спектакль, запретил бы постановку. Но в эпоху Хрущева—Брежнева для той же операции введен был другой метод — демократический. Из обкома партии в театр пришло распоряжение показать генеральную репетицию „широкому кругу общественности”. Одновременно городским и районным партийным чиновникам приказано было просмотреть спектакль и взыскательно, „с партийных позиций”, отнестись к новой работе театрального коллектива. Заполняя театральные залы, — „общественность” — райкомовцы и горкомовцы уже знали, что от них ждут в обкоме. И были готовы

произнести необходимые слова. Это не мешало им с удовольствием смотреть спектакль, смеяться над остроумными шутками и веселыми ситуациями, за которыми и впрямь угадывались кое-какие намеки на события современности. Особенное оживление в зале вызывали реплики красивой и талантливой актрисы Дорониной, исполнявшей роль гетеры. Ничего непристойного актриса по ходу спектакля не делала, но само появление на советской сцене г е т е р ы было для партийцев непривычным и возбуждающим.

Когда занавес упал, актеров попросили покинуть сцену. Началось обсуждение, на котором от театра присутствовали лишь директор, главный режиссер и секретарь парткома. Было бы не точно назвать то, что происходило затем в зале, обсуждением. Никто ничего не обсуждал. Ораторы (выступило их до двух десятков) в один голос хаяли спектакль, пьесу, режиссуру, актерскую игру и даже слишком открытые костюмы римских времен. Особенно досталось гетере и всем тем сценам, где речь шла о любви. „Такие пошлые пьесы не нужны нашему зрителю!” – сказал один из ораторов. „Все эти гетеры вызывают у советского человека только отвращение!” – заявил другой. „Запретить пьесу!” – решила „общественность”. И запретили.

В газетах о закрытом просмотре в Большом драматическом театре не было опубликовано ни слова. Запрет спектакля также был произведен в тайне от публики. И тем не менее, через два дня весь Ленинград знал, что случилось. Из уст в уста дословно передавали наиболее грубые высказывания, наиболее резкие выпады партийных начальников по отношению к режиссеру и драматургу. Утечка информации произошла из-за того, что театральный радист забыл выключить внутреннюю радиотрансляцию из зала. Сидя в своих артистических уборных, актеры смогли слышать все проклятия, которые чиновники обрушили на их спектакль. И более того: радио донесло до них слова, вовсе не предназначенные для публики. Когда обсуждение закончилось и толпа двинулась к выходу, из общего гула голосов выделился короткий диалог двух партийных чиновников, случайно оказавшихся совсем рядом с микрофоном. „А хороша ба-

бенка, эта Доронина, — сказал один. — Я бы такую бабу с удовольствием... положил в кровать...” Хихикая, спутник радостно с ним согласился.

В этих не предусмотренных Ленинградским обкомом репликах — ключ к пониманию „монашеского” характера советской литературы, искусства и в е ш н е г о поведения советских граждан. Любитель „бабенок” публично произносит в зале все необходимые для этого случая речи, но служба кончается, и он, сладко потягиваясь, высказывает приятелю подлинные, заветные свои мысли. А завтра в обкомовском кабинете опять станет громить „сексуальщину, которая не нужна советскому народу”. Поведение этого службиста не исключение, а норма.

Точно так же в присутствии моей знакомой высказывалась высокопоставленная чиновница из ЦК партии, ведающая театрами страны, Алла Михайлова. Дама эта, доктор искусствоведения, человек с неплохим художественным вкусом, вот уже много лет определяет, чему быть и чему не бывать на советской сцене. Железной рукой командует она режиссерами и директорами театров. Каждое лето несколько провинциальных театральных коллективов приезжает в Москву, чтобы с трепетом показать Алле Михайловой свой очередной спектакль и получить ее благословение. И вот после одного из таких фальшивых, бездуховных и асексуальных советских спектаклей г-жа Михайлова, оставшись один на один со своей спутницей, известным театроведом, бросила: „О н и хотят иметь т а к о й театр. Вот пусть о н и его и имеют...” Слово „они” произнесла она так, что не оставалось ни малейшего сомнения о том, кто именно эти о н и. Речь шла о власти, о том самом ЦК партии, где сама Алла Михайлова вот уже много лет творит театральную политику. Творит и сама же с отвращением смотрит на дело своих рук. Впрочем, признается она в этом только в интимном кругу.

Если так ведет себя начальство, то что же остается делать рядовым деятелям театра! Сценаристы заранее, у себя за столом, кастрируют героев пьесы. Чуя в воздухе запах опасности, режиссер так же спешит „смягчить” в спектакле отношения мужчин и женщин. Тому же учит он и актеров. Редак-

торы радио и телевидения также не нуждаются в специальных запретительных законах, чтобы расправляться с любовью в радио- и телепередачах. Их собственные вкусы не имеют при этом никакого значения. Опыт, извлеченный из прошлых партийных „проработок” (вроде той, что проходила в Большом драматическом театре), научил показной скромности всех, кто причастен к искусству, прессе, литературе, а также к преподаванию в школе и лекционной пропаганде.

Моя знакомая из Баку, очевидно, права: в тех толстых томах-инструкциях, которыми пользуются цензоры, п р я м о г о указания изгонять такие-то и такие-то сцены нет. Но они и не нужны — эти указания. Ибо, как говорил поэт Александр Твардовский, „себе не враг никто живой”. Все в стране знают, что можно и чего нельзя отображать, когда касаешься такой „опасной” темы, как любовь. И не удивительно, что за последние полвека ни одна сколько-нибудь откровенная любовная сцена не осквернила подмостки советских театров, не проскользнула на экраны кино и телевидения.

Один случай, впрочем, был. Народный артист СССР Георгий Товстоногов, руководитель того самого театра в Ленинграде, где партийные чиновники в 60-х годах запретили спектакль „Римская комедия”, спустя 10 лет сделал попытку непослушания. Он попытался сохранить в пьесе писателя Владимира Тендрякова „Три мешка сорной пшеницы” любовный эпизод (1975). Пьеса показывала деревенские нравы времен Второй мировой войны. Для стариков и женщин, оставшихся в деревне, это была пора голода и одиночества. На сцене возникла голая, нищая изба, куда одинокая молодая крестьянка приводит случайного прохожего — солдата. У крестьянки нет ничего, чем бы она могла угостить милого гостя. На пустом столе только бутылка водки. По замыслу режиссера, два юных существа чинно, без слов, пьют водку и без единого слова ложатся в кровать. Сцена сопровождалась трогательным романсом на слова русского поэта XIX века Тютчева. Эпизод был так облагорожен, выглядел так сверхдуховно, что даже известный сво-

ей тупостью и глупостью министр культуры РСФСР Мелентьев расчувствовался и спектакль разрешил.

Как режиссер Товстоногов, конечно, блестяще решил проблему. Он создал у зрителя почти религиозное чувство восторга перед слиянием двух юных безгрешных существ. Но, конечно, к реальной жизни этот эпизод не имел решительно никакого отношения. Зритель не мог узнать из пьесы о том, как действительно вели себя изголодавшиеся по мужикам одинокие бабы начала 40-х годов, как они готовы были с любым проходящим солдатом рухнуть под ближайший придорожный куст; как обращались в лесбиянок и даже предпринимали коллективное изнасилование случайно забредших в деревню мужчин. Искусство смогло коснуться запретной темы только ценой ухода от правды жизни, ценой обмана.

Многолетняя антисексуальная обработка общества приучила широкую публику к двойной бухгалтерии. Люди хотели бы видеть в кино и театре правду о любви, но стесняются признаться в этом даже самим себе. Этим двоемыслием пользуются, между прочим, те, кто занимается прокатом кинофильмов. В маленьких городах и поселках, когда привозят новый фильм, пускают слух, что в нем есть элементы секса, изображена обнаженная женщина. На этот слух особенно остро реагирует публика в южных национальных республиках: Узбекистане, Азербайджане, Туркмении. Зал, где показывают фильм, наполняется до отказа мужчинами. Билеты распроданы. В первом ряду сидят старики-аксакалы (мудрецы). Никакого обнаженного тела в картине не оказывается. Если фильм иностранный, то рискованные сцены вырезаются еще в Москве. Разочарованные мужчины расходятся по домам, но в следующий раз снова попадают на ту же приманку: очень уж хочется им посмотреть что-то отличающееся от советской бессолевой кинодиеты.

Процесс известный как *д в о е м ы с л и е* именно в области сексуальных отношений особенно глубоко расщепляет российское социальное сознание. В этом отношении аксакалы из Туркмении мыслят точно так же, как и тот ленинградский партийный босс, что, запрещая „слишком непри-

стойную” пьесу, сам мечтает о том, чтобы увидеть на сцене или на экране голенькую „бабенку”. Расщепление это легко просматривается на всех социальных уровнях. Вполне вероятно, что та библиотечарша, которая отказала киевскому художнику выдать „неприличную” книгу Петрония, со смехом расскажет об этом случае своим приятельницам и мужу. И тем не менее, она не выдаст злополучного Петрония читателям библиотеки ни завтра, ни послезавтра, ни через год. Она будет скрывать его от публики до тех пор, пока не почувствует кожей, что выдача этой книги лично для нее безопасна. Так же точно в подобных ситуациях поступают банщики и министры, милиционеры и члены ЦК партии. Как заметил кто-то из российских мудрецов: „Все вместе мы – за, а порознь – против”.

Есть у этой темы и другой аспект. Он выявился, когда я попытался выразить общественное мнение бывших и нынешних граждан СССР к о л и ч е с т в е н н о. Как уже говорилось выше, в моем распоряжении находилось 110 интервью и 140 анонимных анкет „Секс в СССР”. Всем 250 мужчинам и женщинам был задан вопрос: „Как вы полагаете: свободно ли обсуждается в искусстве и прессе нашей родины проблема секса?” Из 250 человек шестеро ответили, что они не знают, что ответить (2,4%). Пятеро заявили, что обсуждение секса в прессе, театре и кино не встречает со стороны властей никакого запрета или противодействия (2,0%). И 239 человек (95,6%) высказали убеждение, что жизнь пола и все относящееся к интимным отношениям мужчины и женщины в Советском Союзе замалчивается. Некоторые интервьюируемые добавляли, что государственная администрация, действуя в этом направлении, использует монополию на все виды пропаганды, включая газеты, радио, телевидение, а также кино, театр и литературу.

Однако мои собеседники резко разошлись между собой, когда я спросил, что они думают о взглядах общества на обсуждение проблем секса. Вопрос был сформулирован так: „Большая часть советского общества считает секс темой, достойной серьезного обсуждения? Или обсуждение этой темы

представляется большинству советских людей недостойным и стыдным?”

Из 250 опрошенных НЕ ЗНАЮ ответили 11 (4,4%). С тем, что большая часть населения Советского Союза охотно обсуждает сексуальные проблемы и считает их важными, согласились 68 человек (27,2%). Однако 161 человек (68,4%) убеждены в противоположном: советское общество, по их мнению, считает секс сферой жизни, обсуждать которую не следует. Мнение опрошенных, таким образом, разделилось в пропорции 1:2, а может быть, и 1:3. Я был смущен. Чем объяснить такое резкое расхождение мнений? Но, просматривая анкеты, увидел, что этот вопрос заинтересовал не только меня, но и самих анкетирруемых. Кое-кто, разъясняя свою позицию, сделал на полях анкеты приписки: „Все зависит от интеллекта”; „Разные поколения смотрят на это по-разному”; „Послесталинское поколение более свободно обсуждает эти вопросы”; „Интеллигенция – за обсуждение проблем секса, а „глубинка” (провинция – М. П.) очень далека от этого”. И наконец: „Большинство не думает об актуальности этой темы, а большинство это – народ”.

Итак, если судить по заметкам на полях, страх перед обсуждением секса гнездится прежде всего в душах людей, прошедших сталинское воспитание. Молодежь в значительной степени сбросила с себя груз предрассудков. Интеллектуальные горожане – тоже. Но провинция (провинция – не обязательно географическое понятие) по-прежнему страшится всяких разговоров на эти темы. Провинция в такой стране, как СССР, конечно же, составляет большинство. Отсюда и пропорция во взглядах тех, кто давал интервью и заполнял анкеты – 1:3.

Конечный итог моих опросов приводит меня к следующему выводу: в СССР делается все, чтобы заглушить любой сигнал, напоминающий гражданам о самом существовании сексуальной жизни. Но при этом большинство граждан не считает, что власти как-то ущемляют их интересы. Это провинциальное большинство согласно с цензурой, которая вырезывает из фильмов „слишком вольные” кадры или уродует книги, чтобы не допустить упоминания о половых

различиях мужчины и женщины. Правда, часть общества, более молодая и просвещенная, по разным причинам недовольна государственными ограничениями. Но она — в меньшинстве. Через 30 лет после Сталина сталинское воспитание не выветрилось еще в России.

Между тем большевики далеко не всегда держались анти-сексуального направления в своей политике. Первое десятилетие после революции 1917 года проходило под лозунгом, который сегодня в СССР показался бы чудовищным: СВОБОДУ КРЫЛАТОМУ ЭРОСУ! То была эра, когда свободу плотских отношений партия большевиков объявила своим политическим достижением. И вот как это выглядело в жизни...

ГЛАВА 2. КАК ЛЮБИЛИ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ, ИЛИ КОМИССАРЫ У СЕБЯ В СПАЛЬНЕ (20-е гг.)

Большевики готовились к захвату власти задолго до 1917 года. Размышляли, каким будет и х государство, какие формы примет власть, что делать с врагами и чем привлекать союзников. Составляя проекты будущего, они постоянно оглядывались на то, что писали Маркс и Энгельс на 60—70 лет раньше. Социалистическое будущее должно было подтвердить предсказания классиков марксизма. Размышляли большевики и о семье, о будущем половой жизни общества.

Учение Маркса и Энгельса о семье укладывалось примерно в следующую схему. Пока человечество не знало частной собственности, мужчина и женщина были равны и счастливы в своих чувствах, ибо сходились они лишь по любви и по взаимному расположению. В классовом обществе женщина стала собственностью мужчины. Отсюда угнетение, купля женского тела и души. Карл Маркс писал о гнусности буржуазного брака. При капитализме, утверждал он, союз мужчины и женщины не содержит никакого подобию подлинного

чувства. Женщина только товар, который покупает мужчина. Маркс любил сильные выражения и на уничтожающие оценки не скупился. „Никого не унижает более глубоко такое преступление, как содержание женщины, как самого мужчину”¹. По мнению классиков, при социализме оба пола сравняются по общественному положению и заработкам, и это, якобы, изменит характер брака и семьи. А пока торжествует капитализм, ничего доброго в отношениях мужчины и женщины нет и быть не может. „Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной сделке две проституции составляют добродетель”². Это звучало хлестко, но очень мало объясняло характер человеческой любви. Впрочем, человек как таковой коммунистов никогда не интересовал. Человек мыслился ими лишь в пределах класса и экономических отношений. Даже в постели.

Фридрих Энгельс (в обыденной жизни большой любитель прекрасного пола) в своих философских произведениях, как и Маркс, утверждал, что семья, в том виде, в каком она существует в Европе в XIX веке, должна быть разрушена. Будущее – за какой-то очень свободной формой отношений полов. Противники марксизма не без основания полагали, что, если разрушить семью, за этим последует всеобщий разврат. Что крушение института брака вернет общество к общности жен или еще к какой-то форме отношений, чуждых христианству и европейской культуре. Своим критикам классики марксизма ответили в „Коммунистическом манифесте” по принципу „сам дурак” или „от дурака слышу”. „Коммунистам не нужно вводить общность жен, – пишут они, – она почти всегда существовала... Наши буржуа находят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг друга. В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную открытую общность жен на место лицемерно скрываемой”.

¹ Карл Маркс. „Святое семейство” (1845).

² См. там же.

Став постарше, Маркс и Энгельс сочли, однако, что не следует писать так открыто о „свободной любви”. Было решено придать этой теме больше благообразия. Энгельс в своих более поздних работах стал заявлять, что в бесклассовом будущем обществе, где не станет разлагающего влияния денег и собственности, все проблемы, и в том числе сексуальные, сами собой разрешатся к лучшему. Любовь, как известно, явление историческое, она сама отыщет для себя лучшие, наиболее приемлемые формы. Эрос греков? Нет, это вчерашний день. У греческих дев даже согласия на любовь не спрашивали. При социализме и коммунизме все будет иначе. В новом обществе „появляется новый нравственный критерий при обсуждении и оправдании половой связи. Спрашивают не только, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет?”¹

Итак, классики марксизма в общем-то не скрывали: в предсказанном ими будущем социалистическом обществе сексуальные отношения будут свободными, брак, семья станут играть второстепенную роль. Главное будет определять любовь, желание двоих соединиться. Ту же мысль развивал и крупнейший среди социалистов знаток женского вопроса Август Бебель (1840—1913). В своей книге „Женщина и социализм” (50 изданий только в Германии!) этот убежденный социалист и деятель рабочего движения разъяснял, что переворот, то есть социалистическая революция, „уничтожит господство человека над человеком и каждого капиталиста над рабочим. Тогда-то, наконец, придет золотой век, о котором люди мечтали тысячелетиями”. „Для женщин, — предсказывал Бебель, — золотой век, то есть эпоха после социалистической революции, выразится в том, что в выборе любимого человека женщина станет „свободной и независимой”. Как и Маркса, Бебеля не удовлетворяет брак в его старом, буржуазном смысле. Он писал не о браке, а о „союзе” двоих. „Этот союз является частным договором без вмешательства должностных лиц. Социализм здесь не создает ничего нового, он лишь снова поднимает

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М., 2-е изд., т. 21, с. 79—80.

на высшую ступень... то, что было общепризнано, пока в обществе не наступило господство собственности”¹.

...Сексуальная свобода, которая, по мнению Энгельса и Бебеля, наступит тотчас после того, как общество освободится от частной собственности, действительно проявила себя вскоре после Октябрьской революции 1917 года. Жена Ленина Надежда Крупская, считавшаяся в партии главным специалистом по женскому вопросу, так рисует обстановку в стране к 1920-му году: „Постоянные эвакуации, неустойчивость всех социальных условий, характерные для переходных эпох, стоянки армий, — все это способствовало брачным связям... Связи эти носили и носят в большинстве случаев заведомо для обеих сторон временный характер”. И далее: „Война (гражданская. — М. П.) довела страну до крайнего предела нищеты и разорения. А нищета, как правило, могила всех человеческих отношений. И мы видим, как из-за хлеба, из-за разрешения протащить через заградительный отряд мешок муки женщина идет на все — отдает самое себя. Негодяев, готовых воспользоваться беззащитностью женщины, еще достаточное количество, и беременеют женщины от людей, которых в лицо не видели раньше. Нищета заставляет продаваться, продаваться не проститутку, которая делает из этого промысел, а мать семейства, часто ради детей, ради старухи матери”².

Разговоры о старухе-матери должны были, очевидно, объяснить, почему это капиталистов и помещиков уже нет, а проституция продолжается. Проституция продолжается в СССР и по сей день, и об этом мы будем иметь возможность поговорить в следующих главах. Но не проституция была самой главной среди российских бед 20-х годов. Все, кто писали о становлении советской власти, рассказывали о неслыханном разврате и массовых насилиях, которыми сопровождалось движение Красной армии. Исаак Бабель, участник

¹ Август Бебель. „Женщина и Социализм”. Одесса. „Буревестник”, 1905, с. 353.

² Надежда Крупская. Статья „Война и деторождение”, журн. „Коммунистка” № 1-2, 1920.

сражений с поляками в 1920 году, боец прославленной Первой конной армии Буденного, выпустил в 1924 году книгу „Конармия”. Переведенная на 20 языков, книга Бабеля камня на камне не оставила от фантастического мира, выстроенного мечтателем социалистом Августом Бебелем. Бабель-художник и участник событий показал, что люди, обещающая принести в мир высшую справедливость, понятия не имели об элементарных правах человека, в том числе о правах женщины. Солдатские вожделения большевистского воинства не останавливались ни перед чем. Ни старость старух, ни девственность девушки-полуробенка, ни безутешная печаль вдовы, оплакивающей умирающего мужа — не удерживали насильников в красноармейских шлемах. В книге Бабеля рассказано, что кавалеристы Семена Буденного (того самого, которого Сталин сделал впоследствии своим маршалом) не только насиловали, но избивали свои жертвы и даже убивали их.

Психологию насильника с красным бантом на стволе винтовки раскрыл и другой советский писатель 20-х годов В. Зазубрин. Его любимый герой, вчерашний заводской рабочий, призванный в Красную армию для борьбы против царского адмирала Колчака, ведет спор с интеллигентом-врачом по поводу двух изнасилованных девочек, дочерей купца.

— А почему я их должен жалеть? — с чувством абсолютной правоты спрашивает владелец красного банта. — Они же, девки эти, вредного буржуазного классу. Ихний батька меня или кого там еще — эксплуатировал? Эксплуатировал! Теперь наша власть над ним и над всем его кублом. Вот и насилуем. По законному праву.

Философия такого рода вовсе не возникла на пустом месте. Среди вождей революции и их приближенных было немало людей, искренно уверенных в том, что половая жизнь пролетария неотделима от его классовых прав и задач. Врач-психиатр Залкинд, личный сексолог кремлевских руководителей, писал, например, что „половое влечение к классово-чуждому человеку является таким же извращением, как половое влечение к орангутангу”. Но главным теоретиком

свободной и сверхсвободной любви была большевичка с большим дореволюционным стажем Александра Коллонтай (1872–1952).

Дочь русского генерала, она с конца 90-х годов начала сотрудничать в социал-демократической печати, а в 1906 году вступила в нелегальную Российскую социал-демократическую партию (РСДРП). Несколько лет провела в эмиграции, где, по словам Большой советской энциклопедии (1973), „поддерживала тесную связь с В. И. Лениным, выполняла его поручения”. Участвовала в подготовке и проведении октябрьского вооруженного переворота в Петрограде. Вошла в первое большевистское правительство. Позднее возглавляла женский отдел ЦК РКП(б) и женский секретариат при Коминтерне. Более двадцати лет (с 1923 по 1945 год) Александра Коллонтай оставалась советским послом в Норвегии, Мексике и Швеции. Кроме этого официального послужного списка существует еще одно немаловажное свидетельство о личности Коллонтай. Будущий Лауреат Нобелевской премии по литературе Иван Бунин 24 апреля 1919 года сделал в своем дневнике следующую запись: „О Коллонтай (рассказывал вчера Н. Н.) :

– Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа на ангела. С утра надевала самое простенькое платьице и скакала в рабочие трущобы – „на работу”. А воротясь домой, брала ванну, надевала голубенькую рубашечку – и шмыг с коробкой конфет в кровать к подруге: „Ну давай, дружок, поболтаем теперь всласть!”

К этой характеристике И. Бунин сделал собственный комментарий: „Судебная и психиатрическая медицина давно знает этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток”¹.

В том же 1919 году, когда Бунин, сидя в захваченной большевиками Одессе, сделал эту запись, советское государственное издательство в Москве выпустило книгу Коллонтай „Новая мораль рабочего класса”. В главе „Отношения

¹ Цитирую по книге Ивана Бунина „Окаянные дни”. 2-е изд., „Заря”, Лондон, Канада. 1974, с. 93.

между полами и классовая борьба” Коллонтай, в полном согласии с Марксом и Энгельсом, объявила „буржуазную семью” пережитком, от которого надо как можно скорее избавляться. „Для рабочего класса, — писала она, — большая „текучесть”, меньшая закрепощенность общения полов вполне совпадают и даже непосредственно вытекают из основных задач данного класса. Отрицание момента „подчинения” в супружестве — точно так же нарушает последние искусственные скрепы буржуазной семьи. Напротив, момент „подчинения” одного члена класса другим точно так же, как момент „собственности” — по существу враждебен психике пролетариата. Не в интересах класса „закреплять” за отдельным членом революционного класса самостоятельного его представителя, должествующего прежде всего служить интересам класса, а не выделенной и обособленной семейной ячейке... Закрепление женщины за домом, выдвигание на первый план интересов семьи, распространение прав безраздельной собственности одного супруга над другим, — все это явления, нарушающие основной принцип идеологии рабочего класса — товарищеской солидарности”.

Вместо брака, „закрепляющего” женщину за одним мужчиной, Коллонтай в „интересах класса” внесла понятия „быстротечный брак” и „половой коммунизм”. Она приветствует „многогранную” (в других работах „многострунную”) любовь, любовь свободную, которая никого ни к чему не обязывает и никому ни в чем не препятствует¹. С истинно ленинской энергией эта, уже далеко не молодая женщина продолжала пропагандировать прелести „свободной любви” и после окончания Гражданской войны. При этом пользовалась она партийными издательствами и вполне официальными партийными и комсомольскими изданиями. И, конечно же, одобрением ЦК. В январе 1923 года Коллонтай опубликовала в официальном молодежном журнале „Молодая Гвардия” большую статью под многозначительным названием „Дорогу крылатому Эросу”. Она снова на-

¹ В 1920 году А. Коллонтай опубликовала также книгу „Семья и коммунистическое государство”.

стаивала на том, что „многогранность” любви „не противоречит интересам пролетариата”. И даже напротив: в недрах рабочего класса давно уже выкристаллизовывается именно такой идеал взаимных отношений между полами. Более того, заглядывая в будущее, старая большевичка толкует о „преображенном Эросе”, когда никакой изоляции между любящими парами не будет вообще. „В коллективе, в котором интересы, задачи, стремления всех членов переплетены в густую сеть... общение полов будет, вероятно, покоиться на здоровом, свободном, естественном влечении полов, на „преображенном Эросе”¹.

Коллонтай обращается не только к логике своего читателя, но и к его чувству. В том же 1923 году она пишет документальную книгу, в которой идеи свободной любви обрастают конкретными героями и ситуациями². Автор без обиняков признается читателю, что его герои не продукт литературного творчества, а реальные люди, современники, участники революции и Гражданской войны. Более того, Коллонтай объясняет, что к личностям этим относится она с нескрываемой симпатией. Итак, как же, по мнению писателя-публициста и большевистского философа, должна выглядеть новая мораль рабочего класса? Вот содержание одной из трех новелл книги.

Много лет знает Коллонтай семью, состоящую из трех поколений женщин. Все трое, бабушка, ее дочь и внучка — большевики. В прошлом старшие дамы были профессиональными революционерками-подпольщицами. Приходилось им жить и в эмиграции; в Швейцарии они дружили с Лениным и его окружением. Теперь бабушки уже нет, а мать Ольга Сергеевна и ее дочь, двадцатилетняя Женя, живут в Москве и обе занимаются ответственной партийной работой. Коллонтай поясняет, что характер у всех трех поколений женщин в этой семье очень твердый, деятельный и независимый. Большевистский характер. Есть в этой семье еще одно

¹ Журн. „Молодая Гвардия”. 1923, № 3, „Дорогу крылатому Эросу”.

² А. Коллонтай. „Любовь пчел трудовых” (Из серии рассказов: революция чувств и революция нравов). М., Гос. издательство, 1924.

лицо — любовник Ольги Сергеевны. Ради Андрея она еще в Швейцарии бросила мужа, отца своей дочери. Андрей значительно моложе возлюбленной: ей лет сорок, ему — около тридцати. Описан он как красивый, но хрупкий светловолосый юноша. Андрей тоже партиец и тоже деятель. Как и многие другие партийные работники среднего звена, живет эта семья в одной комнате коммунальной квартиры. Живут они дружно, хотя из-за большой загруженности парտработой видятся мало.

Идиллия рухнула в тот день, когда дочь зашла к матери на работу для того, чтобы сообщить ей о своей беременности. Естественно, что первым вопросом матери был вопрос об отце будущего ребенка. „Не знаю”, — ответила дочь. После ухода Жени Ольга Сергеевна стала нервничать в своем кабинете. История с Женей не шла у нее из головы. Она не могла работать и решила уйти домой пораньше. Открыв дверь комнаты, она обнаружила дочь в объятиях своего возлюбленного.

„Вы понимаете, — объясняла впоследствии Ольга Сергеевна Александре Коллонтай, — меня ошеломил не самый факт, а все то, что потом последовало. Андрей просто схватил шапку и, ничего не говоря, ушел. А Женя на мой невольный возглас „Зачем же ты сказала, что не знаешь, кто виновник твоей беременности?” спокойно сказала: „Я и теперь повторяю тебе то же самое, кто виноват Андрей или другой — я не знаю”.

— Кто другой?

— Ну да, эти месяцы у меня были сношения еще с одним товарищем, которого ты не знаешь...”

После этого ошеломляющего известия Женя стала уверять свою маму, что Андрея она не любит и того второго — тоже. Перед матерью Женя никакой вины не чувствует. „Ты ведь сама хотела, чтобы мы с Андреем были близкими друзьями. Ты радовалась нашей дружбе. Но где граница близости?..”

Коллонтай выслушала Ольгу Сергеевну, а затем пригласила Женю. Явилась высокая стройная девушка с портфелем: ее недавно избрали секретарем комсомольской ячейки. Сво-

бодно разговаривая с Коллонтай, старой приятельницей их семьи, Женя снова повторила, что не любит ни Андрея, ни того второго. Они просто товарищи, с которыми иногда приятно проводят время. А любовь? „Видите ли, — пустилась Женя в объяснения, — для того чтобы влюбиться, нужен досуг... А мне некогда. У нас в районе сейчас такая ответственная полоса... Ну и дорожишь часами, когда случайно вместе и обоим хорошо... Ведь это совершенно ни к чему не обязывает”.

Я несколько схематизировал события, происходящие в очерке Коллонтай. В нем есть несколько опущенных мною подробностей. Особенно интересно размышление Жени о том, что она вовсе не хотела обидеть свою милую маму или разрушать ее личную жизнь. Андрей маму боготворит. И пусть они любят друг друга. Конечно, теперь ей, Жене, придется переехать в общежитие и это очень печально, потому что мама и Андрей очень заняты на работе, да вдобавок не любят хозяйничать. Когда Жени не будет, то неизвестно, кто им станет готовить обед. В заключение беседы с Коллонтай партийная Женя, все-таки, признается ей, что кое-кого она любит по-настоящему. „Прежде всего и больше всего на свете маму. Такого человека, как она, больше нет. В некоторых смыслах я ее ставлю даже выше Ленина”. Кроме мамы, Женя любит Ленина. „Это очень серьезно, — говорит она. — Я его люблю гораздо больше всех тех, кто мне нравился, с кем я сходилась. За него я тоже могу отдать жизнь. Потом товарищ Герасимов, вы его знаете? Секретарь нашего района. Вот это человек!.. И вот я его люблю. По-настоящему. Ему я всегда готова подчиниться, даже если он не всегда прав, потому что я знаю, что намерения его всегда правильны...”

Очевидно, автора не удивило и не смутило признание юной партийки. Единственное размышление, которое после разговора с Женей пришло в голову Александре Коллонтай (автору исполнился в 1923-м 51 год), изложено в двух последних строчках очерка: „Итак, какова же перспектива такого рода отношений? На чьей стороне будущая правда? Правда всего класса, с новыми чувствами, понятиями, усмотрениями (так!)?”

Судя по меланхолической интонации, писатель, друг Ленина, первая женщина-нарком Александра Коллонтай не видит ничего странного, если такие ситуации, как у Ольги Сергеевны с ее дочкой, станут в коммунистическом государстве повседневными. Весь тон, весь строй книги продолжает призывать: „Дорогу крылатому Эросу!”

Я бы не стал уделять взглядам Александры Михайловны Коллонтай так много места, если бы речь шла только о теоретических мечтаниях. Мало ли кто о чем мечтает! Но тот характер отношений, который возник у Андрея, Ольги Сергеевны и Жени, стал после Гражданской войны весьма распространенным среди партийных хозяев страны. В их жизни, до революции крайне скудной и в сексуальном отношении весьма умеренной, возникли большие перемены. Ольга Сергеевна — человек маленький, но ее более удачливые и более крупные по табели о рангах товарищи быстро сумели извлечь прок из своего нового положения. Заняв квартиры и загородные дома своих классовых врагов, приобретя автомобили и солидные оклады, достойные их высокого положения, старые большевистские кадры принялись обновлять и свои семьи. Они оставили партийных жен и женились на своих секретаршах и молоденьких актрисах. Бухарин и Зиновьев, Енукидзе и Луначарский „открыли сезон”, за ними последовали наркомы, директора трестов, военачальники, крупные чекисты, партийные функционеры. Заборы, отделяющие дачи должностных лиц, в те годы еще не были так высоки, как позднее, и характер жизни партийных нуворисей довольно быстро стал известен широкой публике.

Многое казалось невероятным: обеды на царской посуде с ливрейными лакеями в доме большевистской журналистки Ларисы Рейснер и ее мужа, видного работника ЦК. Или веселое времяпровождение на даче с актрисой Розенель наркома просвещения Анатолия Луначарского¹. Но далеко не

¹ А. В. Луначарский, как известно, кроме прочего был драматургом. Плохим, но плодовитым. Положение наркома позволяло ему повсюду ставить свои пьесы и фильмы по своим сценариям. Очередную историко-революционную драму „Лохмотья и бархат” написал

все осуждали кремлевцев за „широкий” образ жизни и „свободные нравы”. Близкая к ЦК левая интеллигенция, наоборот, спешила перенять формы жизни нового „двора”. Наиболее рьяными подражателями оказались, как это ни странно, люди из окружения Владимира Маяковского: Лиля Брик, ее муж чекист Осип Брик, семья художника Александра Родченко, семья скульптора Антона Лавлинского и еще несколько „левых” художников и режиссеров. Живя в полунищей стране, они тем не менее приобрели привычку одеваться за границей и обставлять квартиры заграничной мебелью, а главное, — переняли у вождей их нравственный комплекс. Через много лет, в 1948-м, художница Е. Лавлинская в своих воспоминаниях так изложила сексуальную мораль своего круга: „Жены, дружите с возлюбленными своего мужа”; „Хорошая жена сама подбирает подходящую возлюбленную своему мужу, а муж рекомендует жене своих товарищей”. О 20-х годах Е. Лавлинская пишет: „Нормальная семья расценивалась как некая мещанская ограниченность. Все это проводилось в жизнь Лилей Юрьевной (Брик. — М. П.) и получало идеологическое подкрепление в теориях Осипа Максимовича (Брика)... „Ревность — буржуазный предрассудок” — для меня это не было фразой. И постоянно, мне в назидание, как пример идейных настроений нового быта Антон (муж Лавлинской. — М. П.) указывал на Лилю и Осипа Брик... Я с невероятным надломом выкорчевывала из себя позорные пережитки гнилого прошлого и заставляла себя дружить с антоновыми возлюбленными. Я была далеко не одна... Варвара Степановна Родченко юродствовала: сама выбирала для Родченко возлюбленных... Хохлова уродовала сына во имя нового быта. А сколько изуродованной молодежи! Целое поколение изломанных людей!”¹

он с таким расчетом, чтобы главную роль исполняла Розенель. Игра посредственной актрисы и сама драма вызвали у зрителей возмущение. По стране пошла гулять ядовитая строфа:

В театре между прочим,
Нарком имеет цель:
Лохмотья дать рабочим,
А бархат Розенель.

¹ Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. Сборник „Московский рабочий”, М., 1968.

Ныне, шесть десятков лет спустя, уже забываются имена тех левых и левейших писателей, журналистов, поэтов, художников, актеров, на кого в 20-х годах Кремль изливал свои благодеяния и кого при этом заражал своим „новым бытом”. Но доподлинно известно, что все эти Брики, Александр Родченко, Демьян Бедный, Михаил Кольцов, Вяч. Полонский, переняв этику верхов, обосновывали ее Марксом и Энгельсом и в числе наставников поминали Александру Михайловну Коллонтай. Даже после того как эта пропагандистка „свободной любви” проштрафилась и была отправлена в качестве первого в мире женщины-посла в Норвегию, а потом в Мексику, ее нравственное влияние в стране сохранилось. Память о ее заслугах перед партией, бывшая дружба с Лениным помогли распространяться ее любовным идеалам. Идея разрушения семьи, отказа от устарелых брачных отношений, изложенная в книгах и статьях Коллонтай, продолжала вербовать себе все новых и новых сторонников в среде провинциальных райкомовцев, профсоюзных деятелей на фабриках и заводах, в среде мелких чиновников из глухомани. От них об идеях „нового быта” дознавались те, кто не только литературных журналов, но и календаря в руках никогда не держал. Узнавали и — спешили не отстать от времени, от столицы.

Способствовало усилению разгула еще одно немаловажное обстоятельство. До революции аборт запрещался законом, но в 1920 году советское правительство аборт разрешило. Был отменен и старый закон о наказании женщин, умертвляющих свой плод. Так разрушено было еще одно препятствие к полной половой анархии. И так же, как призывы другого высокопоставленного партийца Емельяна Ярославского толкали российскую молодежь на отказ от религии, на разгром церквей, так писания Коллонтай объясняли, что, с точки зрения новой власти, жениться в дореволюционном смысле этого слова вовсе не обязательно. Можно жить с женщиной и не беря на себя никаких обязательств. Так проще и легче. И это более в духе времени.

Конечно, далеко не всегда и не всех „новый быт” побуждал к распутству, но стремление к „упрощенному варианту”

в интимных отношениях охватило русскую интеллигенцию задолго до того, как поветрие это коснулось Америки и Европы. „Мы в 20-е годы не женились, а сходились, — рассказывает 75-летняя москвичка, театровед Л. Ж. — Мне было 18, когда я встретила Его. Это случилось в южном городе. Я возвращалась с курорта и мы оба стояли в очереди за железнодорожными билетами. Загорелый, нестриженный, в трусах и выгоревшей рубашке, он мало походил на тех юношей, которых я привыкла видеть в нашем рафинированном, интеллигентном доме. Мой отец был юристом, работал в международной фирме, свободно говорил на нескольких европейских языках. На столике перед его кроватью всегда лежала его любимая „Мадам Бовари” по-французски. Парень же, которого я высмотрела возле билетной кассы, был мужик мужиком. Когда мы познакомились, я узнала, что он только что, пешком с рюкзаком за спиной, прошел несколько сот километров по Крыму и Кавказу. Правда, мой избранник успел уже окончить советский „пажеский корпус” — Коммунистический университет имени Зиновьева в Ленинграде. Этому страстному комсомольцу предстояла впереди большая государственная карьера. Но, конечно, культуры ему явно не хватало. Впрочем, меня это мало тогда беспокоило. Он мне просто нравился. Поезд с юга в столицу шел трое суток. Мы болтали, читали стихи, хохотали по пустякам. На третьи сутки, зашнуровывая ботинок, он пробурчал: „Ну, вот что... Ты выходи-ка за меня замуж”. И мы сошлись. Просто так, безо всяких формальностей. Расписываться в ЗАГС отправились только полгода спустя и то как-то случайно. Надо сказать, что семья наша была изрядно шокирована и испугана, когда я привела моего друга в квартиру. У всех в памяти еще не изгладились первые годы революции, когда такие вот парни „с Марксом в башке и наганом в руке” приходили в дома, чтобы отбирать у „буржуев” жилье, имущество, а подчас и жизнь”.

Ситуация, о которой рассказывает Л. Ж. — Он — пролетарий, а Она — из высших слоев общества — была в 20-х годах настолько распространена, что идеологи даже подвели под нее теоретическое обоснование: „Победители-революционе-

ры имеют особые права на любовь дочерей своих бывших угнетателей. Женщина-аристократка, буржуазка — есть трофей в борьбе народа за власть”. Эта идея легла в основу нескольких пьес и рассказов того времени. Писатели, сочувствующие революции, выводили на сцену матроса-большевика, такого непобедимого героя из народа, в которого влюбляется аристократка или женщина из интеллигентного круга. В пьесе Лавренева „Разлом” в такого вояку влюбляется дочь царского адмирала, замужняя дама. Позднее Николай Погодин повторил ситуацию в пьесе „Кремлевские куранты”: у него фигурируют опять-таки „братишка”-матрос и девушка высокого происхождения. Такие пары возникали также в пьесах драматургов Биля-Белоцерковского и Ромашова. Имея в виду свои особые „классовые права”, муж Л. Ж. говорил ей в начале их супружеской жизни: „Мы должны быть благодарны буржуазии — она воспитала нам хороших жен...”

Жесткое деление людей на классы, столь типичное для Советской России 20-х годов, вызвало у интеллигентов комплекс неполноценности по отношению к простому народу. Л. Ж. вспоминает несколько своих ровесников, молодых интеллигентов, которые считали, что их долг перед партией и революцией жениться на „простых”. Один из таких мучеников классового долга нашел свою подругу в цехе калошной фабрики. Ее родители тоже работали на этой фабрике. Когда отец выпивал лишнее, мать била его по физиономии калошей. Живя в этой семье, молодой зять принимал брань и скандалы своих новых пролетарских родственников, их грубое поведение и грубый язык, как нечто более ценное и достойное, нежели его собственная образованность и деликатность.

В городах идейные „межклассовые” браки очень скоро начали распадаться, так что к середине 30-х годов от них почти не осталось следа. Значительно более глубинные разращения советский „новый быт” произвел в деревне.

За треть века до появления сочинений Александры Коллонтай о „Крылатом Эросе” Лев Толстой, вернувшись из своего Самарского имения, в письме к Владимиру Черткову

заметил, что русский мужик в глубине души каждый случай половой близости считает грехом. Те, кому приходилось знакомиться с русской деревней в первое десятилетие советской власти, ничего подобного не обнаружили. Такие „мелочи“ давно уже за грех никто не почитал. Совсем даже наоборот. Писатель Анна Караваева, считавшаяся знатоком села, описала деревенский мир, в котором сексуальные страсти кипят вовсю. Главный герой повести „Двор“ (1926 г.) „передовой“, вполне советский мужик, поставил целью переспать с недавно приехавшей из города учительницей. По отношению к учительнице мужика мучает комплекс неполноценности: переспать с „ученой“ для него своеобразная возможность самоутверждения и даже классовой мести. Его мечта осуществилась, но, увы, радость победы была безнадежно омрачена: на несколько минут раньше учительница в своей комнате отдалась другому. Этот другой – студент-горожанин. Повалив учительницу на пол, мужик с горечью обнаруживает (простите за натурализм, весьма модный в литературе 20-х годов), что его дама „еще не просохла“, и догадывается, кто был его счастливым предшественником.

Описание адюльтера становится почти обязательной деталью деревенской литературы 20-х годов. Но ни одна из таких сцен не обходится без классовой подкладки. Это тоже обязательное условие эпохи. Если верить художникам пера, в эти годы по сексуальной раскрепощенности советская деревня уже догоняла город. Но, может быть, писатели вводили читателей в заблуждение, выдавая собственную половую перевозбужденность за чувства всего простого народа?

..Летом 1926 года московский литературный журнал „Новый Мир“ направил своего корреспондента А. Яковлева в Самарскую губернию, примерно туда, где когда-то находилось имение Льва Толстого. Тема статьи, которую привез из Приволжских деревень советский журналист, звучала злободневно: „Бабыя доля“. Доля крестьянки, перенесшей Первую мировую и Гражданскую войны, а затем печально знаменитый поволжский голод – не сладка. В результате военных и революционных потрясений женщин в стра-

не оказалось на 4 миллиона больше, чем мужчин. В одном из тех сел, которые навещил Яковлев, их больше на 296 душ. Эти три сотни женских душ — юные и не очень — хотят счастья, хотят любви. А какое у бабы может быть счастье без мужика? Конечно, есть вдовы, которые смирились со своей судьбой. Они мирно растят детей, ведут немудреное хозяйство. Только икона в углу знает о затаенных думах этих страдалиц. Но таких женщин в селе — раз, два и обчелся. Остальные, по словам журналиста, „бунтуют”. Нет, не против советской власти, а против основ нравственности и морали. Конечно, книжек Александры Коллонтай самарские девки не читали, но идеи носятся в воздухе. „Можно и без „собственного” мужчины обойтись; ревность — вздор; свободная любовь даже слаще...” Девкам и бабам известно теперь, что Бога нет, а следовательно нет смысла и в наставлениях священника и родителей. Свободная любовь — это вполне законно в новом свободном государстве рабочих и крестьян.

Итак, женщины „бунтуют”. В селе Т. эти бунтарки ввели „посиделки с прижимками”. Председатель сельского совета рассказывает журналисту: „Трудно узнать девушек. Откровенно зовут парней: „Приходите, у нас прижимки будут”. Допоздна поют и пляшут, потом вдруг кто-нибудь погасит огонь и поднимается дикая возня, поцелуи, объятия. Иногда случается и нечто более серьезное”. Представитель власти не позволяет себе выпадов против политики партии. Деревенский дипломат предпочитает переносить свой гнев на местных девушек. Кто их там знает в Москве, может быть, теперь так и надо...

Корреспондент осведомляется о последствиях „прижимок”. „Как же, бывают, — откликается председатель сельского совета. — Время от времени и дела об алиментах возникают и дела об убийствах новорожденных. Ужасно это легкое, с о в с е м н о в о е (разрядка моя. — М. П.) отношение к женщине у молодежи и у некоторых молодых мужиков. Что с ними (с женщинами) церемониться, когда их так много?” Корреспондент журнала „Новый мир” пытается объяснить читателям: развал нравственности в селе зависит

только от объективных обстоятельств — женщин стало больше, чем мужчин. Обычная послевоенная ситуация. Но его собеседник крестьянин все время напоминает ему, что новые законы, новые нравы, принесенные революцией, играют в разложении деревни немалую роль. В деревне процветает нецерковный незарегистрированный брак, который местные жители называют не иначе, как „кукушкин брак”.

Далеко от Самарской деревни до Урала, но и у жителей уральских те же проблемы. Этнограф по фамилии Харбес между 1924 и 1926 годами собирал на Урале крестьянские частушки. В опубликованном им материале много частушек посвящено новой морали. Вот некоторые из них:

В селе бают — я бродяга,
Комсомольцы — работяга;
Старики бают — подлец,
Комсомолки — молодец.

Мы не любим девок скучных,
Отцам-матерям послушных;
Что-то ноют, что-то ждут,
Замуж сватают — нейдут.

Как же сватают на Урале в эти годы и что там называется замужеством?

Про любовь споем невестам:
Мы без ЗАГСов, без попов,
Будем жить с мыльными вместе,
Сорвем розы без шипов.

Не пойду я по дороге,
Пойду по канавушке,
Стыд, разврат — кричат в народе
Про союз наш с павушкой.

И наконец:

Дровосеки, не рубите
Молодую елочку;
Вы, ребята, не губите
Девку комсомолочку¹.

Интересна точка зрения самого собирателя. Он считает, что стишки эти свидетельствуют о том, что „новые формы советской жизни проникают в народные глубины” и выражает по этому поводу удовлетворение. И хотя уральские мужички, как и самарские, слыхом не слыхали о „крылатом Эросе”, в плане сексуальном у них с советской властью расхождений нет. А если кто и противится свежему партийному слову, то это, конечно же, несознательные „старики” и классовые враги — „попы”.

Ну, а пролетариат? Каково мнение о свободной любви класса-гегемона?

В 1923 году Лев Троцкий собрал в Москве агитаторов, чтобы обсудить положение с рабочим бытом. Бывший наркомвоенмор быстро терял в это время свой политический вес и вынужден был заняться вопросами „культурничества” (термин Л. Троцкого. — М. П.). „Надо признаться, — заявил Троцкий в заключительном слове, — что семья, в том числе пролетарская, расшаталась... Товарищи с большой и понятной тревогой приводили примеры той легкости, с которой разрываются старые семейные связи и завязываются новые — столь же непрочные”. Что же конкретно говорили товарищи агитаторы? Сохранилась стенограмма выступлений этих крупных партийных и советских деятелей, которые дают картину пролетарского быта 20-х годов и в том числе раскрывают подробности сексуальной жизни рабочих².

„Я предупреждаю, — говорил председатель губернского союза текстильщиков Марков, — что на нас надвигается ко-

¹ Хербес. „Быт в деревенском песнетворчестве”. Журн. „Молодая Гвардия” № 8, август 1926 года.

² Л. Троцкий. „Вопросы быта. Эпоха „культурничества” и ее задачи”. М., 1926. Приложена стенограмма выступлений.

лоссальное бедствие... „свободная любовь”. От этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек. Коммунистов потом мобилизовали (очевидно, призвали на фронт или на какие-нибудь экстренные работы, как это тогда водилось. — М. П.) и на иждивении завкома осталось чуть не две тысячи детишек. И если война дала нам массу инвалидов, то неправильное понимание свободной любви наградит нас еще большими уродами...”

Секретарь Московского совета Дорофеев также не склонен скрывать реальное положение вещей: „Революция внесла разложение в семью, многие рабочие озорничают и не так понимают свободу, расходятся со своими женами. А другие так отвечают, что революция произвела какой-то толчок, ударила по семье. Даже среди ответственных работников есть много таких, которые расстались с женами и оставили их с пятью детишками. Таких случаев очень много”.

Заведующая женским отделом Московского комитета партии Цейтлина считает, что „в литературе недостаточно освещаются вопросы отношений мужчины и женщины. Массы чувствуют, что мы замалчиваем этот вопрос... Я знаю агитаторов, которые отвечают (рабочим. — М. П.) по тезисам тов. Коллонтай. И на этой почве растет подбрасывание ребят (детей. — М. П.). Сейчас в Москве это явление является одним из большущих зол”.

Можно заметить, что люди, которых в 1923-м собрал Троцкий, несмотря на свои высокие посты, еще не разучились говорить правду. Они и сами лишь недавно стояли у станков и, в отличие от своих коллег сталинско-хрущевско-брежневской эпохи, не утратили реальной связи с низами. Даже самые крупные партийные бонзы в эпоху еще не до конца умерших коммунистических идеалов могли честно признаться в существовании таких неприятных реальностей советской жизни, как развал хозяйства, безработица, проституция. Старый большевик Емельян Ярославский в 1926 году писал в широко распространенном журнале: „Можно спросить: а в Советском Союзе есть проституция? Да, есть...” По Марксу, Энгельсу и Ленину, быть проституции в государстве с разрушенным буржуазным строем не должно. А вот

есть. И Ярославскому приходится на десятом году революции „разъяснять”: „...Потому что есть разные классы; есть еще буржуазия; потому что есть еще необеспеченный пролетариат; потому что мы не разрешили еще жилищный вопрос, потому что мы не построили достаточного количества детских домов, детских ясель, домов матери и ребенка — поэтому есть проституция...” Отстегнуть проституцию от классовой борьбы он никак не может, и даже, похоже, верит в этот жупел¹.

Двадцатые годы в СССР оставили много опубликованных материалов, по ч т и достоверных. У меня лично вызывает доверие и отчет доктора Д. Ласса, который проанализировал почти две с половиной тысячи анкет, анонимно заполненных одесскими студентами². На основании конкретных цифр, доктор Ласс пытается дать читателю представление о быте советского студенчества и, в частности, о сексуальной жизни молодежи середины 20-х годов. В Одесском (Новороссийском) Университете и в институтах училось в те годы 37,8% крестьян, 30,2% рабочих и 31% представителей так называемой „мелкой буржуазии”, куда причисляли также детей врачей, инженеров и вообще интеллигенции. Основная масса этого рабоче-крестьянского студенчества жила в общежитиях безо всяких удобств, в комнатах по 10—20 человек. Стипендии не хватало на самое насущное. „Сплю у чужих людей, постели нет, сплю не раздеваясь на холодном полу. Питание недостаточное”, — записал первокурсник Института народного хозяйства. „Постоянно недоедаю, сидишь без ужина, без завтрака, часто — один хлеб”, — дополняет его другой. Остальные пояснения к анкете — в том же духе. Однако на половой жизни молодежи все эти трудности как будто не отражались. Каждый пятый студент начинал половую жизнь до 15 лет. Половина студентов обращалась к сексу между 17 и 19 годами. 63% студентов и 49% студенток

¹ Доктор Д. Ласс „Современное студенчество”, журнал „Молодая Гвардия” № 9, сентябрь 1927 г.

² Ем. Ярославский „Мораль и быт пролетариата”, „Молодая Гвардия” № 5, 1926 г.

сообщили, что постоянно имеют „случайные” половые акты. Пятая часть студентов поддерживала половое чувство с помощью алкоголя.

„Революция оказала огромное влияние на семейные отношения”, — пишет доктор Ласс и поясняет, что в свободных, нелегализованных союзах живет 31% женщин и 16,5% мужчин-студентов. Внебрачные половые отношения имеет каждый четвертый женатый студент и немалое число студенток, считающих себя замужними. При этом 23,6% опрошенных студентов находились в половой связи с одним лицом, а 60,7% с несколькими. При всем том среди мужчин только половина — 51,8% признают любовь реально существующей (среди студенток существование любви признает 61%). „Люби, как ее понимает большинство, — нет”, — утверждал студент 3-го курса. „Я вообще не понимаю, что такое любовь”, — вторит ему слушатель Совпартшколы, в сексуальном отношении весьма активный. „Любовь не признаю, понимаю ее, как привычку к человеку”, — резюмирует третьекурсник Одесского пищевого института. На вопрос, какой характер любви им более всего по душе, 85% одесских студентов ответили, что в своих сексуальных устремлениях видят лишь физическое влечение. Среди рабоче-крестьянского студенчества идеи Александры Коллонтай, как видим, получили всеобщее теоретическое признание и практическое одобрение.

То, что доктор Ласс подсчитал в процентах, писатель Сергей Малашкин (1888—1975) показал в художественных образах. Малашкин, с 1906 года член большевистской партии, крестьянский сын, всем сердцем принявший революцию, написал в 1926 году книгу „Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь”. Героиня романа деревенская девушка Татьяна Аристархова приезжает из села в город, чтобы стать студенткой университета. Воспитанная в скромности девушка сталкивается в студенческом общежитии с пьянством и разгулом. Ей объяснили, что только так и должны вести себя молодые строители коммунизма, освободившиеся от власти окаменевших буржуазных догм. Таня принялась догонять своих передовых товарищей. Она сходится

с ответственным партийным работником, потом с другим, тоже партийным и тоже ответственным, затем с третьим. Задолго до окончания последнего курса она уже насчитывает в своем студенческом прошлом... 22 мужа. Позднее Таня перестает вести счет и только замечает между прочим, что во время одной из „афинских ночей” в студенческом общезжитии ее целовали поочередно „шесть дылд”. Бог знает, что уж она имела в виду под словом „целовали”...

В конце концов, в Татьяну влюбляется некий Петр, готовый закрыть глаза на ее бурное прошлое. Происходят в книге и другие душераздирающие события. Но в центре книги не они, а прежде всего афинские ночи, описанные по советским стандартам весьма свободно. Главный организатор этих оргий, студент, раздражается, к примеру, следующей тирадой: „Мы часто наблюдаем, как люди не могут удовлетворить своих влечений, даже в тех случаях, когда со стороны женщины находят не менее яркий ответ. Весь корень зла в идеалистических предрассудках. Любовь красива... до тех пор, пока у двоих есть необходимость друг в друге...” Монолог заканчивается призывом в духе коммунистических лозунгов 20-х годов: „Женщины, вы первые должны быть сторонниками и проводниками новой свободной любви, так как вам нечего терять кроме своих цепей”. Выслушав этот монолог, студенты пускаются в пляс, а полуголый хор их подруг и товарищей с энтузиазмом подхватывает:

„А кто ясли наполняет —
Комсомолки, друзья,
Комсомолки...”

Книга Сергея Малашкина, густо нашпигованная пряными сексуальными сценами, мало чем отличалась от других „молодежных” книг того времени. Внутренняя мысль всех этих произведений сводилась к тому, что победители буржуазии среди прочих завоеваний добились и полной сексуальной свободы. Надо пользоваться ею, не слишком задумываясь о том, что говорят по этому поводу отсталые „старики”. Так думали не только авторы, но и их читатели. Молодые комсо-

мольцы и партийцы гордились своей раскрепощенностью и с презрением (не только в книгах, но и в жизни) говорили о таких буржуазных предрассудках, как прогулки при луне, женская стыдливость, любовные томления и переживания. Дарить женщине цветы по этой доктрине значило обнажать свою буржуазную сущность, а человек, целующий даме руку, ничего, кроме презрения, не заслуживает.

По названию одного из рассказов русского писателя Пантелеймона Романова такая система взглядов, а точнее даже весь период двадцатых годов именовался эпохой „без черемухи”. Рассказ „Без черемухи”, опубликованный весной 1926 года, вызвал у современников шумную дискуссию¹. Рассказик был слабый, но не в литературных достоинствах была суть: автор затронул проблему, которая волновала и младшее и старшее поколение. Автор ратовал за то, что мы теперь назвали бы „любовью с человеческим лицом”. Его героиня, студентка, исповедуется перед подругой в своей первой любви и первом падении. Она влюблена в своего товарища по институту, но ее на каждом шагу оскорбляет скудость его чувств, потребительское, если не сказать животное, отношение к ней. Их беседа подобна разговору глухих. Он не понимает, зачем, идя на свидание, она купила и приколотла к блузке веточку черемухи. Не понимает он и многого другого. „Я ждала только одного, мысленно просила его только об одном, о поцелуе. Мои губы были недалеко от него, но он не догадался об этом”. В заплеванной грязной комнатухе студенческого общежития герой пытается овладеть влюбленной в него девушкой. Он не знает или не хочет ничего знать о ласке и нежности, просто тащит подругу на одну из кроватей, где спят студенты. Он даже не догадывается погасить при этом электрическую лампу. Ей противны грязные постели, запущенная берлога трех молодых самцов. „Я не могу здесь!” – почти со слезами молит она. Но его эти мольбы только раздражают. „Что же тебе нужно? – досадливо спрашивает он. – Хорошей обстановки? Поэзии не хва-

¹ П. Романов. „Без черемухи”. Журн. „Молодая Гвардия”, № 5, 1926.

тает? Так я не барон какой-нибудь...” Наконец он добился своего. Но и после того девушка не услышала от него ни слова ласки, он не одарил ее даже просто дружеским прикосновением. Только торопливо сказал, что ей следует скорее уходить, потому что вот-вот придут домой его товарищи по комнате. „Я как больная, разбитой походкой, потащи-лась домой, — признается девушка своей подруге. — На груди у меня еще держалась обвисшей тряпочкой ветка черемухи”.

Попытки разрушить традиционные отношения мужчины и женщины продолжались в стране все первое десятилетие советской власти. Речь шла уже не о буржуазной, а о вполне рабоче-крестьянской семье. Эти попытки носили не только идеологический, но и юридический характер. В 1926 году комиссариат юстиции выдвинул законопроект о семье. Законопроект обсуждался во ВЦИК. Сторонник идей Александры Коллонтай, старый большевик, наркомюст Дмитрий Курский (1874–1932) сказал, что в интересах государства и общества сделать так, чтобы вступление в брак и выход из него были предельно облегчены, чтобы процедура эта никого ни к чему не обязывала. „Придет время (я глубоко в этом уверен), — заявил на заседании ВЦИК Курский, когда мы приравняем регистрацию во всех отношениях к фактическому браку или уничтожим ее совсем. Регистрация (брака. — М. П.) будет только статистически учитывать это явление”¹. Другой поборник свободной любви, прокурор республики Николай Крыленко (1885–1938), пошел в своем докладе еще дальше: „Он (этот законопроект) делает шаг вперед в смысле приближения к идеалу коммунистического общества, где вообще брачные отношения не должны будут подлежать какой бы то ни было принудительной регламентации”¹.

У закона, крайне упрощающего брачную процедуру, нашлись и противники, но Центральный комитет Комсомола, левые поэты и особенно знаменитый комсомольский поэт

¹ Цитирую по книге Д. Рязанова (Гольдендаха). „Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью”. М., 1927.

Александр Безыменский отвергали любое стеснение на пути свободной любви. В партийном офицозе газете „Правда” Безыменский от имени комсомола опубликовал стихи следующего содержания (привожу в сокращении) :

О, любящие – в строй! Все будьте наготове,
Пусть грянет стук сердец, как барабанный стук;
Сегодня суд вершат над нашею любовью,
Сегодня бой идет простым поднятием рук.
Послав ко всем чертям высокое искусство,
Сегодня я кричу простую мысль мою:
„За Курского! За кодекс Наркомюста!
За новую семью!”
О, женщины, вперед! Каким-то там калекам
Вас хочется загнать в былую клетку вновь,
И вновь надеть ярмо, как получеловекам,
Назвав это ярмо „законная любовь”...

Закон о семье был принят на пороге первого десятилетия советской власти, но он оказался последней победой сторонников „крылатого Эроса”. К этому времени советские вожди уже уяснили для себя, что теория Маркса и Энгельса о семье, призывы Коллонтай к сексуальному раскрепощению приносят большевистскому государству один только вред. Несмотря на разрешение аборт, в стране к десятилетию октябрьской революции официально насчитывалось более полумиллиона детей, которые никогда не видели своих отцов. В действительности таких „безотцовых” было значительно больше. Предсказание классиков марксизма о том, что социалистическое государство станет воспитывать детей на общественный счет, осуществить не удалось. По бедности своей советская держава могла прокормить не более одного процента детей, родившихся в „свободных браках”. Сотрудники народного комиссариата социального обеспечения не знали, что им делать с тысячами подкидышей, а больницы народного комиссариата здравоохранения не могли справиться с десятками пациенток, требовавших сделать им аборт.

В случае любого провала советская государственная система требует ритуальной жертвы. Надо найти виновного и публично наказать его, дабы убедить народ в непогрешимости системы в целом. И виновного нашли.

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИК ДЖОРДЖ ОРВЕЛЛ И ПРАКТИК ИОСИФ СТАЛИН, ИЛИ КАК ЛЮБИЛИ ОТЦЫ (30-е годы)

В отличие от эпох более поздних, 20-е годы были в СССР временем, когда о проблемах пола писали и говорили довольно свободно. Более того, в течение двух лет (1925–26) в стране происходила полемика на эту тему. На страницах „Правды”, „Известий”, „Комсомольской правды” и журнала „Под знаменем марксизма” выступали ведущие деятели партии, комсомола, правительства. Среди тех, кто писал в эти годы статьи, „за” и „против” свободной любви были член ЦК партии Емельян Ярославский (Губельман), член президиума ВЦИК Петр Сидович, нарком просвещения Анатолий Луначарский, нарком здравоохранения Николай Семашко, основатель и первый директор института Маркса-Энгельса Дмитрий Рязанов (Гольдендах) и многие другие бойцы ленинской гвардии.

Сперва верх в дискуссии взяли левые. Они снова и снова поминали разрушительные взгляды Маркса и Энгельса на семью, ссылались на заслуженную свою соратницу Александру Коллонтай и требовали, чтобы советская власть раз и навсег-

да вогнала осиновый кол в самое понятие „семья”. Старый большевик Петр Смидович (1874—1935) несмело попытался возразить в том смысле, что буржуазную семью, конечно, разрушать надо, но как бы нам не сесть в лужу, разрушая семью пролетарскую. Опасаясь, однако, что его сочтут недостаточно верным марксистом, Смидович разъяснил, что само собой разумеется, в будущем, после окончательной победы социализма во всем мире, семья, как и предсказали классики марксизма, отомрет. Но пока следует, наоборот, укреплять ее, хотя бы из-за того, что у советского государства нет достаточно средств, чтобы содержать прижитых в „свободной любви” детишек. Пока это должна делать семья. В довольно корректной форма Петр Гермогенович Смидович призывал советских граждан угомониться, напоминая, что кроме любовных утех своих граждан рабоче-крестьянское государство имеет и другие нерешенные вопросы¹.

На обращение ответственного сотрудника ВЦИК советские граждане разразились потоком негодующих писем. Времена были еще сравнительно либеральные и письма печатались в „Правде”, хотя кое-кто из авторов предлагал проекты, оставляющие далеко позади даже мечтания Коллонтай. Отвечая Смидовичу, читатель „Правды” Ч-нов, с удовлетворением и как будто даже со злорадством, указывал: „В городе, вопреки всем моральным окрикам, семья распадается у нас на глазах и будет распадаться чем дальше, тем быстрее... Анархия в половых вопросах ширится... А иллюстрацией к разговорам о государственной необходимости в области деторождения может служить волна абортот, с которой не могут справиться учреждения наркомздрава”. Читатель Ч-нов, как и многие другие, не видел в половой анархии никакой беды. Он был „твердый” марксист и противник моральных окриков.

Приняла участие в дискуссии и Александра Коллонтай. Ее основной аргумент состоял в том, что большинство мужчин в СССР — бедны и не могут платить алиментов на своих случайно прижитых детей. Если мужчины из-за боязни алимен-

¹ П. Г. Смидович. „О любви”. Газ. „Правда” № 67, 1925.

тов станут избегать близости с женщинами, это снизит их половую активность. Допускать этого нельзя. Дабы крылатый Эрос мог и впредь парить беспрепятственно, Коллонтай предлагала следующий проект. Надо, чтобы государственные власти собрали страховой фонд на содержание внебрачных детей. Если каждый взрослый гражданин СССР внесет в этот фонд всего лишь два рубля в год, сумма составит 120 миллионов рублей. Денег вполне хватит для того, чтобы прокормить всех потенциальных подкидышей. Благодаря такому фонду не пострадают ни интересы государства, ни интересы любящих граждан¹.

Противники Коллонтай столь же серьезно отвечали ей, что советское государство в настоящее время стремится снижать налоги на население. Особенно в деревне. Поэтому еще один новый налог нежелателен. Кроме того, наиболее консервативная часть населения — крестьяне, будут недовольны „любовным налогом”, да и пролетариат едва ли с восторгом примет такое государственное начинание.

Однако чем дальше развивалась эта странная дискуссия, тем явственнее становилось, что сила за элементами умеренными, за теми, кто предпочитает видеть любовь и секс в формах традиционных. Можно предположить, что руководители партии и государства за десять лет пребывания у власти уже поняли, что Марксовы предсказания и рекомендации в области секса едва ли благодетельны для молодого государства. Капиталистические формы сексуальной жизни как-то упорно не желают уходить в прошлое, а социалистические — не торопятся проявить себя. „Посмотрите, что делается вокруг нас, в государстве, где власть находится в руках пролетариата, — подобно Иову взывал старый большевик Д. Рязанов (Гольдендах). — Острое чувство горечи и стыда охватывает каждого из нас, когда на десятом году пролетарской революции мы все еще видим картину глубокого унижения женщины, вынужденной продавать свое тело и душу, чтобы жить”².

¹ Статья А. М. Коллонтай в „Комсомольской правде” от 2 февраля 1926 года.

² Д. Рязанов (Гольдендах). „Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью”. М., 1927.

Действительно, неладно как-то получалось: пролетариат, который основоположники марксизма объявили самым высоконравственным классом в истории человечества, пролетариат, чья мораль со временем должна была стать всечеловеческой, на поверку оказался того-с, с гнильцой. Проституция в Советском Союзе упорно не исчезала и даже расцветала. Пролетарки в больших городах охотно пополняли ряды „падших ангелов”. Ссылки на всеобщую разнузданность буржуазии и высокую мораль пролетариата трещали по швам и это глубоко огорчало директора института Маркса-Энгельса и главного толкователя марксизма в СССР, старого большевика Дмитрия Рязанова (Гольдендаха).

Но и Рязанов и его коллеги не могли помыслить, чтобы вина за несбывшееся пророчество пала на основателя марксизма или даже на пролетариат. Тем более, не желали они хоть какую-нибудь долю вины принимать на себя. Сила большевизма в том и состоит, что марксизм — единственное, не терпящее ревизии, всегда правильное учение, а советская политическая система — абсолютно идеальна. Виновника массовой проституции и повальной разнузданности граждан страны социализма следовало искать где-то помимо советской системы. Его искали и нашли. Во всем виноваты не до конца еще добитая буржуазия и буржуазная идеология. Это она, буржуазная идеология, привела к половому разгулу. Так сказал член ЦК партии Емельян Ярославский. Его поддержали нарком здравоохранения Николай Семашко и нарком просвещения Анатолий Луначарский. Все они ссылались при этом на авторитет товарища Ленина.

Самого Ленина к этому времени уже не было в живых. Пятидесятичетырехлетний вождь умер в начале 1924 года от сухотки спинного мозга (табес дорзалес) — заболевания, которое определяется в учебниках как „поздняя форма сифилитического поражения нервной системы”. Ленин умер, но точка зрения вождя-сифилитика на проблемы пола сохранилась. Немецкая коммунистка Клара Цеткин опубликовала взгляды Ленина на эту область в своих воспоминаниях 1925 года. По словам Цеткин, Ленин в беседе с ней произнес следующее: „Несдержанность в половой жизни — буржуазна,

она признак разложения. Пролетариат — восходящий класс... Он черпает сильнейшие побуждения в борьбе, в положении своего класса, в коммунистическом идеале”¹. По мнению Ленина, пролетариат, таким образом, н и к а к н е м о ж е т с т а т ь источником половой несдержанности. О крестьянах и говорить нечего: они, конечно, собственники, но во всем остальном люди рассудительные. Буржуазия и ее идеология — вот единственные подлинные носители зла, от которого страдает население Советского Союза на десятом году революции.

Такой вывод вполне устраивал старых большевиков Ярославского и Семашко, Преображенского и Смидовича, Рязанова и Луначарского. Воспоминания Клары Цеткин полностью освобождали коммунистов от пятна, которое вот-вот готово было на них пасть. Но кто же главный носитель буржуазной идеологии в СССР? Воспоминания Цеткин давали исчерпывающий ответ и на этот вопрос. Оказывается, Ленин с самого начала был противником идей „свободной любви”. Правда, он называл это иначе, но не в терминах суть. К. Цеткин очень недолюбливала Коллонтай и в обоснование своей антипатии привела следующий монолог вождя: „Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовные потребности так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды” наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась. Эта теория стала злым роком многих юношей и девушек... Я считаю знаменитую теорию „стакана воды” совершенно не марксистской и сверх того противообщественной... Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое и возникает третья жизнь. Здесь кроется

¹ Клара Цеткин. „О Ленине”. 1925. Цитирую по книге „Воспоминания о Ленине” в 2-х томах. М., 1957, т. 2, сс. 483—484.

общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу”.

Свидетельство Клары Цеткин о взглядах Ленина на любовь пришлось в 1925—1926 годах как нельзя кстати. И те, кто находились в это время у власти, и те, кто боролись за власть, немедленно использовали ее свидетельство. Тут же были приняты и организационные меры: Коллонтай, которую за ее прошлые грехи в 1923-м отправили послом в Норвегию, теперь, в 1926-м, загнали на противоположный конец планеты, представителем СССР в Мексике. Другого поборника „свободной любви”, Курского, вскоре также освободили от обязанностей наркома юстиции и определили послом в Италию. Вывалился из политической тележки и прокурор республики Крыленко.

Мысли Ленина о сексе, которые оказались столь своевременными во второй половине 20-х годов, логикой и последовательностью не блистали. Если, как писал Ленин в 1913-м, женщины из трудовых классов вынуждены были торговать собой по нужде, толкаемые на проституцию проклятым капиталистическим строем¹, а буржуазия (Ленин, письмо к Инессе Арманд²) склонна к разврату по самой своей классовой сути, то почему же после пролетарской революции протитутток в стране стало не меньше, а больше? И отчего „взбесилась” молодежь, трудовая советская молодежь? Капитализм в советской России разрушен, ненавистных Ленину буржуазок и след простыл: кого убили, кто эмигрировал. А

¹ В. И. Ленин. „Капитализм и женский труд”. Собр. соч., 5-е изд., т. 23.

² В январе 1915 года близкая приятельница Ленина Инесса Арманд сообщила ему, что собирается писать труд по женскому вопросу. Ленин прочитал проект будущей книжки и вознегодовал: „По поводу Вашего плана брошюры я нахожу, что требование „свободной любви” неясно и, независимо от Вашей воли и желания, является в современной общественной обстановке буржуазным, а не пролетарским требованием... Вы совершенно забываете объективную и классовую точку зрения”. Классовая точка зрения состояла в том, что буржуазки по природе более развратны. Пролетаркам же свободная любовь не нужна.

тем, что остались в СССР, надо полагать, не до секса: в первой половине 20-х годов советская власть разгромила примерно 2.250.000 „буржуазных” семьи. Два с половиной миллиона женщин из таких семей заключены в лагерь или сосланы в самые глухие углы страны¹. Но почему-то именно в эти годы достигает апогея всероссийский разврат. Так что концы с концами у вождя номер один никак не сходятся.

И потом, не странно ли, что теория „стакана воды” (именно т е о р и я!) покачнула нравы целого народа? Ведь Маркс как будто утверждал нечто прямо противоположное, что БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ, то есть условия жизни общества формируют взгляды и поступки народа, а вовсе не наоборот. На эту „мелочь” в суждениях Ленина никто в 1925 году внимания не обратил. Большевиков, наследников Ленина, вполне устраивала версия Клары Цеткин о том, что вождь подходил к сексуальной жизни народа как моралист, он отвергал свободную любовь из нравственных принципов. Между тем, хорошо известно, что моральный подход к общественным проблемам был полностью чужд вождю революции. Он сам разъяснял юным борцам за советскую власть на Третьем съезде Комсомола в 1920 году: „Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем... Мы говорим: нравственность, это то, что служит разрушению эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созданию нового общества коммунистов. Коммунистическая нравственность, это та, которая служит этой борьбе, которая объединяет трудящихся против всякой эксплуатации”.

Что же касается „свободной любви”, то она отталкивала и даже пугала вождя по мотивам только п о л и т и ч е с к и м. „Свободная любовь”, да и вообще всякая половая любовь, содержала тот элемент своеволия, неподчиненности, личной свободы, которые шли вразрез с основной ленинской идеей. В борьбе за власть он создал тоталитарную партию, в которой никто не смел „рассуждать”, никто не имел права на независимые взгляды. Та же тоталитарная идея лежала в осно-

¹ Проф. И. А. Курганов. „Женщина и коммунизм”. Нью-Йорк, 1968.

ве задуманного им государства. Большевики с первых дней потребовали от народа полного политического и духовного подчинения. Каждый случай неповиновения они рассматривали как бунт и подавляли как бунт. Именно это — страх перед свободой и в том числе страх перед свободой половой и прозвучал в беседе Ленина с Кларой Цеткин. Был там среди прочего такой пассаж: „Вы ведь знаете молодого товарища XYZ, — спросил он в ходе беседы. — Прекрасный высокоодаренный юноша! Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой...”

„Не поручусь за надежность и стойкость...” — вот в чем для Ленина гвоздь вопроса. Моральные аспекты любви, любовь как личное неповторимое чувство его меньше всего интересовали. И те, кто схватились за воспоминания Клары Цеткин в 1926-м и подкрепляли словами вождя свой протест против „свободной любви”, тоже не о морали и не о любви думали. В личной жизни они и сами были не прочь полакомиться, но их, как и Ленина, пугала всякая неуправляемость народных масс и в том числе неуправляемость, выданная сексуальной свободой. Дискуссия по половым вопросам нужна была руководителям страны также как средство ущемить соперников в борьбе за власть. Борьба в Кремле кипела в те годы нешуточная. До полного владычества Сталина оставались считанные годы. Те, кто стремились закрутить потуже сексуальные гайки, и те, кто надеялся одарить Эрос еще более мощными крыльями, в общем думали только о своей власти. В конечном счете, однако, вся их борьба послужила лишь к тому, что Сталин взял в руки вожжи, причем часть участников дискуссии была отстранена от власти, а другие — уничтожены.

Интересно, однако, напомнить, что еще прежде чем в стране укрепился сталинский режим, задолго до того, как секс стал объектом активного преследования и притеснения,

в Советском Союзе уже появился теоретик „государственной” антисексуальной политики. Врача-психиатра А. Б. Залкинда с первых лет революции охотно принимали в самых высоких сферах. Он был своим человеком в домах Бухарина и Зиновьева, в кремлевской квартире Демьяна Бедного, у Луначарского. Частично это было связано с тем, что еще до революции доктор Залкинд оказал большевикам какие-то услуги, как это часто делала московская и петербургская интеллигенция. Но главная его заслуга перед новой властью заключалась в том, что Залкинд являлся домашним врачом-сексологом многих кремлевцев и, как говорят, помогал им разрешать их половые проблемы. Такая помощь стала особенно насущной после того, как вожди сменили своих немолодых уже жен-подпольщиц с дореволюционным стажем на молоденьких секретарш и актрис.

Доктор Залкинд был человеком живым, острым, печатался в газетах, откликался на злобы дня. А, главное, внимательно следил за направлением политического ветра и всегда оказывался с большинством. В пору торжества идей „свободной любви” он был самым горячим приверженцем Александры Коллонтай. Но когда сексуальные страсти в Москве стали охлаждаться и Коллонтай потеряла политический вес, доктор Залкинд, специалист по вопросам пола, опубликовал книгу, в которой разъяснил гражданам Советского Союза, как именно им следует развивать свою интимную жизнь в связи с переменой политики партии и правительства. Его произведение „Половой вопрос в условиях советской общестственности” ставило своей целью устремить силы народа на построение социализма в одной, отдельно взятой стране. Можно даже сказать, что произведение это было научным развитием идей товарища Ленина относительно общественной ответственности мужчин и женщин, находящихся в половом общении.

„Половой элемент насквозь пронизал собой всю современную художественную литературу, почти весь театр, всю живопись, всю скульптуру... внедрился в одежду, в движения, в мебель, в мимику, в речь”, — с огорчением писал

доктор Залкинд во вступлении к книге¹. И тут же переходил к основной идее своего произведения. „В интересах революции максимально организовать социальную энергию, — писал он, — а не отдавать ее во власть существующему хаосу. Половая же область уже похитила изрядную часть этой общей социальной энергии”. Как видим, в любви доктора Залкинда интересует в основном энергетический аспект. В то время как партийные власти объявили о борьбе за „режим экономии” во всех областях народного хозяйства, сексолог-коммунист также не остался в стороне от решения общесоциальных задач. Что же он предлагает в плане общегосударственного полового „режима экономии”?

„Надо создать такую среду, — пишет он, — в которой была бы невозможна неограниченная растрата классового энергетического богатства... Ненужных половых желаний истинный гражданин пролетарской революции не должен иметь. Если же они у него появляются, все элементы окружающей среды (требования производства, общественно-классовое мнение, партэтика, профэтика, классовая дисциплина) должны их пресечь в корне, затормозить, перевести на другие классово-творческие пути”. Доктор уверен: „Для революционного класса, класса борца и строителя, не безразлично, какова половая жизнь его сочленов... Он заставит половую жизнь войти в полезное для класса русло”.

Доктор Залкинд намечает целую систему мероприятий, с помощью которых впавшее в хаос половых излишеств советское общество может обновить себя, бросив освободившиеся силы на строительство социализма. Он не сомневается в том, что у большевистского государства найдутся средства, чтобы половую любовь пролетариата надлежащим образом „вести в рамки” и использовать с выгодой для народной экономики.

Итак, что же должен и чего не должен делать советский гражданин в своей спальне? Вот некоторые тезисы доктора Залкинда:

¹ А. Б. Залкинд. „Половой вопрос в условиях советской общест-венности”. С предисловием автора. „Два года дискуссии по полово-му вопросу”. Л., 1926.

„Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата”, „Необходимо половое воздержание до брака”. „Половой акт не должен часто повторяться”. „Не надо часто менять половой объект, поменьше полового разнообразия”. „При всяком половом акте надо всегда помнить о возможности зарождения ребенка”. И наконец: „Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства...”

Доктор Залкин противник „хрупкой женственности”, которая, по его мнению, является „результатом тысячелетнего рабского положения женщины”. Он полагает, что „физиологически женщина современного пролетариата должна приближаться к мужчине. Нужно добиться такой гармонической комбинации физического здоровья и классовых творческих ценностей, которые являлись бы наиболее целесообразными с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата”. Кроме этого врач-сексолог считает, что в стране победившего пролетариата „не должно быть ревности”. „Хуже всего, — писал он, — что в ревности ее основным содержанием является элемент грубого собственничества. „Никому не хочу ее (его) уступать”, что уже совершенно недопустимо с пролетарско-классовой точки зрения”.

И вот, наконец, решающий, двенадцатый по счету, тезис партийного сексолога: „Класс в интересах революционной целесообразности имеет право вмешиваться в половую жизнь своих сочленов”. Вспомним: марксист Август Бебель в конце XIX века в книге „Женщина и революция” клятвенно уверял, что пролетарская революция означает для женщины и мужчины полную свободу их отношений. „Удовлетворение половой потребности — такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности. Никто не должен отдавать в этом отчет другому”¹.

¹ Август Бебель. „Женщина и социализм”. Одесса, 1905, с. 354.

Ан, нет! Доктор Залкинд на пороге сталинской эпохи уловил совсем другую тенденцию власти и выразил эту тенденцию в партийно-медицинских терминах: „индивидуально-половое должно всецело подчиняться регулирующему влиянию класса”.

О том, что личная жизнь в советском обществе и в том числе семья, любовь, воспитание детей должны подчиняться государственным интересам, Сталин впервые публично заявил еще в 1923 году. В журнале „Коммунистка” он, в частности, писал: „Работницы и крестьянки... могут искалечить ребенку душу либо дать нам здоровую духом молодежь... в зависимости от того, сочувствует ли женщина-мать советскому строю или она плетется в хвосте за попом, за кулаком, за буржуазией”¹. Десять лет спустя, окончательно захватив вожжи единовластия, Сталин осуществил жестокий контроль над личной жизнью миллионов мужчин и женщин.

Началось все совсем неприметно. Под новый 1932 год, когда советские граждане, в чаянии предстоящего праздника, метались в поисках водки и закуси (время было голодное), в газетах появилось сообщение, которое, надо полагать, мало кого в тот момент заинтересовало: Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли решение ввести в стране паспортную систему. Паспорта, как писалось, будут вручены только горожанам. Мера эта необходима для „улучшения учета населения городов, рабочих поселков и новостроек”. Почему следовало учитывать население городов, а крестьян оставить без учета, газеты не объясняли. И уж совсем в те декабрьские дни 1932 года никому в голову не могло прийти, что паспорта имеют какое-нибудь отношение к сексу, к судьбе влюбленных.

Сталинская акция с паспортами главной своей целью имела прикрепить крестьянина к земле. Миллионы мужиков бежали от коллективизации в города. По примерным подсчетам с 1928 по 1932 год ушло из села 20–25 миллионов. Ча-

¹ Журн. „Коммунистка”, № 11, 1923. И. Сталин „К пятой годовщине первого съезда работниц и крестьянок”.

стично Сталина это устраивало: мужики бежали на стройки и заводы, туда, где шло восстановление промышленности и нужны были рабочие руки. Но вождь не хотел допускать стихийности в уходе крестьян с земли. Новый порядок разрешал жить в городах только тому, кто имеет паспорт. Мужик не мог теперь убежать из колхоза по собственному желанию. Получить паспорт он мог лишь с разрешения начальства, которое по своему усмотрению регулировало население городов.

Очень скоро выяснилось, что паспорт роковым образом влияет не только на жизнь сельских, но и городских жителей СССР. В документе этом значился адрес владельца, по которому он прописан, таким образом, обязан жить, стояла печать, обозначающая, с кем гражданин (гражданка) состоит в браке, есть ли у него (у нее) дети и когда они родились. Взяв в руки паспорт, милиционер (а он, по советскому закону, в праве у любого гражданина в любой момент потребовать предъявления документа) сразу узнавал всю вашу подноготную. Милиция получила указание следить за тем, чтобы граждане не нарушали паспортного режима, то есть чтобы паспорта были прописаны по строго определенному адресу и владельцы документов пребывали во вне рабочее время по месту прописки. Стало невозможно, без специального на то разрешения, жить непрописанным в квартире своих друзей или знакомых и даже родных. Никто не мог остаться на ночь в квартире своей возлюбленной. Советская милиция обрела таким образом функцию полиции нравов. В России, где доноительство — издавна любимое занятие граждан, паспортная система открыла великолепные возможности для сведения личных счетов. „У нее ночует непрописанный” — этих слов в 30-е годы (и позднее в 40-е, 50-е и в 60-е годы) было достаточно, чтобы милиция среди ночи могла ворваться в квартиру и учинить проверку паспортов. Обнаруженного „непрописанного” в таких случаях вводили в милицейский участок, чтобы составить протокол.

Если возлюбленные не состоят в браке, то их прилюдно позорят перед соседями. Если же обнаруживается, что в паспорте одного из них имеется печать о нерасторгнутом браке,

то дело приобретает характер более серьезный. Милиция „сигнализирует“ потерпевшей стороне — обманутому мужу или жене, а также извещает администрацию того учреждения, где работает задержанный. Такой сигнал по традиции приводит к тому, что у любовников возникает цепь неприятностей на работе.

Паспортная система (и все вытекающие из нее последствия) не только не были отменены после смерти Сталина, но, наоборот, обросли новыми ограничивающими граждан дополнениями и распоряжениями. А в августе 1974 года последовало постановление Совета министров СССР, которое снова подтвердило положение о паспортах. Подкреплена паспортная система была и юридически. Нарушителю паспортного режима грозит ныне уголовное преследование (статьи 196—198 Уголовного кодекса РСФСР). Так что при желании любовники, обнаруженные в постели не по месту их прописки, в законном так сказать порядке могут быть осуждены на год концентрационных лагерей! Но я забежал вперед. Вернемся к истокам, в 30-е годы.

Один из тех немногих людей на Западе, кто уловил дух и стиль сталинской эпохи, был английский писатель Джордж Орвелл. В романе „1984“ (действие разворачивается в большевизированной Англии, которая в 1984 году оказалась окраиной Советского Союза) Орвелл среди прочего рассказывает о той враждебности и подозрительности, с которыми тоталитарное государство относится к интимным отношениям двоих. В орвелловском (читай в советском) обществе молодежь обязана вступать в антисексуальные лиги. В этих лигах проповедуется отказ от плотских отношений, ибо девушки и молодые люди обязаны все силы отдавать любимому государству.

В Советском Союзе 30-х годов антисексуальной лиги не было, но весь характер сталинского общества был предназначен для подавления сексуальных стремлений. Вот типичная история тех лет. Старые жители Москвы хорошо знали фамилию Дорлиак. Мать и дочь Дорлиак были известными певицами (мать — профессор Консерватории), а сын блестящий актер. Современники оставили теплые воспоминания

о Дмитрие Дорлиаке. Отпрыск старинного французского аристократического рода, он поражал современников своими манерами и изяществом. „Он был прекрасным товарищем, верным, добрым и щедрым, — пишет о нем один из сотрудников театра имени Вахтангова, где работал Дмитрий Дорлиак. — К женщинам относился он с большой нежностью, с искренней и глубокой почитательностью, в наш век странной и редкой”¹. И вдруг карьера этого актера, одинаково успешно игравшего в театре и кино, оборвалась. Дорлиак не был женат. В 1933-м году, играя в фильме „Пламя Парижа”, он влюбился в красивую киноактрису Антонину Максимову. Роман, очень бурный и болезненный для обеих сторон, окончился разрывом. Отношения молодых людей подверглись огласке в кинематографической среде. Начальство потребовало от Дмитрия, чтобы он женился на Максимовой. Тот отказался. Тогда в дело была пущена газета „Кино”, которая опубликовала статью „Пошляк из театра Вахтангова”. Автор статьи описывал несчастную судьбу покинутой Антонины, а поведение Дмитрия Дорлиака клеймил как „недостойное новой социалистической морали”. В Советском Союзе статья в партийной газете — всегда знак официального недовольства. Поэтому вслед за выступлением „Кино” начальник всей сталинской кинопромышленности Борис Шумяцкий издал приказ, в котором запрещал всем киностудиям всех республик СССР (их было тогда одиннадцать) „приглашать для участия в кино съемках артиста театра имени Вахтангова Д. Л. Дорлиака ввиду его безнравственного, недопустимого для советского артиста поведения”².

Приказ был широко опубликован. Кроме вторжения в личную жизнь актера документ этот лишил Дмитрия Дорлиака возможности зарабатывать в кино: его никогда больше не приглашали сниматься в фильмах, несмотря на успех его прошлых картин.

¹ Юрий Елагин. „Укрощение искусств”. Нью-Йорк, 1952, с. 189.

² Там же.

Право хозяйничать в самых интимных сферах гражданства узурпировали в сталинскую эпоху не только наркомы, но и лица значительно более скромного общественного положения. И не только лица, но безличные коллективы. Ленинградский актер и режиссер Д. М. рассказывает: „В 1930 году наш Первый рабочий театр Пролеткульта готовился ехать на гастроли в город Иваново. Мы придавали поездке большое значение: Иваново — город ткачих, город пролетарский. И вдруг перед самым выездом стало известно, что Анна Ефремова, красавица-актриса, исполнявшая роль первых героинь во всех наших спектаклях, беременна. Мы как-то раньше не замечали этого, а тут сразу стало ясно: скрыть Аннин живот на сцене не удастся никак. Было срочно собрано профсоюзное или, как тогда говорили, производственное собрание. На повестке дня стоял один вопрос: делать или не делать аборт товарищу Ефремовой. Сотрудники проголосовали единогласно: аборт делать немедленно. Выступавшие твердо заявляли: этого требуют интересы театра, интересы пролетарского зрителя. Я тоже голосовал за аборт, — вспоминает режиссер Д. М. — Таково было требование момента. Мы вручили Ефремовой протокол, и на следующий же день она отправилась в больницу. Роль производственного коллектива была очень высока: молодая женщина не решилась послушаться „голоса коллектива“.

О том, что собрания в раннюю пору сталинского владычества часто занимались такого рода проблемами, я знал и от своей матери. В начале 30-х она училась в Педагогическом институте в Ростове-на-Дону. Благодаря своей ортодоксальности и общественной натуре она все время занимала посты старосты курса, профсоюзного организатора и т. д. В этом качестве служила она среди студентов проводником партийно-государственных мероприятий. Очень активно вела она себя на всякого рода собраниях. Я был в те годы ребенком и запомнил мамин рассказ (она разговаривала со своей сестрой) об одном из таких студенческих собраний. Обсуждался вопрос о том, что в городском парке культуры и отдыха „студенческий патруль“ обнаружил студентку, которая вместо того, чтобы штудировать Маркса и Ленина, „разводи-

ла поцелуйчики с женатым гражданином”. Студентам предложено было заклеить девушку, чье поведение было объявлено аморальным и даже социально опасным. Ставился вопрос о том, что ее необходимо исключить из института. Но моя мать предложила другой вариант. „Надо три раза в неделю посылать девушку в цех завода сельскохозяйственных машин в качестве уборщицы. Эта работа в пролетарской среде ее нравственно оздоровит”. Моя активистка-мать не сама придумала такое наказание. Жизнь тех лет направлялась партийными лозунгами, а лозунги требовали, чтобы молодежь поменьше занималась „личным”, а все силы отдавала „общественному”. Работа на заводе, на стройке объявлялась занятием наиболее достойным, целительным лекарством от всех социальных и нравственных бед.

Точно так же устами своих писателей, журналистов, политических деятелей эпоха 30-х годов, эпоха Сталина объявляла грубую рабочую одежду красивой, а хорошо сидящий на человеке костюм красивой расцветки – подозрительным: такой костюм вызывал у окружающих сомнение, не обуржуазился ли его владелец. Этот насильственный эстетический сдвиг должен был оправдать нищету граждан и пустоту на полках магазинов готового платья. Кусок красивой материи оставался для девушки тех лет чаще всего недостижимой мечтой. Основной одеждой так называемого „периода реконструкции” стал черный или серый сатиновый „ватник” – одинаковая для мужчин и женщин куртка, простеганная для тепла ватой. Такого рода одежда скрывала женские формы и как будто специально предназначалась для того, чтобы мешать молодым мужчинам и женщинам видеть красоту и изящество друг друга.

Существовал еще один вид массовой одежды, как и у Орвелла, одинаковый для юношей и девушек – юнгштурмовка. Это была гимнастерка военного покроя цвета хаки с карманами на груди. Юнгштурмовки носили с поясом и портупеей. Одежда эта была заимствована у немецких коммунистов. У советских комсомольцев она служила одно время парадной формой. Пояс и портупея еще более освобождали женщину от ее природных черт и наклонностей. В военном

мундире естественнее маршировать и петь походные песни, нежели читать лирические стихи и целоваться при Луне. В сталинском антиэстетизме, в насильственном сокрытии женской привлекательности несомненно содержалась доля политического расчета. Это была все та же ленинская антипатия к независимой, неслиянной личности. Для целей Ленина и Сталина нужен был человек в строю, некто неразличимый в толпе, человек в ватнике и юнгштурмовке. Антиэстетика сталинской предвоенной эпохи метила прямо против любовного и ч н о г о чувства, которое индивидуально по самому своему определению.

Приходится признать, что пропаганда, объявившая красивую одежду и украшения „буржуазным пережитком”, имела в 30-е годы успех. Человек в изящной одежде в толпе ватников стал ощущаться как чужак. А понятие „чужой, непохожий — значит враг” издавна бытовало в российском сознании. Сталин оседлал эту идею. Помню, как в 1935 году из Палестины приехала сестра моего деда и одарила родственников своими яркими красивыми платьями. Одна из моих юных кузин получила вечерний туалет с открытыми плечами. Когда она одела его, все мы с изумлением увидели, что перед нами совсем другая девушка — прелестная и привлекательная. Сначала заграничные подарки привели родственников в восторг, но вскоре женщины приуныли: когда и где носить эти шикарные наряды? На работу нельзя — в буржуазности обвинят. На улице появляться в заграничном тоже не стоит — на грубость нарвешься. Оказалось, что носить все эти платья можно только дома.

Антипатия к красивой одежде продолжалась в течение всей первой пятилетки (1928—1932) и несколько лет после того. Затем Сталин в очередной речи объявил, что „жить стало лучше, жить стало веселей”. Какой-то поэт сочинил тут же соответствующие стишки:

„Можно галстук носить очень яркий
И быть в шахте героем труда”.

Новость о том, что галстук более не является результатом

буржуазного влияния достигла советское общество в 1935–1936 годах.

Введение любви „в рамки” продолжалось, однако, не только в сфере одежды. Главный удар был обрушен на такие возбуждающие сексуальное чувство сферы, как литература и музыка. В „период реконструкции” плотская любовь исчезла из книг советских писателей. Ее место заняли в романах производственные споры и подробности технологии. В те годы в СССР ходила шутка: герои производственных романов так заняты выполнением и перевыполнением планов, что после рабочего дня и партийных собраний, растянутых на пятнадцать страниц, для любовных утех у них попросту не хватало ни сил, ни желания...

Но сталинские цензоры пошли дальше. На пороге 1930 года под запретом оказалась вся любовная лирика. Томики лирических любовных стихов старых и современных поэтов как ветром сдуло с прилавков советских книжных магазинов. Остракизму подвергся Тютчев, перестали печатать лирику Осипа Мандельштама и Анны Ахматовой. Пришлось перековываться даже Иосифу Уткину, автору сильных стихов о плотской любви. Его сборник 1931 года уже назывался „Публицистическая лирика”. Под запретом оказалась и лирическая поэзия талантливого поэта Сергея Есенина. Позднее об одном как-то проскользнувшем в печать сборнике лирики Сталин с презрительной насмешкой сказал, что стихи эти следовало издать в двух экземплярах, чтобы вручить Ей и Ему – поэту и его любимой. Никому больше, по мнению вождя, любовные чувства поэта не интересны.

Пренебрежение любовью стало государственной модой. Только в фельетонах еще порой Илья Ильф и Евгений Петров могли себе позволить напомнить о том, что такое пренебрежение выглядит как-то странно. „В изящной литературе, – писали они, – эти факты почему-то замалчиваются. Будущий исследователь, может быть, никогда не узнает, как обьяснялись в любви в 1932 году... Нет о любви сведений ни в суперпроблемных романах... ни в эстрадных номерах”¹.

¹ И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч., т. 3. М., 1961, с. 210.

Но намеки фельетонистов не трогали тех, кто издавал романы и разрешал прокат новых фильмов. В моде оставался Владимир Маяковский, провозгласивший, что „нынче не время любовных ляс”. Ораторы тех лет любили цитировать Маяковского:

Кому это интересно,
что — „Ах, вот бедненький!
Как он любил
И каким был несчастным...”

Одновременно сталинские цензоры вели наступление на излишне чувственную, по их мнению, музыку. Общая установка состояла в том, что есть „наша” и „не наша” музыка. Не наша — это прежде всего та, что исполняется на Западе. Назначение „не нашей” — возбуждать сексуальные мысли и чувства. Этой мыслью Сталина одарил давний сторонник большевиков писатель Максим Горький (1869–1936). С 1921 года Горький жил за границей. Считалось, что он болен и находится на Западе для поправления здоровья. Произведения его широко печатались в СССР и Горькому платили за них валютой. На эту заботу Кремля он отвечал в конце 20-х и начале 30-х годов коммунистически ортодоксальными и вполне своевременными произведениями. В частности, к тому времени, когда Сталин, разгромив своих политических противников, начал устраивать в стране жизнь на тоталитарный лад, Горький сочинил статью „О музыке толстых” (1927). Статья эта стала в СССР программной. В ней Горький объяснил советским читателям, что джазовые ритмы носят сугубо капиталистический, антипролетарский характер. „Это музыка толстых, — писал он. — Под ее ритмы во всех великолепных кабаках „культурных” стран толстые люди, цинически двигая бедрами, грязнят, симулируют акт оплодотворения мужчиной женщины”¹. „Оплодотворять женщину” — разумеется, дело сугубо буржуазное, поэтому после статьи М. Горького западную музыку стали изгонять из советского обихода. И танцы западные — тоже. Ведь сам

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 24, с. 351.

Горький сказал, что эти танцы и музыка – сплошной разврат. „Фокстрот стал необходим потому, что толстый (капиталист. – М. П.) уже плохой самец. Любовь для него распутство”. Таким образом современный джаз и все эти фокстроты-чарльстоны для того только и нужны, чтобы помочь ослабевшему распутнику капиталисту кое-как собраться с сексуальными силами. Пролетариату, по мнению М. Горького, это ни к чему, потому что „пролетариат – единственная сила, способная спасти культуру и расширить ее. Спасать культуру нужно оттого, что на буржуазном Западе произошла „эволюция от красоты менуэта и живой страстности вальса к цинизму фокстрота с судорогами чарльстона, от Моцарта и Бетховена к джаз-банду...”¹ Сталин использовал подброшенную ему Горьким мысль о том, что джаз – активизатор секса и запретил джаз в 1929 году. Одновременно наложен был запрет на джазовые пластинки западного происхождения, в Советскую Россию не стали впускать исполнителей джазовой музыки.

Дальше больше: советские чиновники объявили „безнравственными” цыганские песни и романсы. Один из официозных музыкальных деятелей того времени, некто П. Рязанов писал в самом начале 30-х годов: „Революция убила цыганский романс, вернее уничтожила площадку, на которой он мог культивироваться. Тем более удивительно, что „охвостья” этого романса продолжают жить, притом в такой среде, которой чужд надлом и всхлипывания сквозь пьяный угар ресторанный кабинета. Очевидно, домашние вечеринки под выпивку и танцульки, п р о х о д я щ и е в н е о б щ е с т в е н н о г о к о н т р о л я, заменили цыганскому романсу былую почву. Эмоциональное содержание изжито, сохранилась одна внешняя форма, никем не чувствуемая и не переживаемая”².

Под сомнением оказался в 30-е годы даже любовный

¹ Максим Горький. Собр. соч., т. 24.

² Цитирую по статье Е. Серебряниковой „Судьба старинного романса”, газ. „Новое Русское Слово”, Нью-Йорк, 24 апреля 1982 года.

русский романс. Почти сто лет звучал в концертных залах России романс Варламова на слова Фета:

„На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит...”

Но зрелище спящей красавицы, разметавшей по подушкам пышные кудри, показалось советским властям слишком натуралистичным, не созвучным эпохе. Певцам порекомендовали исключить его из репертуара. Взамен, в 1932 году, в полном единении с эстетическими идеалами времени по всей стране зазвучала песня противоположного содержания:

„Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах, звеня,
Страна встает со славою
Навстречу дня.

.....

Кудрявая, что ж ты не рада
Фабричному пенью гудка?

Написал песенку для кинофильма „Встречный” композитор Дмитрий Шостакович. Песенка была мелодичная, милая и „кудрявые” 30-х годов охотно распевали ее, не замечая, что ее главное назначение — облагородить цех, завод, привлечь симпатии к производству, а вовсе не к человеческим чувствам. Такие песенки (а их было множество) уводили из обихода молодых нежные слова, скрывали от них грусть и боль любви, любовный экстаз и восторг. По заказу сверху поэты строчили тексты, в которых любовь превращалась в служебный придаток производства или военной темы. Уходящему в армию парню песня втолковывала, что главное — это хорошо служить, а о любимой девушке думать не стоит:

„Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет”.

Летчики в фильме распевали нечто еще более разухабистое и лишенное элементарного уважения к подругам:

„Оттого, оттого, что мы пилоты
В небе наш, в небе наш родимый дом;
Первым делом, первым делом самолеты,
Ну, а девушки? А девушки потом!”

В том же ключе подчеркнутого неуважения и пренебрежения к любовным отношениям двоих сочинялись массовые песни 40-х и 50-х годов. Поэтам заказывались тексты, которые давали гражданам понять, что государственные интересы значительно выше личных. Стихотворцам оставалось лишь расцветить эту немудренную мысль и придать ей привлекательность. Весьма популярна, например, в СССР была песенка „Дан приказ ему на запад...”. Суть ее проста: во время Гражданской войны молодому человеку, комсомольцу, дан приказ направиться с войсками на запад, а Ее, его подругу, приказ направил в другом направлении. О том, чтобы не выполнить приказ, паре даже в голову не приходит. Единственно, о чем Он просит у Нее это, чтобы она написала ему. Девушка резонно спрашивает:

„А куда же напишу я,
Как я твой узнаю путь?”
„Все равно, — он ей ответил, —
Напиши куда-нибудь” ...

В этом „куда-нибудь” — содержится полная мера того равнодушия, с которым советская система всегда относилась к судьбе любви и любящих. Советские люди, по идее этой и других таких же заказанных песен, для того только и созданы, чтобы беспрекословно исполнять приказы, бросающие их на запад и на восток по усмотрению начальства.

Государственная антипатия к женственности, стремление превратить женщину лишь в элемент производства и политической жизни отразились в 30-х годах и на тех именах, которые с благоволения властей стали давать своим детям советские родители. Родились в эту пору многочисленные Диалектины, Энергии, Идеи. Маленькие Революции в детских садах играли с Тракторинами и Виленами (аббревиатура от Влади-

мир Ильич Ленин). Впрочем, играть им приходилось отнюдь не традиционными куклами. Ибо кукла была объявлена игрушкой нежелательной, кукол из детских садов убрали. „Незачем переразвивать у девочек материнский инстинкт”. Материнский инстинкт, материнская любовь и нежность, как чувства внесоциальные, подлежали изничтожению. Вместо кукол приказано было доставить в детские сады сшитые из тряпок безобразно толстые фигуры православных священников — попов. Предполагалось, что фигуры попов автоматически вызовут у детей чувства антирелигиозные. Но девочки, не знакомые с теорией советского воспитания, стали заворачивать попов в одеяльца, носить их на руках и нежно убаюкивать, точно так же, как они это делали раньше с куклами — ведь матери любят и безобразных своих детей...

Отнять у детей кукол и тем отнять у них возможность выражать свою любовь — это придумала не какая-нибудь одна идиотка, заведующая детским садом. Приказ последовал с государственных „высот”, его подписали в учреждении, которое носило название ГУС — Государственный Ученый Совет.

...Работая над этой главой, я обратился к нескольким пожилым эмигрантам из СССР с просьбой вспомнить, где и как они танцевали в дни своей юности. „Танцы в нашей специальной (военной) школе оставались под запретом до 1939 года, — рассказал адвокат из Харькова. — Иногда мы собирались в квартире нашего товарища, чтоб тайком от школьного начальства потанцевать под патефон танго и фокстрот. Если бы в школе узнали про это, нам здорово нагорело бы”. Педагог из Киева вспоминает, что никаких танцевальных площадок в парках не существовало до 1939 года. На институтских вечерах так называемые бальные танцы запрещались. „Танцевать с незнакомым мужчиной прилюдно? Мне в те годы это даже в голову не могло прийти, — призналась москвичка, бывшая библиотечарша. — Нам говорили, что танцы „в обнимку” — буржуазный разврат. Особенно строго наказывали за танцы комсомольцев”.

Как же сказались на современниках первых пятилеток такой „монастырский” устав жизни? По мнению большинства

моих собеседников, эпоха, не оставлявшая людям времени для отдыха, лишавшая граждан лирической поэзии и лирической музыки, эпоха, когда невозможно было красиво одеваться, смотреть фильмы о человеческих чувствах и свободно назначать свидания, породила поколение совсем уже лишенное „черемухи”, полностью лишенное романтики, равнодушное к красоте. Возник тип мужчины, которому неведомы нежность и джентльменство, который ничего не знал и знать не желал об эстетике любви и психологии секса. Родилось поколение женщин с огрубленными чувствами и пошлыми вкусами. Для этой выведенной советской системой породы любовь не содержала ничего другого кроме откровенной физиологии. Люди эти, разумеется, назначали друг другу свидания, заводили адюльтеры, женились. Но чувства их содержали мало красок. Любовные коллизии вершились в многолюдных рабочих бараках, где нередко только матерчатые занавески отделяли кровати семейных от одиночек. Любовь развивалась на строительной площадке, где гремел российский „трехэтажный” мат, в перенаселенных коммунальных квартирах с единственным водопроводным краном на кухне, в замусоренных, лишенных даже намека на уют студенческих общежитиях. А еще была любовь солдатская, казарменная, по кустам раздариваемая и совсем уже лишенная каких бы то ни было иллюзий, любовь, которую и любовь называть не следовало бы... В нищете, грязи и убожестве глохли нежность и ласка, а взамен взрывались животные страсти, нередко кончавшиеся надругательством над женщиной и поножовщиной.

Антисексуальная государственная политика, начатая на пороге тридцатых, продолжалась до последних дней сталинского правления. Один из самых чувствительных ударов слабому полу Сталин нанес в 1936-м, когда обнародовал закон о запрещении аборт. То была сугубо политическая, если не сказать милитаристская, акция. На пороге Второй мировой войны, готовясь к территориальным захватам, Сталин планировал повышение рождаемости, готовил резервы для будущих армий. Закон о запрещении аборт был принят тогда, когда в стране почти не существовало противозачаточ-

ных средств. Даже скверные советские презервативы были дефицитными. Отняв у миллионов женщин право на аборт — единственное реальное средство, прерывающее беременность, Сталин нанес им тяжелейшую психологическую травму. И без того убогая сексуальная жизнь супругов и любовников окрасилась постоянным страхом нежелательной беременности. Тридцатые годы с их нарастающей нищетой, отсутствием жилищ и ужасами массовых арестов меньше всего располагали к созданию больших семей. В понимании тех лет аборт был спасителем от лишнего рта в семье. Этот спасительный выход у женщины был отнят. Закон 1936 года просуществовал 20 лет и все это время страх беременности уродовал отношения супругов и любовников, тяжким грузом наваливаясь главным образом на и без того измученную на работе и дома русскую женщину.

К концу 30-х годов сталинский пресс во всех областях личной жизни достиг своего максимума. К этому времени в Кремле окончательно сформировался взгляд на отношения полов, как на сферу малозначительную и вместе с тем чуждую социалистическому обществу. Все, что происходит между мужчиной и женщиной, должно быть ограничено рамками супружества. Но и там, в браке, трудовому советскому человеку не следует излишне увлекаться половыми отношениями. Мы — не капиталисты, нас секс не интересует. Эта точка зрения была изложена в 46 томе Первого издания Большой Советской Энциклопедии (БСЭ)! Том вышел в 1940 году, незадолго до вступления СССР во Вторую мировую войну. Статья **ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ** рекомендовала: „Пробуждающийся еще задолго до наступления половой зрелости интерес к вопросам половой жизни необходимо осторожно и разумно направлять в сторону биологических процессов размножения в природе, избегая всего того, что может вызвать н е з д о р о в ы й (разрядка моя. — М. П.) интерес к половой жизни, сексуальной возбудимости”. Семья и педагоги должны были создавать условия для „разумного переключения полового влечения в область трудовых и культурных интересов”. Тут же объяснялось, что „половое воздержание... совершенно безвредно”.

Не обошлось и без политического комментария. Энциклопедия разъясняла: „Буржуазия относится к женщине лишь как к объекту полового наслаждения... Среди пролетариата значительно реже встречаются половые излишества и венерические болезни. Пролетарии весьма редко обращаются к проституции”. И далее: „В Советском Союзе нет полового вопроса как сложной проблемы взаимоотношения полов, существующей в капиталистических странах, так как созданы все условия для устранения присущей капиталистическому обществу дисгармонии между биологическими запросами и потребностями личности, с одной стороны, и общественными интересами, с другой”.

И, наконец, чтобы у читателя 1940 года не оставалось уже никаких неясностей, Большая Советская Энциклопедия в томе 46-м заявляла: „Ленин отрицал самостоятельное значение полового вопроса. Он считал необходимым рассматривать вопросы половой жизни с точки зрения интересов развертывания пролетарской революции. Ленин считал вопросы половой жизни — делом, касающимся всего коллектива”.

Ленинско-сталинские формулировки относительно половой жизни прочно ввелись в сознание россиян. В 1955 году, когда Сталина уже не было в живых и редакторы Большой Советской Энциклопедии выпускали второе издание, они буквально споткнулись на 33 томе. В томе этом помещены были статьи Половая клетка, Половые железы и даже Половые органы и Половые преступления. Но заказанная несколькими авторами статья ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ даже после многочисленных переделок не удовлетворила работников ЦК партии, контролирующей редакцию Энциклопедии. Они запретили 4 варианта. Все понимали, что повторять ленинские и сталинские ханжеские благоглупости о сексе, изложенные в первом издании Энциклопедии, уже нельзя, но и сказать новое живое слово никто не решался. Том 33-й Большой Советской Энциклопедии (издание второе) вышел в свет вообще без всякого упоминания о том, что в мире существует ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ.

ГЛАВА 4. НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ, ИЛИ КАК ЛЮБИЛИ МЫ (40-е годы)

Лирические песни и рассказы о прошлых войнах полны описания разлук. Он уходит на войну и расстается с любимой. Она ждет его и пишет ему письма. Он тоскует по ней и т. д. Вторая мировая война, именуемая в Советском Союзе „великой” и „отечественной”, внесла коррективы в извечный порядок. Разлуки остались разлуками, но в отличие от прошлых войн в Советскую армию были призваны и женщины. Согласно официальной статистике между 1941 и 1945 годами военную форму одели не менее миллиона женщин. Вначале это были только медики: врачи, медсестры, санинструкторы, потом призвали телеграфисток, телефонисток, радиосток, а затем в армии появились девушки шоферы, регулировщицы, поварихи, даже снайперы и летчицы. Призвали их, естественно, для несения военной службы. Но службой дело не ограничилось. Миллион воинов в юбках принес на фронт много радостей и печалей, улыбок и слез. С приходом девушек война перестала быть только разлучницей...

По официальным источникам прекрасный пол проявил себя на фронте наилучшим образом, о чем свидетельствуют,

якобы, многие тысячи врученных им орденов и медалей. 86 женщин удостоились звания Героя Советского Союза. О героинях этих написаны целые библиотеки, но я, по правде говоря, героических женщин на фронте не встречал. Видел тяжело, до одури работавших девушек шоферов и уборщиц аэродромов, видел и завитых, очень гордых собой дивизионных и полковых машинисток в хромовых сапожках и подогнанных „по бюсту” гимнастерках. Случилось мне однажды повидать целый госпиталь тяжело изуродованных на войне женщин. Как медик, я работал с медичками в госпиталях, учился с ними сначала в Военно-медицинской академии, потом в Военно-медицинском училище. Были среди них красивые и уродливые, строгие и распутные, умные и не очень. Но героев, в официальном значении этого слова, я не помню. Зато среди негероинь встречались существа в высшей степени симпатичные.

С лета 1943 года я служил фельдшером в санчасти батальона аэродромного обслуживания (БАО). В части было много женщин: связистки, шоферы, поварихи, охрана. В основном — деревенские девушки, но были и горожанки. По должности своей обязан был я следить за их здоровьем, давать им гигиенические советы, оказывать первую помощь. Раз в месяц я осматривал женский персонал кухни и столовой. Смотрел, нет ли у поварих патологических выделений, не завелись ли у них лобковые вши. Надлежало мне также интересоваться, как обстоит дело у моих пациенток с менструальным циклом.

Признаюсь, исполнял я свою работу с превеликим (и тщательно скрываемым) страхом и стыдом. Особенно тяжело давались ежемесячные осмотры, когда девушки раздевались донага и я должен был прикасаться к ним, заглядывать Бог знает куда и при этом сохранять на лице серьезность, даже строгость. „Ты какой-то порченый, доктор, — говорил мне капитан, командовавший женской авторотой. — Парень ты молодой, неженатый и диван у тебя в санчасти есть, а ты от девок наших нос воротишь”. Незадолго перед тем прочитал я новеллы Стефана Цвейга. „Амок” и „Двадцать четыре часа из жизни женщины” подействовали на 22-летнего девствен-

ника в офицерском мундире как удар молота. Я был готов для любви, переполнен любовным томлением, но, увы, девы батальона аэродромного обслуживания не походили на мои женские идеалы. Обилие груди, бедер, ягодич, которые мне приходилось осматривать, вместо того, чтобы возбуждать, подавляло меня. „Чистоплюй” – презрительно окрестили меня коллеги. И были правы. „Чистоплюйство”, или что-то вроде того, непреодолимо стояло между мной и прекрасным полом. Отрицательные эмоции возникали по каждому поводу. От рождения наделен я обостренным обонянием, а наши тяжело работающие девушки купались в бане только раз в десять дней. В довершение бед, юные пациентки, нисколько не смущаясь своего столь же юного доктора, рассказывали мне о самых интимных подробностях своей жизни. И в том числе о жизни половой.

Девушек-солдат расселяли в землянках-казармах повзводно. Если партнер также оказывался солдатом, то никакого приюта для интимных встреч у такой пары не было. В избу крестьянки их не пускали. Оставался выбор между гаражом и шалашом. В гараже, а точнее под навесом, где стояли военные грузовики, можно было забраться в кузов или даже в кабину машины. Но возникала опасность нарваться на командира или на другую такую же бездомную пару. В шалаше, за селом, построенном деревенскими детьми, было безопаснее, но земля осенью больно уж холодна. После „шалашных” встреч у нас в санчасти то и дело появлялись фигуры, скрюченные радикулитом. Расплата за любовь была непомерно высока. „Говори честно, где подхватила ракулит? В шалаше? – выговаривал девушкам добряк старый доктор. – Эх, ты, шалашовка...”

Сравнительно снисходительное отношение к фронтовой любви возникло в армии лишь с начала 1943 года. До этого любовники подвергались самым строгим наказаниям. Поиманных на месте преступления арестовывали, а затем рассылали по разным частям, как можно дальше друг от друга. Особенно строго взыскивали за „моральное разложение” с офицеров. Случалось, их даже разжалывали в рядовые или снижали воинское звание. Но незадолго перед тем, как я

приехал в часть, весной 1943 года, у фронтовых романов нашелся защитник. Из дивизии в дивизию, с фронта на фронт передавали кем-то слышанные слова самого Сталина: „Что плохого, если боевой командир спит в женщиной. Пусть спит. Это нормально. Ненормально, когда мужчина спит с женщиной”. Никакого официального разъяснения за этими словами Главнокомандующего не последовало. И я думаю, что сталинская „защита любви” — есть не более чем миф. Просто, после двух лет войны в Политуправлении советской армии, куда сходились все нити наблюдения за политическим и моральным состоянием шестимиллионной массы фронтовиков, заметили, что давление сексуального пара поднялось до слишком высокой отметки. Решено было часть „пара” выпустить: дать офицерам право находить себе подруг; да и солдат, буде не нарушают они во всем остальном армейской дисциплины, за „любовные шашни” не следовать.

Армия как в ее мужской, так и женской части, приняла эти послабления с радостью. В начале войны девушек, вступавших в интимные отношения с командирами, армейская общественность не щадила. Их не называли иначе как ППЖ — полевыми передвижными женами (по созвучию с названием автоматов советской конструкции ППШ и ППД). Теперь же, в 1943, за этими дамами закрепилось значительно более уважительное наименование — „боевые подруги”. Чем выше чином у такой „подруги” был покровитель, тем выше ценила ее армейская общественность. „Боевой подруге” не надо было искать пристанища для любовных игр в гараже или шалаше. На ночь, из землянки в деревню, на квартиру покровителя ее теперь отпускали на законном основании. А подруги командира батальона или полка и вовсе стали большими хозяйками в части. Подчиненные их любовников делали им подарки, у „мадам” были свои любимцы и опальные, через нее вершилась большая и малая внутривойсковая политика. Одна из таких „боевых подруг”, очень крупных габаритов штабная машинистка, услаждавшая командира нашей авиационной дивизии, вообще превратилась в самодержавную королеву. Ее побаивались даже воздушные асы,

майоры и подполковники. Когда она рожала (это было уже в Германии в апреле 1945 года), к ее постели были собраны все медицинские светила из окрестных военных госпиталей. Впрочем, для большинства девушек беременность на фронте означала нечто совсем иное...

На фронте и прифронтовой полосе каждое подразделение имело для телефонной связи свое кодовое наименование. В 1943—44 годах в качестве таких кодов в нашем батальоне использовали имена сибирских рек: Лена, Обь, Енисей. Покрутив рукоятку полевого телефона, мы слышали женский голос: „Лена слушает”. Из-за этого всех телефонисток у нас звали Леночками. Однажды во время ночного дежурства в санчасти мне позвонила одна из таких Леночек и попросила назначить ей конфиденциальное свидание. Ей надо было сообщить доктору нечто очень важное, не терпящее отлагательств. Я сразу понял, что речь пойдет о событиях романтических. И не ошибся.

Маленькая, розовая от волнения толстушка-телефонистка прибежала в избу, где находилась санчасть, вскоре после полуночи: у нее только что кончилась смена. Удивительно, как быстро они толстели в армии, эти крестьянские девочки, дома у себя никогда не евшие вдоволь хлеба. Грубая солдатская одежда еще более подчеркивала полноту их ног, плеч, груди. Леночка (теперь я уже не помню ее настоящего имени) немного помялась, потом вытерла вспотевшие ладошки платочком, набралась духу и рассказала одну из тех историй, каких и до и после слыхивал я немало. На аэродроме познакомилась она с летчиком Васей. Они встречаются. Вася любит ее, она любит его. Вася обещал, если его не убьют, после войны непременно на ней жениться. Конечно, она деревенская, а он городской, но это ничего — главное любовь. Сначала она не хотела допустить его дальше поцелуев, но Вася проявил настойчивость и вот теперь Леночка беременна. На третьем месяце. Вася требует, чтобы она сделала аборт, потому что на войне — какие же могут быть дети... Если сделать аборт, он не возражает и дальше продолжать отношения. Он ведь ее любит. Так что большая просьба к доктору помочь ей избавиться от ребенка.

Она отлично знала, эта хитрушка, что аборт в стране запрещены законом, что тем более невозможна такая операция в военном стационаре. Знала она и то, что на четвертом месяце беременности я по должности своей обязан освидетельствовать ее и составить бумаги об увольнении из армии. Такие документы я уже не раз выписывал. Процедура эта была тяжелее гинекологических осмотров, потому что девы рыдали и пытались меня всячески разжалобить. Всякий раз упоминался отец девушки, который ее убьет, и мать, которая, конечно же, проклянет ее и безотцового ребенка. Я жалел этих девчонок, но и государственный закон, и предписания моих прямых начальников, и клятва Гиппократ, данная мною по окончании фельдшерского училища, запрещали прерывать беременность у пациенток без особых к тому причин. Свирепый папа и недовольная мама в таких случаях уважительной причиной не считались. По моему рапорту всех их увольняли из армии. Но почему-то к Леночке отнесся я с большим сочувствием. После долгого разговора по душам обещал я ей, что поговорю с Васей, чтобы он на ней женился и отправил рожать к своим родителям. А кроме того, похлопочу в соседней деревенской больнице, может быть, тамошняя женщина-врач все-таки согласится сделать аборт и тем развяжет Леночкины жизненные узлы.

Летчики жили в землянке у самого аэродрома. День выдался нелетный, хмурый, и „летуны”, молодые люди (самому старшему было не более 22-х), лениво валялись на нарах в одежде и в собачьих меховых унтах. Вася оказался длинным расхлябанным парнем, с белыми прямыми прядями и пустым взглядом. На гимнастерке вкривь и вкось висело у него с полдюжины орденов и медалей. Мы вышли с ним из землянки. Засунув руки в карманы пузырястых по тогдашней моде галифе, Вася с безучастным видом прислонился к косяку двери. Я рассказал о приходе в санчасть Леночки и стал было толковать с ним о женитьбе, но он прервал меня. „Не лез бы ты, доктор, не в свое дело. Твое дело порошки прописывать от головной боли, ну и давай отсюда в свою аптеку по добру, по здорovu...” Произнеся эту тираду, Вася

угрюмо шпионул, толкнул дверь землянки плечом и скрылся. Сбили его в 1944-м над Польшей.

Разговор с женщиной-врачом закончился для меня еще более бесславно. Хотя в качестве взятки за аборт я предлагал килограмм стерильной ваты, три десятка широких бинтов и другие столь же дефицитные в военное время предметы, врач наотрез отказалась обсуждать судьбу „девки с нагулянным ребенком”. Была в ее отказе какая-то личная антипатия, даже злобность. Муж ее, тоже медик, находился в армии, и она, женщина уже не молодая, очевидно, думала в тот момент о безрадостной своей судьбе; о том, что супруг ее на войне может приготовить ей такой же подарок. Это только моя догадка, но догадка, основанная на большом опыте. К девушкам-солдаткам, уволенным из армии по беременности, отношение в тылу было крайне отрицательное. Их травили и на работе и дома. В деревне и в маленьком городке, где каждый знает подноготную соседа, эти падшие ангелы не могли выйти на улицу, чтобы не услышать от соседки обидных слов или издевательской песенки на мотив военного шлягера:

На позицию — девушка,
А с позиции — мать;
На позицию — честная,
А с позиции — блядь...

Таков был *vox populi* — глас народа. Советская власть вполне могла сказать устами своих чиновников, что она тут ни при чем. Никто не натравливал народ против беременных на фронте женщин. Более того, летом 1944 года вышел Указ, подписанный Сталиным, где среди прочего говорилось: „Органам прокуратуры в соответствии с действующим уголовным законодательством привлекать к ответственности виновных... в оскорблении и унижении достоинства женщины-матери”. Но закон, как и большинство советских законов, мертв (по статье этой никто никогда не был привлечен к ответственности), а традиция народная — жива. Традиция же исконная состояла в презрении к „падшей”, в неприязни к „незаконнорожденному”. И не столько даже по нрав-

ственным соображениям атаковали жены фронтовиков своих жертв, сколько из чувства бессильной ярости на безлюбно уходящие годы. Во вчерашних фронтовичках хотели они видеть виновниц своего одиночества, своей тоски и неудовлетворенности.

Увы, не там они искали виноватых. Беременеющие на фронте солдатки были такими же жертвами войны, как и те, кто их поносил в тылу. Главный же, и самый жестокий удар по женщинам России нанес сам Сталин, подписавший 8 июля 1944 года Указ, который, как и закон о запрещении абортов, оказал роковое влияние на сексуальную жизнь страны. По существовавшим до войны законам, отец ребенка, рожденного вне брака, должен был давать на содержание своего незаконнорожденного потомства от четверти до трети своей заработной платы – алименты. Но по Указу 1944 года алименты отменялись. Заботу о таких детях брало на себя государство. Мужчины оказались полностью освобожденными от ответственности за последствия своих любовных связей. Указ, таким образом, поощрял мужчин к сексуальному пирачеству, благословлял беспорядочные связи. Это не было случайностью. Сталин поставил своей целью восполнить потери, нанесенные народу войной и террором 30-х годов. Не исключено, что вождь заглядывал и дальше: планировал воспроизводство солдат для будущих победоносных сражений на полях Европы, Азии и Африки.

И как всегда при определении целей меньше всего Сталина заботили методы и средства. Указ от 8 июля 1944 года носил по отношению к женщинам откровенно предательский характер, отдавая их во власть безответственных сластолюбцев. Последние месяцы войны и первые послевоенные годы стали порой сексуального разгула, который мало чем отличался от разгула 20-х годов. Конечно, дело было не только в Указе Сталина. Четыре года войны, четыре года разлук и потерь исчерпали терпение и мужчин и женщин. Родилась и пошла гулять по фронту и тылу полная горечи и бесшабашности фраза: „Война все спешет...” По привычной для русского человека манере искать виноватого вне себя, валить на другого, стали валить на войну и свои собственные

мимолетные похоти и прихоти. Пользовались этой „философией” и уставшие от одиночества женщины тыловых городов и пошляки всякого рода в мундирах и без. А в результате народилось на свет целое воинство „безотцовых” или, как еще говорили шепотом, „сталинских крестников”.

Если даже опираться на официальные советские данные, число женщин с детьми, рожденными вне брака, к 1950 году достигло 1.952.000. Через пять лет после войны детей у них оказалось 2.050.000. Через десять лет, в 1960-м, матерей-одиночек в СССР стало уже 2.688.000, а детей у них — 3.135.000. Эти семизначные цифры при всем том не охватывают всех женщин, родивших вне брака. Мы знаем только тех, кто получал государственное пособие. Но многие матери пособия не получали, считая это для себя унижительным, а другие не получали его из-за того, что сдали ребенка в государственный приют.

Но, может быть, самая удивительная часть Указа 1944 года состояла в том, что одинокую мать, по нищете своей желающую избавиться от плода неудавшейся любви, советский закон признавал преступницей. В Уголовный кодекс РСФСР была введена специальная статья 140-б, объявляющая „самоаборт” уголовно наказуемым. Несчастливая, обманутая и брошенная женщина должна была еще по суду отвечать за сталинские демографические планы.

Но вот ребенок родился. Как правило, нищета сопровождала жизнь всех этих „сталинских крестников” или „полтинников”. Вместо четвертой или третьей части зарплаты отца, государство учредило одинокой матери помощь в сумме 50 рублей. Когда масштаб денег изменился, месячная государственная помощь на прокормление одного ребенка выросла в сумму 5 рублей. За двоих платили 7.50. Так „сталинская забота” столкнула сексуальные интересы мужчин и женщин. Мужчина для своих вожделий получил полный простор, запуганная „последствиями” женщина, наоборот, становится все более запуганной, скованной в сексуальных отношениях. Ведь все последствия ложатся только на нее: до самой середины 50-х годов аборт остается под запретом и для замужних и для незамужних.

Сталинский закон, который лишил женщину права обращаться в суд для установления отцовства, лишил ее права требовать от отца ребенка материальную помощь, аморален даже по советским стандартам. Конечно, при Сталине и в первые годы после его смерти, в середине 50-х годов, никто не смел на это обратить внимание. Более того, находились юристы, готовые поддержать сталинский произвол публично. Уже в 1955 году ученый-правовед Г. Свердлов выпустил книгу, в которой доказывал, что Указ от 8 июля 1944 года „способствовал укреплению советской семьи” и что матери-одиночки должны быть благодарны государству за заботу о них¹. Другая ученая дама, некая М. Карева, в сборнике, выпущенном Ленинградским Университетом в 1957 году, писала: „Можно говорить о благотворном влиянии норм Указа от 8 июля 1944 года на укрепление этики социалистического общества, укреплению советской семьи”².

Только после разоблачений Сталина, которые предпринял Никита Хрущев, в советской научно-юридической литературе стали появляться статьи о „резком ущемлении прав внебрачного ребенка” и о трагическом положении, в которое этот Указ поставил так называемую „мать-одиночку”.

Вернусь к истории телефонистки Леночки. Окрыленная моими обещаниями, она вернулась в казарму и открыла тайну своей беременности подругам. Как будто при этом еще и похвалялась: „Доктор сделает мне аборт и после этого я выйду замуж за Васю-летчика”. Было ли это сказано так или по-другому, но кто-то немедленно донес командиру роты. Тот явился с докладом о чрезвычайном происшествии к командиру батальона. И пошло, поехало... В течение следующих суток на нашем аэродроме сделали посадку несколько самолетов: разбираться с ЧП прилетели из штаба полка и штаба дивизии, прилетели политкомиссары, воен-

¹ Свердлов Г. М. „Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве”. М., Издательство Академии наук СССР, 1955, с. 29.

² Сорок лет советского права. Л., Издательство Ленинградского Университета, 1957, с. 153.

ные медики и военюристы. Как преступник, готовившийся сделать аборт, я попал под домашний арест. Сначала меня хотели судить, потом решено было снизить в военном звании. Затем выяснилось, что офицерское звание у меня самое низкое, какое только бывает, — младший лейтенант медицинской службы, а как военфельдшер обязан я оставаться офицером. Окончательный приговор гласил, что проштрафившегося медика М. А. Поповского надлежит отправить в штаб фронта для решения судьбы, а телефонистку Леночку демобилизовать немедленно.

Я встретил ее в день своего отъезда на осенней деревенской улице. Что-то показалось мне в ее походке странным. Аккуратистка Леночка шла как-то неровно: шинель нараспашку, воротник гимнастерки расстегнут. Она несла, а точнее волокла по грязи свой фанерный чемодан. Я поздоровался. Она в ответ сделала рукой что-то, очень мало похожее на солдатское приветствие. Вблизи стало ясно: девушка пьяна. „Извините, доктор, — пролепетала она. — С горя я это... Вот еду... Домой”. Я попытался ее утешить, но она опять пьяно взмахнула рукой. „Чего там... Война все спишет...” И поволокла свой чемодан дальше.

Конечно, из миллиона призванных под ружье Ленок не у всех жизнь сложилась так грустно. Рождалась на фронте и подлинная нежность, возникали крепкие семьи. Случалось даже, что жертвами в конечном счете оказывались не женщины-солдатки, а сходящиеся с ними офицеры. Я знал на фронте одну такую семью. Молодая казачка, санинструктор, хищница и хамка, организовала настоящую охоту на командира полка. Грубила и обрезала всем претендентам и только перед немолодым уже интеллигентным подполковником стелилась ковром. Она рассчитала правильно: подполковник сделал ее своей законной женой и вырастил двоих родившихся в этом браке детей. В мирное время бывшая санинструкторша научилась носить зеленые велюровые шляпы с пером, шить платья у дорогого портного и погубила карьеру мужа, донеся на него в годы послевоенного сталинского террора как на скрытого еврея.

Впрочем, и счастливые и несчастные семьи возникали на

фронте очень редко. Зато мужчин, желающих, как тогда говорили, „сорвать банк”, и в тылу и на фронте было сколько угодно. Рассчитываться за все эти тыловые и фронтовые „сласти” приходилось женщине-солдатке. Забегая вперед, хочу рассказать два эпизода, памятные мне с весны 1945-го. Я служил тогда в роте связи при штабе авиационной дивизии ПВО. Фронт двигался на запад, двигалась и наша дивизия. В Польше и немецких городках рота занимала здания рядом со штабом. Рота почти целиком состояла из девушек. Они работали на телефонной станции, на телеграфе, поддерживали радиосвязь штаба с аэродромами и самолетами, находящимися в воздухе. Эта напряженная и крайне ответственная работа продолжалась по 10–12 часов кряду. А кроме того, девушки несли караульную службу, дневалили, чистили оружие. Служба отнимала так много сил и времени, что девочкам некогда было даже выспаться.

При всем том хотелось им и развлечений. Мечтали они, очевидно, о мальчиках-однолетках. Но работа при штабе быстро рассеивала девичьи мечты. Дивизионное начальство — немолодые уже подполковники и майоры — приглашали девушек в свои кабинеты, угощали, спаивали и, пользуясь своим начальственным положением, принуждали к сожительству. После попок и бессонных ночей связистки дремали у радиоаппаратов и телефонов, делали грубые ошибки в служебных телеграммах. А случалось, что некоторые из них просто исчезали из части на 2–3 суток, не появляясь на дежурство. Прямые командиры этих девушек — лейтенанты — хорошо знали, где пропадают их подчиненные, но ничего не могли сделать. Ведь за спиной каждой „нарушительницы” стояли большие чины: начальник связи дивизии, начальник штаба, начальник политотдела... Развращение шло полным ходом. Наиболее привлекательным барышням их покровители даже выхлопывали медали. Обычно это была серебряная медаль „За боевые заслуги”, которую солдаты-мужчины язвительно именовали медалью „за половые услуги”.

Однажды, когда командир роты, старший лейтенант, в очередной раз в панике искал, кем бы заменить на дежурстве „исчезнувшую” девицу (за нарушение связи с боевыми

самолетами ему грозил военный трибунал), он забежал ко мне в санчасть. „Доктор, Христом Богом прошу, сходи в штаб, постучись к начальнику, попроси, чтобы отпустил нашу Любку, ей на дежурство выходить”. Я удивился, почему он просит именно меня. „Ты медик, человек сторонний, майор тебя постесняется. А мне он прямой начальник. Услышит, зачем я пришел, и без разговоров врежет пять суток...” Я отправился спасать Любку и мне действительно удалось ее выручить — начальник связи отпустил девушку. (Кстати сказать, два месяца спустя мне же пришлось выписывать ей документы об увольнении из армии по беременности.) Случай с Любкой натолкнул меня на оригинальную, хотя и рискованную идею.

Я пригласил четырех офицеров нашей роты к себе в санчасть и изложил им свой план создания... Чего бы вы думали? Тайного союза в защиту девушек-солдаток. Я уже не помню, как именно предлагал я назвать этот союз и что именно предполагалось защищать: то ли девственность, то ли женскую честь. Идея сводилась к тому, чтобы общими силами мешать старым бобрам из штаба дивизии растаскивать связисток по кабинетам и совращать их. Я объяснил, что хотя некоторые девушки развратились настолько, что и сами готовы спать со „стариками”, большая часть из них идет на такое сожительство из страха перед начальством. Они будут рады, если мы поможем им вырваться из этой трясины. Я, как медик, готов давать девушкам фальшивые справки о болезни; другие лейтенанты должны начать строго взysкивать с „прогульщиц” и одновременно бороться со штабниками.

„Бороться с прямым начальством? Создавать тайное общество в действующей армии? Ты, доктор, видно, дурацких книжек начитался”, — мрачно резюмировал командир роты связи. А его заместитель, лейтенант, выразился еще более энергично: „Пошли они все куда подальше и девки и их хахали из штаба. За срыв связи мне дадут в трибунале штрафной батальон, а за тайное общество (пусть хоть общество защиты младенцев) расстреляют на месте и судить не станут”.

Так, не получив общественной поддержки, закончила свое существование моя идея. И тем не менее, это странное общество какое-то время действовало. Мне удалось подбить к сотрудничеству лейтенанта Васю, доброго парня родом из глухой российской провинции. Васин телеграфный взвод особенно сильно страдал от штабников. И не раз ему самому приходилось целые ночи сидеть у телеграфного аппарата, заменяя то одну, то другую „выбывшую” девчонку. По моему наущению Вася два раза ходил выручать своих связисток, но потом махнул на все рукой: начальник связи дивизии обещал, если он не угомонится, разжаловать его в рядовые. Моя деятельность в том же направлении продолжалась несколько дольше и зафиксирована даже документально. Сохранилась тетрадь юношеских стихов, которую я вел на войне. Стихи скверные, но есть в той тетради нечто представляющее для меня исторический, так сказать, интерес. На последней странице тетради значится длинная колонка цифр: 2-3-5-2-1... Цифры означают число суток ареста, которые я получал всякий раз, как обращался к старшим офицерам по поводу наших девушек. На фронте офицеров на такие малые сроки не арестовывали, а вычитали деньги из очередного жалованья. Весной 1945 года я почти не получал зарплаты. Все уходило на штрафы за вмешательство в интимную жизнь господ советских штабных офицеров.

Та весна запомнилась мне и в связи с другим эпизодом.

Рядом с нашей истребительской авиационной дивизией, в том же немецком городке, стоял артиллерийский корпус ПВО (как будто 10-й). У артиллеристов, как и у нас, было много девушек-солдат. В середине апреля 1945 года они решили отметить трехлетие призыва связисток в армию. На торжество в общежитие собралось человек 50—60. Надо сказать, что в Германии комнаты женских солдатских общежитий мало напоминали армейские казармы. Из оставленных немцами домов девушки натаскивали в свое жилье кружевные и тюлевые занавески, ковры, покрывала, увешивали стены сентиментальными картинками. Тумбочки возле кроватей были уставлены раскрашенными фигурками детей, полуобнаженных дев, бесконечными кошечками и овечка-

ми. Среди всего этого немецкого благообразия девушки поставили столы, покрытые немецкими скатертями, и собрались торжествовать.

Был приготовлен обед с пирогом и десертом. В качестве спиртного добыта была большая бутылка древесного спирта. Этот технический, крайне ядовитый спирт в немецких домах применяли для разогревания пищи. Сначала предполагалось, что общество соберется исключительно женское. Но некоторые девушки запротестовали: что это за веселье без мужчин! Обед уже начался, когда телефонистка передала в мужскую казарму приглашение. Мужчины пожаловали не сразу. Уже были подняты тосты за Сталина, за победу, бутылка древесного спирта опорожнилась на добрую треть, когда стали приходить гости. Они тоже были в подпитии, но держались поначалу довольно скромно. Но до пирога и десерта дело не дошло. Обещанные танцы тоже не состоялись. Все более хмелеющие мужчины начали вытаскивать подружек из-за стола. Девушки сопротивлялись не слишком энергично. Самые некрасивые, оставшиеся без пары, попытались протестовать, но их голоса были заглушены подоспевшей гармошкой. Белые покрывала оказались на полу. Захрустели под солдатскими сапогами фаянсовые амурички и овечки. Погас свет. Начался всеобщий свальной грех...

Вероятно, вечер этот оставил бы у всех участников самые приятные воспоминания, если бы не злосчастный древесный спирт. Вскоре после взрыва страстей девушки почувствовали себя плохо. Некоторых начало тошнить. Включили свет, но многие уже света не увидели: древесный спирт в первую очередь поражает зрение. Когда мы, медики, прибежали в общежитие, нам открылась картина фантастическая. Слепшие полуголые и голые девы выли от ужаса в своих растерзанных постелях. Другие лежали без сознания. Их кавалеры, также одетые отнюдь не по форме, лазали между кроватями в надежде разыскать свои сапоги и портянки. С одного стола кто-то стащил скатерть вместе с посудой и пищей. Тяжелый запах рвотных масс мешался с запахами жареного мяса и разлитого по полу жирного украинского борща...

Только срочное промывание желудка могло спасти отравленных. Сделать столько промываний сразу в ближайшей санчасти было невозможно. Поэтому пострадавших повезли во фронтовой госпиталь, расположенный в нескольких кварталах от казармы. Девушки идти не могли, их выносили на простынях, клали полуодетых по несколько человек в открытый грузовик. Несколько суток затем мы по телефону запрашивали госпиталь о своих пациентках. Семь девушек умерло. Умирили отравленные в полном сознании. Пятнадцать — потеряли зрение совсем, другие — частично. Война списала и это.

... Зимой 1944—45 годов дивизия наша стояла в Польше. В ту пору каждый из нас — солдат и офицеров — задавался роковым вопросом: „Выживу или не доживу?“ Дьявольски хотелось дожить до послевоенного мира, который клубился впереди розово-голубым облаком. Волновало и то, что мы впервые увидели за границу. Никто из советских никогда прежде не мог и помыслить о таком. А тут вдруг — Польша, а впереди — Германия. Почти все офицеры сталинской армии были членами сталинской партии и тем не менее словосочетание ЗАГРАНИЧНЫЕ ЖЕНЩИНЫ приводило наших командиров в состояние высшего возбуждения.

Тридцатипятилетний командир роты связи, старший лейтенант Виктор Н., в прошлом провинциальный учитель, нервно расхаживал по моей маленькой санчасти и декламировал Пушкина:

„Нет на свете царицы краше польской девицы;
Весела — как котенок у печки —
И как роза румяна, а бела как сметана;
Очи светятся будто две свечки!“

Читал Виктор так, будто командовал своей ротой: Раз! Два! Раз! Два! Роза Румяна! Роза! Румяна! У старшего лейтенанта вечером было назначено свидание. С полькой. Он волновался. Он предвкушал. Он боялся... „Никому не говори об этом, доктор... Все-таки контакт с иностранкой. Если стукнут — загремлю туда, куда Макар телят не гонял...“

Старший лейтенант опасался напрасно. В 1944-м за такого рода контакты в тюрьму уже не сажали и еще не сажали. В этот-то счастливый для советских граждан промежуток и случились описанные ниже события.

Свидание в польском доме принесло старшему лейтенанту совсем не те последствия, которых он опасался. Три дня спустя Виктор зашел ко мне с помрачневшим лицом. „Погляди-ка, доктор, что-то я схватил... Уж не трепак ли?” Да, это был триппер. Гонорея, говоря научным языком. Студенческий случай. Я развел марганцовку, повесил банку Эсмарха на гвоздь и пригласил неудачливого гуляку занять место в углу над тазом. „Полячка? — спросил я его, подавая наколечник для промывания. — Младая?” Старший лейтенант сердито крикнул: „Она...”

Это было только начало. Вслед за командиром роты связи в санчасть потянулись офицеры финчасти, командиры из автороты, летчики, технари, вооруженцы, продовольственники. Болезнь, получившая название „польской”, косила, не разбирая чинов и званий. Случалось в те зимние дни, что у меня в кабинете ожидали очереди сразу пять—шесть пациентов с одинаковым диагнозом. Гонорея как пожар охватила все стоявшие поблизости части. „Как у вас с трепаком?” — звонил коллега-медик из Кракова. „Перевышолнение!” — отвечал я. „У нас тоже, — слышалось в трубке, — и в Катовицах тоже...” Ежемесячно я подавал отчеты начальнику санитарной службы дивизии, а он докладывал о распространении болезни в санслужбу армии. Мы каждый день ждали нагоняя. Но почему-то наверху с разносом медлили. Может быть, оттого, что гонореей болели главные наши надзиратели — политкомиссары и даже славные чекисты, представляющие в армии организацию „Смерш” — „Смерть Шпионам”. Вполне возможно также, что мои отчеты никуда не шли, их просто клали под сукно в штабе дивизии. Так же точно никто не обращал внимания на мои рапорты с просьбой прислать сульфидин — препарат, которым в доантибиотическую пору лечили гонорею. Очевидно, в армейских верхах рассудили просто: если летчикам триппер не мешает летать, а авиационным техникам и инженерам — готовить самолеты к вылету, то и

беспокоиться не о чем. Болезнь, которая не подрывает бое- способности армии – не болезнь.

Скандал, которого мы, медики, ожидали, так и не произо- шел. Вышестоящее начальство откликнулось на наши рапор- ты лишь однажды, когда мы сообщили, что гонорея порази- ла нескольких девушек-солдат. Приказано было, не подни- мая лишнего шума, отправить зараженных связисток в гос- питаль. То, что девушек заразили наши же офицеры, никого также не заинтересовало. В любое другое время такое сооб- щение превратилось бы в предмет самого серьезного рассле- дования и „принятия мер”, но в конце войны венерических заболеваний никто не хотел замечать. Как удалось позднее дознаться, политуправление Советской армии рекомендо- вало: половую жизнь офицеров за границей не контролиро- вать. Приказано было, однако, помнить, что поляки – наши союзники, жертвы гитлеризма, так что никаких скандалов с ними по возможности затевать не следует. Венерические бо- лезни пресекать своими средствами без какой бы то ни бы- ло огласки.

Позднее я беседовал с бывшими солдатами Четвертого Украинского фронта, побывавшими в Болгарии и с солдата- ми Второго Украинского, прошедшими с армией через Ру- мынию, Чехословакию, Венгрию и Австрию. Во всех странах, кроме Венгрии, единственная забота командования состоя- ла в том, чтобы солдаты, идущие в увольнение, не поднимали шума. Политруки втолковывали: „Спи с кем хочешь, где хочешь, как хочешь, но помни, что ты – воин армии-осво- бодительницы. Старайся произвести на население возможно бо- лее благоприятное впечатление. Ведь это наши союзники...” Хорошее впечатление (в основном на прекрасный пол) сол- даты и офицеры производили различными способами, и в том числе с помощью денег и дефицитного табака. Бывший воин-пехотинец Гвардейского Братиславского корпуса так определяет тогдашнюю „сексуальную пропозицию”: „Глав- ный вопрос тех лет формулировался просто: „Когда?” Вре- мени у солдата было мало, на ночь в увольнение не отпуска- ли. Получивший увольнительную должен был быстро сооб- разить, где взять бабу, с тем, чтобы успеть к сроку вернуть-

ся в часть. Какая баба — это в принципе для большинства было безразлично. Шел четвертый год войны, четвертый год без семьи и дома. Самое лучшее, если в деревне (особенно в Румынии) тебя пригласят на свадьбу. Где свадьба, там выпивка, а за выпивкой следует и все остальное. В Венгрии обстановка изменилась: венгерки не хотели с нами иметь никакого дела. Венгры стреляли в бою и продолжали стрелять после того, как фронт проходил мимо. Чаще стало слышно об изнасилованиях. Несколько советских солдат застали на месте преступления. Но военные власти старались не доводить дело до суда. „Война — спишет...”

В Германии весной 1945 года изнасилования (как и грабежи) стали также делом обывденным. Помню свои споры с политработниками, которые объясняли, что у советского солдата есть „право на гнев”. На некоторых фронтах командующие, в частности маршал Рокоссовский, приказывали расстреливать мародеров и насильников. Но приказ не выполнялся: „солдатский гнев” беспрепятственно продолжал пылать до июня 1945 года, когда последовал приказ главного командующего „об укреплении дисциплины”. В Берлине и некоторых других городах расстреляли нескольких насильников, и „гнев народа” сразу угас. Зимой и весной 1945 года я видел грабежи и слышал о многих случаях изнасилования в Польше и Германии, но насильников не наказывали. Вот типичная картина тех месяцев, описанная Львом Копелевым: „В тот же пакгауз, куда стужаемся и мы, вбегает девушка: большая светлорусая коса растрепана, платье разорвано на груди. Кричит пронзительно: „Я полька... Я полька, Иезус Мария... Я полька!” За ней гонятся два танкиста. Оба в ребристых черных шлемах. Один — широконосый, скуластый, губастый — злобно пьян. Хрипит руганью. Второй спокойнее, незаметнее, цепляется за товарища”. Офицер в чине майора пытается остановить танкистов. „Не смей трогать девушку! Она полька... У тебя есть мать, сестра, невеста, жена? Про них подумал?!” Но в ответ только матерщина: „Пусти... твою мать. Бабу хочу! Я кровь проливал”¹.

¹ Л. Копелев. „Хранить вечно”. Ардис, США, 1978.

Впрочем, случай, когда советский офицер с оружием в руках останавливает насильника, был в те месяцы редкостью. Более того, автор книги, которую я цитирую, был в 1945 году осужден военным трибуналом и провел несколько лет в сталинских лагерях за то, что пытался помогать немецким женщинам и детям.

Я тоже нарушил принцип сталинской эпохи, по которому всякая попытка вступить в общение с иностранцем карается как попытка государственной измены. Я влюбился в немку. Это случилось в городе Бойтене (Верхняя Силезия) в апреле сорок пятого. Наша авиационная дивизия только что переехала из Польши в Германию и мы обживали новые помещения. Дом, выбранный для роты связи, раньше занимала какая-то нацистская организация. Дом был замусорен, и комендант города прислал на уборку группу немецких женщин. Две из них (молодая и пожилая) поступили в мое распоряжение — убирать комнаты, где предстояло развернуть санчасть. Ни солдаты, ни командиры в роте по-немецки не говорили. Не говорил почти и я. Но во мне бурлил тайный романтический интерес к Западу, к загранице. Кроме того, меня влекли к себе немцы, я хотел понять этот народ, который вот уже несколько лет оставался для всех нас символом зла. Нарушая армейские приказы, я стригся у немецкого парикмахера, сшил себе костюм у немецкого портного и везде, где только мог, пытался говорить на моем ужасном школьном немецком.

Итак, семнадцатилетняя Клара Зигерт и ее тетушка с белыми повязками на рукавах (знак капитуляции!) пришли убирать наш дом. Они очень старались угодить господину русскому офицеру. Терли и мыли все изо всех сил и постоянно оглядывались на меня: замечаю ли я их усердие. Клара в тот раз не произвела на меня никакого впечатления. О таких говорят — миленькая. Но она тогда даже миленькой не была. Просто бледная полуголодная девчонка с явственным страхом в глазах. Я покормил их, что-то дал с собой и увидел на Кларином лице подобие благодарной улыбки. Тетка ее подобоострастно кланялась и приглашала в гости. Адрес я взял, но большого интереса к этой паре не почувствовал. Дня че-

рез два любопытство все-таки погнало меня в этот немецкий дом. Так как нас пугали в то время вервольфами — немецкими партизанами, то на всякий случай я пригласил приятеля, офицера нашей роты, простодушного провинциального парня Васю. Он долго отнекивался („с немцами лучше не связываться”), но потом все-таки пошел, нацепив под китель пистолет.

Думаю, что квартира Зигертов с ковром и мягкой мебелью в гостиной, с роялем, торшерами и гардинами на окнах, была самой обычной квартирой среднего немецкого инженера. Но по нищенству нашей с Васей предвоенной жизни нам никогда не приходилось жить в таких хоромах: квартира с ванной, спальнями и прихожей показалась дворцом. При всем том две женщины, владельцы хором (мать Клары умерла, а отец, инженер, очевидно, бежал при приближении русских) были лишены пищи и не имели ни малейшего представления о том, что их ожидает в будущем. Наше появление с дарами обрадовало их. Тетка рассыпалась в комплиментах, Клара мило улыбалась. Раскладывая по тарелкам хлеб, масло и колбасу, разливая настоящий русский чай (с сахаром!), она явно давала понять тетке, что мы — ее гости. На этот раз она мне понравилась. Домашнее платьице подчеркивало девичью фигуру, а открытым улыбающимся лицом она напомнила мне моих школьных приятельниц. Да Клара и была школьницей, из-за войны не успевшей закончить старший класс.

За ужином настроение хозяев повысилось еще более после того, как я с молодым гонором обещал защитить их квартиру от реквизиций и налетов советских солдат. Волна грабежей прокатилась после того, как был объявлен сталинский приказ, разрешающий советским военнослужащим в Германии посылать домой „трофеи”. (Позднее я действительно повесил на дверях квартиры Зигерт объявление, что здесь живет советский офицер. Но и по сей день я не убежден, что бумага эта остановила бы кого-нибудь из грабителей в советских мундирах.)

После ужина тетушка заторопилась куда-то, чтобы, как она сказала, дать молодежи повеселиться. Завели патефон,

завучали немецкие пластинки. Клара поочередно танцевала со мной и с моим товарищем. Она смеялась каким-то пустякам, пыталась повторять за нами русские слова. Потом поставили пластинку с блюзом. Томная тягучая музыка настраивала на романтический лад. Уют чужого жилья разнеживал. Мой товарищ совсем обмяк в своем кресле. „Сейчас вернусь”, – сказала Клара и скрылась в полутьме просторной квартиры. Мы были погружены в медленные волны блюза, когда она вернулась. За нашей спиной что-то стукнуло. Обернулись. Клара стояла на рояле в легкой тунике. Улыбалась. Потом неуловимым движением сбросила тунику к ногам. Еще миг простояла совсем обнаженная, сделала несколько плавных танцевальных движений, махнула нам ладошкой, легко соскочила на ковер и скрылась в спальне.

Лейтенант Вася почти задохнулся от изумления. Сидел с отвисшей челюстью и потерянными глазами. Я, наверное, тоже выглядел не лучше. Воспитанники сталинской ледяной эпохи, мы не знали о существовании стриптиза и лишь краем уха слышали о танцах в ночных клубах и кабаре. Я очухался первым. Побежал в спальню. Клара стояла босиком на ковре. Она только что успела натянуть на голое тело платье. Щеки ее горели. „Тебе понравилось?” Я скорее догадался, чем понял вопрос. Что я мог сказать ей на моем немецком... Я только притиснул к себе эту соблазнительницу, маленькую школьницу, которая, судя по всему, значительно дальше меня продвинулась в науке любви. Она еще что-то шептала, как будто, что тетя придет через час. А, может быть, мне это только показалось. Потом замолкла. Я тоже. Тем более, что из всех немецких слов, которые сколько-нибудь подходили к данной ситуации, я знал только одно, вычитанное в школьном учебнике: „Ди Швальбе”.

...Когда мы вернулись в гостиную, Вася спал, сидя в кресле. Льняной чубчик его, одного цвета с американским песчаного цвета кителем, свисал на плече. Я растолкал приятеля и мы вышли на улицу. „Ты не боишься?” – спросил он. В ответ я загорланил какую-то бодро-веселую песню. Черные, без единого освещенного окна дома немецкого города ответили глухим эхом. „А я боюсь, – сказал

Вася. — Я уж лучше со своими, с советскими. А вдруг она — гитлерюгенд?..”

Весна 1945 года была моя собственная, личная весна. Это была моя победа над Германией. Собственная и безраздельная. Мы встречались с Кларой каждый вечер и сразу начинали думать, куда пойти. Никаких кино и театров, никаких ресторанов и увеселений в городе не существовало. Да они и не нужны нам были. Мы хотели остаться одни. Тетка не одобряла наших отношений, а вести девушку к себе в часть, проходить мимо часового я не хотел. Никто бы не задержал нас, но не хотелось привлекать внимания начальства. Мы прятались в покинутых немецких домах, допоздна сидели в городском парке. Я совсем потерял голову от этой девчонки. В любви дана была ей поразительная женская интуиция, мягкость и такт. В сексе она была значительно умнее и образованнее, чем я. Наверно, были у нее в этой области учителя, но я не хотел ее расспрашивать о прошлом. Я верил, что она меня любит не как офицера оккупационной армии, который может защитить от опасности, не как подателя хлеба, а как 23-летнего парня, который любит ее.

Моя нежность и привязанность росли с каждой встречей. Мне надоели наши скитания. Хотелось посидеть рядом с Кларой в нормальной квартире, увидеть ее в халатике, разливающей чай. И тут я нарушил правила той игры, которые должен был соблюдать как офицер и человек сталинской эпохи: я привел ее к себе в часть. Часовой, знающий меня в лицо, пропустил нас, но тут же доложил начальнику караула. Начальник караула написал рапорт командиру роты связи. Командир роты, в составе которой находилась моя санитарная часть, доложил о происшествии начальнику связи дивизии. Колесо доносительства вращалось как по маслу: ни одна другая деталь российского общественного механизма не работает более безотказно. Начальник связи дивизии произнес длинный монолог, из которого я теперь помню лишь, что я тащу в воинскую часть „коричневую чуму” и „фашистскую нечисть”. В политотделе мне сказали, что я оказываю разлагающее влияние на бойцов и командиров героической советской армии. Мой прямой начальник, руководитель медико-

санитарной службы дивизии, присоединился к мнению остальных командиров. Я спросил его, считает ли он, что сделать девушке-солдатке ребенка и отправить ее на позор и поношение родных и близких, как это делают офицеры штаба дивизии, более нравственно, чем любить незамужнюю девушку-немку. Майор медицинской службы Авакян уклонился от дискуссии с лейтенантом медицинской службы Поповским.

Короче, весной 1945 года в Германии со мной повторилась та же история, что и осенью 1943 года в деревне Смоленской области. Мое начальство признало меня недостойным политического и морального доверия. Было приказано отправить меня в штаб фронта, где будет определена степень моей вины и назначено наказание.

Я провел последние часы с Кларой. У нее было двойное горе: поляки, к которым переходила Верхняя Силезия и, в частности наш городок Бойтен, требовали, чтобы все немцы перебирались на Запад в Германию. Семье Зигерт предстояло покинуть родной город. Ехать им было некуда и не к кому. Мы сидели в парке, кляня свою судьбу. Клара плакала. Потом она порывлась в сумочке, желая что-то подарить мне. Там ничего не нашлось, кроме старой, давно уже вышедшей из употребления, немецкой банкноты. Какой-то седой, хмурого вида немец с усами смотрел на нас с купюры. На той белой полоске бумаги, где помещаются водяные знаки, Клара обломком синего карандаша написала: „Mit wundenm Kuß“. Очевидно, я сентиментален: вот уже сорок лет храню я сей скромный сувенир — свидетельство того, что все это со мной действительно было: война, юность, любовь...

ГЛАВА 5. ВЕЛИКАЯ БЕЗДОМНОСТЬ

В середине 50-х годов по Москве ходил рассказ, который одни считали подлинной историей, другие – анекдотом. Американский газетный король Вильям Рандольф Херст, якобы, приехал в СССР, чтобы узнать, в каких условиях живут советские граждане. Знатного гостя принял маршал Жуков, который показал ему свою квартиру из шестнадцати комнат. Затем Херст навестил ректора Московского университета академика Петровского, который жил в двенадцати комнатной квартире. „Ну, а как живут рабочие?“ – допытывался гость. „Рабочие живут несколько хуже, – признался сопровождающий Херста чиновник министерства иностранных дел. – С жильем пока туго. Мы познакомим вас с передовым рабочим товарищем Ивановым, который вынужден пока жить в квартире, состоящей только из восьми комнат“. Приехали на завод, толпа сопровождающих лиц подвела Херста к станку товарища Иванова. „Это правда, что у вас в квартире восемь комнат?“ – спросил газетный король. „Да, это правда, восемь“, – ответил рабочий. „Не согласитесь ли показать мне свою квартиру?“ – спросил Херст. „Да, ко-

нечно..”, — начал Иванов и запнулся. „Вы можете сказать вашей жене, чтобы она не беспокоилась, — подбодрил его Херст. — Мы только посмотрим комнаты и сразу уйдем”. „Жена будет рада, — ответил Иванов, — но надо спросить разрешения также соседей, у тех семей, что живут в остальных семи комнатах нашей квартиры...”

Хотя описанная в анекдоте коммунальная квартира появилась впервые на Руси лишь после октябрьской революции 1917 года и появилась как прямое следствие установления советской власти, термина этого вы не найдете ни в одном советском словаре, ни в одной советской энциклопедии. Власти не любят упоминать об этом предмете. И не случайно. История возникновения коммуналок, как прозвал их народ, начинается тотчас после большевистского переворота.

„В 1920 году мы с мужем жили в городе Краснодаре, — рассказывает Ф. К., 88-летняя эмигрантка, живущая ныне в Нью-Йорке. — Муж был часовым мастером и служил в мастерской, которая принадлежала местному командованию Красной армии. Комнатка у нас была тесная. Однажды муж узнал, что можно занять комнату побольше. Он обратился к своему начальству, и мы получили ордер на заселение комнаты в доме одного священника. Дом был реквизирован, а священник выгнан с одной маленькой сумочкой. Так часто делалось в те годы: отбирали квартиры у бывших адвокатов, врачей, торговцев, дворян. В такие квартиры полагалось вселять людей пролетарского происхождения. Но мы, хоть и не были пролетариями, попали в этот список, поскольку имели отношение к армии. Там, где священник со своей женой жил вдвоем, поселилось шесть семей, 22 человека. На всех на нас приходилась одна уборная и одна ванная”.

Коммунальные квартиры власти сначала пытались превратить в коммуны, то есть создать сожителство людей с общим хозяйством и общими идеалами. Предполагалось, что, поселившись в бывших буржуазных квартирах, пролетарии создадут некое содружество, основанное на единстве классовых интересов. Но из этого плана ничего не получилось. Ежеминутно сталкиваясь на тесной кухне, в узких коридорах,

возле дверей единственной уборной, квартиранты-пролетарии быстро превращались в заклятых врагов. Крышки на кастрюлях начали запирать на замок, дабы противная сторона, то бишь соседка, не плюнула туда, не бросила в суп какой-нибудь гадости или не выкрала кусок мяса.

Увидев, что классового единения в коммунальных квартирах не получается, власти объявили этот тип жилья временным. „Вот только страна окрепнет, — обещали вожди 20-х годов, — начнем массовое жилищное строительство”. С приходом Сталина, однако, разговоры о жилищном строительстве умолкли. В следующие 30 лет в стране возводились плотины, заводы, казармы, барачные заводские общежития, концентрационные лагеря, дачи для генералов и работников ЦК партии, но только не жилые дома. Обычная городская отдельная квартира стала привилегией чиновников, военных и некоторых особенно приближенных к властям людей искусства. Миллионы продолжали жить в коммуналках. Даже сейчас после широко разрекламированной хрущевско-брежневской строительной программы в коммунальных квартирах Москвы и Ленинграда все еще живет никак не меньше 30—40 процентов населения, а в таких провинциальных городах, как Одесса, Архангельск, Симферополь, Курск, Владимир, большая половина населения только мечтает об индивидуальном жилье.

Даже если мы примем точку зрения, изложенную в пропагандистских советских изданиях, о том, что „ныне около 80% городских жителей имеют отдельные квартиры¹, то и тогда придется признать, что по крайней мере 30 миллионов человек в городах живут в коммунальных квартирах и общежитиях. Но с точки зрения интересов пары, важно не только, живет ли она в коммуналке или в отдельной квартире. Важнее всего, сколько человек обитает в комнате, где живут Он и Она. Между тем, в большинстве отдельных квартир пара по-прежнему вынуждена ютиться в одной спальне с кем-то из родственников. Нет никакой надежды, что поло-

¹ Н. Я. Соловьев. „Семья в социалистическом обществе”. М., „Политиздат”, 1981, с. 8.

жение изменится в ближайшие годы. И не только потому, что строят жилье медленно и недостаточно. Важнее другое: так называемая „санитарная норма” — количество квадратных метров, полагающихся на одного человека в СССР, составляет 9 м². Государство планирует таким образом не количество комнат, а лишь какое-то количество квадратных метров на семью. При таком расчете семью из 4 человек, состоящую из двух-трех поколений, по закону вселяют в две комнаты. Члены такой семьи с самого начала лишены элементарной свободы и независимости, а, следовательно, и семейного счастья. Так что к числу тех, кто лишен в советских городах насущно необходимого уединения из-за жизни в коммунальных квартирах, можно прибавить еще столько же мучеников из квартир отдельных. Это составит уже не тридцать, а 50—60 миллионов. И это только горожане. Что касается жителей колхозной деревни, то они в массе своей даже понятия не имеют об отдельных комнатах.

Но вернемся к семье часовщика из Краснодара. „Перед самой войной мы перебрались в Москву, — вспоминает Ф. К. — У нас с мужем был уже взрослый сын, который незадолго перед тем женился. В столице нам пришлось снова жить в коммунальной квартире на пять семей. Вчетвером мы занимали в этой квартире такую маленькую комнату, что в ней невозможно было поставить вторую кровать. Молодые супруги спали на полу у самой двери, выходящей в коридор. По коридору до полуночи топали соседи, звонил общий телефон. Если же ночью мне или мужу надо было выйти в уборную, приходилось переступать через наших молодоженов...”

Коммунальная квартира и переживания, которые она приносит людям, многократно описаны в советской литературе двадцатых годов. Имея в виду атмосферу слезки и доносительства, которая пышно расцветала в коммуналках, сатирики предвоенных лет Илья Ильф и Евгений Петров писали, что „социализм не приспособлен для адюльтера”. Но, как видно из предыдущего рассказа, социализм мало приспособлен и для законной супружеской любви. Какие уж там ласки на полу, у порога, за которым ходят посторонние люди.

В 1927 году Илья Ильф и Евгений Петров написали не лишнюю яркости сатирическую книгу „Двенадцать стульев”, а еще через три года в свет вышел их роман „Золотой теленок”. В обоих произведениях коммуналки описаны довольно точно. Но, верные заказу властей, писатели осмелили не дикую идею, по которой совершенно чужие люди вынуждены жить в общей квартире, а самих жильцов и те ужасные нравы, что неизбежно возникали между ними из-за тесноты и неудобства.

Вот картина, которая представилась двум героям романа в таком до отказа перенаселенном доме:

„Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти, в два аршина шириной каждый. Комнаты были похожи на пеналы, с тем только отличием, что кроме карандашей и ручек здесь были люди и примусы.

— Ты дома, Коля? — тихо спросил Остап, остановившись у центральной двери. В ответ во всех пеналах завозились и загалдели.

— Дома, — ответили за дверью.

— Опять к этому дураку гости спозаранок пришли, — зашептал женский голос из крайнего пенала слева.

— Да дайте же человеку поспать, — буркнул пенал номер два.

В третьем пенале радостно зашипели: „К Кольке из милиции пришли. За вчерашнее стекло”.

В пятом пенале молчали. Там ржал примус и целовались”.

Как живется влюбленным в этой фанерной коробке, где слышен каждый скрип и шорох? Что они чувствуют сами? Что говорят и думают о них соседи? Соседи своего мнения не скрывали. Хозяйка одного из пеналов объяснила гостю: „Они нарочно заводят примус, чтобы не было слышно, как они целуются. Но вы поймите, это же глупо. Мы все слышим. Вот они действительно ничего уже не слышат из-за своего примуса. Хотите я вам сейчас покажу? Слушайте! И Колина жена, постигшая все тайны примуса, громко сказала: „Зверевы дураки!” За стеной послышалось адское пение примуса и звуки поцелуев. „Вот видите? Они ничего

не слышат. Зверевы дураки, болваны и психопаты. Видите!” „Да”, — сказал Ипполит Матвеевич”¹.

Так выглядела любовь в коммунальной квартире в 1927-м. Что же принесло любящим следующее столетие советской власти? Обратимся к цифрам. На заданный в моей анкете вопрос „**ЧТО МЕШАЛО ВАШЕЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В СССР?**” ответили 140 человек. Анкета предлагала 18 вариантов ответа, но большинство отвечавших как на главный источник помех всякого рода указали на проблемы, связанные с жильем. **ОТСУТСТВИЕ КВАРТИРЫ**, как главный враг любовных отношений, отметили 126 человек из 140, то есть 90 процентов опрошенных. **ОТСУТСТВИЕ ОТДЕЛЬНОЙ СПАЛЬНИ** отметили 122 человека (87%) и, наконец, **ИЗЛИШНЕЕ ВНИМАНИЕ СОСЕДЕЙ ПО КВАРТИРЕ** отметили 93 человека, то есть 66,4%. Цифры выразительные, но какие реальные человеческие ситуации скрываются за этими процентами? На это отвечают полученные интервью. Хотя среди интервьюируемых бывших советских граждан есть и очень пожилые и очень юные, но в основном разговаривать приходилось с людьми в возрасте между 45 и 55 годами. Из СССР выехали они 3—4 года назад, так что события, которые они описывают, относятся к 60-м—70-м годам. Как же выглядела в эти годы по рассказам свидетелей личная жизнь советского гражданина?

„В Одессе по сей день каждая вторая семья живет в коммунальной квартире, — утверждает сорокалетний инженер В. Ф. — Я тоже жил в коммуналке, где обитало 8 семей, состоящих из 32 человек. В квартире была одна уборная, ванная без горячей воды и водопроводный кран на общей кухне. Из общего коридора все время доносились шаги, слышались телефонные звонки. В собственной постели я чувствовал себя как на городской площади. К тому же, нашему сыну было уже 9 лет, и по ночам его присутствие в комнате стесняло нас с женой. Судьба моей матери была не лучше. Она вышла замуж в конце 30-х годов, и ее кровать стояла за

¹ Илья Ильф и Евгений Петров. „Двенадцать стульев”. М., 1956, сс. 135—136.

шкафами в той же комнате, где спали дедушка и бабушка. Мама годами скрывала от родителей свою интимную жизнь. Нервное напряжение не прошло бесследно: она заболела мозговой болезнью”.

Другой одессит, шофер Илья П., 57 лет, дополняет своего земляка-инженера. У него были подруги, и это делало его особенно уязвимым в коммунальной войне всех против всех. „Приглашать к себе в дом женщину было крайне рискованно, — вспоминает шофер-одессит Илья П. — Я нарочно не выходил встречать ее на улицу, чтобы нас не видели вместе. Когда раздавался звонок у дверей, я мчался по коридору, чтобы открыть входную дверь раньше, чем выскочат любопытствующие соседки. Но мне редко удавалось избавиться от их расспросов: „Кто эта дама?” Даже если мои соседки не успевали рассмотреть прищелицу, они не терялись: через пять—десять минут после ее прихода раздавался стук в дверь и одна из соседок всовывала в комнату свою голову: „Будьте добры — ложечку соли”. Соль была тут ни при чем, просто этим бабам не терпелось узнать, кто пришел, как она выглядит, одет ли я или раздет, какое у меня выражение лица. Вся эта информация немедленно становилась предметом обсуждения на общей кухне, во дворе, на улице”.

Для надзора над обитателем коммунальной квартиры есть и другая причина. Дворник дома — профессиональный информатор милиции и КГБ. В этих организациях желают знать подноготную каждого гражданина. Илья мог убедиться: им это удастся. Когда он подал документы на выезд из страны, чиновник в ОВИРе (отдел КГБ, выдающий разрешения на выезд) выговаривал ему: „Мы про тебя все знаем: ты баб к себе водишь. Смотри, за такое поведение мы можем тебя не выпустить. И что это за мода — тебе 52, а женщина к тебе ходит 27 лет...” Столь точную информацию чиновник мог получить только от дворника или соседей незадачливого шофера. Кстати, такая интимная информация служит властям для любых форм давления, для отказа в выезде („аморальное поведение!”) и для других форм административного преследования.

Столкнуться по поводу своей личной жизни с милицией

пришлось и тому инженеру-одесситу, чье интервью мы привели выше. В середине 70-х годов он разошелся с женой и до выезда из СССР несколько лет жил один. По доносу соседей его дважды вызывал к себе участковый милиционер. „К тебе ходят женщины, — грозно начинал страж закона. — Почему ты занимаешься развратом?“ „Я не занимаюсь развратом, — оборонялся инженер, — ко мне ходит одна женщина. Это моя подруга“. „Но ведь ты с ней не расписан, на каком же основании она к тебе ходит?“ — не унимался милиционер. „Мы любим друг друга“. „Если любишь — женись, — резюмировал милиционер, — а бардак тут устраивать мы тебе не позволим“. Была в этих диалогах, происходивших в 1975 году, еще одна деталь, отражающая темноту и элементарную безграмотность массовой советской публики. Милиционер говорил: „Вот ты водишь к себе женщину, а в квартире одна уборная и одна ванная, а вдруг она больная и заразит соседей?!“

О подобных беседах в милиции и домоуправлении я слышал также от бывших жителей Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова. Обвиняемым оставалось только обороняться и лепетать, что „больше этого не повторится“. Малейшая попытка защитить свою независимость могла закончиться для них плачевно.

Однако наиболее тягостные переживания ожидают обитателей коммунальных квартир даже не в милиции, а у себя дома в собственной комнате. „Мне было за 30, когда я любила одного человека, — рассказывает москвичка Евгения Г. — Предыдущая моя личная жизнь складывалась неудачно, и я надеялась, что, наконец, настал мой счастливый час. Я жила с матерью в одной комнате, мой друг тоже жил в единственной комнатке своих родителей. Моя мать не позволяла привести его к нам, поскольку он был русским, а мы — евреями. Родители моего друга тоже были против нашего брака. Пять лет мы встречались на лестницах. Наконец, его семья сжалилась над нами и разрешила мне оставаться в их комнате на ночь. Я обрадовалась: наконец-то у нас будут человеческие условия жизни. Но начались страдания другого толка. Нам стелили на полу. От кровати родителей наше ло-

же отделял только обеденный стол. Мысль о том, что его мать слышит каждый шорох, убивала меня. Я лежала окаменевшая, боясь пробуждения чувства. Выручало нас только одно. Рядом с домом (это был небольшой деревянный домик) проходила линия трамвая. Трамвай в этом месте поворачивал за угол и вагоны на повороте скрежетали и визжали немилосердно. Возможно, другие жильцы проклинали трамвай, но мы с моим другом его благословляли. Те считанные секунды, пока вагоны громыхали под окнами, принадлежали нам и только нам... А потом снова — тишина, окаменелость, страх...”

Другая российская пара в подобной же ситуации разрешала проблему более радикально. „Нас выручали радиопередачи, — признается уроженец Курска, 42-летний библиотечарь Б. В. — В квартирах некоторых простых людей в СССР радио не выключается круглые сутки. Люди попросту не замечают его. Мы с женой, расписавшись и не имея собственного жилья, сняли комнату, вернее угол комнаты, как раз в таком доме, где радио пело и орало с 6 утра до 12 ночи. Хозяйка спали в двух шагах от нас. Мы нарочно усиливали звук радио в ночные часы. В это время нередко радио передает оперы. Оперные сопрано и теноры, поющие о любви, помогали нам оградить нашу собственную любовь от назойливого внимания посторонних”.

То, что молодые пары так старательно укрывают свою личную жизнь от взора и слуха окружающих объясняется не только естественной стеснительностью юных супругов. В Советской России всегда существует реальная опасность вторжения третьего в интимный мир двоих. Такое вторжение частично основано на зависимости, в которой молодые оказываются от своих родителей или тех, кто сдает им комнату. Но в значительно большей степени право на вторжение старшее поколение черпает из российской исторической традиции, восходящей к книге XVI столетия „Домострой”. „Домострой” утверждает право главы дома не только указывать, как надлежит жить членам семьи, но и наказывать их в случае непослушания, не взирая на возраст. Идеи „Домостроя” не умерли кое-где до сих пор, и моло-

дые пары чувствуют на себе влияние домостроевских принципов.

Доктор И. Ю. из Симферополя (Крым) рассказал об одном из своих пациентов. Молодой человек, недавно окончивший инженерный факультет, пришел к медику с жалобой на половую импотенцию. Инженер был женат, женился по любви, имел годовалого ребенка и жил в комнате тещи. Однажды ночью, когда они с женой, понадеявшись на то, что мать уснула, дали волю своим чувствам, с соседней кровати раздался строгий голос: „Вы там не слишком скрипите. Я за вторым ребенком ухаживать не стану. Хватит с меня одного”. Этих трех фраз оказалось достаточно, чтобы пациент доктора И. Ю. полностью потерял свои мужские достоинства. „Во всем остальном этот парень был абсолютно здоров, — говорит врач. — Я предложил ему курс психотерапии, но главным условием выздоровления поставил его переезд из квартиры тещи”. „Легко сказать — переезжай, — отозвался молодой инженер. — А куда? На заводе квартиру мне дадут не раньше, как через пять лет, а снять комнату у частника — зарплату не хватит”.

Надо заметить, однако, что вмешательство родственников в половую жизнь пары далеко не всегда носит в России агрессивный характер. Случается (и очень часто) наоборот: близкие хотят выразить молодоженам свою заботу и симпатию. Очень красивая, хотя и несколько повышено возбужденная дама из Риги вспоминает, как через месяц после свадьбы мать мужа, с которой они жили в одной комнате, с радостной улыбкой остановила ее на кухне: „Поздравляю! Сегодня ночью ты вскрикнула, скорее всего ты забеременела. Как я рада! Мне так хочется иметь внука...” Будущая бабушка обняла невестку, убежденная, что сообщила ей нечто весьма приятное. Но у молодой женщины разговор на кухне вызвал, наоборот, отвращение и жгучий стыд. Ей было противно, что выражение ее сокровенных чувств подслушивает чужая женщина. „Я отошла от матери мужа как оплеванная. В тот же день я сказала ему, что либо он немедленно снимет квартиру — где угодно, за любые деньги! — или я разведусь с ним”.

Жизнь с родителями ежегодно разрушает в СССР множество браков. Вот типичный пример. Техник одного из московских заводов Любовь Е., 35 лет, многие годы жила с отцом, матерью и старшей сестрой на Арбате в комнате площадью 11 квадратных метров. Сестра вышла замуж и привела в комнату пятого. Родители были в высшей степени терпеливы и дружелюбны по отношению к новой семье. „Мы ставили ширму к кровати сестры и ее мужа, я старалась приходить домой по вечерам как можно позже, — говорит Любовь Е., — но все это не помогало. Между молодыми буквально с первого дня начались ссоры, необъяснимые обиды, взаимное раздражение и они скоро разошлись. Я уверена, что причиной их развода была наша ужасная комната-клетка. Позднее, когда я сама вышла замуж и мне пришлось спать с мужем в одной комнате с его матерью, я поняла страдания моей старшей сестры. Присутствие постороннего человека рядом с супружеской кроватью — невыносимо. В конце концов мы с мужем тоже разошлись”.

В моем досье несколько десятков подобных историй, произошедших с молодыми и не слишком молодыми парами в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Вильнюсе, Одессе, Казани. Эпидемия разводов, вызванная необходимостью для молодоженов жить с родителями, продолжается в СССР, и конца ей не предвидится. Можно сказать больше: уже сегодня планируются будущие разводы, ибо, вступая в брак, молодые люди заранее знают, что жить им многие годы придется с родителями жены или мужа. По данным обследования, проведенного демографом А. Г. Волковым в Новосибирской области, с родителями в городе живет 16,7% супружеских пар, а в сельской местности — 18,6%. Таким образом 35,3% молодых пар с первых шагов начинают свою жизнь в условиях, губительных для нормального брака¹. Цифра эта чрезвычайно устойчива для всей страны.

¹ Волков А. Г. „Анализ структуры семьи для прогноза числа семей и их состава” — в книге „Проблемы демографической статистики”. М., 1966, с. 39.

Конечно, поженившиеся студенты могут получить на двоих комнату в студенческом общежитии. Но, во-первых, таких маленьких комнат в общежитиях мало. А во-вторых (и это главное), — мальчик и девочка должны быть из одного института, оба должны хорошо учиться, а главное — быть на хорошем счету у администрации института, у комсомольской организации и у организации партийной. В жизни такое сочетание не всегда удается.

Доктор Грошев — врач-сексолог из Новосибирского Академгородка, выступающий с лекциями на темы плотской любви перед студентами и научными сотрудниками Академгородка, рассказывает такой случай из практики. К нему пришли муж и жена, студенты четвертого курса, и пожаловались на то, что, хотя они уже полгода состоят в браке, но их сексуальная жизнь не ладится. Врач осмотрел их и успокоил: дело поправимое. Он дал им таблетки и проводил в специальную комнатку при своем кабинете, где для такого рода пациентов стояла застеленная свежим бельем кровать. Врач предложил супругам провести в постели полчаса и затем обсудить с ним свое состояние. Супруги вышли из комнаты не через полчаса, а через два. Они были явно довольны и от души благодарили медика. „Я ответил им, — вспоминает доктор Грошев, — что благодарить меня не за что. Я знал, что у них нет ничего серьезного, просто психологический ступор. Лекарство, которое я им дал, — обычная сода. Так что с моей стороны была предпринята обычная психотерапия. И молодые сами себя вылечили”. В ответ на это супруги объяснили врачу, что никакого ступора у них нет и не было. Они совершенно здоровы.. Но, к сожалению, нет у них и собственной комнаты. „Вы, доктор, дали нам на эти два часа то, что нам более всего не хватало — квартиру и постель. За это вам большое спасибо”.

Но вот бездомная пара как-то обзавелась крышей над головой: молодые ли сняли комнату или получили, наконец, жилье на работе. Теперь как будто можно порадоваться жизни. Но над молодой семьей уже нависает новая угроза: подрастают собственные дети. „Одна молодая пара, — гласит анекдот, — пожаловалась врачу на то, что половой акт не до-

ставляет им удовольствия. Врач посоветовал мужу и жене совершать половой акт при зажженном свете. Через неделю супруги снова пришли на прием. „Получаете удовольствие?“ — спросил врач. — „Мы — нет, — ответили супруги, — но дети очень большое...“

Интерес к сексуальным отношениям малыши начинают проявлять с 6–7 лет. С этого возраста ребенок начинает присматриваться и прислушиваться к тому, что происходит в постели родителей. Отец и мать отвечают на детское рано разбуженное любопытство в соответствии с уровнем своей культуры. „Рядом с нами, — рассказывает московская журналистка И. Ч., — жила молодая семья, которая всегда казалась мне прочной и дружной. У инженера Пети и его жены, милой Тонечки, счастливых владельцев двухкомнатной квартиры, было двое детей, 14-летний Коля и 5-летняя Наташа. И вот однажды, явно стесняясь, соседка спросила, нет ли у меня на примете свободной квартиры, которую можно было бы снять на время. Я удивилась: неужто скромница Тонечка завела любовника? Спросила ее напрямик: „Тебе для встреч?“ — „Ну да, — смущенно подтвердила Тонечка. — Дети подросли, мы с Петей все время под наблюдением, ни на одну ночь не можем уединиться. Вот и решили квартиру поискать, чтобы хоть раз в неделю побыть наедине...“

Москвичи Тонечка и ее Петя — люди деликатные. Значительно чаще в семье происходят события, подобные тем, что описаны в одном из советских анекдотов. Мальчик лет восьми приходит в школу со свежей шишкой на голове. „Что случилось?“ — спрашивает учительница. „Папа ударил“, — отвечает малыш. „За что же?“ „Сам не знаю. Мы легли вчера спать, моя кровать стоит рядом с кроватью мамы и папы. Погасили свет, немного полежали, потом папа спросил: „Сережка, ты спишь?“ Я отвечаю: „Нет, не сплю“. И вдруг, не знаю за что он как меня стукнет по голове“. На другой день мальчик пришел в школу со второй шишкой на лбу. Опять папа ударил. Мальчик рассказывает: „Погасили свет, полежали немножко, потом папа спрашивает: „Сережка, ты спишь?“ Я молчу. Папа говорит: „Ну, тогда поехали“. Я спросил: „Куда?“ И опять получил по лбу...“

В обыденной жизни все выглядит куда более грустно, чем в анекдоте. Подсматривание и подслушивание интимных сцен вызывает у детей чаще всего острую нервную реакцию. Бывший ленинградец, ныне житель Нью-Йорка, врач-психиатр Г. С., 42-х лет, вспоминает разговоры с товарищем, с которым он учился в школе. Мальчик рассказывал ему, что в их квартире по ночам происходят ужасные сцены: папа ложится на маму и мучает ее. Мама стонет и произносит нехорошие слова. „Мне хочется встать с постели и хорошенько стукнуть его, чтобы он не обижал маму”, — признавался мальчик своему товарищу. Ревность и страх копились в его душе и порождали чувство конкуренции с отцом. Он нарочно ворочался в своей постели по ночам, чтобы дать понять родителям, что он не спит и все слышит. В ответ на эти демонстрации сильно выпивавший отец бил сына тяжелым солдатским ремнем. В результате таких стрессов психике мальчика был нанесен серьезный ущерб.

Если у ленинградского мальчика чувства страха и конкуренции вызывал отец, то десятилетняя девочка из города Кисловодска (Кавказ), также жившая в одной комнате с родителями, все свои чувства обратила к матери. Она требовала, чтобы мама лежала в постели только с ней и ни в коем случае не ложилась рядом с папой. Ребенок спал очень тревожно, просыпался от каждого шороха. По воспоминаниям родственницы девочка истерически рыдала всякий раз, когда обнаруживала своих родителей в одной постели. В основе поведения девочки лежал страх перед сексом, смысла и назначения которого она не понимала. Родители раздражались, расстраивались, наказывали свою маленькую дочь, но изолировать ее на ночь не имели возможности: у этих служащих среднего положения не было никакой надежды когда-либо обрести квартиру хотя бы из двух комнат.

Великая бездомность любящих рождает порой не только трагические, но и трагикомические ситуации. В Киеве в перенаселенной квартире жила пара научных работников. Молодые супруги пытались по возможности скрывать от соседей свою личную жизнь. Но укрыться от любопытства „общественности” в коммуналке крайне трудно. И вот что случи-

лось одним зимним хмурым утром. В тот час, когда растрепанные и полусонные хозяйки готовили на общей кухне завтрак для своих спешащих на работу мужей, из комнаты молодых интеллигентов вышла их четырехлетняя дочь. Очевидно, она только что проснулась и, не найдя в комнате мамы, отправилась ее искать. Малышка протерла кулачком глаза и вдруг радостно закричала: „Мамочка, ты, оказывается, здесь! А я думала, что ты опять под папочку спряталась...” Нетрудно вообразить, какое радостное ржание раздалось в кухне и с каким великим стыдом бежала в свою конуру бедная интеллигентная мама...

До сих пор мы говорили о бесприютности супружеской пары. Но есть категория мужчин и женщин, для которых уединение еще более недостижимо. Это те, кто официально не состоят в браке. Таких любовников в СССР с каждым десятилетием становится все больше, ибо все меньше и меньше остается в стране семей и семейных людей. Вместо 66,3 миллионов семей в 1970 году их оказалось 58,7 миллиона в 1979-м¹. В стране нарастает число одиночек обоего пола.

Этически это крайне разнородная публика. Кто-то кого-то любит, кто-то кого-то хочет, чья-то душа томится от одиночества и готова прибиться к любому берегу, где веет человеческим теплом. Есть и просто молодые существа, достигшие физиологической спелости, которые не знают ничего другого, кроме того, что они созрели для секса. Миллионы одиночек — это народ. И нет смысла морализировать по поводу поведения целого народа. Для историка и социолога, очевидно, разумнее не порицать, а собрать факты и попытаться объяснить их. Главный факт состоит в том, что в СССР, как и на Западе, идет распад семей, атомизация общества. Сам по себе процесс этот — не зло и не добро. И я не думаю, чтобы атомизация непременно убивала в людях искреннее любовное чувство. Может быть, даже наоборот. Но в Советском Союзе покинувший семью человек-атом сразу оказывается в западне бездомности. Бездомность определяет все его поведение. Люди лишены крыши в самом прямом и грубом

¹ Население СССР. М., 1980, с. 17.

смысле слова. Молодые, вступающие в жизнь мужчины и женщины, еще не имеют квартиры, разведенные уже ее не имеют. Эти миллионы постоянно пребывают в заботе о временном пристанище, где они без помех могли бы соединиться со своими любимыми.

„С тех пор как я стал мужчиной, — говорит 30-летний компьютерщик из Ленинграда Б. С., — передо мной постоянно стоял этот вопрос: ГДЕ? Где встретиться? Куда привести девушку? В родительском доме я имел комнату, но родители, конечно, не потерпели бы, если я привел к себе подругу. В ленинградские гостиницы войти нельзя из-за нашей с ней прописки: нам ни за что не дали бы номер, как ленинградцам. Кроме того, в наших паспортах обозначено, что мы — не муж и не жена. Иногда родители уходят в гости, но это случается не чаще трех-четырёх раз в год. А где встретиться в остальное время? Мои ровесники вечно ломали голову над этой проблемой: ГДЕ?”

Компьютерщик из Ленинграда — вовсе не сексуальный маньяк. Он — нормальный здоровый парень, живущий в ненормальных условиях. Его встречи чаще всего происходили в подъездах домов на грязном подоконнике. Пыльное окно, облупившиеся, давно некрашенные стены. Тусклая лампочка под потолком. Он сидит или стоит со своей избранницей возле лестницы. Мимо проходят в свои квартиры жильцы. Соседи косятся на парочку, парочка — на жильцов. Одна из соседок обзывает их хулиганами и вызывает милиционера. Милиционеру не хочется возиться с мальчишками и девчонками, вести их в милицию. Он лениво спрашивает: „Ты здесь живешь? Нет? Уходи”. И они уходят в другой подъезд, в другую подворотню.

В российских городах о подъезде, как месте свиданий, много говорят, ибо это действительно г л а в н о е место, где бездомные могут встретиться. Есть даже поклонники так называемого парадного подъезда. Один из них, москвич, 44-летний скульптор М. К., перефразируя известное латинское выражение о постели, утверждает, что „Мы рождаемся в парадном, любим в парадном и умираем в парадном”. Как истинный бездомный одиночка, он даже находит в этом

уголке свою прелесть: зимой там тепло, летом — прохладно, ночью почти тихо и почти безопасно. Это — философия нищего, но скульптор и не скрывает своей нищеты. „У сынков элиты, — вспоминает он, — „хата” (сленг — квартира для встреч) свободна хотя бы тогда, когда родители уезжают в командировку или уходят в гости. У меня вообще не было квартиры и подъезд заменял мне нормальное жилье”.

Мой собеседник знает жизнь подъезда во всех деталях. Совсем не обязательно стоять внизу возле лестницы и привлекать внимание жильцов. Можно подняться по лестнице на самый верх — туда, где находятся двери на чердак. Чердак, конечно, заперт, но можно устроиться на ступеньках. Надо только вести себя как можно тише, чтобы соседи не вызвали милицию. Тут-то, главным образом, и процветает любовь. Конечно, кругом не видно ни зги, пахнет кошками и мочей. Но если хорошенько выпить, запахов не чувствуешь. Девушке тоже надо выпить. И не только для того, чтобы она не ощущала противные запахи, но чтобы преодолела страх и стыд. Мужчина может при этом пить из горлышка бутылки, но ради дамы он должен совершить джентльменский поступок: украсть стакан в ближайшем кафе или в автомате, торгующем газированной водой. „Итак, слава парадному подъезду, этому раю массовой любви!” — несколько наигранно бодро заканчивает свой рассказ жизнерадостный скульптор.

Любовь на лестнице, „там, где лифт ночует”, породила множество историй и анекдотов, в основном посвященных взаимоотношениям пары с милицией и соседями-квартирантами. Подспудный и явный страх любовников присутствует почти во всех этих произведениях народного гения. „Устроились двое в подъезде, на фанерном листе. Все у них хорошо, уже расстегнулись, уже он на нее лег и вдруг откуда ни возьмись — милиционер. „Вы что тут делаете!” — „Мы? Мы — ничего...” — ответил мужчина. И чтобы показать милиционеру свою полную невинность поднял руки. А в руках — оторванные уши...” Такой вот юмор.

Но подъезд, конечно, банальность. Люди с развитой фантазией и склонностью к экстремальным решениям находят

приют в более интересных местах. Например, одинокая милостивая дама, редактор московского издательства, вспоминает, что, когда ей было чуть за тридцать, она, чтобы сбалансировать свои интимные желания и ограниченные жилищные возможности, начинала романы в сентябре. „Мы сядились с моим очередным другом в вагон электрички и ехали до тех пор, пока не видели за окном стога. Стога свежего сена были нашими спасителями до самой зимы”.

Впрочем, в резко континентальном климате средней полосы Советского Союза стог не всегда достаточная защита от непогоды. Поэтому большинство любителей ищут убежище в более цивилизованных условиях. Несколько москвичек — журналистки, преподаватели институтов — с глубоким чувством вспоминают прогулочный пароходик, который на несколько часов, а порой и на несколько суток отправлялся из речного порта Химки в Москве по окрестным рекам и каналам. Пассажиров, получавших при вступлении на корабль ключ от каюты, красоты Подмосковья интересовали мало, свежий воздух — тоже. Парочки быстро разбежались по каютам, запирались там и не появлялись на палубе до самого возвращения в порт. Их восторг можно понять: наконец-то они в полной (или в почти полной) изоляции и безопасности, наконец-то у них никто не спрашивает паспорт и прописку. Благодарные москвички-одиночки окрестили пароход-благодетель **ПЛОУЧИЙ ДОМ ЛЮБВИ**. Однако ленинградцы, которые по любому поводу проявляют ревность к Москве и москвичам, утверждают, что не москвичи, а они, ленинградцы, первыми оценили и освоили удобства прогулочных корабликов. Прогулочному судну, которое уплывает по реке Неве в Ладожское озеро и возвращается в Ленинград через две ночи и один день, они торжественно присвоили имя **ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН**.

Хитроумные одесситы также внесли свой вклад в изыскание оригинальных приютов любви. В одесских банях за сравнительно скромную плату можно на 45 минут получить отдельный номер на двоих. Освоили эти номера в первую очередь любители. Конечно, 45 минут для любящих сердец срок явно недостаточный, но, за неимением лучшего, одесси-

ты соглашались и на это. Власти, однако, заметили свой промах и ужесточили банный режим. Теперь, при покупке билета в отдельный номер, пара обязана предъявить паспорт, где четко обозначено, что они — муж и жена. Таким образом, порок в одесской бане был разоблачен и наказан, а добродетель восторжествовала.

Летом пары пытаются укрыться в городских садах и парках. Главный парк в советском городе, как правило, называется Парком Культуры и Отдыха. Культура представлена обычно фанерными щитами с портретами передовиков производства и цифрами, относящимися к надою молока и выплавке стали. Что же касается отдыха, то влюбленные там его чаще всего не находят. Целующаяся пара немедленно становится объектом милицейского допроса. „Кто? Почему? Предъявите паспорта”. Но если по отношению к тем, кто целуется днем, милиция проявляет сравнительную терпимость, то попытка пары найти в парке приют ночью пресекается самым жестоким образом. Перед закрытием Центрального Парка Культуры и Отдыха имени Горького и Нескучного сада в Москве группы охранников с фонарями прочесывают все кусты и подозрительные углы. В Ереване (Армения) задержавшиеся в городском парке пары изгоняются со свистом, улюлюканьем и собачьим лаем. Осуществляют такие еженощные операции отряды активистов по указанию городской комсомольской организации и милиции. В Харькове (Украина) милиционеры и дружинники, наоборот, предпочитают устраивать на влюбленных засады. Они выслеживают пару, дают ей спокойно устроиться где-нибудь в кустах, а затем уже с гиканьем выскакивают и тащат в участок. Предъявленное в таких случаях обвинение гласит: „нарушение общественного порядка” и наказывается штрафом. „В чем вы видите порядок?” — спросил харьковский студент, которого задержали, когда он целовался со своей девушкой. „В том, чтобы таких действий не было, — ответил офицер милиции. — Мы не допускаем разврата”.

Впрочем, в разных городах СССР блюстители морали действуют в таких ситуациях по-разному. Чаще всего они просто пугают пару, оскорбляют женщину, издеваются над муж-

чиной, угрожая написать на работу. Но в Баку (Азербайджан), в Ташкенте (Узбекистан) и других восточных городах милиция видит для себя смысл охоты за парами в том, чтобы получить у задержанных взятку. Случается, что, не удовлетворившись деньгами и видя испуг молодых, милиционеры насилуют девушку. Так многократно случалось не только в Баку, но в Одессе и Киеве (Украина). Но в любом случае арест на любовной почве всегда носит надругательский характер и приводит девушек к тяжелым нервным потрясениям. После милицейских издевательств, когда мужчина вынужден униженно отмалчиваться, выслушивая оскорбительные выпады по отношению к своей даме, даже самые нежно любящие пары распадаются. Женщины не могут простить мужчинам трусость и предательство.

Известно несколько случаев, когда нападение на пару во время полового акта приводило к тяжелым травмам. Один такой факт описан в книге ученого-сексопатолога (естественно, без ссылок на милицию). Женщину, пострадавшую в парке, доставили в ленинградскую больницу с разрывами влагалища. О другом случае рассказала московская адвокатесса. Ей пришлось защищать в суде молодого человека, которого обвиняли в убийстве. Он и его дама занимались в Сокольническом парке (Москва) оральным сексом. Появилась милиция. Испуганная дама захлебнулась и умерла. Молодому человеку грозило весьма строгое наказание. Прокурор метал против „убийцы” грома и молнии. Юношу спасла адвокатесса, которая потребовала, чтобы прокурор четко сформулировал, каким именно оружием убийца сразил потерпевшую.

Московская милиция — еще не самое страшное из того, с чем приходится иметь дело любовникам в СССР. В провинции столкновение с милицией гораздо опаснее. Там она всеильна и крайне груба. Летом 1962 года в городе Запорожье (Украина) милиционеры схватили двух студентов, которые позволили себе целоваться на трибунах городского стадиона. Девушке было 16, она училась в авиационном техникуме. Училась отлично, была общественницей, любимицей курса. И тем не менее милиционеры привезли задержанную в

техникум, приказали директору собрать общее собрание студентов и профессоров и принялись публично позорить девушку. Ее исключили из техникума. О ней говорил весь город. Эпизод на стадионе сломал ее жизнь. Чтобы как-то спастись от пересудов, она вышла замуж за того юношу, с которым ее поймали. Брак не мог быть удачным, она это знала. Но другого выхода не было. Через несколько лет она разошлась с мужем и сама стала воспитывать ребенка. Но и позднее, через много лет, встречая ее на улице, посторонние люди шептались: „Это – та. На стадионе...”.

Впрочем, вся эта экзотика: парковые скамейки, стога сена, банные номера, прогулочные парходики и стадионы больше подходит молодежи. Людям постарше хочется, чтобы встреча с любимой содержала хоть какую-то степень уюта и комфорта. Им нужна квартира, своя или на крайний случай чужая, но квартира... У себя в дневниках я обнаружил запись, сделанную в 1972 году относительно судьбы немолодой, одинокой женщины, московской кассирши Эли М. Эля – добрая и живая натура, давно уже потеряла мужа, но не утратила интереса к мужскому полу. Однако ее встречи с любовником, также немолодым человеком, были крайне усложнены из-за того, что Эля не имела своего жилья. Много лет она прожила в 16-метровой комнате с женатым сыном и двумя внуками. Пригласить друга к себе она не могла, а поездки к нему домой оскорбляли ее как женщину. „Я хотела бы принимать его у себя, угощать, окружать его заботой, – признавалась она мне. – В его холостой квартире я чувствую себя шлюхой”. И вот, после бесконечных хлопот и многолетних ожиданий, на 58 году жизни Эля получает комнату. Нет, не квартиру, а комнату в огромном коридоре коммунальной квартиры, куда выходят двери еще 8 комнат. Эля пускает в ход всю свою энергию, растрчивает свои скромные сбережения и в один прекрасный день становится владелицей дивана-кровати, шкафа и нескольких стульев. Ее старый друг дарит ей подержанный холодильник и обещает телевизор. В первую ночь она плохо спит. Квартира выходит окном на шумную улицу. Кто-то ходит по коридору. Свет уличного фонаря бьет ей в лицо. Но что все это

значит, если у Эли в первый раз в жизни с в о я комната. Она просыпается ночью и плачет, плачет от счастья...

Эле М. повезло, хотя, откровенно говоря, поздновато. А что делать тем, кто не имеет даже такой комнатухи? Конечно, сейчас не 30-е годы. За 30 лет существования хрущевско-брежневской строительной программы квартир стало больше. Тот, у кого есть деньги, сегодня может снять в Москве жилье у какого-нибудь отъезжающего на Север летчика или у разбогатевших супругов-лавочников, которые купили вторую квартиру на тот случай, что их нынешний сын-школьник подрастет и женится. Итак, квартиры есть, желающих снять их для любовных встреч тоже достаточно. Важно только держать сделку в секрете (в этом заинтересованы обе стороны) и договориться о цене. Цены на „холостые квартиры” высоки. И это заставляет джентльменов соединять свои финансовые усилия, чтобы снимать квартиру на паях. В середине 70-х такую квартиру для любовных встреч снимали в Москве восемь журналистов. В квартире, расположенной в новом районе города, на стене висело расписание, где обозначены были часы счастья каждого пайщика. В том же расписании указывалось, кто когда меняет белье и кто когда относит простыни в прачечную.

Существование таких тайных квартир в городах СССР ныне уже стало обыденным делом. Я знал о существовании их также в Ленинграде, Ташкенте, Таллине. В Одессе квартиру снимали три инженера. Все они были женаты и это делало их финансовые возможности ограниченными. Но их подруги — врачи и учительницы, понимая сложность ситуации, вносили свою дань в оплату общего приюта любви. Женщины же по договоренности заботились и о том, чтобы в доме было всегда мыло, чистые полотенца, кофе, выпивка и, вообще, все необходимое для комфортабельного сексуального времяпровождения. В квартире никто не жил. В ней только спали. Все три пары имели ключи, но, на всякий случай, собираясь провести со своей подругой несколько часов в тайном убежище, инженер-пайщик обзванивал двух других своих товарищей. Недоразумений почти не случалось. Только однажды пара, лежащая в постели, была поднята второй,

ворвавшейся в дом парой. „Но, — как разъясняет участница событий, — люди свои — разобрались...”

Чужая квартира, конечно, место всегда чреватое непредсказуемыми обстоятельствами. У красивой одесской дамы возник роман с интересным интеллигентным мужчиной. Развивался роман бурно, и дама, нарушив супружескую верность, готова была на все. Но долгое время она и ее любимый не могли сыскать места для удовлетворения вспыхнувших чувств. Наконец, он взял у своего приятеля ключ от квартиры. Приятель-инженер, который лишь недавно получил жилье в новом доме, разрешил любовникам проводить у него несколько дневных часов, пока он сам находится на службе. Новые дома хрущевско-брежневской постройки, куда отправилась наша пара, очень точно описаны в книге американского журналиста Р. Кайзера („Россия: власть и народ”). Кайзер назвал скопление крупнопанельных коробок из бетона на окраинах русских городов „гигантским гнездовищем”. Пара приехала в район таких неразличимых между собой коробок, „где, — по словам Кайзера, — на обширном пространстве стояли однообразные шеренги однотипных башен”, поднялись на указанный в адресе этаж и принялись отпирать дверь. Замок не поддавался, но мужчина нажал на дверь плечом и она распахнулась.

Квартира оказалась очень милой: ванна, приятные запахи, фрукты на столе. Правда, пара обнаружила в прихожей дамские туфли, но, кто знает, может быть, хозяин-холостяк держал их для своей подруги... Разнежившись, влюбленные бросились в свежестеленную постель и совсем уже готовы были предаться ласкам, когда вдруг рядом с кроватью она увидела детские игрушки и башмачки. „Боже мой, мы попали в ч у ж у ю квартиру!” — ахнула дама. Страсть мгновенно испарилась. Он и Она выскочили из постели и начали торопливо одеваться. Но что делать со сломанной дверью? Как люди порядочные и интеллигентные, они не решились оставить двери незапертыми. Он помчался на улицу искать мастера, который починил бы замок. Спешно покидая квартиру, пара, тем не менее, успела оставить на столе записку, в которой Он и Она честно объяснили хозяевам причину и

обстоятельства своего вторжения. Увы, эта неудача убила только что зародившийся роман. Красивая дама, впервые решившаяся на встречу в таких экстраординарных условиях, увидела во всем случившемся рок и навсегда пресекла отношения с мужчиной, у которого не оказалось своей комнаты.

Эта история — лишь одна из многих, рассказанных мне, когда встреча любовников „на стороне” приносила им унижения и вела к краху их близости. Собственно, тот, кто в советских условиях ищет приюта в чужом доме, почти всегда должен быть готов к унижительным процедурам. Это особенно неизбежно в тех случаях, когда комнату приходится брать у незнакомых людей. За последние годы возник слой одиноких пожилых, малокультурных и склонных к наживе женщин, которые готовы пустить в оборот свою комнату на те часы, когда они уходят на работу. Их жилье, как правило, находится в коммунальной квартире, где много других жильцов. Хозяйка рискует. Если соседи донесут — ей грозит несколько лет лагерей за „содержание притона разврата”. Но в то же время ей и заработать хочется. В результате возникает компромисс: хозяйка согласна впустить пару на несколько часов, но с тем, что эти двое остались в комнате закрытые на ключ. При этом они, не дай Бог, не должны шуметь, чтобы кто-нибудь в квартире не заподозрил неладного. Сидеть под ключом в чужой комнате, не имея права выйти даже в уборную (о ванне в такого рода квартирах и речи нет), — удовольствие небольшое. Но бездомность толкает любовников принять и такие условия.

... Бывший советский журналист, ныне живущий в Вашингтоне, Илья Суслов, как-то заметил: „Наши любовные приключения проходили в подъездах, на лавочках парков культуры, в коммуналках с фанерными стенками. Мы любили молча, стискивая зубы, чтобы не услышала тетя Груша из соседнего подъезда”¹. Все это так. Но в жизни советского гражданина бывают и другие моменты, случается ему подчас резко менять свое поведение и в том числе поведение сексу-

¹ „Новое Русское Слово”. Нью-Йорк. Илья Суслов. „ Мои автографы”, 14 сентября 1980.

альное. Это происходит, когда по собственной или государственной надобности гражданин куда-нибудь выезжает. После месяцев и лет будничной рутины любая дальняя дорога, будь то поездка в Дом отдыха, служебная командировка и даже выезд осенью в деревню, где горожан обязывают помогать крестьянам убирать урожай, воспринимается как подарок судьбы.

Выезд за пределы родного города, дома, места работы означает прежде всего увеличение количества свободы. Человек избавляется от пристального надзора домашних, соседей, парткома, месткома, наконец, милиционера из близлежащего милицейского участка. Для того, чья воля постоянно подвергнута давлению извне, ослабление контроля есть сигнал к действиям бесконтрольным и запретным. Секс относится именно к таким задавленным и желанным действиям.

Дом отдыха — место наиболее грубого и бесшабашного разгула страстей. Такие места дешевого, массового народного отдыха принадлежат профсоюзам и оплачиваются в основном из профсоюзной кассы. Но распределение путевок зависит от доброй воли профсоюзного и партийного начальства завода или учреждения. По существу, право попасть в Дом отдыха дается в награду за политическую верность и приличные „трудовые показатели”. И конечно же, за услуги, которые гражданин смог оказать власти имущим. Рядовые Дома отдыха, как правило, малокомфортабельны (хотя есть и весьма пышные „рабочие” курорты, предназначенные для показа иностранцам), спальни рассчитаны на нескольких человек, питание самое непритязательное. Зато в каждом Доме отдыха есть лицо, именуемое „культурник” или „затейник”, которому поручено организовывать опять-таки весьма непритязательную культурную жизнь и развлечения отдыхающих¹.

¹ Для Дома отдыха среднего пошиба типичен такой анекдот: „Одна из отдыхающих взволнованно вбегает в спальню и кричит своим соседкам: „Девочки, девочки, к нам прислали только что культурника вот с таким (показывает) з а т е й н и к о м”.

Но пища и культмассовые мероприятия меньше всего заботят заводских работниц, медсестер, мелких чиновниц, учительниц и продавщиц, которые вырвались на две недели из своих коммуналок прежде всего для того, чтобы „найти себе мужичка”. Правда, мужская половина отдыхающих подчас склонна считать Дом отдыха не столько местом любви, сколько местом беспробудного пьянства. Но, по счастью, не все мужчины держатся столь непримиримой позиции. Дирекция Домов отдыха хорошо знает о целях своих подопечных, но обычно не вмешивается в их личную жизнь. Очевидно, партийные власти считают Дом отдыха подходящим местом, где народу позволено выпускать излишний сексуальный пар.

Первый день, когда приезжие осваивают территорию Дома, носит лихорадочный характер. Новые обитатели торопливо ищут себе пару, люди, никогда прежде не выдавшие друг друга в глаза, спешат „закрутить роман”, мужчины и женщины меняются местами за столиками в столовой, комнатами, кроватями. Этот процесс, при всей его внешней суетливости, строго целенаправлен и проходит под знаком организации будущего секса. Затем наступает некоторая разрядка: пары найдены, определились, кто, где и с кем спит. Наступает пора всеобщего удовлетворения. Конечно, за две недели могут произойти и перемены в сексуальных притязаниях разных пар, но масса удовлетворена и пожинает плоды организованного профсоюзного отдыха.

Советское общество давно уже определило свое отношение к Домам отдыха, как к разрешенным властью домам терпимости. Мужчины из простых в разговоре с женщинами своего круга никогда не преминут сказать что-нибудь вроде: „Ваша сестра там на юге теряет всякий человеческий облик, доходит до полного блядства...” Но в душе трудовой человек, человек из коммуналки, понимает: Дом отдыха для бабы — благо. У одинокой женщины с завода, из сберкассы или из почтового отделения нет другой возможности и другого места, чтобы получить свою долю человеческих радостей...

Поездка в командировку — более сложная и тонкая сек-

суальная акция. В командировки ездят обыкновенно не простые рабочие и медсестры, а инженерная публика, актеры, музыканты, журналисты, чиновники. Впрочем, разница общественного положения не вносит слишком большого разнообразия в характер секса.

Инженер-строитель из Москвы, 55-летняя И. М. рассказывает: „В начале 70-х годов я работала в Институте Роспроект. Однажды начальство предприняло поездку в Ленинград. Отправились главный архитектор и все главные специалисты, но прихватили и несколько сотрудниц чином пониже. Цель этой служебной поездки я уже сейчас не помню. Но зато отлично помню все другие детали. Для командировки был заказан отдельный вагон. Едва поезд отошел от вокзала, мы все хорошо выпили и уже через полчаса полегли. Полегли кто с кем оказался в купе. Это вовсе не было поездкой любовников. Просто мы обрадовались свободе, счастливому случаю, когда на несколько часов над нами не оказалось никакого начальственного надзора. Люди в возрасте от 30 до 45 лет, мы все в эту ночь были обеспечены партнерами и пристанищем. Ночью голые архитекторы бегали по коридору вагона и танцевали от радости. В Ленинграде наш вагон был поставлен на запасные пути и три дня никто из нас не выходил на улицу. Покидали вагон только те, кому выпадал жребий сдавать опорожненные водочные бутылки... Потом у себя в Институте мы с удовольствием вспоминали эту поездку”.

Случай с архитекторами, конечно, из ряда вон выходящий. Не каждому коллективу так улыбается счастье: отдельный вагон и ни одного доносчика. Но в общем большинство командировочных (а в СССР в служебные поездки отправляется ежегодно несколько миллионов человек) рассматривает такого рода поездки, как возможность удовлетворить личные сексуальные нужды за государственный счет.

„Моя сестра — инженер из секретного военного института в Москве, буквально чахла с тоски, если ей несколько месяцев подряд не удавалось вырваться в командировку, — вспоминает интеллигентная русская дама лет 40, живущая ныне в Соединенных Штатах. — Сестра была замужем, но это не

мешало ей иметь любовников на работе. Обычно она старалась, чтобы в командировку вместе с ней посылали и ее поклонника. Но если это не удавалось, она не слишком расстраивалась: в группе командировочных всегда можно было подобрать себе друга на неделю. Инженеры-проектанты и технологи из ее института образовывали в командировках временные пары-семьи. Они спали в одном гостиничном номере, вместе ходили на рынок, в кино. По возвращении в Москву пары-семьи легко, безболезненно распадались, никто не считал себя обиженным”.

К этому рассказу я, как журналист, также много поездивший по стране и поживший достаточно в гостиницах, могу добавить только одно. Встреченные мною в разных городах группы командировочных инженеров, монтажников, бухгалтеров-ревизоров создавали на редкость дружелюбные и сердечные пары-семьи. Женщины охотно готовили обеды для своих временных мужей, никто ни с кем не ссорился и вид у партнеров был, как правило, умиротворенный. Скромная доза полученной ненароком свободы явно была благодетельна для их душевного состояния.

... У находящихся в командировке инженера, актера или чиновника сам факт получения отдельного гостиничного номера в чужом городе немедленно пробуждает мысль о женщине. Это не только следствие распушенности, но и реакция на ту несвободу, в которой каждый живет „по месту прописки”. Случайное знакомство, о котором мечтает командировочный, чаще всего не предполагает встречу с проституткой. Значительно более желанно повстречать что-нибудь искреннее, теплое, человеческое. Местные одинокие женщины также нередко таят подобные желания. В скучном полутемном провинциальном городе огни гостиницы подадут надежду на встречу с интересным человеком из столицы. Знакомства возникают без большого труда, и предложение „посидеть в номере” дама не рассматривает как что-то оскорбительное для себя.

Но найти и пригласить к себе женщину – только половина дела. Главное – провести ее в номер. Гостиничный персонал по всей стране ведет постоянную борьбу с „незаконным сек-

сом". После 10 вечера гостей к постояльцам не впускают. Если даже гостя вошла в номер с вечера, то незадолго до 10 ночи в номер начинают звонить и стучать дежурные, требуя, чтобы гостя удалилась. При попытке спорить или отстаивать свои права жильцу угрожает приход милиционера. Последнее обстоятельство весьма нежелательно. Московский искусствовед и философ, приглашенный в город Архангельск читать лекции, был брошен на ночь в тюремную камеру только потому, что пригласил в гостиничный номер хорошо знакомую ему актрису, которая, как и он, случайно оказалась в Архангельске на гастролях. Никакого секса между ними не было, просто москвич потребовал от ворвавшегося в номер милиционера, чтобы тот стучал, прежде чем входить в чужую комнату.

В Чебоксарах (главный город Чувашской республики) подвергся издевательствам в милицейском участке народный артист Украины, главный солист Киевской оперы Юрий Гуляев. Он позволил себе пригласить в гостиничный номер знакомую москвичку, также находившуюся в командировке. Артисту грозил многодневный арест. Выпустили его только потому, что билеты на его концерт были распроданы заранее. Так что, как гласит русская поговорка, „с богатым не судись, с сильным не рядись". Большинство командировочных, впрочем, и не стремятся к конфронтации с властями. Их значительно более устраивает компромисс.

Театральный режиссер из Ленинграда, 33-летний Л. В., утверждает по собственному опыту, что „достаточно вручить портье провинциальной гостиницы килограмм колбасы, чтобы все двери для любой госты были распахнуты настежь". Хороший эффект, по его мнению, дают также коробки московских конфет и весьма дефицитные в СССР колготки. Более того, если гостиничное начальство будет уверено, что постоялец не донесет, а, наоборот, даст взятку, то оно (начальство) само порекомендует ему местную хорошую девушку. Служба поставки девушек (опять-таки не проституток, а просто скучающих провинциальных барышень) существует почти во всех гостиницах страны наряду с милицейскими камерами и политикой запрета и насилия.

Опыт режиссера-ленинградца дополняет гитарист из Москвы, Ю. В., 33-х лет. Он тоже много ездил по стране со своим ансамблем и подтверждает, что 20 рублей вполне достаточная цена, чтобы самая настырная дежурная по гостиничному этажу уgomонилась и не препятствовала приходу гостя в любое время суток. В тех же редких случаях, когда моральные соображения оказываются у дежурной по этажу выше соображений материальных, знатоки командировочной тактики и стратегии применяют один из своих безотказных приемов. „В гостинице „Большой Урал” в Свердловске у наших гитаристов нашлись подружки, которым хотелось поближе познакомиться со столичными музыкантами, — рассказывает Ю. В. — Чтобы ввести их вечером в наши номера, мы предприняли следующий трюк. Один из нас, чья комната находилась в конце коридора, оборвал у себя телефонный шнур и вышел к дежурной по этажу с жалобой на то, что его телефон почему-то не работает. Дежурная пошла к нему, чтобы выяснить, что случилось, а за те две-три минуты, что она отлучилась с наблюдательного поста, мы все проскочили с нашими подружками в свои номера”.

Даже паспортную систему, которая по идее должна мешать их сексуальной свободе, советские командировочные умудряются использовать для борьбы за счастье и независимость. Один такой путешествующий по стране мудрец, отправляясь в командировку, всякий раз захватывал паспорт своей жены. Жене, правда, было лет за пятьдесят, а девушкам, которых мудрец выдавал в гостинице за своих жен, было раза в два меньше, но обман удавался. Когда же однажды бдительная администраторша заметила, что „жена” слишком молода по сравнению с вклеенной в паспорт фотографией, находчивый муж воскликнул: „Вы тоже выглядели бы моложе, если бы были моей женой”. И тут же подкрепил свой комплимент денежным подношением.

Гостиничная администрация разных городов в свою очередь совершенствует методы борьбы с сексуально озабоченными постояльцами. В Запорожье, например, в гостиничных номерах сняты дверные запоры. Жилец, таким образом, в любой момент суток доступен для атаки администрации.

В ленинградских гостиницах администраторы не ленятся писать разоблачительные письма на работу к тем командировочным из других городов, чье поведение не кажется им идеальным. Зато в Прибалтике близость к Европе смягчает нравы. Приезжий платит за номер некоторую сумму сверх обязательной и тем самым освобождается от излишнего надзора администрации.

Так и идет эта война по всей стране уже многие годы, война, в которой нет ни победителей, ни побежденных. Цель маленького гостиничного чиновника, за спиной которого стоит милиция и советская идеологическая машина, как можно сильнее оскорбить и унижить гражданина, отнять у него право свободно распоряжаться собой, своим временем, своим телом. Цель гражданина, в свою очередь, обмануть или подкупить чиновника, чтобы не дать командировке „пройти впустую”. И хотя я дал себе слово не оценивать описываемые события с моральной точки зрения, трудно удержаться от того, чтобы не определить „гостиничную войну” иначе, как грязную. Грязную с обеих сторон. Она развращает и жертв и их гонителей, шлодит коррупцию, насаждает цинизм. Бездомность в сегодняшней России — это государственная политика, перевернутая в экономику, которая, в свою очередь, вверх ногами опрокинула общественную нравственность. Граждане страны зрелого социализма очень редко задумываются об этом. Любовь и секс кажутся большинству из них сферой, свободной от политики. „Нет, нет, — сказала мне 35-летняя ленинградка, авиационный инженер С. Е. — Мой отъезд из Советского Союза не имел никакого отношения к политике. Просто мне негде было жить, негде было любить. И не было никакой надежды, что это когда-нибудь изменится...”

ГЛАВА 6. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, РАБОЧИЙ КЛАСС

Словосочетание, взятое в заголовок этой главы, не мною придумано. Оно из того словаря, каким в СССР прилично пользоваться при упоминании о российском пролетариате, который после Октябрьской революции 1917 года превратился в рабочий класс. О преобразении том написаны целые библиотеки. Из книг этих можно узнать, в частности, что „при социализме рабочий класс занимает ведущее положение в обществе”. Или: „Рабочий класс превратился в класс социалистический, владеющий всеми средствами производства”. А также, что „рабочему классу принадлежит ведущая роль в управлении государством. В составе Верховного Совета СССР почти треть — рабочие”. И, наконец, что „коренным образом улучшилось материальное благосостояние рабочего класса”.

В книгах о рабочих СССР смущает однако тот странный факт, что они никогда не касаются деталей. Из них невозможно установить, какая часть рабочих живет в квартирах, а какая ютится в бараках и общежитиях; сколько рабочие разных профессий получают за свою работу в час, в неделю;

каков их прожиточный минимум; что рабочие едят, сколько пьют водки, сколько детей у них в семье, чем они болеют, в каком возрасте умирают. Из советских книг, посвященных рабочему классу, нельзя узнать также о привычках и вкусах рабочих, как они развлекаются, путешествуют, любят. Во всем мире о личной жизни привилегированных классов без конца пишут газеты и журналы, рассказывает телевидение. На этом фоне привилегированный класс Советского Союза выглядит монахом. Так ли это? Почему? Попробуем разобраться.

С первых дней нового режима в Советской России возник недостаток мужчин. До революции во владениях русского царя мужчин и женщин было поровну. Но уже после кровопролитной гражданской войны и голода первых революционных лет женщин в стране оказалось на 4 миллиона больше, чем мужчин. В 30-е годы последовала коллективизация с высылкой „кулаков” на дальний Север. Затем начались массовые аресты „врагов народа”, расстрелы, гибель миллионов в лагерях. К 1939 году число „лишних” женщин дошло до 9 миллионов. После Второй мировой войны женщин „сверх комплекта” стало уже 20,7 миллиона. По последним сведениям таких „некомплектных” в СССР 17,7 миллионов.

Демографическая дисгармония, вызванная жестокими поворотами советской истории, усугубляется волевыми решениями нынешних вождей. Ради сомнительных государственных целей созданы „города женщин” и „города мужчин”. Даже в мирное время власти держат под ружьем миллионы мужчин наиболее цветущего возраста. Женщин нет или почти нет в военных городках, на нефтепромыслах, на новостройках. В то же время в городах с развитой легкой промышленностью (в Средней полосе России), на рыбокомбинатах Дальнего Востока, на торфоразработках женщины почти полностью лишены мужского общества.

Одиночество, тяжелый труд, отсутствие надежды хоть как-нибудь устроить личную жизнь порождают тип грубой, циничной женщины, которая надеется только на себя. Она жаждет и одновременно ненавидит мужчин. Такая баба, работающая в фабричном цехе, на ремонте железных дорог,

в совхозе получила в народе грубоватое прозвище „конь с яйцами”. В деревнях о таких несчастных со времен последней войны ходит стишок близкого содержания:

Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик...

Сексуально наголодавшись, такие женщины решаются подчас на жестокости. Уроженец города Горького (раньше Нижний Новгород), социолог А. С., 55 лет, вспоминает, как в начале 50-х годов, будучи студентом, он предпринял поездку на велосипеде по сельским местам вокруг своего города. На границе Горьковской и Владимирской областей А. С. случайно попал на разработки торфа. Торф в СССР, как правило, добывают без всякой механизации, работают в карьерах женщины. А. С. захал выпить воды в барак, где живут так называемые „торфушки”. В бараке застал он только старую повариху, которая угостила его и предложила остаться на ночь, чтобы переспать с ее 18-летней дочерью. Как и все остальные жители барачков, дочь ее в это время дня была еще на работе. Студент не стал спорить, но сначала решил проехать в сторону торфяных карьеров, чтобы посмотреть, как „торфушки” возвращаются домой.

День клонился к вечеру. Впереди на дороге студент увидел толпу женщин. Они тоже увидели, что по дороге едет мужчина. Закричали, возбужденно замахали руками. Студент струхнул и повернул назад. Женщины бросились следом. Они бежали за ним довольно долго и в какой-то момент чуть не настигли юного велосипедиста. „При этом они все время кричали, что именно они сделают, когда догонят меня, — вспоминает А. С. — Я был страшно напуган и жал на педали изо всех сил”. У молодого человека было достаточно оснований для беспокойства: в послевоенные годы изнасилования мужчин женщинами случались совсем не редко. А. С. слышал от очевидцев, как на Волге бабы накиннулись на команду маленького волжского парохода, который из-за неполадок в двигателе вынужден был пристать к берегу неподалеку от деревни.

Подобный же случай описал в разговоре со мной и 42-летний Б. В., житель Курска. В дни его молодости двенадцать женщин, ремонтировавших железнодорожное полотно неподалеку от станции Курск, напали на возвращавшегося из армии молодого солдата. Парень шел по пустынной полевой дороге, не ожидая беды. Рабочие женщины схватили его, перевязали половой член ниткой и тем вызвали устойчивую эрекцию. А для того, чтобы во время полового акта мужчина „вибрировал“, насильницы положили свою жертву на большую совковую лопату. Несколько женщин держали солдата за руки и за ноги, одна — покачивала лопату, а остальные поочередно вкушали удовольствие. Двенадцать обзудевших от желания фурий в конце концов погубили свою жертву. Солдат умер, и дело приобрело скандальную известность.

Женщины типа „конь с яйцами” не перевелись в Советской России по сей день. И надо полагать, долго еще не переведутся, потому что характер жизни рабочей женщины не слишком изменился за последние тридцать-сорок лет. Более того, демографический диссонанс стал обыденностью, бытом. В стране насчитывается несколько десятков, а то и сотен городов и поселков с катастрофическим перевесом женского населения над мужским. Наибольшую известность приобрели такие „города женщин”, как Вышний Волочек, Купавна, Иваново и Орехово-Зуево — традиционные текстильные фабричные центры. В областном городе Иваново на 450 тысяч населения — 300 тысяч женщин-ткачих и прядильщиц. Сугубо женский состав этих и других подобных городов определяется, кроме прочего, тем, что оплата труда в легкой промышленности значительно ниже, чем в тяжелой индустрии. Мужчины уходят из городов с развитой „женской промышленностью” в города, где они могут заработать больше. Так ради государственных целей происходит непрерывное разделение полов по профессиональному и материальному уровню.

Московский преподаватель Р. К., приглашенный прочитать курс лекций в Педагогическом институте города Орехово-Зуево (130 тыс. населения, 89 км от Москвы), воспомина-

ет о специфической, насыщенной электричеством атмосфере этого города. „В ресторане за соседним столиком, сервированном крайне скудно, сидело шесть женщин и один мужчина. В Орехово-Зуеве это — обычная пропорция. На городской танцплощадке — то же самое: девушки танцуют с девушками — „шерочка с машерочкой”. На улицах городка, где видны лишь женские платочки, в магазинах, в автобусе озлобленные женщины-работницы ругаются между собой, применяя словечки и обороты, которые привели бы, вероятно, в смущение иного московского забулдыгу. Женский мат слышится даже в ресторане и в театре. Я был свидетелем нескольких уличных драк, женщины нападали и оборонялись с ненавистью и остервенением...”

Лектор из Москвы провел в Орехово-Зуеве две недели и все это время наблюдал войну, которую местные женщины ведут друг с другом за мужчин. Из-за этой борьбы возникающие в городе семьи оказываются чаще всего непрочными. Даже самый захудалый представитель мужского пола становится в Орехово-Зуеве предметом общих вожделений. Работницы пытаются привлекать самцов подарками, среди которых наибольшее впечатление производит бутылка водки. Вот типичная сцена городской жизни. На улице в грязи лежит пьяный рабочий. Жена пытается его увести домой, но он не склонен покидать избранную им лужу. Жена теряет терпение и пинает своего сожителя ногой: „Вставай, свинья, поднимайся, пьянь этакая!” — кричит она. Идущая мимо баба делает ей замечание. „Ты что же его ногой-то тычешь! С ума сошла? Это же мужчина, с ним же спать можно...”

Основной вид жилья в текстильных городах — рабочие общежития с комнатами на 3—4 человека и больше. Одинокие работницы живут в таких общежитиях порой по 20—30 лет. Их личная жизнь проходит у всех на виду. Постоянный надзор всех за всеми при полной невозможности разъехаться (заработок прядильщицы и ткачихи так мал, что она не может снять себе комнату, а власти не спешат давать ей жилье) ведет к двум крайностям. В некоторых общежитиях стареющие без любви ткачихи становятся добровольными монашками. Они требуяют, чтобы все обитатели комнаты, не-

зависимо от возраста и вкусов, уже к 9 часам вечера были обязательно дома. Малейшее отклонение от заведенного режима приводит к тому, что соседки набрасываются на опоздавшую с фантастическими и прежде всего сексуально окрашенными домыслами. В некоторых случаях даже собираются собрания всех обитателей такого „пролетарского монастыря”, чтобы публично осудить „недисциплинированную” девушку или женщину.

В других общежитиях всеобщая бедность и отсутствие мужчин приводят к эффекту прямо противоположному. Возникает порода „отпетых”, тех, кто ничего и никого уже не боится. Они поочередно бегают „погреться” на ночь к какому-нибудь пьянице-истопнику или приводят случайно подхваченного в городе парня, чтобы без лишнего стеснения передать его в той же комнате с кровати на кровать.

... Несколько лет назад во время Всероссийского съезда урологов врач из Ленинграда Д. Г. (сейчас он живет в Нью-Йорке) посетил город Иваново. Он был членом организационного комитета съезда и как администратор имел тесные контакты с руководителями города. Свое сотрудничество врачи и городские чиновники по советской традиции завершили пышным банкетом. На банкете соседом доктора Д. Г. оказался заместитель председателя городского исполкома (заместитель мэра города). После двух-трех рюмок языки развязались, и городской босс номер два рассказал медику несколько небезынтересных подробностей о жизни „города женщин”. Оказалось, что уже несколько лет подряд Иваново, с его многотысячным пролетарским населением, держит первое место в Российской федерации по числу больных острой гонореей. „Наши пролетарочки триппер из домов отдыха привозят, — пояснил развеселившийся заместитель мэра. — Здесь у нас мужиков не хватает, шуры-муры разводиться не с кем, наголодаются бабы в нашем городе и летят в дома отдыха, а там уж дают направо и налево. Что девки, что бабы — все одно...”

Все более хмелея, чиновник доверительно сообщил столичному медику, что в начале 60-х годов недостаток мужчин в городе вызвал среди текстильщиц настоящий взрыв.

Весной 1964 года несколько тысяч женщин-работниц не вышло на свои фабрики, протестуя против одинокой жизни. Председатель горисполкома был страшно напуган. Он стал звонить в Москву, объясняя, что местными силами проблему разрешить невозможно. Из столицы обещали помочь. И действительно, в кратчайший срок в городе и окрестностях были расквартированы воинские части и в том числе авиационные. Говорили, что приказ об этом дал сам Хрущев. Затем последовало специальное постановление правительства о постройке в Иваново электролампового завода, предприятия с большим числом мужчин. К началу 70-х годов эти меры как будто несколько ослабили сексуальную напряженность в Иваново. „Это вовсе не значит, что каждая ткачиха сегодня имеет шанс выйти замуж или хотя бы найти в городе любовника, — комментирует доктор Д. Г. — Но даже то, что на улицах Иванова появилось некоторое количество мужчин, благотворно действует на психику женщин-работниц”.

То, что в 1964 году в Иваново были расквартированы воинские части, улучшило общую атмосферу города, подтверждает и московская журналистка Е. С. По сообщению социолога москвича А. С., попытки строить в „городах женщин” заводы, требующие мужской рабочей силы, продолжались в 60-х и 70-х годах. Такие предприятия (заводы тракторных деталей, радиозаводы и другие) строили в Орехово-Зуеве и в других текстильных городах Московской и Владимирской областей. Но, как правило, предприятия эти, возводимые лишь по причине демографического порядка, оказывались нерентабельными и постоянно страдали от недостатка рабочей силы.

Само собой разумеется, что власти делают все, чтобы скрыть эти факты и вообще правду о жизни „городов женщин”. Лишь однажды была сделана попытка отдернуть занавес над убогой жизнью рабочих-девушек. Московский режиссер Никита Хубов, пользуясь главным образом скрытой камерой, снял в 1968—69 годах фильм о женском общежитии в Иваново. Зрителям открылась нищета текстильщиц, тоска одиноких женщин, которым некого любить и негде

создать семью. Фильм показали в Москве в редакции киножурнала „Экран”. Присутствовавшая там журналистка Е. С. вспоминает, что у зрителей картина вызвала острое чувство жалости и сострадания к рабочим бабам и девкам. Испуганное партийное начальство начало кричать, что режиссер пользовался лишь черной краской, он не показал красные уголки, партучебу, политинформации. Картину объявили „недоброкачественной” и запретили, а женщину, редактора фильма, сняли с работы...

Впрочем, был еще один случай, когда правда о жизни работниц проскользнула в печать. Московский массовый журнал „Работница”, в связи с какой-то датой, опубликовал старую переписку ивановских ткачих с вдовой Ленина Надеждой Крупской. Ткачихи в начале 30-х годов пожаловались Надежде Константиновне, что живется им скучно. В городе так мало мужчин, что у большинства женщин нет надежды построить семью. На этот крик души Надежда Константиновна ответила пространственным письмом, где вспомнила, как они с Владимиром Ильичом в молодости отдавали все силы борьбе за счастье рабочего класса и в этом находили главный смысл жизни. Ткачихам же Крупская рекомендовала побольше заниматься общественной работой, что, конечно, должно обогатить их мир и сделать их счастливыми.

Через тридцать лет после доброго совета Надежды Крупской в 1964-м ивановские ткачихи, как мы знаем, действовали уже более решительно, так что Хрущеву пришлось срочно отправлять в Иваново полки потенциальных любовников в военных мундирах. Но, очевидно, и этот плод государственной мудрости не принес окончательного решения ивановской проблемы. Во всяком случае, 8 лет спустя я имел возможность слышать о новых исканиях в этой области. Весной 1972 года я познакомился в Алма-Ате с доктором биологических наук Михаилом Инюшиным. Он занимался проблемами биофизики, изучал энергетику здорового и больного организма и предложил новый метод лечения болезней с помощью лазера. Летом того же года доктор Инюшин с группой сотрудников приехал на Международный конгресс биофизиков в Москву и провел день в моем доме.

Я собирался писать о нем статью, и в беседе ученый приоткрыл мне тайну некоторых своих исследований. Оказалось, что он получил денежные средства и аппаратуру от военных и строит психогенератор, аппарат, который призван на расстоянии изменять психическое состояние человека. Психогенератор Инюшина, по его словам, будет умерять страсти одних, возбуждать оптимизм у других, усиливать твердость духа третьих. Назначение своего аппарата в мирных условиях сам ученый проиллюстрировал следующим примером: „Если, например, где-нибудь в Иванове на текстильной фабрике, где работает несколько тысяч женщин, установить такой генератор, то с его помощью можно будет дать тяжело работающим, неустроенным в личной жизни, истеричным женщинам чувство счастья. А это, в свою очередь, поведет к повышению производительности труда на фабрике”.

Не знаю, как далеко продвинулись в следующие 10 лет работы с психогенератором. Не исключено, что аппарат профессора Инюшина уже установлен в цехах одного из текстильных комбинатов в Иванове или Орехово-Зуеве с тем, чтобы регулировать сексуальные чувства советских работниц. Во всяком случае, такую цель ставили те, кто дали ученому из Алма-Аты крупную денежную помощь для его научных исследований¹. Ведь его проект обещает не только заглушать ненужные советскому государству человеческие страсти, но и повысить производительность труда.

Говоря в то лето о своей чудо-машине, доктор Инюшин сделал еще одно интересное замечание: „При необходимости, мой аппарат сможет побудить усталых рабочих к половой активности, если это нужно будет для повышения рождаемости в стране”. Попытки заставить народ активнее размножаться не впервые предпринимаются советскими властями. Правда, вместо лазера до сих пор применялись зако-

¹ Известно, что деньги и необходимую аппаратуру для своих опытов д-р Инюшин получил благодаря поддержке академика Н. Д. Девяткова, который руководит в Академии наук СССР секретными исследованиями по электронике для военного ведомства.

ны и указы. Этой цели должен был, в частности, служить закон, изданный Сталиным в июне 1936 года о запрещении аборт, и второй указ, выпущенный в июле 1944 года, где, кроме прочего, значится, что женщины, родившие более четырех детей, получают орден „Материнской славы”. А те, кто родят десять и более детей, получают почетное звание „Матери-героини”. В постановлениях этих много говорилось также о разного рода льготах и материальных выгодах для многодетных¹. Одновременно введен был в стране налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Налогами этими облагались все взрослые, которые не имели двух и более детей. И в том числе рабочие незамужние женщины, зарабатывающие 70—90 рублей в месяц, у которых не было ни малейшей возможности выйти замуж. Платить обязывали также пожилых вдовцов, вдов и женатых, имеющих одного ребенка. В этой своей наиболее дикой форме, закон просуществовал полтора десятка лет. Он был несколько смягчен (не отменен!) только в 1958 году. Позднее, в 1974-м, Большая Советская Энциклопедия обосновала введение налога тем, что „это дало возможность государству мобилизовать дополнительные средства для обороны страны” (БЭС, Третье издание, т. 17, статья НАЛОГИ, сс. 227—228, 1974).

Призывы повысить рождаемость вот уже полвека раздаются со страниц советских газет. Вспоминаю, как по этому поводу в начале 50-х годов держал речь официальный писатель Федор Панферов. Крестьянин по происхождению и член партии с 1926 года, он был выдвинут депутатом Верховного совета СССР от какого-то текстильного городка. На встречу с избирателями приехал он изрядно выпивши и всю речь свою свел к призыву: „Бабоньки, дорогие, рожайте больше, не гуляйте холостяком, бабоньки...” Речь известного писателя и редактора журнала „Октябрь” вызвала бурную реак-

¹ Постановление ЦК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. „О запрещении аборт...”. См. Свод Законов СССР 1936 г. № 34, с. 309. А также Указ Президиума Верховн. Совета СССР от 8 июля 1944 г. „Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям”. Ведомости Верховного Совета СССР, 1944, № 137.

цию зала, состоявшего из одних женщин. „Да мы разве против, — кричали ткачихи и прядильщицы. — Мы — хоть сейчас! Но скажи, товарищ депутат, где рожать? И от кого рожать?“ Женщины-работницы пытались разъяснить представителю власти, что обитательнице рабочего общежития рожать в городе, где нет мужчин, по меньшей мере затруднительно, но он не слушал их и, в пьяном воодушевлении, продолжал призывать „бабонек“ не стесняться и давать родине новых воинов. Сопровождавшие Ф. Панферова местные партийные чиновники испугались разгоревшихся страстей и быстро завершили беседу избранника народа со своими избирателями.

За тридцать лет, прошедших после этого инцидента, положение в городах и поселках текстильного края (и не только текстильного) не слишком изменилось. Правда, государственная пропаганда деторождения усилилась, но все эти призывы и обещания, указы и ордена „Материнской славы“ оказываются в прямом противоречии с материальными возможностями рабочего класса. Сотни тысяч работниц мечтают о браке, о семье, о детях, но им, обитателям „женских городов“ и общежитий, по-прежнему негде рожать и не от кого рожать. О том, как народ относится к государственным призывам о росте рождаемости и к высокому званию „Мать-героиня“, лучше всего говорят бытующие в рабочей среде анекдоты.

„Куда их вешать, эти ордена?“ — спрашивает мать-героиня вернувшегося с фронта солдата-орденоносца. „Я вешаю на грудь, — отвечает солдат, — поскольку грудью защищал родину. А ты... Чем свои ордена заработала, на то их и вешай...“

Текстильный край, расположенный в треугольнике между Ивановом, Владимиром и Москвой, далеко не единственное место, где женщина-работница лишена самого насущного — надежды на семью и ощущения того, что она кому-то дорога как ж е н щ и н а. Такие „треугольники“ и „четырёхугольники“ можно встретить по всей стране. Та же драма, хотя несколько в иных декорациях, повторяется в 10 тысячах километров от Иванова — на берегу Охотского моря, на Камчатке, на Курильских островах Тихого океана. Бывший матрос тихоокеанского флота, 53-летний Б. М., и кора-

бельный электрик, 47-летний Ю. М., несколько лет проплававшие на рыболовных судах между Чукоткой и Владивостоком, рассказывали мне, как выглядит рабочая любовь на самом дальнем восточном краю страны.

На острове Шикотан, одном из тех, что Советский Союз после Второй мировой войны отнял у Японии, построено 4 или 5 рыбокомбинатов. Тут, между прочим, делают консервы из редкой рыбы сайры. В разгар сезона на комбинатах 5 тысяч женщин режут рыбу, взвешивают порции, закладывают ее в банки, добавляют специи. Работать надо очень быстро: рыба — продукт скоропортящийся. Работницы, как правило, существа очень молодые — 17—20 лет, потому что только в молодости может человек жить так, как живут на Шикотане: 12 часов в вонючем, лишенном самых элементарных удобств цехе, а следующие 12 — в бараке, в комнате на шестерых. И снова в цех... Нет на комбинате не только кино или клуба, но даже душа, под которым работницы могли бы искупаться после смены. Баня полагается им раз в неделю. Еды, в общечеловеческом смысле, на острове тоже нет: работницы едят ту же рыбу, которую разделявают.

Как выглядит комбинат? Кроме пристани, складов и разделочного корпуса, есть там несколько десятков серых деревянных барачков, составляющих улицу с романтическим названием, например, Молодежная. Да еще магазин, где нет ничего, кроме водки и скверных дешевых конфет. Мужчины наперечет: директор завода, два-три начальника цеха да парторг — недреманый глаз партии. Остальные — женщины, в просторечии — верба, завербованные по всей стране простолюдники, подписавшие договор на 2—3 и более года такой вот работы. Жизнь сера и однообразна, как бараки, в которых живут эти затворницы. Разнообразие приносит лишь приход к острову судна с рыбой.

На кораблях — сухой закон. Поэтому матрос, едва сойдя на берег, бросается в магазин. Четверо покупают бутылку шесть-семь. В карманах — прихваченные с корабля хлеб и колбаса — закуска. Вооружившись таким образом, матросы стучат в двери ближайшего барака. Спрашивают Валу или Таню. Девушки, отдыхающие после смены, отвечают, что

Вали нет — уехала, а Тани тут никогда не бывало. Матросам Валя не нужна. „Валя” — это вроде „здравствуйте”. Они продолжают стучать и для убедительности позвякивают бутылками. Двери открываются: выпить тут всегда готовы. Спящих будят. Все усаживаются к столу. Девушки оживляются: мужчины пришли. Пьют водку, знакомятся — кого как зовут, кто откуда приехал. Для первого случая информации достаточно. Беседуя, матросы приглядывают себе барышень, подсаживаются к ним, начинают обнимать. В комнате всегда есть старшая, исполняющая роль бандерши. Она следит за порядком. Вот одной девушке что-то пришлось не по душе, она фыркнула или покривилась от мужской ласки. „Молчи, сука, — шипит бандерша, — а то мы их сейчас в другую комнату отдадим!” Угроза серьезная: мужчина в цене, бабам цены нет никакой...

Водка допита, хмель бродит в голове, разогревает тело. Пары пересаживаются на кровати. „На этом, — говорит бывший судовой электрик, — торжественная часть кончается. Те женщины, для которых мужчин не хватило, могут выйти на полчаса подышать свежим воздухом или просто отвернуться на своей койке к стене. Можно задерживать матерчатую занавеску возле кровати или не задерживать — это уже детали...”

Конечно, прощаясь, матрос говорит женщине, что со следующим рейсом он непременно зайдет к ней снова. Но когда будет рейс, зайдет ли судно на этот рыбокомбинат или на другой — Бог весть. Океан велик, а рейсы судовые длятся месяцами. Да и узнают ли они друг друга, эти двое, только что в страстных объятиях катавшиеся по железной солдатской койке? Едва ли...

Как видимо, уже заметил читатель, в о д к а — важнейший элемент сексуальной жизни российского рабочего класса. По существу без водки не может начаться почти ни один роман. Но та же водка нередко пресекает все и всякие романы. Вот строки письма, полученного нами из СССР на исходе 1984 года. Железнодорожник с одной из среднерусских железнодорожных станций не без юмора, но и не без горечи пишет: „У нас в депо все в ажуре. Мужики замечательные.

ОДНОЙ БУТЫЛКИ МАЛО, ОДНОЙ БАБЫ МНОГО". Многозначительное признание...

Но вернемся к событиям дальневосточным.

Рассказ судового электрика о любовной встрече на Шикотане как две капли воды похож на воспоминания матроса Б. М., видевшего такие же сцены на рыбозаводе, расположенном на Западном берегу Камчатки. Матрос и электрик, ныне оба эмигранты, не знакомы друг с другом, но то, что они видели, удивительно схоже, потому что однообразны и неизменны условия, в которых годами живут женщины-работницы.

Рабочий — не обязательно тот, кто стоит в цеху у станка. Матрос — тоже рабочий. И девушки, разделяющие крабов на громадном тихоокеанском корабле-краболове, тоже рабочие. Хотя и в белых халатах. Девушек таких на корабле — 700. Они варят выловленных из океана крабов в котлах, кромсают крабье мясо и закладывают его в баночки. Острые шипы на крабьем панцире ранят девушкам руки. Работа однообразная, тоскливая. И кажется бесконечной, потому что краболов, не приставая к берегу, ходит по океану 8 месяцев. Развлечений никаких: спи и работай. На 700 девушек 40 человек команда, мужчины. Как и большинство девушек на земном шаре, эти мечтают кого-то полюбить. Конечно, на всю жизнь. И выйти замуж. Но в душе они знают, что ничего этого с ними не произойдет. А произойдет другое. Когда через много месяцев настанет светлый день возвращения в порт и они с деньгами, заработанными за 240 дней каторжного труда, сойдут на твердую землю, то первым делом закатятся в ресторан. И на следующий день тоже в ресторан. Там со случайными приятелями за полтора месяца прокутят они те две тысячи рублей, что достались им с таким трудом. А потом — снова на корабль, ибо куда же им еще деваться...

Но до возвращения в порт еще недели и месяцы. А пока в глазах лишь серый океанский простор и белое, до тошноты надоевшее, вареное мясо крабов. И вдруг — событие: в открытом океане к краболову подходит небольшое судно, доставившее топливо, запасные части, провизию, воду. Девушки как будто взбесились. Девушки бросили цех и жадными

глазами уставились вниз, на палубу приставшего суденышка. А оттуда, с палубы, их подзадоривают, кричат: „Давай прыгай, блондинка! Эй, курносая, иди к нам!” Самые безрассудные (а может быть, и самые страстные) прыгают с борта краболова на чужую палубу. И сразу — объятия. Мужчина жадно тискает женщину, женщина — мужчину, и оба шарят глазами, где бы сыскать укромный уголок, чтобы немедленно начать совокупляться. Окружающие только посмеиваются.

Нравственные проблемы тут в океане никого не мучают. Капитан краболова и капитан вспомогательного судна уже не раз видели такие сцены. Им все равно. И заместителю капитана по политической части — тоже. Их интересует только, чтобы девушки-работницы выполняли план, чтобы на судах не было серьезных ранений и чтобы матросы не варили брагу. На корабле нет тайн. Капитан и его замполит знают, кто с кем спал сегодня ночью, кто приходил в чью каюту на рассвете. Знают они и любимую шутку своих работниц: „Получила мужчину — передай подруге”. Конечно, перед возвращением в порт капитан соберет девушек-работниц и произнесет перед ними краткую наставительную речь. Что-нибудь вроде: „Девушки, я команду не пловучим бардаком, а советским кораблем. Мы идем домой. Многие члены команды — женаты. Их придут встречать жены. Так вот, чтобы не было никаких инцидентов. Никаких скандалов. Никаких доносов. Замечу — спишу на берег в тот же час”. Капитан знает, что будут инциденты и доносы, но собрание необходимо ему для того, чтобы записать в отчете: „Я предупредил”. Собрание проведено, отметка сделана, а остальное — девичьи чувства, страдания, переживания — гори они огнем...

Когда беседуешь с бывшими советскими гражданами о том, как выглядят любовь и секс в стране зрелого социализма, то в разговоре снова и снова возникает и повторяется выражение: „дешевая женщина”. В Советском Союзе много, слишком много женщин. Мужчине не приходится предпринимать почти никаких усилий, чтобы завоевать любовь. Мужчина может перебирать этот дешевый товар, капризничать, требовать со стороны женщин уступок, подарков, подо-

бострастия. Это Эльдорадо для хамов, раздолье для грубых самцов и безответственных сластолюбцев. Они могут брать приглянувшийся им живой товар дешево, почти даром. А случается, что мужчина в сегодняшней России и впрямь покупает женщину за деньги. Кстати сказать, за довольно маленькие деньги.

Тунцелов (большое судно, где девушки-работницы консервируют выловленного в океане тунца) заходит на стоянку на один из островов Курильской гряды. Курилы — „острова мужчин”, там только армия. У офицеров — семьи. Сержанты и старшины — одиноки, хотя случается служат на островах по пять-семь лет. Сержант-долгосрочник поднимается на борт корабля и в толпе белых халатов высматривает себе пару. „Пойдешь со мной?” — спрашивает он девушку. „Пойду”, — говорит она безымянному мужчине, которого видит в первый раз. Сержант отправляется к замполиту корабля. „Начальник, отдай вон ту девку, — говорит он. — Я на Курилах седьмой год пилю. Тоска заела”. „Нельзя, — говорит замполит. — Она вербованная, триста рублей подъемных от государства получила. Отработает подъемные — забирай”. „Хорошо, — отвечает сержант и лезет в карман за бумажником. — Плачу 300, беру девку. Идет?” „Ну, смотри, — шутит замполит, — товар обратно не принимается и не обменивается”. Договаривающиеся стороны заканчивают необходимые формальности, и сержант уводит с палубы свою невольницу-жену. По закону держать ее на острове в воинской части не полагается. Но все зависит от командира части. А командиры — тоже люди.

„Чем кончаются такие браки?” — спрашиваю я бывалых людей. „Чаще всего ничем”, — отвечает матрос, которому на Дальнем Востоке не раз приходилось присутствовать при такого рода купле-продаже. Выбор подружки на глазок за считанные минуты редко бывает удачным. Но даже если девушка военному понравится и даже родит ребенка, он все равно бросит ее при демобилизации. Не привозить же с собой жену из армии. Будущая гражданская жизнь неясна, ему предстоит устраиваться на новом месте, осваивать новую профессию. Жилья собственного, конечно же, долго не будет. В та-

ких условиях лучше быть холостяком. „Ну, а что происходит с ней?“ „А что с ней может happen, — пожимает плечами матрос, — ребенка — в Детский дом, а сама обратно на тунцелов или на рыбокомбинат. Куда ж ей еще...”

Впрочем, однажды мой собеседник-матрос оказался свидетелем трогательной сцены, вполне пригодной для рождественского рассказа. Он служил на пароходе, который перевозил грузы и людей между Курильскими островами и материком. Пароход носил гордое имя великого русского ученого и поэта — „Михаил Ломоносов”. Но пассажирам — вербованным рабочим, заключенным и демобилизованным солдатам — от этого было не легче. Их везли в твиндеках, а проще говоря, в трюмах, в огромных помещениях, лишенных света и воздуха, в невыносимой тесноте, вони и грязи. Корабль находился на полпути между Курилами и островом Сахалин, когда мощный мегафон разнес по судовым помещениям голос четвертого помощника капитана: „Внимание! Граждане пассажиры, в четвертом твиндеке рождает женщина. Есть ли среди пассажиров врач? Прошу врача прийти в четвертый твиндек к роженице!” Врач нашелся. Его провели в самый темный и грязный угол трюма; демобилизованные солдаты потеснились и даже достали для доктора немного пресной воды — помыть руки. Вскоре мегафон разнес по кораблю радостную весть — на свет появился новый советский человек. В вахтенном журнале появилась запись о том, что во столько-то часов и столько-то минут по Гринвичу на такой-то широте и долготе на борту корабля родился мальчик, которого решено назвать Михаилом. А так как фамилия отца неизвестна, то новорожденного назвали так же, как пароход, — Михаил Ломоносов. Но это — только половина истории.

Вскоре еще одна весть облетела корабль: мама новорожденного Михаила, вербованная рабочая с рыбокомбината, едет на пароходе зайцем, у нее нет билета и нет денег на билет. Муж ее бросил (да и был ли муж?), работать в цехе она по причине беременности не могла и теперь добирается к себе домой... „Граждане пассажиры, — загремел голос помощника капитана, — не оставим одинокую женщину без помо-

щи. Соберем денег хотя бы на билет...” Привилегированная публика в кают-компании тут же собрала нужную сумму – 300 рублей. Потом команда судна дала еще 600. Помощник капитана ради такого случая спустился со своих олимпийских высот и с шапкой в руке стал обходить пассажиров, не гнушаясь трюмами. Пассажиры, вчерашние солдаты, в расстегнутых гимнастерках, без погон, день и ночь резались в очко. В обычное время азартных игроков невозможно было оторвать от их занятия. Но волна милосердия, разлившаяся по палубам и трюмам „Михаила Ломоносова”, проняла даже игроков. Прямо с банка бросали они пачки денег в шапку помощника капитана. „Правильно, начальник, поможем матери-о д н о - н о ч к е!”

Когда подошли к порту Корсаков на Сахалине, вся команда и пассажиры высыпали на палубы прощаться с новорожденным Михаилом и его мамой. На пристани уже стояла вызванная по радио карета скорой помощи. Боцман торжественно нес завернутого в чье-то чужое одеяло младенца. А следом по сходням шагала счастливая мать, прижимая к груди ящик из-под консервов, в котором лежали пожертвования пассажиров: сорок тысяч рублей с т а - р ы м и... Шел 1960 год, сорок третий год советской власти...

Почему, однако, в главе, посвященной рабочему классу, автор так много говорит о работниках? Если судить по советским пропагандистским плакатам, то наиболее типичным представителем рабочего класса является решительного вида плечистый мужчина лет сорока в спецовке и белой курортной рубашечке. Если же заглянуть в статистические сборники, то нетрудно убедиться: большую половину рабочего класса страны составляют не мужчины, а женщины. По официальной статистике число рабочих непрерывно растет. Но еще быстрее растет число женщин-работниц. К началу 70-х годов рабочий класс вырос по сравнению с 1928 годом в 8 раз. В 1939 году в Советском Союзе было 33,5 процента рабочих, в 1959 – 49,5 процента, а в 1973 году рабочих было уже 67,7 миллиона. С семьями они составляли более

60 процентов населения страны¹. К началу 80-х годов можно ожидать примерно 70 миллионов рабочих. А это значит, что на заводах, железных дорогах, на стройках сегодня трудится никак не меньше 40–42 миллионов женщин – 57–60 процентов рабочего класса страны².

Есть и другая причина, по которой советская работница заслуживает особенно пристального внимания исследователя. По самой природе своей женщина острее, чем мужчина, переживает все то, что связано с интимной жизнью. В России к этой области чувств у нее есть еще особое, исторически сложившееся отношение. В массе своей женщины России предпочитают мужа любовнику. В их системе ценностей брак стоит выше адюльтера. Но демографический перевес и бедность женской рабочей массы разрушают эту традицию. Тем не менее, русская рабочая баба даже в самом грязном распутстве своем, в свальном грехе общежитий и подворотен стремится сохранить хотя бы тень того, что зовется любовью, хотя бы намек на уважение и добрые чувства мужчины.

Вспоминается рассказ московского рабочего, любителя женского пола. Человек не слишком разборчивый, но вместе с тем не чуждый внутреннего чувства, он из бесчисленных своих походов запомнил и выделил одно, когда даже его, профессионального обольстителя, что-то затронуло за живое. Бонвиван этот в очередной раз весело проводил время в женском рабочем общежитии. Пил с молодыми работницами, которых видел в первый раз. Одна, лет 20, ему приглянулась. Он ей – как будто тоже. Простая рабочая лошадка, недавно из деревни. Русая челка, серые глаза. Они чокнулись гранеными стаканами с водкой, допили бутылку

¹ Цифры взяты из Большой Советской Энциклопедии. Том 21, статья РАБОЧИЙ КЛАСС, сс. 309–318. Том вышел в 1975 году. В статистических справочниках СССР усиленно подчеркивается рост числа женщин среди врачей и учителей, но увеличение числа работниц на заводах, в совхозах и на строительстве замалчивается.

² Это знает всякий, кто бывал в цехах советских заводов: вся администрация – мужчины, а в цехах сплошь – женщины.

и перебрались на кровать. „На койке все бабы для меня на одно лицо, — признался москвич. — Тут уж нет разговора „даст или не даст“, важно только „стоит или не стоит“. По этому принципу и развивались дальнейшие отношения сторон. „Мы забрались под одеяло. Я стал расстегивать на ней лифчик, стягивать трусы. Спьяну руки не слушались, что-то там у нее затрещало. И тогда она сказала шепотом: „Ладно, ладно, не рви, я сама сниму. Только скажи, гулять ты со мной будешь?“ И знаете от этого гулять у меня даже сердце зашлось...”

Что так поразило пьяного мужика? У простых людей слово „гулять“ означает „ухаживать“. В деревне гуляют парни с девками за околицей, в городском саду до революции пожарники гуляли с прислугами. Для интеллигентного уха словечко это звучит довольно пошло, но для работницы из общежития оно содержит всю гамму ее мечтаний. Гулять, это значит, что они будут назначать друг другу свидания; что они будут вместе куда-то ходить; что она сможет появиться с ним на людях... В ее просьбе гулять содержалось желание хоть как-то очеловечить, облагородить скотские отношения свои с незнакомым мужчиной. Деревенской девушке, лишь недавно ставшей к станку, хотелось вдохнуть в свой разврат хоть какую-нибудь надежду на близость... Мой собеседник не пожелал рассказывать, как сложились его дальнейшие отношения с этой девушкой-работницей. Скорее всего никаких отношений не возникло. А просто, как это чаще всего бывает, вскочил он рано утром с чужой койки и бочком-бочком, чтобы не попасться на глаза коменданту общежития, побежал сонный и хмурый к себе на завод.

Мой случайный собеседник, слава Богу, хоть обратил внимание на призыв своей случайной подруги. Миллионы других мужчин в России вообще не слышат, что женщина говорит им в постели. Ибо слушать и слышать женщину уже после того, как она прошептала свое „да“ — большое мастерство. И владеет им в Советском Союзе ничтожно малое число особей мужского пола, независимо от принадлежности к тому или иному классу. В том числе к рабочему.

Но вернемся к опросу свидетелей. Кроме тех, чье мнение

мы уже выслушали, я располагаю сообщениями еще 9 человек. Это три бывших рабочих из Москвы, Ленинграда и Архангельской области, заводской техник (Ленинград), два инженера из Одессы и Ленинграда, профсоюзный деятель из Минска (Белоруссия), работник милиции города Свердловска (Урал), а также психолог, несколько лет работавший на острове Сахалин. Каждый из девяти (семь мужчин и две женщины) имел свой собственный рабочий опыт. Десятым мне хотелось бы пригласить известного советского демографа и социолога, кандидата экономических наук В. Переведенцева. Он часто выступает в советской прессе со статьями о демографии брачных отношений. В частности, в одной из статей В. Переведенцев размышляет о таком общественном явлении, как „города мужчин”¹.

В основном, это северные города. При огромном перевесе женщин в стране есть города и целые области, где мужчин значительно больше, чем женщин. В Архангельской области, расположенной на побережье Белого моря, на 100 женщин приходится 130 мужчин, в Мурманске (Кольский полуостров на берегу Ледовитого океана) – 140. Огромный мужской перевес можно наблюдать на Чукотке, в районе реки Колымы (Север Дальнего Востока), в нефтяных районах Западной Сибири, на стройке Байкало-Амурской магистрали (БАМ). „Мужской перевес, – пишет Переведенцев, – характерен не только для Севера, он велик на каждой крупной стройке. Так очень значителен он был в Набережных Челнах во время строительства там Камского автомобильного завода (КАМАЗ). Значителен он во многих угольных и горно-рудных городах”. В этих местах, где большинство населения рабочие, „мужчине попросту не на ком жениться”.

Переведенцев вынужден признать, что в „однополюх городах” „алкоголя потребляется больше, чем в других местах, драки и несчастные случаи там происходят чаще”. Советский демограф не имеет возможности рассказать читателю правду о том, почему возникают такие малосимпатичные

¹ „Литературная газета” от 16 февраля 1977 г. В. Переведенцев „Города женихов”.

поселения. Единственное, что он позволил себе сказать, это то, что „однополюе города — следствие узкоэкономического планирования и развития народного хозяйства, результат недооценки социальных аспектов жизни населения”. Эта обтекаемая фраза по существу есть полуправда. Правда же состоит в том, что государство пренебрегает жизненными интересами простого рабочего человека.

В основе этой механики лежит опять-таки нищета тех, кто работает на заводах, на стройках и в шахтах. Рабочему платят мало. Чтобы заработать несколько больше, он соглашается ехать туда, где работать никто не хочет — на Север, в Норильск — город заполярной металлургии, на золотые прииски Чукотки, в шахты Магадана или нефтяные разработки Сахалина. Условия жизни там разрушительны для здоровья, семью взять с собой невозможно — там нет жилья и женщинам негде работать. Зато зарплата несколько выше. Мужчины едут туда, оставляя семьи или живя на два дома. Строят такие города ведомства, министерства. Их назначение — выполнять план, добывать руду, нефть, плавить металл. Им нужны не люди, а рабочая сила. Ведомства строят не квартиры, а бараки с комнатами на 6—8 человек. В лучшем случае приезшему рабочему предлагают поселиться в балкэ — бревенчатом ящике на полозьях, который перевозится трактором туда, где в данный момент нужны рабочие. Министерские чиновники, ведающие металлургической промышленностью или промышленностью нефтяной, не желают думать, где рабочая сила станет купаться, покупать продукты, стирать белье и чинить обувь. И уж совсем чужд для чиновника вопрос о личной жизни рабочего, о его семье, о том, чтобы хоть как-нибудь выровнять половой состав подведомственных городов, дать женщинам работу, детям — детские сады и школы. Идеальным для чиновника было бы, если бы рабочий вообще забыл о любви и сексе. Способ, который для этого пригоден, состоит в том, чтобы в „однополюый город” завозить как можно больше водки и вина. Конечно, хмель дурно влияет на производительность труда, но завезти водку проще, чем создать нормальный „двуполый” город, чем строить квартиры, магазины, прачечные, кафе и кинотеатры.

Переведенцев приводит данные социологической лаборатории, которая работала в городе нефтяников Нижневартовске. В городе этом, расположенном в бассейне реки Обь, почти 100.000 жителей. Но, как сообщают социологи, там нет или почти нет всего того, что зовется службой быта и где могли бы работать приехавшие женщины: нет ресторанов, кафе, прачечных, парикмахерских, починочных мастерских. Хозяева города и в будущем не планируют расширить эту „женскую сферу труда”. Так что Нижневартовску, как пишут социологи, еще на многие годы предстоит оставаться скучным, лишенным всякой привлекательности „городом мужчин”, городом пьяных драк, городом без уюта, без любви, без счастья.

Но есть в стране места похуже Нижневартовска. Психологу Б. Г., 37 лет, пришлось несколько месяцев провести в северных нефтеносных районах острова Сахалин. Добыча тут идет так называемым „вахтовым способом”. В пустынной тундре рассеяны качалки — насосы, откачивающие нефть. Наблюдать за качалками в тундру привозят рабочих. Очередная смена работает в тундре две недели, а потом ее на вертолетах (другого транспорта в этих местах нет) отвозят на п л о щ а д к и отдыхать. Площадка — городок рабочих. Здесь имеется несколько бараков, магазин и вертодром. Кругом болота, бездорожье. Отдых сводится к тому, что, получив заработок, рабочий спешит в магазин, где, кроме водки и бедного набора пищи, нет почти ничего. Начинается пьянка, которая кончается в день, когда рабочему предстоит снова заступить на дежурство, то есть вылететь за 200 миль на две недели в тундру, на качалку.

Вот типичная для здешних мест история: пять рабочих перестреляли друг друга из охотничьих ружей. Когда следователи прибыли на площадку (психолог был в их числе), то оказалось, что, вооружившись большим количеством бутылок с водкой, эти пятеро не нашли денег на закуску. На оставшиеся у них 24 копейки они смогли купить лишь два пакетика с супом-лапшой. После такой „закуски” в дым пьяные рабочие перессорились, схватились за ружья и прикончили друг друга. Таких площадок, по свидетельству пси-

холога Б. Г., на Северном Сахалине — пять. Быт этих поселков мало отличается друг от друга. Женщин на площадках нет, если не считать 2–3 всегда полульняных, страшных проституток, которые тут же в бараках обслуживают добрую сотню мужиков.

Примерно в то же время, когда психолог Б. Г. обследовал жизнь сахалинских нефтяников, на другом конце страны на газокompрессорной станции в Архангельской области, Котласского района работал 25-летний Б. С. Вот как он описывает свои впечатления от двухлетнего пребывания в рабочем поселке, носящем название „Сияние Севера”: „В 1975–1977 гг. мы строили газокompрессорную станцию и нефтеперекачку в том месте, где сходятся газовая и нефтяная ветки, идущие с Ухтинских месторождений. Женщин в нашем поселке было очень мало. Рабочие были или завербованные, или ссыльные¹. Девушки-работницы приходили из окрестных деревень. В качестве жилья мы, мужчины, пользовались деревянными вагончиками, где спало по несколько человек. Главное место встреч с женщинами — клуб, танцы. Клуб — старая изба с дырявым полом, пыльными политическими плакатами на стенах. На танцах мужчины и женщины выглядят по-разному. Деревенские девушки приходят сюда принарядившись: туфельки, чулки, шелковые платья. Другого места для встречи со своим счастьем у них нет. Рабочие же являются в тех же резиновых сапогах, ватниках или грязных кожухах, в которых они работают. Девушки стоят группкой у стены и беседуют с подругами, демонстративно не глядя на парней. Парни в другом углу. У них главный разговор: кто с кем пил, сколько выпил, кто с кем дрался, кто кого как и куда ударил. Но вот зашипели старые заигранные пластинки или загрохотал доморощенный оркестр — гитары и ударные инструменты. Начинаются танцы. На середину комнаты начинают выходить пары. Есть среди них и постоянные,

¹ В эпоху Хрущева в стране был введен порядок, по которому лица, осужденные на сравнительно короткие сроки лагерей, посылались „на химию”, то есть на строительство предприятий химической промышленности. Это была ссылка. Б. С. был таким ссыльным рабочим.

но чаще Он выбирает Ее тут же в клубе. Пьяным взглядом мужчина упирается в свою избранницу и бурчит что-то, что должно означать приглашение. Она не отказывается от танца. Разборчивой быть не резон — откажешься, простоишь весь вечер одна. Но и принять предложение от незнакомого для девушки тоже опасно. В поселке действует закон джунглей: если у девушки есть „знакомый”, парень, с которым она встречалась раньше, он может запретить ей танцевать с другим. И даже ударить прилюдно. За девушку никто не вступится. Она промолчит или заплачет и уйдет с танцев. И вообще, мужчина может себе позволить в клубе все, а женщина — ничего. Он может ругаться самыми безобразными словами в присутствии женщины — никто его не урезонит”.

Б. С. продолжает.

„Для сексуальной жизни в поселке нет места. Мужчина тащит девушку в кабину своего грузовика, в свое жилье в деревянный вагончик, где кровати стоят вплотную одна к другой. И, наконец, просто в лес, в кусты. У здешних девушек первый мужчина, как правило, пьян. Его желания примитивны. Он груб. Кроме боли, она ничего не успевает ощутить. В поселке возник круг молодых женщин, которые убеждены, что секс нужен и приятен только мужчине. Они избегают сексуальных отношений. Женщины эти не прочь выйти замуж, но завербованные и ссыльные мужчины-рабочие рассматривают свое пребывание в поселке как временное и от брака уклоняются”.

О грубости отношений в рабочей среде говорит и другой бывший москвич рабочий Е. Б., 41 года. Ему приходилось работать на Фармацевтической фабрике в Москве. Выпивка и секс — главные темы разговоров в цехе. В эти разговоры и шуточки втягиваются и женщины-работницы. Во время перерыва, когда мужчины и женщины едят свой завтрак, можно услышать такие, к примеру, диалоги: „Танька, пойдешь после смены со мной на п о л ш и ш к и?” — „Как смену кончу, так и прибегу”, — со смехом отвечает Танька. Секс — предмет приятных воспоминаний, объект, вызывающий живой интерес и улыбку. Разговор за завтраком — что-то вроде дополнительного удовольствия после приема пищи.

Упрощенность отношений между мужчинами и женщинами в цехе не всегда ограничивается только фривольными разговорами. Работница вышла замуж. Через несколько дней сосед по цеху, молодой парень, спрашивает ее: „Ну, как, нравится замужем?“ „Нравится“, – безо всякого смущения отвечает она. „А сравнить не хочешь?“ Работница смеется. Но когда, спустя неделю, ее собеседник собрался переходить на другой завод, она сама подошла к нему в конце смены и пальцем поманила пойти с ней в цеховую кладовку. Мысль о том, чтобы сравнить мужские качества мужа и товарища по цеху, вовсе не показалась ей кощунственной.

Хочу пояснить: люди, о которых ведет свой рассказ бывший рабочий фабрики в Москве – не уголовники, не патологические развратники. Это нормальные средние представители рабочего класса сегодняшней России. Их нравы, представления о должном и допустимом находятся в пределах того, что принято на других фабриках, заводах и стройках.

Инженер Станкостроительного завода в Одессе В. Ф., 40 лет, считает, что секс на заводах процветает. „У большинства рабочих, живущих в общежитиях и коммунальных квартирах, условий для встречи дома нет. Приходится, как говорится, „по одежке протягивать ножки“, встречаться после работы в подсобных цеховых помещениях и заводских лабораториях. Условия там, конечно, не ахти какие, но что поделаешь...“ Инженер-одессит добавляет, что встречи на заводе могут происходить только между „своими“ – привести на завод постороннюю или постороннего крайне трудно. „Но своих тоже хватает“, – заключает он.

Тридцатипятилетняя Л. Е., заводской техник из Ленинграда, дополняет рассказ инженера: „Внутрицеховые связи не бывали слишком долгими, но постоянно возникают новые и новые пары. Если женщина работает в цехе давно, то мужчины на нее почти не обращают внимания, но если появляется новенькая, то мужская часть цеха оживает: начинаются шуточки, намеки: „как насчет картошки дров поджарить“. Это бессмысленное по сути выражение в заводской среде означает предложение вступить в половую связь“.

Как реагируют на заводские „романы” партийные власти и администрация? Ведь в интимные отношения нередко вступают люди женатые и (что важнее) партийные. При Сталине и в первое десятилетие после него парткомы охотно собирали собрания для того, чтобы публично осуждать пойманных с поличным любовников. Жительница города Запорожья вспоминает, что еще в начале 60-х годов она видела в заводском цехе объявление о собрании рабочих и инженерно-технического состава цеха с программой: „Аморальное поведение мастера и контролера”. Собрание, которое проводил секретарь парторганизации завода, было главным образом посвящено деталям любовных встреч. „А ну, расскажи, Таня, что ты с ним делала, — кричали из публики молоденькой контролерше. — Не стесняйся, давай подробности!” Девушка плакала, но рабочие, подстрекаемые партийным вождем, продолжали выяснять, „как было дело”. Немолодой мастер попытался прекратить надругательство над своей подругой: „Отстаньте от нее, — сказал он. — Она тут ни при чем. Я решил оставить свою семью и связать жизнь с Таней”. Но ни партсекретаря, ни развеселившихся рабочих такой „мирный” вариант собрания не устраивал. Они продолжали требовать „подробностей”, а затем охотно проголосовали за административное наказание мастеру и контролерше.

Однако в 70-х и сейчас в начале 80-х годов такие сборища уже не практикуются. Если в партком не приходит „сигнал” (словечко из партийного языка, означающее донос или жалобу), то партийцы смотрят на происшествия такого рода сквозь пальцы. То, что не имеет отношения к его деньгам и власти, оставляет сегодняшнего чиновника равнодушным. О том, как и почему возник сам этот феномен советской общественной жизни — письмо в партийную организацию по поводу семейных неурядиц, мы поговорим позднее. А вот как конкретно выглядит современная реакция партийных руководителей на подобную ситуацию.

В 1978 году партком Московского станкостроительного завода получил письмо от жены давнего заводского служащего, начальника планового отдела. В полном соответствии с существующими традициями и терминологией жена инже-

нера сообщала „дорогим партийным товарищам”, что муж ее нарушил доверие партии, он завел на заводе шашни. Его любовница, молодая девчонка, работает техником в таком-то цехе, и она, жена, „желая сохранить крепкую советскую семью”, просит общественность „взять мужа в руки” и „привести его в чувство”.

Проштрафившегося инженера пригласили в партком. Он, естественно, ожидал головомойки, но коллеги по коммунистической партии сказали ему буквально следующее: „Что ты за мужик, если не можешь обделывать свои дела так, чтобы жена не пронюхала? Отрегулируй свои семейные отношения. Как хочешь, что хочешь, но только избавь нас от всех и всяких писем”. Политика: „Чтоб только не было сигналов” стала излюбленной в партийных органах страны.

Это, впрочем, вовсе не значит, что у партийного комитета нет возможности отравить жизнь любому сотруднику завода по любому, и в том числе по сугубо личному, поводу. Один из методов заключается в том, чтобы передать дело о „незаконной связи” в так называемый Женсовет. Женский совет завода или фабрики — общественная организация женщин, не имеющая по сути никаких реальных прав. Но зато Женсовет, состоящий, как правило, из дам немолодых и не слишком удачливых в личной жизни (отсюда и тяга к общественной работе), может долго и шумно обсуждать „персональное дело” неверного мужа или жены, доставляя своим жертвам максимум неприятных переживаний.

Другой метод, с помощью которого на некоторых заводах расправляются с теми, кто „ведет себя не так, как нужно”, заключается в освещении жертвы светом „Комсомольского прожектора”. Где-нибудь на людном перекрестке заводской территории члены местной комсомольской организации вывешивают витрину с карикатурами. Достаточно того, чтобы кто-то увидел целующуюся в укромном местечке пару, как этот эпизод становится предметом осмеяния на витрине „Комсомольского прожектора”. Шарж сопровождается обычно издевательскими самодельными стишками: вот, мол, план Она не выполняет, а целоваться горазда. Да еще с женатым! Разрешение на каждый новый номер „Про-

жектора” дает секретарь парткома завода, он же подчас и заказывает темы карикатур. „Прожектор” — своеобразная плетка, которой партком подхлестывает людей, припугивает одних, натравливает других. Плетка эта тем более действенна, что оскорбленному или осмеянному не на кого жаловаться. В ответ на жалобу партийный босс пожимает плечами, ведь „Прожектор” выпускает комсомольская организация; картинки рисовал какой-то мальчик-художник, с него и спрашивайте...

Жизнь тем не менее идет своим чередом и что бы ни рисовали карикатуристы „Комсомольского прожектора” и какие бы резолюции ни принимал Женсовет, сексуальная жизнь рабочего класса продолжает бурлить и кипеть. Главным местом кипения является однако не цех и вообще не заводская территория, а общежитие.

Я вынужден снова и снова возвращаться к этой теме, потому что, во-первых, в общежитиях расселено никак не меньше 60—70 процентов рабочих СССР. А во-вторых, жизнь в общих комнатах, в домах с однополым населением в значительной степени предопределяет судьбу любви и секса. Женщина и мужчина из комнаты на шестерых это не те люди, что живут в собственной квартире. У обитателей общежития иные нравы и другие критерии поведения.

Заглянем в рядовое заводское общежитие. Женщин и мужчин на предприятиях расселяют отдельно, в разных домах. Кровать — главная мебель комнаты в общежитии. Иногда кровати сдвинуты так тесно, что между ними едва можно протиснуться. Кроме кроватей, в комнатах есть тумбочки и стол. Шкафы для одежды — редки, женщины развешивают свои наряды прямо на стенах, благо нарядов у них не так уж много. На стене в женских комнатах можно увидеть зеркало, иногда вырезанные из журналов цветные картинки и открытки, на окнах скромные занавесочки из тюля. Мужское жилье значительно более скромно. Там, как правило, нет ничего относящегося к уюту, даже абажура на свисающей с потолка электрической лампе. Уборная находится в коридоре и обслуживает жильцов нескольких комнат. Душ, если он вообще есть, тоже рассчитан на целый этаж.

Главный признак общежития — охрана у дверей. Вахтер (вахтерша) проверяет пропуска, задерживает посторонних, а в случае попытки постороннего проникнуть внутрь вызывает милицию. Существующий для всей страны порядок гласит, что лицо противоположного пола может быть впущено в общежитие только после того, как оставит у вахтера свой паспорт. Но и после этого оно (лицо) не имеет права находиться в комнатах больше 2—3 часов и самое позднее в 11 вечера должно быть удалено из помещения.

Профсоюзный работник из Минска (Белоруссия) С. К., 60 лет, так высказался по поводу режима рабочих общежитий. „Я много раз инспектировал общежития Минского тракторного завода, Завода шестерен, Автомобильного завода и всякий раз слышал от рабочих и работниц протесты по поводу того, что администрация контролирует их личную жизнь. Почему они не могут приглашать к себе своих друзей, родственников, любимых в любое время и на любой срок? Особенно негодовали тяжело работающие девушки-строители 18—22 лет — такелажницы, крановщицы, штукатуры. „Почему нам не разрешают приглашать к себе молодых людей? Мы ведь не в тюрьме. После работы хочется повеселиться. А если на то пошло, то и переспать нам тоже хочется. Ведь мы живые люди”. Я пробовал обсуждать этот вопрос с директорами трестов, которым принадлежат общежития, — вспоминает С. К., — но мне везде отвечали, что нынешний порядок введен партийными органами и изменить его заводская и трестовская администрация не может”.

Запреты и милицейский контроль толкают рабочих и работниц подчас на дикие, безрассудные поступки. „В Минске на улице Фабрициуса есть женское общежитие Четвертого строительного треста, — продолжает бывший профсоюзный администратор С. К. — Комендант не пускал туда мужчин. Но девушки наловчились связывать пять-шесть простыней в длинный жгут и с помощью этого „каната” втягивать своих поклонников в комнаты на третий этаж. Предприятие закончилось плачевно: молодой рабочий сорвался и упал на камни. Травма черепа сделала его на всю жизнь

инвалидом. Другой рабочий погиб, пытаясь добраться до своей подружки по водосточной трубе”.

Минские партийные органы стараются скрыть подлинный смысл этих трагедий, объявляя, что в общежитие пытались пробраться „хулиганы”. Но С. К. знает, что часто жертвами насилия и запретов оказываются женатые пары.

„Однажды ко мне на прием пришел болезненного вида рабочий из строительного треста Химмонтаж, — вспоминает С. К. — Он рассказал, что живет в общежитии, в комнате на шестерых. Жена его с новорожденным ребенком живет в другом общежитии. Вместе с ней в комнате находятся еще три женщины с маленькими детьми. Рабочий ходит в гости к своей жене и ребенку, но всякий раз с наступлением сумерок комендант выгоняет его вон. Рабочий не просил у меня квартиру или комнату. Он умолял только, чтобы ему разрешили три раза в неделю проводить со своей женой хотя бы часть ночи. „Конечно, сказал он, я и через окно могу к ней влезть, но совестно мне, да и трудновато...” Он расстегнул рубашку и показал шрам, оставшийся от операции на сердце. Оказывается, сравнительно недавно ему сделали операцию и вставили в сердце искусственный клапан”.

„Мы живые люди”, — говорят девушки-строители из Минска. И ткачихи с московской фабрики Красная роза, предприятия, где почти нет мужчин, повторяют: „Мы живые” и лезут в окна соседнего мужского общежития, где живут их ровесники, шоферы московского троллейбуса. Конечно, можно посочувствовать парторгу фабрики Красная роза, который в 1980 году жаловался: „Мы ставим охрану, мы по ночам проверяем комнаты девушек, но нам не удастся прекратить это безобразие”. Но можно посочувствовать и девушкам, которые после рабочего дня на фабрике возвращаются к себе в общежитие, которое по сути превращено в тюрьму. А если есть тюрьма, то удивительно ли, что находятся люди, бегущие из нее?

Можно утешить парторга столичной ткацкой фабрики: есть города, где проблема поддержания дисциплины в рабочих общежитиях разрешена блестяще. В провинции милиция по первому вызову в любое время суток врывается в общие

жилища рабочего класса. И горе тем представителям класса, которые окажутся в неподобающем месте в неподобающее время.

„У нас в Свердловске — десятки заводов, — рассказывает бывший работник милиции, 37-летний А. В. — И каждый завод имеет по несколько общежитий. Контроль за нравственностью рабочих возлагается на коменданта, а также на оперативные отряды — особые группы доверенных, специально обученных людей комсомольского возраста, которым в такого рода ситуациях предоставлены неограниченные полномочия”.

А. В. несколько лет был членом штаба такого оперативного отряда, и его описание действий этой организации представляется мне небезынтересным. „Ночью в штабе оперотряда звонит телефон, — сообщает он. — Некий „доброжелатель” из мужского рабочего общежития сообщает, что в комнату номер такой-то тайком пробралась особа женского пола. Отряд немедленно выезжает на место происшествия. Будим коменданта, берем у него запасной ключ от подозрительной комнаты. В коридоре уже толпятся любопытные. Наши действия никого не удивляют и не возмущают, а наоборот, как всякие действия людей, облеченных полномочиями, вызывают почтение. Тихо подкрадываемся к двери, отпираем ее и хватаем любовников. Тащим их по коридору чаще всего не одетых. Только в машине отдаем женщине ее одежду. Конечно, сцена эта вызывает у окружающих шумный смех, шуточки, издевательства... Чем мы руководствовались? Письменных указаний, как проводить такие операции, я никогда не видел. Но устные указания милицейских и комсомольских шефов всегда звучали одинаково: виновных в „моральном разложении” не жалеть и всячески их преследовать. В основе этих указаний лежит так называемый Моральный кодекс строителя коммунизма, опубликованный еще в хрущевскую эпоху. После допроса пары мы посылали письмо в то учреждение, где работала пойманная девушка, или в институт, если она студентка. Результат обычно был всегда одинаков: жертву исключали из комсомола и снимали с работы”.

Бывший руководитель оперативных отрядов в городе Свердловске сталкивался по роду своей работы с самыми причудливыми вариантами рабочей любви. „Какая история кажется вам наиболее примечательной?“ – спросил я его. „Та, что случилась в одну августовскую ночь в городском парке имени Героев гражданской войны. Мы, оперативники, высмотрели в этом парке скамейку, которая стояла в кустах, в особенно укромном месте. Возле скамьи этой мы устраивали ночные засады и почти всегда захватывали любовников. И вот однажды, часа в 4 ночи, мы выследили и схватили очередную парочку. Доставили их в штаб и тут, вместо того чтобы просить прощения и унижаться, как делали многие, эти двое молча предъявили свои паспорта: рабочие Верхнеисетского металлургического завода, они уже год, как состояли в законном браке. Печать о браке стояла в обоих паспортах, но при этом у молодой семьи не было своего жилья. Муж продолжал жить в мужском общежитии, жена – в женском. Свои супружеские права молодожены могли осуществлять только тайно, в городском парке. „Дать им по 15 суток ареста, чтобы не нарушали общественный порядок!“ – приказал наш наставник, милицейский офицер. Но мы пожалели молодоженов и отпустили их. Впервые мне показалось в тот день, что не все в порядке в советском общественном порядке...”

ГЛАВА 7. ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Весной 1910 года живший в Петербурге Александр Блок написал стихотворение „В ресторане”. Тридцатилетний поэт-аристократ так рассказал о своем любовном увлечении:

Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого как небо аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: „И этот влюблен”...

Стихотворение Блок написал в апреле, а в мае другой молодой русский тоже пережил нечто, связанное с женщиной. Он женился. Это был крестьянин Орловской губернии, сирота, которому, по деревенской традиции, невесту подобрали его родственники. Через много лет крестьянин этот Дмитрий Егорович Моргачев так описал обстоятельства своего брака:

„В первых числах мая 1910 года состоялась наша свадьба с девушкой Марьяной, с которой живу доныне. Мы поженились, не зная и не думая ни о какой любви, даже не зная друг друга до свадьбы. Так делали все. Нужна была жена в доме, работать, стирать, варить. Конечно, знал я и она, что будем спать вместе и будут у нас дети, которых надо растить и воспитывать. Всего родилось у нас 10 детей, из которых 6 выросло...”¹

Сравним поэтические строки Блока с цитатой из автобиографии Моргачева. Как будто оба говорят об одном и том же: о встрече с женщиной, об отношении к ней, о поступках, цель которых — достичь наибольшей близости двух душ и тел. В обоих отрывках даже слово ЛЮБОВЬ есть. Но как несхожи чувства горожанина и крестьянина, как различен интимный опыт двух мужчин! И, действительно, то, что звалось в русском городе л ю б о в ь ю, и то, что понимали под тем же термином жители российской деревни, по сути не имело между собой ничего общего. В селе девушке и юноше запрещено было решать, кто будет их избранником (избранницей), брак носил характер хозяйственной сделки. Конечная цель церковного венчания сводилась к обязательству мужчины и женщины продолжать род. Такой союз без личного выбора предполагал не столько любовь, сколько терпение. Недаром на жалобы молодых старшие члены семьи отвечали пословицей: „Стерпится, слюбится...”

В том, что написал о своей женитьбе крестьянин Моргачев, не было ни грубости, ни цинизма. Это была сама российская жизнь. Кстати, Дмитрий Егорович не какой-нибудь темный мужичок из глухой деревеньки. Он — человек, проживший долгий и содержательный век: воевал на Первой мировой войне, был тяжело ранен, занимался общественной деятельностью в селе, обратился к религиозной философии Льва Толстого и был за это брошен в тюрьму, провел годы в советских лагерях, вырастил и потерял любимых сыновей.

¹ Марк Поповский. „Русские мужики рассказывают... Последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе. 1918–1977 гг.». Издательство Overseas Publications Interchange LTD. Лондон, 1983, стр. 161.

Но любви — личного интимного чувства к избранной женщине, в жизни его не было. Никогда. И Дмитрий Егорович, мужчина красивый, умный и содержательный, не находил в отсутствии такой любви ничего странного. Так жили родители и деды, так, полагал он, должно жить и ему. Боюсь даже, что понятие „любовь” в его реальном значении было для Моргачева равноценно понятию „разврат”. И не только для него, но и для миллионов русских крестьян XIX и начала XX столетия.

Значит ли это, что в течение двух веков, предшествовавших революции 1917 года, русская деревня не имела понятия о любви? Конечно, нет. Были и любящие пары и благополучные нежные семьи. Наверное, прав и тот русский писатель конца XVIII века, который с некоторым даже удивлением для себя констатировал, что „и крестьянки любить умеют”. Но в целом нет сомнения в том, что общество, которое отрывает любовь от личности, от личных вкусов и симпатий и соединяет мужчину и женщину только во имя рода, ради деторождения, оставляет для человеческого счастья пространство крайне ничтожное. И что бы мы ни думали о большевистской революции, приходится признать: именно она поначалу принесла в русскую деревню право на индивидуальное чувство. Среди лозунгов, с которыми большевики пришли в деревню, не последнее место занимал лозунг о разрушении „буржуазной семьи” и призывы к „свободной любви” (см. главу 2. „Как любили дедушки и бабушки”). Авторитет старших, значение церковных установлений тотчас после 1917 года начали падать и вместе с печальными последствиями этого крушения возник и процесс благотельный: молодежь получила право самостоятельно избирать своих любимых. Ломка эта сопровождалась всякого рода безобразными эксцессами и крайностями, но право на независимую, индивидуальную любовь нельзя не признать благом. Только такая любовь и может сделать человека счастливым. Беда только, что, как и обещанная крестьянам земля, право на свободное чувство обернулось для деревни, в конце концов, обманом.

Коллективизация и индустриализация разорили деревню,

погнали мужика на заработки в город, на заводы, в рудники и шахты. Деревня начала пустеть и прежде всего терять мужчин. Вторая мировая война еще более обезмужичила советское село. Вот они эти роковые цифры. В 1920 году в российском селе жило 115 миллионов человек, в пять с половиной раз больше, чем в городе (21 миллион). Равная пропорция мужчин и женщин в деревне еще более менее сохранялась. В 1939 году в городах находилось уже 56 миллионов, но в селе жило все еще в два раза больше граждан — 114,5 миллиона. Двадцать лет спустя на рубеже 60-х население деревни и города почти сравнялось — 100 миллионов в городе и 108 в деревне. А еще двадцать лет спустя, в наши дни, впервые в истории России городских обитателей стало больше, чем крестьян, причем мужчина оказался в деревне объектом крайне дефицитным... Так что, получив из рук советской власти право свободно выбирать любимого, деревенская женщина тут же это право и потеряла: в опустевших деревнях ей некого стало выбирать...

Судеб деревенских девушек, которым некого любить и не за кого выходить замуж, советская пресса и литература касаются обычно лишь мимоходом, с некоторой даже усмешкой, дескать, временные трудности на фоне общих хозяйственных побед. В деревне особенно чувствуется то пренебрежение к любви, к личным чувствам, которое пронизывает общественную жизнь страны. Журнал „Новый мир” в 1970-м году предоставил свои страницы председателю колхоза „12 лет Октября”, Смоленской области, А. Бердышеву. Вот как он описывает „проблему невест” в колхозе: „Пятнадцатилетние парни, окончив семилетку, уходили из колхоза, переходя в старшие классы средней школы или в техникум. Восемнадцатилетние уходили в армию. Как правило, они в колхоз не возвращались. Для девушек путь из колхоза был более тернистым. Не каждая из них могла пробиться в техникум или институт. Но для каждой наступала пора любви и создания семьи. А кого любить, если все ребята в городе. Так возникла „проблема невест”. Матери невест осаждали меня просьбами отпустить дочерей в город. Они

заливались горючими слезами, умоляя не калечить молодые жизни их детей”¹.

Что же отвечал на слезы матерей чиновник, назначенный в колхоз председателем по указанию районного комитета партии? Да по существу ничего. „Я убеждал колхозниц, как мог, говорил им, что дела в колхозе скоро поправятся, будут возвращаться парни из города. Пусть дочка идет работать на ферму, поможет укреплять хозяйство. А когда колхоз поднимется, женихи сами наедут...” Председатель колхоза Бердышев, как и редакция журнала „Новый мир”, конечно, хорошо знали, что женихи не вернутся, но и отпускать девушек в город нельзя: это противоречит хозяйственным задачам партии. Нет мужчин в деревнях Смоленской области и сегодня. Корреспондент „Литературной газеты” Никитин в номере от 27 октября 1982 года в статье „Безлюдье” пишет: „Поздно уже говорить о закреплении сельской молодежи. Во многих местах просто некого закреплять”.

Демографический перекося принес в „женскую деревню” те же беды, что и в „города женщин”. Но есть у сексуальной жизни села и свои особенности.

Деревенский человек абсолютно оголен перед своими соседями. Все у всех на виду. Из-за бедности внешних впечатлений у крестьян (особенно у крестьянок) повышен интерес к чужой жизни. Все знают, кто с кем спит, кто кого себе „завел”, что жена сказала мужу и что он ответил жене. Личной, независимой интимной жизни в русской деревне нет. Горожанка Г. Я., 45 лет, ездившая на лето в деревню под Москвой, где она снимала дачу, с удивлением вспоминает свой разговор с крестьянкой, которая перевозила ее на лодке через реку. Едва они остались в лодке вдвоем, баба-перевозчица спросила москвичку, какую та получает зарплату. Второй вопрос был о муже: „Ну как мужик? Знает свое дело? Не ленится? Стоит у него на тебя?” Своими вопросами крестьянка вовсе не собиралась обидеть москвичку. То были обычные вопросы, которые в 70-е годы XX столетия

¹ „Новый мир” № 7, 1970, А. Бердышев. „Мои друзья-колхозники”, с. 198.

русские крестьянки задают друг другу, встретившись у колодца или у реки за стиркой белья. В знак доверия и симпатии к горожанке перевозчица тут же пожаловалась ей: „А мой никуда не го́ж. С ним живешь как с бабой. Пьян всегда — из-за этого у него и не стоит”.

Другая особенность современной советской деревни — ругань. Известный диссидент Андрей Амальрик, который в качестве ссыльного провел три года в сибирском колхозе Томской области, пишет: „В деревне вообще очень распространен мат, все мужчины и почти все женщины без матерной ругани двух слов связать не могут, так что почти все они, за немногими исключениями, ругаются при своих детях, будь им три года или шестнадцать, все равно. И какой-нибудь мальчишка лет четырех, который только едва научился говорить, уже загибает такие выражения, что в пору пьяному Филимону. Никто его не остановит. Так же грубо, а подчас и изощренно-грубо ругаются и девочки 15–16 лет”¹.

Соответственно и все сексуальные предметы и действия крестьяне в разговорах называют своими именами. В том числе женщины. Амальрик приводит спор между двумя группами деревенских женщин. Одна группа работала на скотном дворе, а вторая работать там отказывалась. Женщины при этом ссылались на то, что у них много детей. „Суки вы, мать вашу ..., — кричали одни, — вот мы и с детьми работаем, а у нас детей побольше вашего”. На что следовала реплика: „Не надо было мужику п... подставлять, так было бы детей поменьше”.

Мне также приходилось не раз слышать брань женщин в деревне. Старики говорят, что в дореволюционную пору ничего подобного крестьянки себе не позволяли. „Муж бы ее вожжами излупил, если бы услышал такое”, — сказал мне старик-крестьянин в одном из колхозов на Кубани (Краснодарский край). Мне кажется, что эти слова объясняют в какой-то степени языковую распущенность современных колхозниц: большая часть из них не заму́жем. Но дело не только

¹ Андрей Амальрик. „Нежелательное путешествие в Сибирь”. Нью-Йорк, 1970.

в отсутствии контроля со стороны мужа (теперь и мужики ругаются). Произнесение и повторение слов грубого сексуального содержания служит в какой-то степени психической разрядкой для сексуально неудовлетворенных женщин.

Мужчины в своей откровенности не отстают от своих подруг. Москвич, посланный на уборку урожая в деревню Владимирской области, оказался в обеденный час в поле с группой трактористов. За обедом, который, естественно, не обошелся без водки, один из трактористов, мужчина лет сорока, стал жаловаться товарищам: „Не знаю, что и с бабой делать – злоебучая стала. Раньше спокойная вроде была, а теперь злоебучая. Прихожу с работы уставши, лезу в подпол за поллитрой, выпью, думаю, да посплю, а она меня, хват, и в постелю тащит. Идем, говорит, выпьешь апосля. Вот злоебучая...” Монолог этот никого из трактористов не удивил и не рассмешил. В знак сочувствия к попавшему в беду товарищу остальные принялись подкладывать ему в щи куски мяса.

Не стремятся в деревне скрыть свои интимные отношения и те, кто в браке не состоят. Горожане, посланные из Ленинграда в село на уборочные работы, нагружали мешки с зерном на телеги. Командовал операцией молодой мужчина бригадир, который все время давал понять окружающим, что у него роман с одной из колхозниц. Но когда во время погрузки эта молодая женщина совершила какую-то ошибку, бригадир расสวิрепел: „Ты что делаешь! – заорал он. – Я тебя сегодня ночью ставил раком? Забыла? Еще раз поставлю, так и знай!” Крестьянка была смущена, но уже через десять минут они беседовали с бригадиром как в ни чем не бывало.

Особенно сильные выражения идут в ход, когда в деревне встречаются две соперницы, женщины, из которых одна увела мужа у другой. Происходит такая встреча чаще всего возле колодца или у магазина при большом стечении народа. В среднерусских и северных селах есть целый ритуал, руководствуясь которым баба с р а м и т более счастливую товарку. Г. Я. (45 лет), редактору московского издательства, случалось наблюдать такие сцены в конце 60-х и в начале

70-х годов во Владимирской (Мстера) и в Калужской областях. Срам начинается обычно потерпевшая сторона. Победительница лишь отбивается. Нараспев и на возможно более высокой ноте потерпевшая перечисляет все, что может унижить и оскорбить соперницу. Уведенного мужа она обычно не упоминает. „Как же ты на людей-то смотришь, нахальные твои глаза... Ведь ты со всей деревней живешь... Сиськи-то распустила до колен... А рожата-то кирпича просит... Детишки-то у тебя от семерых мужиков... А п...а-то у тебя как ворота, только что на телеге не ездят...” По правилам противная сторона убежать от срама не может, это считается позорным. Она должна отбиваться, огрызаться и доказывать, что мужик, который живет теперь в ее хате, сам убежал, спасаясь от безобразия, глупости, грубости и нечистоплотности своей бывшей жены. Иногда борьба за мужчину переходит рамки дискуссии и заканчивается плесканием в лицо соперницы кипятком. Жестокость такой борьбы в деревне зависит не только от объективной ценности мужчины, но и от того, что, по деревенским представлениям, его уход из дома ложится позором на оставленную жену. В городе такой подход показался бы странным. Но у села свои законы.

Переизбыток женщин и недостаток мужчин в деревне делает крестьянку крайне снисходительной по отношению к мужу и вообще к мужчине. Врач Л. Ш., 34 года, работавший в Литве в литовско-польско-белорусском селе, обратил внимание на то, как тамошние жительницы оценивают своих мужей. На вопрос врача об отношениях с мужем крестьянка отвечает, как правило: „Он у меня хороший, пьет не очень много и защички дает”. Польское слово „защичка” означает одновременно укол и половой акт. Как видим, в современной советской деревне мужчине требуется совсем немного качеств, чтобы прослыть хорошим мужем.

Замужних женщин, однако, в селе чаще всего меньшинство. Одиноким же приходится искать мужчину на стороне. Такими „резервными” мужчинами являются рабочие-„шабашники”, которые бродят группами по селам в поисках заказов на строительные работы. Бригады „шабашников” возникают в городах на частно-предпринимательских основах.

Они подражаются строить колхозные скотные дворы и дома колхозников. Закончив работу, „шабашники” переходят в другое село. В каждом селе у них жена. В России это называется „поджениться”.

В поисках половой близости колхозницы обращаются и к солдатам, размещенным в близлежащих военных лагерях. „По выходным дням колючая проволочная изгородь, окружающая воинскую часть неподалеку от города Подольска Московской области, оказывается буквально облепленной женщинами из окрестных деревень, — рассказывает научный работник А. Р., 37 лет, институт которого был расположен неподалеку. — Колхозницы ожидают, когда начальство начнет отпускать в увольнение солдат и сержантов. При этом они не скрывают своих намерений. В руках у каждой бутылка с водкой. Они пришли, чтобы увести солдата к себе в деревню. Иногда такие „бутылочные” знакомства заканчиваются даже браком, но случается это редко”.

Успехом в деревне пользуются также те молодые горожане, которых каждую осень миллионами посылают на уборку хлеба, овощей и прежде всего картофеля. Неумелые горожане мало что стоят как сельскохозяйственные рабочие, тем более что посылают всех этих студентов, преподавателей, бухгалтеров, редакторов и мелких банковских чиновников помимо их воли. Но зато поездка на сельскохозяйственные работы превращается для них в отпуск и заполняется пьянкой и возней с деревенскими девушками. Председатель колхоза имени Ленина Лагульского района неподалеку от Минска (Белоруссия) Владимир Хомутов жаловался в 1979 году приехавшему из белорусской столицы чиновнику: „Прислали мне на уборку картофеля студентов Минского политехнического института. Прожили они у меня три недели и я их выгнал. Во-первых, вся картошка осталась в земле, они к ней не притронулись. Зато водки выпили цистерну, а главное — обрадовались, что вырвались на волю от родителей да институтского начальства и принялись с девками шебаршить. Приходят с поля в дом, где мы их поселили, едят и, не моясь, валяются вместе с девками на свои матрасы. Хоть фонарь красный вешай...” Председатель недоволен, но, мож-

но предположить, что девушки и женщины колхоза имени Ленина оценили приезд городской молодежи иначе.

Бывший служащий Московского Госбанка Л. К., 35 лет, тоже вспоминает поездки „на картошку” с удовольствием. „Деревенские девушки преклонялись перед нами: москвичи, столица! От нас ждали чего-то нового, удивительного, и мы проявляли изобретательность: в частности, учили девушек групповому сексу. Слова „в Москве так делают” парализовали всякое сопротивление наших неопытных партнеров. Случалось, что в хате устанавливалась очередь: „Сейчас ты – с Машей, а через час я с Дашей”.

Есть в деревне категория женщин, которым развлечения такого сорта не подходят. Это сельские учительницы. Я говорю учительницы, потому что среди тех, кто ежегодно заканчивает в СССР педагогический институт, мужчин не более 20 процентов. А в сельских начальных школах число мужчин падает до 10–12 процентов. Молодые учительницы, приехавшие в село, хотели бы обзавестись семьей. Но по уровню образования они стремятся к браку с интеллигентом. А где его взять в деревне? По официальным данным 40 процентов учительниц в деревне – не замужем. Внебрачные отношения для них тоже исключены. Ибо, как справедливо написал советский демограф В. Переведенцев, „если сельский человек живет как бы под лупой у своих односельчан, то учитель как бы под микроскопом; его поведение обязывает подавать пример самой что ни на есть высокоморальной жизни”¹. К этому можно добавить, что, если учительница пытается игнорировать это требование общества и партийного надзора, ее ждут крупные неприятности в местном районном комитете партии. Не находя пары, девушки-учительницы бегут из деревни в города, а на их место власти присылают новых девушек, столь же одиноких и имеющих столь же мало шансов обзавестись семьей.

Вернемся, однако, к судьбе коренных жительниц села. Местная женская колония тоже не чужда интереса к интелли-

¹ „Литературная газета”, 24 февраля 1971. В. Переведенцев. „Будет ли свадьба?”.

генту. Особенно, если он не слишком горд и не слишком стар. Актер кино, диссидент, выпустивший на Западе книгу „Мой папа убил Михоэлса”, Владимир Гусаров описал одно из таких деревенских приключений. Фильм, в котором он принимал участие, снимался на Кавказе. В курортном городе, бродя по рынку, Гусаров познакомился с „симпатичной брюнеткой”, рабочей из пригородного совхоза. Завязался разговор. Горожанин намекнул, что хотел бы поближе познакомиться с крестьянкой. Женщина просто и естественно ответила, что „побеседовать непрочь” и повела актера к себе в деревню. Жила она в общежитии совхозных работниц. По дороге они купили несколько бутылок сухого вина и бутылку водки. Вот как выглядела эта встреча в описании самого Гусарова: „В комнате общежития стояло 5 или 6 кроватей, стол, простенькие стулья и табуретки – ни занавесочек, ни ширмочек. Кровать моей знакомой отличалась от прочих – ее украшали четыре сияющих никелированных шара и горка подушек... Все было очень благородно – я без умолку тарыхтел, девушки почтительно слушали, интеллигентно попивая сухое вино... Когда пришла пора ложиться спать, моя дама, кубанская казачка, сняла с горки самую маленькую подушечку-думку и сказала, что она будет перегородкой между нами. Все сочли, что это прекрасный выход из положения.

Владелица кровати с бомбончиками полагалась не столько на думку, сколько на то, что сожительницы скоро заснут и шепотом просила меня подождать... Не знаю, что на меня нашло в ту ночь, но у нас почти не оставалось времени пошептаться. Ей, занимавшейся физическим трудом на свежем воздухе, пришлось уговаривать меня, неврастеника, побережь здоровье – я вновь и вновь повторял пройденное... Утром, когда зажгли свет, мне пришлось притвориться спящим. Девушки незло шутили насчет думки, но особенно происшествие не смаковали”¹.

Итак, психологические препятствия к тому, чтобы молодая женщина отдалась малознакомому мужчине, в современ-

¹ Владимир Гусаров. „Мой папа убил Михоэлса”. Франкфурт-на-Майне: „Посев”, 1978, с. 298.

ной колхозно-совхозной деревне невелики. Они легко преодолеваются в том случае, если мужчина сам пьян и предлагает „угостить” водкой предполагаемую партнершу. „В этом случае расстояние между простым разговором на деревенской улице и сексом очень коротко, — свидетельствует москвич Е. Б., 41 год, которому неоднократно приходилось жить в подмосковных деревнях. — Еще более легко сближение происходит на свадьбах, когда в село приезжает много гостей из разных мест и в том числе из города. После свадебного ужина подвыпивших гостей укладывают в избе на полу за занавеской. Свадьбы и общие ночевки, как правило, кончаются групповым сексом или, говоря по-русски, „свальным грехом”.

Я уже говорил в предыдущей главе о роли водки, этого главного двигателя сексуальной жизни рабочих. То же можно сказать и о сельских жителях. Называя в о д к у двигателем половой жизни в СССР, я не шучу и не играю в парадоксы. Беседы с деревенскими учителями и врачами, с теми, кто подолгу жили в селе, убеждают в том, что это так. В силу особенности российских традиций и психологического склада простого человека, который никогда не держал в руках сексуальных романов и не видел соответствующих фильмов, ему, чтобы расковаться для половой близости (с женой или не с женой), необходима изрядная доза спиртного. Именно выпивка снимает природные и традиционные тормоза и толкает мужчину на поиски партнерши. В России существует даже выражение: „выпить для храбрости”, что по сути означает попытку ослабить психические тормоза, мешающие свободным отношениям с окружающими и в том числе отношениям сексуальным.

Этим традиционным возлиянием помогает то обстоятельство, что при дефиците на все почти товары и продукты питания водка, вино и коньяк имеются в любом советском магазине, в любой самой захудалой лавке. О том, насколько широко советские (особенно сельские) граждане пользуются этой возможностью, говорит статья писателя Петра Дудочкина, появившаяся в 1980 году в московском журнале „Наш Современник”. Показав постоянно растущие

цифры производства спиртных напитков в СССР, Дудочкин сообщает: „В июне 1980 года в Батуми проходила всесоюзная конференция по проблемам коммунистического воспитания. Конференция отметила, что в среднем по СССР каждый десятый рубль советской семьи тратится на спиртные напитки. В деревне же на спиртное идет до 30% всех доходов семьи. Ежегодно 12–15 процентов взрослого населения попадает в медицинские вытрезвители”¹.

А вот другое свидетельство: „В советской индустрии вытрезвления, — пишет доктор медицинских наук Владимир Голяховский, — занято более 100.000 работников, в том числе 10.000 врачей и 40.000 фельдшеров и медицинских сестер. Приблизительно 3 миллиона пьяниц, нуждающихся в изоляции и лечении, постоянно заполняют вытрезвители. Причем основная группа этих 3 миллионов — рабочие мужчины в возрасте от 25 до 50 лет...”²

Американский ученый В. Тремль, руководитель Центра по изучению алкоголизма в университете штата Северная Каролина, приводит цифры расходов советских граждан на водку. Оказывается, в 1979 году население СССР заплатило государству за это удовольствие 39 миллиардов рублей, в пять раз больше, чем в середине 50-х годов. Для сравнения замечу, что строительство газопровода Уренгой—Западная Европа должно обойтись Советскому Союзу всего лишь в 25 миллиардов.

Для того, чтобы этот спирто-водочный поток мог беспрепятственно изливаться на просторах страны, в СССР непрерывно со все возрастающей производительностью работают около 3.000 заводов³. Водки они выпускают около трех миллиардов литров в год (в два с лишним раза больше, чем в 1955 году), а также около четырех миллиардов литров ви-

¹ Петр Дудочкин. „Трезвость — закон жизни”. Журнал „Наш Современник” № 7, 1981.

² Владимир Голяховский. „Пьющая страна”. Газета „Новое Русское Слово”, 16 сентября 1979.

³ Vladimir G. Trembl. „Alcohol in the USSR. A Statistical Study”. Duk University Press. 1982.

ноградного вина, 200 миллионов литров шампанского, 100 миллионов литров коньяка и 6,5 миллиардов литров пива — втрое больше, чем 25 лет назад. Советское население потребляет 2,5 миллиардов литров чистого алкоголя в год. В 1955 году было произведено только 650 миллионов.

Но и это не все. Доктор Тремль подсчитал (и весь наш жизненный опыт это подтверждает), что кроме водки и вина, производимых на государственных заводах, само население производит огромное количество спиртного. А именно — 1 миллиард 700 миллионов литров в год. Речь идет о самогоне, который граждане производят из картофеля, свеклы и покупаемого в магазинах сахара. Один миллиард литров самогона производят и выпивают жители села. Это еще 10 литров на живую душу от новорожденного до глубокого старика.

Если товар производится, то, естественно, его хотят продать. У советских руководителей есть особые причины усиленно торговать водкой. В стране, как уже говорилось, недостаточно товаров и продуктов питания, так что процесс возвращения денег, заработанных гражданами, обратно в государственный карман крайне затруднен: покупателям нечего брать в магазинах. Кроме водки. Но зато этот товар на полках магазинов не залеживается: в стране есть области, где оборот торговой сети на треть складывается из денег, полученных винными отделами магазинов. Продажа водки имеет и политический смысл: в русском политическом „паровом котле“ она служит главным предохранительным клапаном. В пьяной ругани и пьяных драках растрачивается энергия, которая могла бы быть обращена населением на борьбу за экономические и политические свободы. Правда, такой метод успокоения общества имеет и свою оборотную сторону: 96 процентов хулиганских поступков в стране происходят в состоянии опьянения, убийства по пьянке совершает 68 процентов убийц. Под влиянием алкоголя совершается 67 изнасилований из ста.

Пьяным владеют животные позывы. Пьяному пригодна любая женщина, которая попала на дороге. При низкой культуре и развитии от пьяного можно ожидать самых ди-

ких поступков. Один из моих собеседников несколько раз наблюдал в деревнях Московской области, как пьяная жена стаскивает пьяного мужа с пьяной же чужой бабы. Интересно, что такие сцены обычно не кончаются разводом супругов. На следующий день все трое не помнят ничего из того, что с ними произошло. Случается, однако, что пьяный секс, столь распространенный в деревнях, приводит и к увечьям. У мужчины, отравленного алкоголем, понижена половая чувствительность. Даже не желая того, он может нанести своей партнерше серьезные увечья. Врач-гинеколог Д. Т., 58 лет, вспоминает, как однажды из пригородного села Усатово в Одесскую городскую больницу привезли женщину-крестьянку. Ее муж, придя пьяным домой, буквально изуродовал ее. Женщину привезли в больницу с разрывами влагалища. Чтобы спасти ее, врачам пришлось сделать серьезную операцию. Для характеристики российских нравов можно добавить, что крестьянка эта не развелась с мужем и не обжаловала в суде его поведение. Имея двоих детей, она через некоторое время забеременела от мужа снова и продолжала с ним жить, несмотря на его непрерывное пьянство.

В одном из деревенских рассказов советского писателя Константина Паустовского есть такой пассаж. Писатель летом живет в деревне под Рязанью. По соседству дом крестьянки Насти. У Насти есть ребенок, больной и тихий мальчик Петя. Паустовский пишет: „Ему уже минуло шесть лет, но он не умел говорить. Весь день он сидел на дороге, пересыпал пыль из ладони в ладонь и молчал.

Я подошел к нему, присел на корточки и заговорил с ним. Он со страхом взглянул на меня, сморщился и беззвучно затрясся-заплакал, уткнувшись лицом в рукав.

— Ты чего? — спросил я...

Я ничего не понимал. Я видел только огромное бессловесное и темное горе этого маленького захлебывающегося от слез существа...

Из избы выбежала Настя, схватила мальчика на руки и, как всегда, виновато улыбаясь, сказала: „Он у меня маленький, дурачок, глупенький мой. Вы не гневайтесь. Как его приласкаешь, он завсегда заплачет”.

Неожиданно глаза у Насти потемнели и она сказала злым голосом: „Я бы их своими руками удавила, мужиков этих, окаянных иродов! Только и жизни, что жрать водку целыми ведрами, да материться. Наплодят вот детей, а у тебя потом сердце изойдет кровью”.

Монолог крестьянки Насти относится к одному из самых страшных зол современной советской деревни, к появлению массы слабоумных детей, зачатых в пьяном сексе. По данным врачей, все дети без исключения, зачатые пьяными родителями — психически несостоятельны. На массовый характер „пьяных зачатий” медики обратили внимание еще в 60-х годах. Сначала об этом стали писать газеты наиболее пьяных районов СССР — „Камчатская правда” и „Магаданская правда”. Там повальное пьянство населения привело к рождению сотен детей-уродов. Вскоре проблема эта затронула и другие районы страны. В 1980 году министр юстиции Армении Геворкян писал в „Литературной газете”: „Мы явно наблюдаем тенденцию роста числа детей, ставших жертвой пьяного зачатия”¹. Много таких детей рождается в заводских поселках и городах, но еще больше в деревнях. Ведь деревенский житель в среднем пьет в два с половиной, в три раза больше горожанина.

Доктор Зорий Балаян, многократно выступавший по этому поводу в советской прессе, конечно, не имел возможности привести в своих статьях статистический материал (секрет!), но он, тем не менее, написал, что „из года в год увеличивается число в с п о м о г а т е л ь н ы х школ, в которых учатся неполноценные дети”². По моим сведениям, число таких школ только в Москве приближается к десяти, значит

¹ „Литературная газета”, 3 сентября 1980.

² „Литературная газета”, 8 июля 1975 и 3 октября 1979. Автор — врач Зорий Балаян. Первая статья называлась „Дети карнавала”, вторая — „Расплата”. Среди прочего доктор Балаян привел следующие цифры: от 215 родителей, злоупотребляющих спиртным, родилось 37 детей недоношенных, 16 мертворожденных, 38 плохо развитых, 55 впоследствии заболели туберкулезом, а 145 — с психическими расстройствами.

речь идет уже о тысячах слабоумных, родившихся в окрестностях столицы. Но есть немало детей, которые настолько разрушены, что им даже во вспомогательных школах делать нечего — это полные идиоты. Интересно, что рождаются такие дети не только от безнадежных алкоголиков, но и от нормальных вроде людей, имеющих обыкновение выпивать несколько раз в неделю. В деревнях есть семьи, где в той или иной степени психически неполноценны 4—5 детей...

Массовое пьянство сельских жителей имеет еще одно важное последствие: изнасилования в деревне происходят чаще, чем в городе¹. Юристы спорят о том, 67 или 80 процентов обвиняемых в изнасиловании оказываются пьяными перед совершением преступления. Я думаю, что в деревне насильник пьян в 90 случаях из ста. Трудно представить себе, чтобы абсолютно трезвый отец, находясь в твердом уме, насиловал свою малолетнюю дочь. Между тем, по статистике каждая третья жертва насилия — малолетняя, а каждый шестой насильник — родственник изнасилованной.

Обстановка, в которой чаще всего происходит нападение на женщину, — свадьба или проводы крестьянского парня в армию. Оба эти события традиционно сопровождаются обильными возлияниями. Вот типичная ситуация, описанная в советской юридической литературе. В украинской деревне провожали на службу в Советскую армию некого Семененко. В гостях у рекрута сидело несколько парней и девушек из этой же деревни. Товарищ хозяина Кривуненко нарочно спойл за столом девушку В., потом вышел с ней на деревенскую улицу и изнасиловал ее. Насильник и его жертва вернулись в дом и продолжали пить. Затем хозяева положили девушку спать на кровать, стоявшую во дворе дома. Насильник, не удовлетворившись, предложил своим друзьям пойти и отнести кровать вместе с В. в сад и там изнасиловать ее

¹ По расчетам В. Чалидзе, автора книги „Уголовная Россия” (Нью-Йорк, 1977), советские суды осуждают в год несколько более 1 млн. граждан. Изнасилование дает в среднем 1,7% всех преступлений. Таким образом, можно предположить, что в СССР ежегодно происходит 100—150 тыс. изнасилований. Большая часть этих преступлений падает на село.

всей группой. Так и сделали. А один из участников этой оргии, стоя неподалеку от злополучной кровати, отгонял подростков, желавших посмотреть на эту сцену¹.

Изнасилования в деревне очень часто сопровождаются издевательством и надругательством над женщиной. В Закарпатье, в гуцульском селе неподалеку от города Ужгорода, в 1979 году, во время свадьбы вдруг исчезла подруга невесты. Ее тело нашли лишь на следующий день в какой-то яме. Она была изнасилована и убита. Выяснилось, что преступление совершили два перепившихся крестьянских парня. Они не ограничились тем, что изнасиловали девушку вдвоем, но еще и вогнали ей во влагалище водочную бутылку. Бутылку эту они обратно извлечь не смогли, попытались разрезать тело, а затем убили свою жертву.

Комментируя эту историю, бывший житель Ужгорода, А. Р., 37 лет, заметил, что до того, как в 1939 году советские войска захватили этот район, крестьяне гуцулы пили вино умеренно и только по праздникам. Коллективизация, лишившая их земли, привела к тому, что гуцулы стали равнодушны к земледелию и равнодушны к спиртному. Всеобщее процветающее здесь ныне пьянство сопровождается множеством преступлений. Что касается бутылки, загнанной во влагалище, то это довольно распространенный вариант преступления в СССР. Я знаю, однако, еще более отвратительный случай, нежели тот, что произошел в гуцульском селе. Два русских мужика выпивали и закусывали в доме своей знакомой крестьянки. Напившись, они изнасиловали ее и в довершение засунули ей во влагалище только что объединенный костяк селедки. Кости впились в ткани так, что извлечь их оказалось невозможно. Женщину пришлось отправить в хирургическое отделение соседнего города.

Несмотря на столь жестокое, если не сказать зверское, поведение насильников, деревенские женщины очень часто скрывают факт насилия, не обращаются с жалобами в мили-

¹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР (1964–1972). Москва, 1974.

цию и суд. Молчание потерпевшей вполне объяснимо с точки зрения деревенских нравов. По представлениям, распространенным в деревне, позор за насилие падает не на насильников, а на жертву, на женщину. Признаться в том, что тебя изнасиловали, значит навлечь на себя насмешки и пересуды всей деревни.

В последние годы в деревнях возникает и противоположная реакция потерпевшей: после вечера, проведенного с мужчиной в интимной обстановке, крестьянка начинает шантажировать его, заявляя, что он изнасиловал ее в пьяном виде. Она грозит подать заявление в суд в том случае, если он не женится на ней. Как альтернативу суда и приговора (от 3 до 7 лет в „легком” случае и от 10 до 15 лет лагерей в случае с утяжеляющими обстоятельствами) крестьянка предлагает „потерпевшему” заключить с ней законный брак. Рассказывают, что таким образом некоторым наиболее решительным крестьянкам удалось обзавестись мужем в наш „безмужний” век.

Более распространена другая ситуация, о которой ленинградец, тридцатилетний Б. С., услышал в лагере от участника событий. Городские рабочие парни ехали на своем стареньком „Запорожце” (малолитражная автомашинка) по большой транспортной магистрали на юг, направляясь в Крым отдыхать. По дороге они остановились переночевать в украинском селе. Их пригласила к себе в дом девушка-крестьянка, мать которой дежурила в эту ночь на соседней железнодорожной станции. Девушка угостила молодых людей, а затем вполне добровольно разделила с ними ложе. Очевидно, отношения в этом „треугольнике” сложились самые дружественные, потому что утром, провожая гостей, девушка дала им с собой две крынки молока. Когда машина отъезжала от хаты, вернулась мать молодой крестьянки. Как это часто бывает в деревне, соседи уже донесли ей о приезде „гостей” и, конечно, намекнули на вольный характер поведения ее дочери. Мать учинила девушке допрос, и та во всем призналась. Опасаясь позора от соседней, мать заставила дочь тут же написать жалобу и немедленно отнесла бумагу в милицию. По магистрали передан был приказ задержать голу-

бой „Запорожец” с двумя молодыми пассажирами. Парни между тем спокойно ехали по шоссе. Считаю они свою связь с крестьянкой незаконной, они могли бы свернуть с магистрали на деревенский проселок и скрыться. Но они и не думали прятаться. Тем не менее, их схватили, судили и приговорили каждого к 6 годам лагерей.

По мнению Б. С. (он сам оказался в лагере в связи со своей попыткой выехать из СССР в Израиль), не меньше 20 процентов судебных приговоров насильникам носит сомнительный характер. Советские суды преднамеренно усиливают наказания по этой статье. Прежде всего оттого, что в Советском Союзе есть нужда в бесплатной рабочей силе для всякого рода строителств. А во-вторых, осуждая молодого мужчину по статье 117 Уголовного Кодекса РСФСР, суд как бы подтверждает тезис советской пропаганды, касающийся особой заботы государства о женщине. Этот идеологический лозунг пользуется в СССР особым расположением властей. Он свидетельствует о гуманизме советского строя и о правах, которые, якобы, получила женщина в условиях социализма. Как известно, 1974 год был объявлен ООН „Годом Женщины”. По специальному распоряжению ЦК партии в том году советские суды осуждали за изнасилования особенно жестоко, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. Тысячи мужчин получили в том году повышенные сроки независимо от реальной своей вины, а лишь по политическим соображениям.

Можно было бы еще многое рассказать о последствиях пьяного секса, но я представлю на суд читателя лишь одну историю, которую услышал в середине 70-х годов во время журналистской поездки на юг страны. Мне пришлось провести несколько дней в доме сельского врача в одном из сел Украины (Кировоградская область). Среди прочего доктор (не для печати!) познакомил меня с содержимым своего личного музея. Это была большая коробка, разделенная на ячейки. В каждой ячейке по стеклом лежали странные на первый взгляд предметы: какие-то палки, гвозди, распиленная гайка. По поводу каждого предмета доктор мог рассказать целую историю. Вот, к примеру, гайка...

„Однажды во время уборки урожая ко мне в больницу привезли колхозного комбайнера. Он тяжело стонал и не хотел раздеваться при медсестрах. Когда мы все-таки раздели его, то оказалось, что до самого основания полового члена у него ввинчена вот эта самая гайка. Гайка вызвала тяжелый отек члена, и я опасался, что у пациента вот-вот лопнет кожа. Врачебными средствами я помочь ему не мог и вызвал двух слесарей из колхозных мастерских. Я приказал им хорошенько вымыть руки, одел их в хирургические халаты и стерилизовал инструмент, которым они принялись распиливать злополучную гайку. Пилили они ее больше часа, и все это время больной буквально выл от боли. Уже после того, как гайку распилили и мы, как могли, облегчили страдания больного, я узнал, что случилось. Комбайнер, огромный детина, с утра крепко выпил и во время разгрузки комбайна стал прямо в поле приставать к жене другого колхозника. На виду всего народа он повалил ее на землю. Она подняла крик. Прибежал муж с двумя приятелями. Эти трое также были пьяны. Они отвернули на комбайне какую-то гайку и, сбив комбайнера с ног, принялись накручивать ее ему на половой член. При этом они грозили, что если он не прекратит своих „ухаживаний“, то в следующий раз они наденут ему на то же место и заклепают медную трубу”. Поскольку в коллекции сельского врача трубы этой не оказалось, можно понять, что урок пошел комбайнеру на пользу.

Повальное деревенское пьянство не только плодит насильников, но и порождает импотентов. Деревенские женщины хорошо знают: много пьющий мужчина рано теряет мужскую силу и интерес к сексу. Тяга к водке затмевает для него тяготение к женщине. Из-за этого в современной деревне даже наличие законного мужа не приносит крестьянке подчас никакой радости. Половое бессилие настигает пьющих уже к 30–35 годам. Но в деревне и в тех случаях, когда муж вроде бы здоров, он совершенно не думает о желаниях жены, полностью игнорирует ее сексуальные чувства. Такое равнодушие к партнерше связано с полной непросвещенностью деревенского мужчины в области женской психологии. Сексологические знания в деревне не только

отсутствуют, но и считаются крайне постыдными и недостойными внимания.

Помноженный на миллионы пар, примитивный пьяный секс порождает миллионы женщин, которые годами и десятилетиями остаются неудовлетворенными. На этой почве, как говорят врачи, у крестьянок нередко психические срывы и неврастения. Они так же мало просвещены в сексологии, как и их партнеры, но крайне редко обращаются к врачу за сексологической помощью. Да, кстати сказать, сельские врачи, по причине низкой своей квалификации, и не способны им помочь. Но есть и другая категория мучениц деревенской сексуальной жизни. Это колхозницы, которые, вступив в брак, вообще не были „разбужены” своими мужьями. Они терпеливо несут женские постельные обязанности, полагая, что реально в этих отношениях только деторождение, а остальное — странные причуды мужа. В результате таких отношений баба начинает жалеть всегда пьяного или полупьяного сексуально несостоятельного мужчину как ребенка. Половое чувство, искажаясь, подменяется материнским. Открыто говорить о такого рода ощущениях деревенская женщина не рискует: мужчина может обидеться. Однако со стороны такая жалость женщины в деревне к своему мужу явственно заметна. Не исключено, что подмена любовного чувства материнским имеет глубокие исторические корни в России. Во всяком случае слова „жалеть” и „любить” имеют в деревенском лексиконе характер синонимов.

В грубом и тяжелом быте колхозной деревни мало элементов, способных пробуждать в женщине чувственность. В частности, любовные отношения почти полностью лишены какого бы то ни было эстетизма. Его нет ни в одежде пары, ни в убранстве деревенского дома. Вот как выглядит, по словам горожанина-студента, присланного в село на уборочные работы, „спальня” молодой колхозной пары. Пара эта только что отстроила свой собственный дом. В доме, расположенном в ста километрах от Ленинграда, имеется лишь одна комната размером, примерно, в 20 квадратных метров. Посредине в полу — дыра. Там со временем будет построена

громоздкая русская печь. В углу кровать, на которой молодой крестьянин спит с женой и маленькой дочкой. В головах у супругов стоит временная печка, которая топится по черному, то есть дым от нее идет в комнату. А в ногах — выгородка, где хрюкает свинья...

Эстетика домашней обстановки, свежесть постельного белья, деодоранты и духи, которые так обогащают секс на Западе, почти не знакомы сельскому обитателю колхозной деревни. Школьный учитель Б. П., 30 лет, одно время преподававший английский язык в деревне, расположенной в 8 километрах от Харькова, крупного города на Украине, рассказывает, что однажды он принес в школу американский журнал мод и отдал его школьницам 15–16 лет. Девочки восторженно разглядывали рекламу нижнего женского белья, не веря, что такое вообще возможно. „Ты дывись, яко воно чисто та красиво...” — шептали они. Зрелище изображенных в журнале ваннх комнат, однако озадачило их. „А для чего это нужно?” — спрашивали они. Чувствовалось, что вся эта роскошь кажется им излишеством. Ведь в их собственной жизни и жизни их родителей ничего подобного никогда не бывало...

После всего перечисленного читателю может показаться странным, если я скажу, что наряду с грязью пьяных безличных отношений в деревне можно обнаружить элементы сексуального аскетизма. Есть немало женщин, которые боятся красивой, излишне обнажающей одежды. Они пугаются, если на их долю выпадает избыток любовных радостей. Личное счастье они рассматривают, как нечто недозволенное, как грех. Возможно, что эта боязнь телесных благ восходит к полузабытым запретам православной церкви. Верующих в селах остается не слишком много, но понятие греха не совсем изгладилось в душе сельской женщины. Время от времени мысль о греховности плотской любви всплывает на поверхность сознания, как упрек, как неясная угроза. Эти подсознательные табу на естественные человеческие чувства могут даже создавать малопонятные горожанину психологические конфликты.

Об одном из таких конфликтов я узнал от инженера из

Киева. Этому молодому человеку пришлось долго ожидать разрешения на эмиграцию. В поисках заработка он торговал яблоками на киевском городском рынке. За соседним прилавком торговала яблоками женщина лет сорока, крестьянка из дальнего села. На второй или на третий день, когда они тут же на рынке расположились позавтракать, крестьянка рассказала горожанину драматическую историю своей личной жизни.

Много лет жила она с пьяницей мужем. Когда дети подросли, наконец, она разошлась с ним. Ее сексуальный опыт был ничтожен и безрадостен. Будучи матерью двоих детей, она попросту не знала, что от секса можно получать удовольствие. Через год после развода она познакомилась с трактористом из соседнего села и сошлась с ним. Это был мужчина не первой молодости, который тоже не прочь был выпить. Но во всем остальном вел он себя с ней совсем иначе, чем муж. С присущей деревенской женщине откровенностью сорокалетняя крестьянка поведала случайному собеседнику о своих самых интимных переживаниях. На том смешанном русско-украинском языке, на котором часто говорят нынче на Украине признание ее звучало так: „Когда вин перший раз вийшов до мэнэ, той Микола, я подумала, ну что вин може мэнэ дати? Вин выпье, та ляжет, та вопрэ в мэнэ свою табаку и буде усэ як з тим Василям. А вин прийшов, выпил, но не полиз на мене сразу”. Уже это одно поразило женщину. Мужчина дружески побеседовал с ней. Он нежно погладил ее, приласкал. В свои сорок лет она впервые испытала женское счастье. Надо ли объяснять, что она буквально вцепилась в этого удивительного Миколу. Их отношения стали для нее источником огромной радости. Ведь в жизни ее никогда прежде не было ласки. Но когда она поделилась новыми для нее впечатлениями с кумой, та спросила: „А зачем это нужно?” Этот вопрос навел ее на мысль о греховности того, что с ней происходит. Ведь она мать взрослой дочери, ее сын служит в армии. Она стала мучать себя: „Что же я делаю? Сын защищает родину, а я с не его отцом такое вытворяю. Це не можно робити... Я не можу соби того дозволити... То грех... Я уеду в другую деревню... Брошу его...”

Киевский инженер, которому крестьянка доверила подробности своего душевного разлада, с раздражением говорит, что много раз во время поездок в деревни слышал такого рода рассуждения. Ему, горожанину, ее переживания кажутся чуждыми. „Ей можно прочесть сто лекций о сексе — она не изменится. Запреты, которые отравляют ее счастье, сидят так глубоко, что их невозможно вырвать ни просвещением, ни уговорами. Она сделает то, что обещала: уйдет из своей деревни, оторвет от себя любимого. Потому что быть счастливой в постели — грех... Темная...”

Не берусь выступать в роли судьи в споре горожанина и колхозницы. У каждого из них есть свои аргументы. Не скрою, что мне в какой-то степени симпатична ее непримиримость ко греху. Как социолога меня, однако, больше занимает другой вопрос: можно ли вообще в ближайшие годы ожидать перемен в личной жизни деревенского человека? Возьмет ли верх естественное человеческое чувство, удерживаемое на слишком крутых поворотах тормозами совести, или в селе и впредь будет верховодить беспамятная, подогреваемая водкой „любовь”? Ответ, как мне кажется, зависит прежде всего от демографии села и от будущей спирто-водочной политики властей.

В СССР каждый школьник знает, что крестьяне стремятся оставить свои деревни и бегут в города. Причин для этого сколько угодно и главная из них состоит в том, что после всех колхозно-совхозных экспериментов крестьяне потеряли интерес к земле. Публично заявить об этом никто не решается и в прессе появляются теории ученых, назначение которых придать массовому бегству крестьян сколько-нибудь приличный вид. Один из „исследователей” научный сотрудник института экономики Академии наук Белоруссии предложил новую теорию. Оказывается, в деревнях теперь много машин, а трактористами в основном являются мужчины. Девушки же не находят в селе работу и уезжают в города осваивать городские профессии. А за ними, — утверждает ученый из Белоруссии, — тянутся и молодые мужчины, которые не находят в селе невест. „По данным социологов каждый пятый—четвертый парень из села Нечерно-

земной полосы уезжают потому, что не на ком жениться. А четыре из пяти девчат — потому что нет работы по душе”¹. Отсюда вывод: „Надо в селе создать рабочие места для девушек, тогда они останутся дома, а вместе с ними парни-механизаторы”. И еще: „Закрепление кадров на селе немыслимо без семьи, а для этого селу нужны невесты”. Чем быстрее появятся в сельской местности рабочие места для них, тем, по мнению ученого, вернее сократится отток молодежи из деревни.

Простенькое это решение опубликовано было в декабре 1982 года в „Комсомольской правде”. Но тем, кто прочитал эту главу, памятно, что в журнале „Новый Мир” на несколько лет раньше другой автор утверждал прямо противоположное: девушки стремятся в город, потому что им не за кого выходить замуж — все женихи там².

Увы, на сегодня ничто не показывает, что бежавшие в города крестьяне готовы вернуться в свои заколоченные деревенские избы. Даже советские журналисты не могут скрыть, что сложившаяся демографическая ситуация безнадежна. Корреспондент „Литературной газеты” навестил недавно колхоз на Валдае в Центральной России. „Холмы, озера, живописная природа, крепкие деревни, — пишет он. — Вроде все в деревне нормально. Но загляните в избу — старики да городские внуки, „подкиннутые” на лето. Не то собес, не то детсад”³. Корреспондент Александр Никитин рекомендует: „Пора горожан, выходцев из села, звать обратно домой”. Ни сам он, ни его читатели, естественно, в этот план не верят. Кто это из бывших мужиков станет менять асфальтовые улицы городов на непролазную грязь сельских проселков? Кому охота менять городские кинотеатры, магазины, кафе на скверные деревенские лавчонки, на развалюху-избу (клуб!), где под гармошку толкнутся весь вечер шерочка с

¹ „Комсомольская правда”, 25 декабря 1982. А. Сиваков. „Срочно требуются невесты”.

² См. стр. 181–182 этой главы.

³ „Литературная газета”, 27 октября 1982. Ал. Никитин. „Малолюдь”.

машерочкой. Нет, вчерашние крестьяне в деревню не вернутся. Это ясно. А что касается спирто-водочной политики партии и правительства СССР, то она была недавно еще раз подкреплена новым распоряжением. Юрий Андропов, едва заняв высший партийный пост, распорядился, чтобы „для борьбы со спекуляцией” в каждом населенном пункте и в каждом районе большого города один магазин торговал водкой после того, как другие магазины закрываются. Водка будет теперь продаваться в Советском Союзе не только с 11 утра до 7 вечера, но и с 7 вечера до 12 ночи. О том, как именно водочные океаны размывают острова любви, мы теперь уже знаем...

ГЛАВА 8. ДЕТИ – НАШЕ БУДУЩЕЕ

Я не люблю свое детство. Если бы меня спросили сегодня, какие чувства тогда были для меня главными, я ответил бы, что и в 7, и в 12, и в 14 лет ощущал себя маленьким преступником. Страх и отъединенность от взрослых сопровождали каждый мой шаг. По мнениям моих вполне интеллигентных по советским стандартам родителей, я всегда и везде делал не то, что нужно. Я не так учился, не так играл, не так вел себя при посторонних. Меня постоянно наказывали и, после этих подчас очень жестоких наказаний, мне хотелось все делать еще более не так. Наша семья мало чем отличалась от тысяч и миллионов советских городских семей. Ребенок в России всегда объект недовольства, раздражения, ему постоянно грозит выговор, окрик, а то и подзатыльник. Его обвиняют в том, что он не хочет помочь родителям в доме, что он болтается по улицам вместо того, чтобы делать уроки, что он слишком быстро рвет одежду и обувь. Его подозревают в самых серьезных преступлениях. Девочке, которая задержалась с мальчиком у ворот, бросают в лицо обвинения в разврате; мальчика, удержавшего гривенник из

магазинной сдачи, укоряют в наклонностях к воровству. Все это папы и мамы выкрикивают обычно громкими голосами, так что слышат соседи и посторонние люди, идущие по улице.

Я знал, что с родителями невозможно быть откровенным. Взрослые не ценят искренность. У меня всегда были от них тайны и в том числе тайны сексуальные. Хотя они никогда не разговаривали со мной об этом, я шестым чувством угадывал, что все, связанное с полом и половой жизнью, — есть грязная, постыдная тайна. Так же жили другие дети. Когда, работая над книгой о сексе, я опрашивал своих соотечественников, эти бывшие мальчики и девочки признавались, что родители никогда не говорили им, в чем суть брака и что такое плотская любовь. И они никогда ничего такого не говорили своим родителям. Даже когда женились. Все они подтвердили, что никогда не узнавали ничего „такого“ от своих школьных учителей, им не доводилось слышать на эту тему каких бы то ни было лекций. Мопассан — да, Мопассан их просвещал. И Стефан Цвейг — тоже. И некоторые западные фильмы, из которых цензура не успела вырезать все „непотребное“. Но основными учителями нашими в сфере половых отношений были старшие товарищи, жившие в соседнем дворе или учившиеся с нами в школе. Школьная уборная — вот основной класс, где мы постигали сексуальную азбуку¹.

Отчего родители наши были так скрытны? Чего опасалась моя мать, преподаватель биологии в высшем учебном заведении, и мой отец-писатель, скрывая от меня, 12-летнего,

¹ Официальная статистика в СССР заявляет, что первоначальную информацию о взаимоотношениях полов московские дети черпают от товарищей-одногодков (50%), затем от учителей (6–8%), от родителей (7–10%) и от родственников (2%) — газета „Советская Россия“ от 21 марта 1979 г. Ответы на мою анкету дали совсем другие цифры. Из бесед с родителями получили сведения о сексе 1,5 процента, в школе от учителя — 0%, из брошюр, лекций и от родственников — 4,6%, более 80 процентов — от товарищей и из собственного опыта. Некоторые использовали также учебники акушерства и медицинские энциклопедии, которые читали тайком от родителей. Мировая литература и западные фильмы открыли глаза 6%.

тайну моего рождения? Прежде всего над ними, насколько я теперь понимаю, нависали старинные российские традиции, запреты, проистекавшие из церковно-христианского представления о греховности плоти. Да и в провинциальных еврейских семьях, откуда вышли мои родители, говорить с детьми о половых вопросах считалось неуместным. Двести лет прошло с тех пор, как в типографии русского просветителя Н. Новикова вышла первая в России книга по половому вопросу. Витиевато и многословно автор XVIII века разъяснял современникам: „Любовь есть подводный камень, от коего юность часто претерпевает кораблекрушение... Любовь есть пространный Океан, в котором юность без кормила благоразумия на одних парусах похотливого любопытства плавает, дабы новые увидеть предметы, и напоследок утопляется”. Автор XVIII столетия рекомендовал только запреты и наказания. За две сотни лет после выхода этой книги официальное сознание в России не только не сдвинулось в сторону более либерального взгляда, но в какое-то время даже ужесточилось.

В 46-м томе первого издания Большой советской энциклопедии, которая стояла в кабинете моего отца, в статье „Половая жизнь” можно было прочитать следующее: „Система воспитания детей и подростков в СССР основана на культивировании л ю б в и к родине, чувстве товарищества, л ю б в и к труду. Создана масса творческих импульсов, о т в л е к а ю щ и х внимание молодежи от чрезмерных половых увлечений и направляющих ее энергию на радостный труд и здоровый отдых, сочетающиеся с физической культурой”. Государство в 1940 году открыто объявляло, что его цель — отвлекать внимание молодежи от интимных чувств и переключать освободившиеся силы на любовь к родине. Гражданам разъяснялось: та — половая — любовь — недостойна внимания. Педагогам и родителям надо знать, что „пробуждающийся задолго до наступления периода половой зрелости интерес к вопросам половой жизни необходимо осторожно и разумно направлять в сторону биологических процессов размножения в природе, избегая всего того, что может вызвать н е з д о р о в ы й интерес к половой жизни

и к сексуальной возбудимости”. И еще раз энциклопедия повторяла, что семья и педагоги должны создавать условия „разумного переключения полового влечения в область трудовых и культурных интересов”. Это же повторяли папам и мамам на родительских собраниях в школе. Надо ли удивляться, если после таких разъяснений мои родители, как и миллионы других в стране, не смели и слова сказать своим детям об этом ужасном н е з д о р о в о м сексе.

„Разумное переключение” в сталинские времена не только декларировали, но и практически осуществляли. В разгар Второй мировой войны в 1943 году советские средние школы были разделены на мужские и женские. Мальчиков и девочек начали обучать не только в разных зданиях, но и по-разному. Мужскую школу военизировали, девочек же стали приучать к хозяйству. Разделение школ было крайне строгим. Встречаться мальчикам и девочкам разрешалось лишь на специально (и крайне редко) организованных школьных вечерах в присутствии классных дам. Дружба и просто общение детей за пределами школы осмеивались и преследовались. Если Его и Ее видели вместе на улице или в кино, школьное начальство производило следствие, в школу вызывали родителей, „чрезвычайное происшествие” обсуждали на классных собраниях. В старших классах все эти строгости порождали массовый онанизм и мастурбацию, а в младших мальчики выражали свой неудовлетворенный половой интерес тем, что били девочек. Эксперимент продолжался 10 лет и завершился лишь после смерти Сталина в 1954 году. Детство и юность целого поколения были изуродованы.

В этой связи небезынтересно напомнить о научных экспериментах, которые показали, насколько сексуальность как вид социального поведения неотделима от подготовки в детском возрасте. Правило это относится как к людям, так и к животным. Чем выше существо стоит на лестнице биологической эволюции, тем оно больше нуждается в предварительном опыте, в дружеских контактах полов для дальнейшей нормальной сексуальной жизни. Ученые показали, например, что щенки, выращенные в изоляции от своих сверстни-

ков, становясь взрослыми, оказываются неспособными к спариванию¹. Отделенные от своих сверстников обезьяны резусы также оказываются в дальнейшем неспособными к нормальной половой жизни. Кроме того, выращенные в изоляции детеныши не вырабатывают способности общаться с себе подобными². Наблюдения психологов подтверждают, что мальчики, лишённые в раннем детстве общения с девочками, вырастают с обедненной сексуальной сферой, с неумением вести себя в обществе существ противоположного пола. Сталинское раздельное обучение было в конце концов признано ошибкой. Но кто подсчитает личные трагедии тех, кто родился в 1933 или в 1935 годах и детство провел в сталинских школах раздельного обучения?

В тоталитарном обществе каждая удобная для властей идея становится тотальной, то есть всеобщей и обязательной для всех. От раздельного обучения после Сталина отказались, но официально поддержанная антипатия к любому публичному разговору на темы секса, страх перед сексом укоренились. В результате выросли юноши и девушки, мало что знающие о своем поле, о своем теле. Их сексуальные побуждения оставались на уровне рефлексов. Мои собеседники рассказали множество случаев, когда после первой брачной ночи молодые супруги из-за сексуальной безграмотности совершали попытки самоубийства. Известны такие же покушения на свою жизнь и у молодых мужей, которые считали первую неудачу признаком импотенции. Известен случай, когда в Свердловске убила себя после брачной ночи молодая женщина только оттого, что от волнения выпустила на брачном ложе кишечные газы. Она решила, что уронила себя в глазах мужа и жизнь ее теперь безнадежно испорчена.

Еще чаще девушки убегают из дома молодого мужа после первых же сексуальных переживаний. Типична в этом отношении история Сусанны Р. из Одессы. Именно с таких деву-

¹ „Журнал высшей нервной деятельности”, 1973, том XXIII, вып. 1, сс. 68–74. В. Антонов и М. Хананашвили. „Значение раннего индивидуального развития для формирования поведения собак”.

² Н. F. Harlow. „Learning to Love”, San Francisco, 1971.

шек итальянские художники эпохи Возрождения рисовали своих Юдифей. Родители Сусанны, врачи, не могли налюбоваться на свое любимое дитя и берегли ее от всего, в том числе и от каких бы то ни было сведений о сексе и сущности брака. В 17 лет (это произошло в середине 70-х годов) Сусанна с родителями поехала летом в Ленинград к родственникам. Там в девочку влюбился некий Юра, интеллектуальный мальчик лет 20. Вспыхнул роман, и родители, опять-таки желая своей девочке счастья, решили немедленно выдавать ее замуж. Ни о каких добрачных отношениях с женихом не могло быть и речи, ведь дом родителей Сусанны был так строг и добродетелен. Не было и добрачных доверительных бесед между матерью и дочерью. Свадьбу сыграли в Одессе, и счастливая новобрачная умчалась со своим избранником в Ленинград. Однако не прошло и недели, как она бежала обратно. По ее словам, муж добивался от нее чего-то крайне непристойного и к тому же болезненного.

Она рыдала и просила пощадить ее, она ничего такого не хотела. А он, переходя от страсти к ярости, снова и снова атаковал ее. Пришлось бежать. С ужасом рассказывая мамочке обо всем пережитом, Сусанна пыталась дознаться, неужели и она, ее мама, терпела все эти гадости?.. Прошло три года, прежде чем девочка из врачебной семьи, наконец, успокоилась и приняла предложение юноши, своего однокурсника по университету. Да, она согласилась на брак, но только с условием, что жить как мужчина и женщина они не будут. К счастью, у второго мужа Сусанны достало терпения, чтобы за несколько месяцев объяснить 20-летней жене то, что родители не объяснили ей в 13–14 лет.

Хирург Б. Ш. из Москвы поделился другой историей о супружеской непросвещенности. На этот раз безграмотность мужа едва не стоила жизни жене. „Ее привезли в мое дежурство (я работал тогда во Второй Градской больнице) обливающейся кровью. В первый момент я репшил, что передо мной изнасилованная каким-нибудь негодяем школьница. Но оказалось, что Скорая помощь забрала несчастную Верочку прямо из супружеской постели через час после окончания брачного пиршества. Молодой муж буквально изуродовал

свою жену. Операция по наложению швов на стенки влагалища потребовала от нас трех часов напряженной работы. Когда утром я уходил с дежурства, в приемной ко мне подошел огромный верзила, ее муж. Заливаясь слезами и соплями, он долго толковал, как любит свою Верочку, какие цветы и конфеты ей дарил и какие стихи сочинял. Конечно, она у него первая и он у нее первый... Что же будет теперь? Неужели она его бросит? „Непременно бросит! – подтвердил я. – Не знаю, как по части стихов, а в постели вы оказались полным идиотом”. „Но откуда же было мне узнать? – заревел этот человеко-бык. – Откуда, доктор?..” И тут я пожалел его. Действительно, откуда знать нашим женихам и невестам о том, что такое половое сношение, если родители, школа, литература, кино – все делают вид, что никакого полового сношения в мире нет? Конечно, некоторые доходят до истины в подъездах домов, на собственном, так сказать, опыте, другим открывают глаза старшие парни во дворе. А что делать вот таким ч и с т ы м мальчикам и девочкам, которые не шатаются по подворотням?

Но оставим молодоженов и вернемся к школьникам-старшеклассникам.

Годами молчали их родители, стеснялись учителя, ничего не писали газеты и книги. Молчание это, однако, не пошло на пользу ни школьникам, ни режиму. „Мы очнулись, но слишком поздно, когда стали обнаруживать в наших школах 14-летних беременных девочек и 17-летних сифилитиков, – сказала мне с горечью пожилая женщина врач-венеролог. – Мы увидели, что наше молчание и уверенность в сексуальной невинности учеников 8–9 классов – миф и самообман”.

Разрушение мифа, о котором говорил доктор, началось в 60-х годах. Собственно никакого разрушения не произошло. Просто в слякотную послесталинскую оттепель несколько ученых-педагогов и журналистов попытались убедить чиновников, что для социалистического режима преподавание в школах сексуальной гигиены и выпуск брошюр, готовящих молодежь к браку, вовсе не опасны. Эти уговоры продолжались двадцать лет. Авторы статей в газетах и журналах всегда осторожно оговаривали, что пекутся главным

образом о пользе государства и, упаси Боже, в популярных брошюрах не собираются проповедовать разврат¹.

Одним из первых выступил в прессе с такими предложениями действительный член Академии педагогических наук СССР А. Петровский. Его статья об отсутствии полового воспитания в СССР, опубликованная в „Учительской газете” в 1961 году, так и называлась: „Педагогическое табу”. После серии такого рода выступлений государственное табу на разговоры о половых проблемах было несколько ослаблено. Года через два Институт общественного мнения газеты „Комсомольская правда” собрал и опубликовал даже данные опроса молодых семей. Из опроса было видно, что советские молодожены катастрофически не подготовлены к семейной жизни. Не образованы и не воспитаны молодые супруги, в частности, и в сексуальном отношении². Факты эти побудили высокопоставленных чиновников еще немного отодвинуть чугунную крышку советского антисексуального табу. Была дана команда публиковать популярные брошюры по половым вопросам. Поскольку своих авторов сразу не нашлось (точнее: своим не доверяли), то перевели с немецкого и польского несколько книжек, изданных в социалистических странах.

В партийных и комсомольских руководящих кабинетах нашлось достаточно людей, которым затея эта не понравилась. Прошло лишь немногим больше десяти лет с тех пор, как умер Сталин. Его принцип, по которому надо отрывать мужчину и женщину друг от друга для того, чтобы и те и другие оставались лишь функционирующими винтиками государственной машины, находил достаточно сторонников. Несколько раз за годы брежневского правления люди этого толка пытались воскресить во внутренней политике дух Сталина. Но Брежнев побаивался сталинистов и не решался на резкий возврат к прошлому. Тем не менее, нашелся чело-

¹ О таких же попытках медиков см. в главе „Врачи рассказывают...”.

² Обзор материалов опроса был позднее опубликован в журнале „Молодая Гвардия” №№ 6, 7, 1964.

век, который в самом обнаженном виде призвал к сталинизму. Это случилось в 1965 году. В Москве готовился пленум ЦК Комсомола, посвященный воспитанию молодежи. Подготовил свой доклад и работник отдела агитации Городского комитета комсомола Виталий Скурлатов.

Проект Скурлатова сводился к тому, что дух народа можно сохранить стойким и бодрым только в том случае, если придать обществу черты постоянно воюющей армии. Надо создать культ солдата и настраивать молодежь на перманентную смертельную борьбу за преобразование всего человечества. Скурлатов – враг мыслителей и интеллигентов. Он решительно против людей, захваченных личным чувством, любовью. В четвертом пункте разработанного им документа „Устава нравов” предлагается: „Провести длительную кампанию о родовой, моральной и физиологической ценности девичьей чести, о преступности добрых связей”. В борьбе с развратом он требует: „Не останавливаться вплоть до использования старинных крестьянских обычаев: мазанье ворот дегтем, демонстрация простыни после первой брачной ночи, телесные наказания тем, кто отдается иностранцам, клеймение и стерилизация их”. В шестом пункте „Устав нравов” призывает „не заниматься так называемым „половым воспитанием”. Не возбуждать интереса к проблемам пола. Пол – дело интимное, здесь все должно решаться само собой. Подавлять интерес к проблеме пола за счет поощрения интереса к романтике, революции... Сублимировать пол в творчество”.

Только руководствуясь этими и другими в том же духе принципами, советское государство, по мнению Скурлатова, может стать великой и победоносной державой.

У проекта этого нашлись сторонники и в ЦК партии и в Политбюро. Однако большая часть брежневского руководства не решилась поддержать этот сталинско-гитлеровский проект. Доклад Скурлатова был отменен и сам он выведен из городского комитета комсомола. Однако идеи укрепления советской семьи силовыми приемами живы по сей день. Мы сможем познакомиться с ними в заключительной главе этой книги.

Противники сексуального просвещения имеются и среди рядовых советских граждан. После того, как в середине 60-х годов в СССР появились первые брошюры, касающиеся сексуальной жизни, в газетах были опубликованы протесты против „опасного эксперимента”. Особенно всполошились провинциальные учителя. Нарушение привычного табу не на шутку испугало их. Некий учитель В. Хорольский, отдыхавший на Кавказе, на досуге прослушал публичную лекцию врача-сексолога. Лекция его ужаснула. „Есть какие-то интимные вещи, которые нельзя обсуждать коллективно, – написал он в „Комсомольскую правду”. – Я за то, чтобы молодые люди приобретали нужные им знания в одиночку, а не рядом друг с другом... Я твердо убежден, что та форма пропаганды половых знаний, когда рядом, в качестве слушателей, сидят влюбленные друг в друга юноши и девушки, неприемлема. Неприемлема потому, что она воспитывает цинизм и убивает стыдливость”¹. Другой противник лекций на темы пола, учитель Лынев из г. Тюмень (Западная Сибирь), также счел, что „половые проблемы -- не тема для митингового разбирательства. Вся сложность, – по мнению сибирского учителя, – в том и состоит, что нужно снять с этих проблем покров запретности и таинственности, не разрушив самой таинственности, интимности. Лучше всего было бы остаться наедине с умной книгой”². Учительница Т. Пойлова, из Николаевска-на-Амуре (Вост. Сибирь), однако, и к книгам такого рода отнеслась с подозрением. „Если мы будем издавать массовым тиражом книги по сексологии, то первыми их читателями станут, конечно, подростки, у которых подобное чтение вызовет нездоровые эмоции”³.

Таких „пугающих” писем в газетах в 60-е годы публиковалось немало. Появлялись они и в 70-х, хотя большинство граждан, судя опять-таки по письмам в редакции, при-

1 „Комсомольская правда”, 10 августа 1966. „'Клубничка' во весь голос”.

2 „Комсомольская правда”, 24 июля 1966. „Грязь”.

3 „Литературная газета”, 11 июня 1969. „Вслух на 'интимную тему’”...

ветствовали попытки просветить молодежь¹. Многие указывали при этом, что у советского общества не остается другого выхода, потому что во второй половине XX века возникла вполне объективная сила — акселерация молодежи. Хотим мы того или не хотим, раннее физиологическое созревание юношей и девушек толкает их к ранним и сверхранним половым связям со всеми вытекающими последствиями. Общество не может оставить их без всякой помощи в волнах сексуальных эмоций. Надо объяснить этим юным существам азбуку секса, дать средства предохранения от беременности.

К середине 60-х годов акселерация действительно преобразила отношения мальчиков и девочек. Вот свидетельства современников.

Библиотекарь из Курска: „Слияние женских и мужских школ в 1954 году, конечно, оживило наш интерес к девочкам, которых мы до того почти не видели. Но школьные романы в 50-х годах, как мне помнится, к сексу не приводили...”

Учительница из Запорожья: „Когда я кончала школу в 1960-м, мы у нас в провинции еще не слышали, чтобы школьники жили половой жизнью. Но в начале 70-х, когда я сама стала преподавать в 9–10 классах, уже были любовники 15–16 лет. Откровенно говоря, я не видела в отношениях этих мальчиков и девочек того, что можно назвать любовью. То были страстные, грязные, тайные и очень торопливые отношения. Страсть не согревалась личной привязанностью двоих”.

Инженер из Ленинграда: „Да, в 10 классе, в 1966 году у нас уже было пять или шесть пар, которые жили друг с другом”.

Программист из Москвы: „Помню, что в десятом классе у нас все были влюблены во всех. Я тогда училась в школе на Рождественском бульваре (1963). Ухаживали. Ходили

¹ При опросе московских студентов экономического факультета Университета 94% опрошенных высказались за спецподготовку молодежи к браку. „Комс. правда”, 5 августа 1979.

в кино. Целовались. Но не более. Зато в следующем поколении школьников романтика начала меркнуть, а на смену пришел голый секс”.

Бывшая инспектор министерства просвещения УССР из Киева: „В тот раз (середина 60-х годов) мы инспектировали детскую колонию для малолетних преступников в Житомирской области. Вошли в общежитие девочек. Кровати были застелены очень аккуратно и девочки стояли рядом по стойке „смирно”. Мы обходили этот строй, и надзиратель давала справку о возрасте, кто откуда, какое дело и т. д. На фоне грубоватых, слишком покрашенных девчонок мое внимание привлекло очаровательное юное существо в аккуратном спортивном костюме, девочка-статуэтка. Я не удержалась и, прежде чем надзирательница открыла рот, спросила девочку: „А ты что здесь делаешь?” Она откинула назад свою очаровательную головку, тряхнула русыми до пояса волосами и ответила безо всякого смущения: „Я обслуживала украинскую республиканскую футбольную команду...” Мы только что не ахнули. Девочке было только 12 лет. Увидев изумление и ужас в моих глазах, она спросила: „А что ты удивляешься? Обслуживала! Что особенного? Самым лучшим был Сабо (известный футболист). Он научил меня двенадцати способам. Но я его тоже кое-чему научила...”

Журналистка из Ленинграда: „Моя приятельница, школьный врач, рассказывала (1978), что сейчас девочки в 9 классе считают неприличным оставаться девственницами. Одна 16-летняя школьница обратилась к своему дальнему родственнику, молодому человеку, с просьбой переспать с ней и избавиться от несносного состояния девичества”.

Биолог из Москвы: „В 1980 году моя дочь училась в 9-м классе. В ее классе в том году родили четыре девочки. Им было по 16 лет. А сколько школьниц сделали в тот год аборт – трудно даже сказать. Это – обычная московская школа № 56 Ждановского района, неподалеку от Люберец. Отцами всех этих „плодов любви” были либо школьники, либо рабочие окрестных заводов”.

Психолог из Южно-Сахалинска: „Между 1977 и 1980 годами мне приходилось исполнять обязанности судебного

эксперта. Было много дел об изнасиловании малолетних. Меня всегда поражало легкомыслие девочек 8—9 класса. Вот типичная история. Шестнадцатилетняя школьница пьет водку в скверике с незнакомыми парнями. Потом один приглашает ее к себе домой, якобы показать фотографии битлов. Сам он болен сифилисом. Грузчик. Гасит свет, валит ее на кровать и т. д. Почему она пьет, почему идет с чужим, незнакомым парнем в район, известный своей преступностью? Легкомыслие — да. Но мне кажется, что эти девочки уже были непрочь испытать такое приключение. Перед нами акселерация, минус какое бы то ни было нравственное воспитание...”

Я привел восемь свидетельств, но мог бы привести и 28 и 48. По мнению большинства моих собеседников, перелом в поведении школьников, возникший где-то в середине 60-х, застал и родителей и советскую школу совершенно не готовыми к новой ситуации. Главное требование властей при этом состояло в том, чтобы скрывать случаи ранних и сверх-ранних беременностей. Родители же, наоборот, устраивали своим провинившимся дочерям шумные публичные скандалы. Среди школьниц участились случаи самоубийств. Другие слишком юные мамы убивали своих „случайно” родившихся детей. В этой обстановке партийным руководителям школы и науки пришлось сделать еще одну уступку: Академии педагогических наук (АПН) было приказано разработать программу полового воспитания для школьников и их родителей.

Ученые дамы из АПН (почему-то в этой Академии большинство научных сотрудников — женщины) принялись обдумывать, как растолковать юным проблемы секса так, чтобы, с одной стороны, просветить и уберечь от ошибок, а с другой, не оскорблять слух непристойными выражениями. И тут оказалось, что русский язык совершенно не приспособлен для такого рода бесед. Для сексуальных действий и предметов на языке Толстого и Достоевского есть либо крайне грубые слова или слова из научного медицинского словаря. Кстати, сами классики, говоря о сексе, в своих произведениях пользовались лишь намеками и иносказаниями.

Обращаясь на Ученом совете к весьма пожилой даме, профессору Богданович, которая в Институте общих проблем воспитания возглавляла Сектор полового воспитания, один из сотрудников – мужчина – спрашивал: „Допустим, вы собрали родительское собрание для обсуждения печальных событий, происшедших в 9 классе местной школы. Как вы называете тот удлинённый предмет, с помощью которого школьник Петя Иванов совершил с Катей Петровой... Кстати, что именно он совершил? Как назвать это действие? Может быть, лучше нам перейти на систему символических жестов? Например, символ номер один – палец... Как вы думаете, коллега?“¹

Хотя такие вопросы вызывали на Ученых советах общий хохот, но группа пожилых дам в Академии педнаук СССР, оккупировавшая сектор полового воспитания, действительно приходила в отчаяние от неразработанности русского языка и от той традиционной российской стыдливости, которая не позволяла ни о чем „таким“ говорить публично.

Разработка программы по сексуальному воспитанию продолжалась в недрах Академии педагогических наук СССР более десяти лет. Когда в конце 70-х годов она была, наконец, готова, выяснилось, что ее некому осуществлять: советские педагогические институты никогда не выпускали специалистов, которые были бы одновременно знакомы с биологией, психологией, физиологией. Иными словами, в стране не оказалось педагогов-сексологов. Не готовят их и по сей день. В одних случаях преподавать основы науки о поле поручают учителям биологам, не знакомым с психологией, в других – психологам, не знающим биологии. Отсутствие преподавателей превратило все поиски академических мудрецов в игру. Только в 1981 году, через двадцать лет после статьи „Педагогическое табу“, в 15 школах Москвы принята была (опять-таки экспериментально) попытка обучать старшеклассников двум новым предметам: „Гигиена

¹ Такие разговоры на Ученом совете Института в конце 70-х годов несколько раз поднимал кандидат педагогических наук Яценко.

и половому воспитанию” и „Этике и психологии семейной жизни”. Лишь три года спустя школьный курс сексуального образования в СССР стал более или менее массовым.

Но в среде чиновников „в верхах” все еще боятся сексуальной свободы граждан. В кабинетах ЦК партии время от времени устраивают „проработки” министру просвещения и президенту Академии педагогических наук. После таких окриков в газетах появляются статьи и интервью, в которых высокопоставленные чиновники педагогического ведомства призывают коллег помедлить, не торопиться с сексуальным воспитанием и образованием. Потом жизнь снова ставит власть перед реальными фактами — массовыми разводами, массовым развратом юных. И снова учителям разрешают кое-что сказать школьникам.

Эту меняющуюся, неустойчивую политику Кремля очень точно отражает в своем поведении хорошо известная в советских научных кругах ученая дама, профессор, вице-президент АПН СССР Антонина Хрипкова. Одно время она была большим поборником сексуального образования, даже ездила за опытом в Швецию. Но начальственный окрик заставил ее метнуться назад. Очередное ее интервью по поводу сексуального воспитания школьников уже называлось „Необходима мудрость”. „Подросткам преждевременная, обильная информация на эти темы не нужна, — заявила она, — хотя бы потому, что они не только нравственно, но и физиологически не могут воспринять ее правильно. А искажения чреватые... Всему свое время...” Профессор Хрипкова „не согласна” с теми не в меру горячими людьми, которые ратуют за половое воспитание без оглядки на возраст, психологию и другие сложные стороны дела... Нужна мудрость. Ее отсутствие может привести к педагогической безответственности”¹.

Между тем в начале 70-х годов профессор Хрипкова была как раз среди тех „горячих голов”, которые считали, что нельзя десятилетиями решать социальную проблему, которая должна быть решена сегодня. Была горячая, но в ЦК

¹ „Советская Россия”, 16 декабря 1979. „Необходима мудрость”.

партии и не таких охлаждают... Начало 80-х годов принесло в проблему „секс и юношество” еще большее охлаждение. Наверху снова стукнули кулаком по столу, и вице-президент Академии педагогических наук СССР Хрипкова в очередном выступлении стала говорить нечто прямо противоположное тому, на чем настаивала многие годы: „Чересчур открытое сексуальное воспитание наносит школьнику вред. Иное дело психологическое образование, гигиена, физическое воспитание по признакам пола”¹. Вот так...

У бюрократической машины и у реальной жизни — разные темпы. Пока на страницах советской прессы шел спор о том, опасно или не опасно открывать старшекласникам государственную тайну, „откуда берутся дети”, сами старшекласники 1960 года успели стать взрослыми. Сейчас этим мужчинам и женщинам в среднем сорок лет. Какое сексуальное воспитание и образование они получили? Кто были их учителя? Я специально опросил на эту тему два десятка 30—40-летних эмигрантов из СССР. Перечитав их рассказы, я увидел, что передо мной люди из трех разных групп, а точнее из трех классов советского бесклассового общества: трудовые интеллигенты, рабочие и привилегированные чиновники, знать. Детство и юность детей, принадлежащих к одному классу, непохоже на детство и юность других. И пути к познанию секса у них разные. Потомки врачей, инженеров, учителей (трудовая интеллигенция или, по определению А. Солженицына, — „образованщина”) в сексуальном отношении развиваются медленно, они до всего доходят сами, с родителями у них в этой сфере, как правило, контактов нет. Тридцатипятилетний режиссер Леонид из Ленинграда, сын инженера и врача, рассказывает: „Однажды, когда мне было восемь лет и я учился в первом классе, мой одноклассник, приятель по двору, принес поразительную новость: оказывается, взрослые, когда ложатся спать, „письку в письку всовывают и от этого рождаются дети”. Новость была сногшибательная, но показалась мне все же не совсем достоверной. „Ну, хорошо, — спросил я, — а если мужчине в это самое время

¹ Газета „Неделя” № 23 (1159), 1982.

писать захочется, как тогда быть?” Приятель обещал выяснить. У него были знакомые девочки из четвертого класса и через неделю он принес новую информацию. Оказывается, когда всовывают пискю в пискю, то в это время и писают и от этого-то дети и рождаются. Такое деланье детей показалось мне неэстетичным и даже противным. „Неужели в с е так делают?” – спросил я приятеля. Он почувствовал мое настроение и нашел выход. „Твой папа и твоя мама и мой папа и моя мама так не делают, а остальные точно – да”.

В 1960-м, когда Леонид учился уже в 5 классе, до него дошло, что в аптеках якобы продаются некие предметы, имеющие отношение к деторождению. Называются предметы – презервативы. Какова роль презерватива, он не знал, но, главное, не хотел верить, что т а к о е вообще может продаваться открыто. Вместе с двумя товарищами он отправился в аптеку, чтобы проверить упорные слухи. Товарищи остались у дверей, а он подошел к аптечной стойке. Напряженно, но с самым независимым видом, будто кроме аспирина ему ничего не было нужно, он стал разглядывать лежащие за стеклом баночки и коробочки. И вдруг увидел э т о : „Презерватив – 4 копейки”. „Я бросился к двери и известил товарищей, что п р е д м е т этот реально существует, – вспоминает Леонид. – Мы ушли из аптеки очень гордые – нам удалось проникнуть в некую тайну, которую от нас скрывали. Хотя, повторяю, никто из нас в наши 13 лет не знал, для чего же все-таки служит этот самый презерватив”.

„В шестом и седьмом классе информация о сексе стала поступать отовсюду в больших количествах, – говорит режиссер. – „Милый друг” Мопассана был прочитан дважды, так же, как и некоторые страницы арабских сказок „1001 ночь”. В сказках упоминались внухи. Я понимал, что это какие-то половые уроды. Но какие? Обращаться к родителям или к учителю с такого рода вопросами я даже не подумал. Мы обсудили проблему в классе и пришли к выводу, что несчастным внухам отсекали половой член”.

В седьмом классе у Леонида появились знакомые старшеклассники. Они хвастливо повествовали о своих постельных успехах. Один говорил, что за ночь ему удается совер-

шить восемь половых актов. Другой похвалялся длиной своего члена. Слушая все это и глядя на свой скромный половой орган, Леонид приходил в уныние. Неверие в свои сексуальные силы преследовало его все годы юности. И действительно, несколько попыток грехопадения не удались. Он сильно волновался, а партнерши девочки-школьницы (дело было в 10 классе вскоре после того, как ему исполнилось 16) оказались еще менее просвещенными.

Страх перед неудачей вверг его в пессимизм. В 17 с половиной лет Леонид уже считал себя безнадежным импотентом. Обратиться было не к кому. Районные сексологи в Ленинграде появились лишь пять лет спустя. Да и обращаться к ним по тогдашним представлениям Леонида значило расписаться в чем-то предосудительном. От обращения к врачу удерживала также боязнь, что интимные подробности твоей личной жизни, записанные в историю болезни, будут куда-то переданы. Ведь врачебной тайны в Советском Союзе не существует.

Посоветоваться с приятелями? Но они были так же безграмотны, как и сам Леонид. В области секса все питались слухами и легендами. Одна легенда гласила, что, если взять белок (или желток?) куриного яйца смешать его с пивом, посыпать перцем и выпить за полчаса до полового сношения, это, якобы, укрепляет мужчину. Но достоверен ли рецепт? Любой шаг казался Леониду полным опасностей. Из рассказов приятелей получалось, что лечение гонореи выглядит страшнее, чем аборт. Говорили об ужасных шприцах, которые вставляют в половой член и промывают чуть ли не кипятком... Другая опасность — как бы не сделать ненароком ребенка. О том, как предохранить подругу от беременности, среди интеллигентной молодежи 60-х годов тоже ходили немыслимые легенды...

Другой ленинградец, ныне доктор наук, опять-таки сын интеллигентов, с огорчением вспоминает, как стеснительность, которой секс был окружен в их доме, испортила его жизнь. В юности у него была своя комната, но он ни за что не решился бы привести туда любимую девушку. По психологическим и этическим нормам их семьи это было совер-

шенно невозможно. Он оставался девственником до самой женитьбы. Из-за этого и с женой возникли какие-то сверхцеломудренные отношения, скованность в словах, в действиях, в жестах. И конечно, он постеснялся что-либо объяснить своим детям. „Идиотизм! — мрачно резюмирует содрокающийлетний доктор. — В плане секса я попросту обокраден советской властью, советским ханжеством...”

Тридцатилетний пианист Е. Л. из ленинградской интеллигентной семьи травмирован своим прошлым еще глубже, чем два его земляка. Он до сих пор не женат и в высшей степени нервно говорит об этой стороне эмигрантской жизни. Детство его прошло в коммунальной квартире. В комнате, кроме отца и матери, жили двое детей — они с сестрой. „Нельзя было и помыслить, чтобы отец говорил с нами о половых проблемах, — рассказывает Е. Л. — Все мое образование в этой области ограничивалось содержанием книжки пионерского характера „Гигиена брака”, которую я купил однажды на улице”. Загнанное в глубину чувство, которое он не смел никому открыть, делало выпускника ленинградской консерватории крайне стеснительным. „Меня не огорчало, что со мной никто никогда не говорил о сексе в школе или в высшем учебном заведении. Если бы даже это сделала мама, я был бы раздосадован и смущен... Не привык... Боялся...”

В 20 лет приятель Е. Л. сказал ему: „Тебе пора стать мужчиной. Я тебе помогу”. Приятель привез его в какую-то квартиру и сказал: „Сейчас в комнату войдет девушка. Не стесняйся, она все понимает”. Приятель уехал. В комнату вошла незнакомая девушка, которая действительно оказалась опытной и доброжелательной. Они разделись, легли в постель. „Что происходило — не помню. Был слишком взволнован. Потом я оделся, попрощался с ней и уехал домой. Больше я никогда ее не видел”, — рассказывает Е. Л. Десять лет спустя, вспоминая о своей „первой любви”, он растерянно улыбается. Он не понимает до сих пор, почему с ним, физически здоровым, нормальным парнем, музыкантом и интеллектуалом, жизнь поступила так странно, почему он лишен радости настоящей любви и секса. Нет, к врачу он

идти не хочет. Врач, по его мнению, не поможет. А что поможет? Ленинградский музыкант верит в неожиданную счастливую встречу. Он, правда, ничего не делает для того, чтобы приблизить такую встречу. Но ждет. И надеется...

Интеллигенты — дети интеллигентов... Страх перед всем, что связано с сексом, они впитали с молоком матери. Привлекательная шатенка Лиза, библиотекарь из Москвы, призналась мне, что боится иметь детей. Эта боязнь возникла в раннем детстве. Она спросила у своей интеллигентной матери, как она появилась на свет. Сначала мать обманула ее: сказала, что родители находят своих детей на грядках в капусте. Потом призналась, что Лиза вышла из ее живота. „Как вышла? Тебя разрезали?“ — спросила дочь. „Да“. „Было больно?“ „Очень больно“. Этого ответа оказалось достаточно для того, чтобы и сегодня 35-летняя Лиза с ужасом отвергала мысль о рождении собственного ребенка.

Сыновьям и дочерям рабочих (вторая группа опрошенных) все эти драмы неведомы. Им не приходится ломать голову над тем, откуда берутся дети. Познание реалей о сексуальной жизни начинается у них значительно раньше, чем следовало бы: в 5—6 лет. Семья рабочего Минского тракторного завода Матвеевского живет в бараке. В семье восемь детей. Все как-то помещаются в одной комнате. У супругов нет не только спальни, но даже кухни. В коридоре на фанерном ящике стоит керогаз, на котором жена рабочего готовит еду для 10 человек. Теснота и убожество жизни не мешают супругам Матвеевским каждый год рожать ребенка. О том, какое воспитание получают их дети, рассказывает друг семьи 60-летний житель Минска С. К. Он преподавал черчение в той школе, где учился старший сын Матвеевских. Однажды перед уроком этот 13-летний паренек нарисовал на классной доске картинку, изображающую половой акт. Учитель был возмущен. „Откуда ты набрался такой пакости! — крикнул он мальчику. — Придется сказать отцу, как ты себя ведешь...“ Мальчик не смутился. „Откуда набрался? Из дому. Вы же знаете, как мы живем. Я не помню только, как меня родили и четырех братишек после меня. А с пятого на-

чиная, я все видел. И мои братья и сестры знают, как мамка с отцом детишек делают...”

Так они и воспитываются миллионы мальчиков и девочек из бараков и заводских общежитий. Но если родные семьи для детей рабочих служат как бы „подготовительной школой”, то подлинными „университетами” сексуальной жизни являются для них ПТУ — профессионально-технические училища, где по официальной версии готовят квалифицированных рабочих. Мальчики и девочки поступают в ПТУ после 8 класса в возрасте примерно 15 лет. Живут эти отпрыски рабочего класса в общежитии три года и за это время научатся многому.

Вот что рассказывает о ПТУ 45-летний Лев К., рабочий-слесарь из Ленинграда, с 1975 по 1981 год работавший в качестве мастера в училище, которое готовит работников городского транспорта. Мастер — это и учитель и воспитатель в одном лице. Ежедневно 8—12 часов Лев К. проводил в мастерских и в девятиэтажном общежитии ПТУ на 400 человек. Занятия в училище начинаются в 9 утра и заканчиваются в 3.15. Все остальное время мальчики и девочки предоставлены самим себе. В цехе работают они, как правило, хорошо, к труду приучены. Но отдыхать и развлекаться не умеют совсем. Книг не читают. В Училище есть один телевизор, но возле него почти всегда пусто: дети, как и их родители, презирают пропаганду, которой наполнены передачи. Смотрят они лишь детективные фильмы. Спорт тоже мало кого увлекает. Так что главное развлечение учащихся — водка.

После уроков, собрав среди приятелей деньги, покупают бутылку. Закуски обычно нет, поэтому, опрокинув стакан хмельного, мальчики нюхают рукав куртки. Это называется „пить под сукно” или „закусить сукном”. Захмелевши, подростки отправляются развлекаться к девочкам, которые живут на другом этаже. Будущие водительницы автобусов и трамваев тоже не прочь выпить. А пьяному — море по колено. Начинается секс. „На моей памяти, — вспоминает Лев К. — было три случая, когда у нас в ПТУ рожали 15-летние девочки. Администрация боится скандала и пытается объявить такую пару мужем и женой. Но 16-летние „мужья”

бегут от своих 15-летних „жен”. Чаще однако все обходится абортom: женщина-мастер ведет беременную девчонку в больницу. Число абортom в Училище в течение года исчисляется десятками. О противозачаточных средствах молодежь не думает, а скорее не знает о их существовании. В 1978 году одна девочка забеременела, вторая решила ей помочь. Обе выпили для храбрости, а потом подружка вылила беременной во влагалище и матку поллитра пшеничной водки. Но ничего не помогло: ребенок родился здоровый. Крепок русский человек!

„Мне часто приходилось дежурить в общежитии ночью, — рассказывает мастер. — Это нелегкая служба. Лифты в девятиэтажном корпусе выключены, так как учащиеся ломают их. Обходить 128 комнат на девяти этажах приходится пешком. (Отключить в Училище пришлось также газовые плиты и души: мальчики и девочки несколько раз совершали газовые взрывы и затопляли этажи водой.) Смысл ночных дежурств сводится главным образом к тому, чтобы извлекать мальчиков из постелей девочек и девочек из мужских комнат. „Любовники” и „любовницы” прячутся в стенных шкафах и под кроватями. Впрочем, они не слишком смущаются, когда их обнаруживают. „Вы же спите со своей женой, и мне хочется”, — заявила мастеру 16-летняя пролетарка, у которой из постели был изгнан ее ровесник.

Девочки в ПТУ крупнее мальчиков и физиологически более развиты. Так что сексуальная инициатива нередко исходит от них. Курят, пьют и грязно ругаются они так же, как и мальчики. К тому же, между ними часто возникают потасовки из-за парней. Половая жизнь в училище чрезвычайно богата: здесь есть и гомосексуализм, и изнасилования, и мастурбация, и онанизм. Последнее занятие даже имеет среди учащихся свое местное название: „развлекаться с Дунькой Кулаковой”. Общественное мнение не возбраняет никаких сексуальных крайностей, даже изнасилования. В 1978 году 16-летний мальчик из ПТУ был осужден судом на 8 лет лагерей строгого режима за изнасилование. Дело происходило в комнате общежития. Жертва кричала, просила о помощи и, в конце концов, выбросилась из окна 7-го этажа. На суде

выяснилось, что в соседней комнате находилось в это время более десяти других учащихся. Они не обратили на крики никакого внимания. Когда послышались крики и раздался звук разбиваемого стекла, один из них с иронией сказал: „Ничего особенного, там Толик с ней з а н и м а е т с я...”

Для нравственности рабочей молодежи общежитие оказывается местом действительно роковым. И это не обязательно должно быть ПТУ. То же происходит в школах-интернатах, предназначенных для детей из бедных семей; те же нравы господствуют в Детских домах и в фабрично-заводских общежитиях. Молодая эмигрантка из СССР, живущая ныне на западном побережье США, рассказывает, что она была изнасилована в Детском доме, расположенном неподалеку от Москвы, когда ей было 9 лет. В этом Детском доме царил и поныне царит самый настоящий сексуальный террор. Старшие мальчики угрозами заставляют девочек отдаваться им. Неуступчивых избивают. Администрация делает вид, что ей ничего не известно. Сексуальное воспитание? Да, оно имеется. Когда моя собеседница в том же Детском доме забеременела в 16 лет и пришла за помощью к женщине-врачу, та заявила ей, что произведет п о к а з а т е л ь н ы й аборт. Через несколько дней все девочки Детского дома от мала до велика были выстроены вокруг гинекологического кресла, на которое положили 16-летнюю нарушительницу порядка. Врач б е з а н е с т е з и и произвела выскабливание плода. Пациентка кричала от боли, многих девочек тошнило от вида крови и криков, но врач продолжала „операцию”, приговаривая: „Любишь кататься, люби и саночки возить”. Это медицинское мероприятие было одобрено администрацией Детского дома как „воспитательное”...

Впрочем, сексуальная мораль младшего поколения рабочего класса не всегда зависит от характера жилища. По стандартам Советского Союза Костя Р., сын киевского рабочего, жил в неплохой квартире. В своем 9 классе Костя также считался неплохим учеником. Да и школа эта в рабочем районе Киева считалась не худшей. И тем не менее 15-летняя Надя, одноклассница Кости, забеременела от него и родила ребенка. Учительница — классный руководитель — пригласи-

ла родителей Кости, чтобы обсудить сложившуюся обстановку. Родители, однако, никакой вины за своим сыном не признали и стали говорить о дурном поведении девочки. Костя был с ними совершенно согласен. Он ни разу не навещал Надю во время беременности, не посмотрел на своего ребенка. Когда же ребенок заболел и погиб, девятиклассник высказал свои чувства одной фразой: „Хорошо, что он умер”. „Но ведь это твой сын, внук твоих родителей”, – изумилась учительница. „Скорее всего не мой, а Васькин, – возразил Костя. – После меня Надька с холодильника прыгала. И ребенок у нее выскочил. А потом она с Васькой была. Это Васькино дитя. А в общем, хорошо, что ребенок умер. Так всем спокойнее...”

Когда я говорю о классах в советском обществе, то, естественно, вхожу в противоречие с официальной советской точкой зрения, утверждающей, что никаких классов в СССР уже давно нет. Один из проповедников советского образа жизни даже ввел в обращение официозное клише: „В нашем бесклассовом обществе есть только один привилегированный класс – это дети”. Фраза эта, многократно повторенная в газетах и по радио, изрядно надоела советской публике, тем более что реальная жизнь каждый день показывает простому человеку нечто прямо противоположное. О детях рабочего класса и детях интеллигенции мы уже кое-что теперь знаем. Приведу рассказ, который дает некоторое представление о жизни действительно привилегированных детей, потомства партийной, советской и военной элиты.

„Мой дед был „большим человеком” в партии, – говорит 22-летний москвич Леонид С., недавно приехавший в Америку, – поэтому нас с братом приняли в 31-ю школу Фрунзенского района Москвы. Эта школа в центре города предназначалась для детей дипломатов, высших партийных и советских чиновников, видных деятелей культуры. Я учился там 10 лет с 1966 по 1976 год. В Москве есть несколько таких школ. Кроме нашей, английский преподают в 28-й школе, а французский – в 19-й. Говорят, что такие привилегированные школы, дающие глубокое знание иностранного языка, есть также в Ленинграде и в столицах национальных

республик. Учат там хорошо, особенно здорово обучают иностранному языку. Ведь большинство наших выпускников идет потом в МИМО — Московский институт международных отношений, впереди у них дипломатическая карьера. Но главное в нашей школе было не ученье, а удивительная свобода, какой, я думаю, не имел в стране никто другой”.

Действительно, свобода в школе для сынков высшего сословия была баснословной. Начиная с 5 класса, ученики не носили обязательной в СССР школьной формы. Им разрешалось все то, что строго-настрого запрещено во всех школах Советского Союза: носить джинсы, отращивать длинные волосы, приносить в класс бутылки виски и коньяка, и даже курить наркотики. Дети дипломатов развлекались на переменах, а подчас и на уроках, разглядывая привезенные родителями из-за границы журналы „Плейбой” и „Пентхауз”. Они были уверены: ни учитель, ни директор не сделают им замечания. Ведь это была не просто к а к а я - т о т а м школа, а учебное заведение, где в качестве учеников были представлены самые знаменитые семьи страны: внук Хрущева, три внука Микояна, сын члена ЦК партии Грищина и т. д. и т. п. А рядом с этой должностной элитой учились дети литературных и театральных знаменитостей — сын актера Табакова, сын писателя Аксенова и даже пасынок Александра Солженицына. „С таких детишек много не потребуешь”, — иронически комментирует Леонид С. Кроме советской знати, в 31-й школе представлены были дети дипломатов Запада и Востока. Естественно, что жизнь школьников такого рода сильно отличалась от жизни всех других школьников страны.

„И мальчики и девочки в нашем классе всегда имели свободные деньги, — вспоминает Леонид С. — После уроков за ними подъезжали ЗИЛы и Чайки¹. У всех были отличные просторные квартиры. Поскольку папы-дипломаты часто находились за границей, а партийные папы и мамы предпочитали проводить время на дачах, квартиры эти часто пустова-

¹ ЗИЛы и Чайки — марки наиболее дорогих советских автомобилей, на которых ездят обычно лишь самые высокие чиновники.

ли. Впрочем, как только „предки”-родители оказывались вне дома – „хляпали вон”, их наследники-школьники устраивали загулы, продолжающиеся несколько дней. Учителям в таких случаях отвечали они кратко: „Был болен”. Справок от врача или записок от родителей никто у нас не спрашивал”.

Секс в этой среде начинался с детства и считался естественным элементом жизни „юной элиты”. Первая герлфренд Леонида была дочь посла республики Бангладеш. Когда они сошлись, ему было 14, а ей – 13 лет. В этой кастовой компании глубокие привязанности и даже просто длительные связи между мальчиками и девочками не поощрялись. Связи возникали и распадались так быстро и часто, что случалось, придя на вечеринку с одним мальчиком, школьница уходила с другим. Никто из ее одноклассников не считал такое поведение безнравственным.

Сексуальное образование ученики 31-й школы получали из самых достоверных источников: читали английские книги по сексу. Беременность им также не грозила: в их распоряжении были бидэ, души и ванны, самые совершенные презервативы западного производства и американские противозачаточные таблетки.

Интересно, что, охотно пользуясь всеми этими и многими другими благами, дети высокопоставленных родителей не разделяют социальные и политические взгляды родителей. Они слушают радиостанции „Би-Би-Си”, „Голос Америки” и „Немецкую волну”, считают, что в России – „бордель”, „все хреново” и „говнисто”, но это – не их дело. Социальные проблемы, будущее страны не только не беспокоят, но и не интересуют детей партэлиты и дипломатов, поскольку их самих ждет впереди безоблачное будущее, дипломатическая карьера и хорошие деньги. Главный интерес жизни пока сосредоточен на том, чтобы собраться и повеселиться с е г о д н я.

Мы говорили до сих пор о молодежи городской, но подрастает смена и за пределами городов. Советская пресса неохотно пишет о мальчиках и девочках из деревни. Да о них и нечего собственно сказать, кроме того, что большая часть

из них весьма рано приобщается к спиртному (вкус водки многие знают с одиннадцати лет и раньше), а став подростками, начинают думать, как бы сбежать из деревни. В основном жизненный путь деревенского подростка определяет призыв в армию в 18 лет. Отслужив, они как правило назад в деревню не возвращаются... Девушкам, оставшимся без женихов, ничего не остается, как тянуться вслед за ними в город. Те, кому это не удастся, остаются в селе чаще всего без мужа и без детей. Впрочем, оказывается, есть за пределами городов девочки и с другой судьбой.

Доктор медицинских наук, хирург, Владимир Голяховский в 1974 году поехал на научную конференцию в Омск (Западная Сибирь). Участники конференции имели возможность приобрести Сборник трудов сибирских ученых. Купив книгу и просматривая оглавление, Голяховский прочитал, что на страницах 103–105 опубликована статья группы сибирских медиков „Сто случаев доношенной беременности у девочек моложе 13 лет”. Врач заинтересовался статьей, но страниц 103–105 в его экземпляре почему-то не оказалось. Он попросил заменить ему экземпляр, но и в другом этих страниц не было. Позднее один из организаторов конференции объяснил московскому гостю, что статью запретила цензура. Коллега из Сибири рассказал доктору Голяховскому о тех фактах, которые легли в основу запрещенной статьи. Вот этот рассказ в сокращенном изложении.

В лютые зимние морозы – 40–50 градусов по Цельсию – сибирские охотники-профессионалы уходят на всю зиму в тайгу добывать зверя. В одиночку жить и охотиться слишком тяжело. Поэтому в тайгу уходят небольшими группами – по два–три человека. Очень частый вариант – семейная группа, которая состоит из отца, сына в возрасте 17–25 лет (пока не женился) и младшей дочери – 12–15 лет. Они нагружают сани мешками с патронами, капканами, крупой, мукой, сушеными грибами и ягодами, керосином, свечками, мылом, махоркой, самогоном и спиртом. Начинается путь по глубокому снегу в глубину необъятных сибирских лесов, туда, где бродят лишь дикие звери. Там у каждого охотника стоит своя маленькая избушка, срублен-

ная и поставленная, может быть, еще его дедом или прадедом.

В избушке остается жить дочь, взятая вести немудреное хозяйство. Сами же охотники уходят на далекие расстояния и пропадают там по несколько дней, гоняясь за зверем или прячась от непогоды. В избушку они возвращаются только передохнуть. Для переутомленных мужиков, одичавших от жути тайги, такое возвращение — праздник, тем более что они всегда приносят с собой добычу: свежее мясо и шкуры убитых зверей. Девочка делает для охотников все: она приучена стаскивать валенки, снимать пропотевшую одежду, приучена мыть их теплой водой, подавать миски с кашей и мясом, приучена наливать самогон.

Пьяные от усталости, сытости и самогона, охотники теряют человеческий облик: оба, прежде чем завалиться на сутки спать, хватают щуплое тельце своей девочки — дочери и сестры — и по очереди насилюют ее. Собственно, это даже не насилие. Ведь девочки, дочери охотников, и к этому приучены... Такая жизнь продолжается всю долгую сибирскую зиму. Ко времени возвращения домой девочка уже беременна и к родному порогу возвращается она с большим животом. Матери ведут своих дочек к врачу и еще через несколько месяцев — к радости или к горю — рождается младенец, сын неизвестного отца. А чаще такие младенцы гибнут и гибнут с ними вместе в родах несозревшие еще для материнства девочки.

Группа врачей-акушеров собрала наблюдения над ста девочками, родившими благополучно. Исследованию подверглись лишь те, что не достигли 13 лет. Но были и постарше — тех были тысячи. Врачи написали интересную статью, в которой касались лишь медицинской стороны вопроса, без социологии и морали. Но бдительная цензура, тем не менее, схватила: омский цензор приказал вырезать из уже готового сборника страницы с рассказом о юных роженицах¹.

¹ „Новое Русское Слово”, 16 сентября 1979, с. 17. Вл. Голяховский. „Пьющая страна”.

... Мне хотелось бы закончить эту главу оптимистически. Ведь речь идет о детях, о нашем будущем. Недавние события как будто дают некоторую надежду на лучшее. Власти Советского Союза склоняются (не так уж важно, по какой причине) к тому, чтобы не скрывать больше от молодых сексуальную грамоту. А где есть грамота, быть может, завтра возникнет и культура. Во всяком случае, в это хотелось бы верить. Хотелось бы... Листаю взятые у соотечественников интервью. Вот запись нашей беседы со Львом К., мастером из ленинградского профтехучилища. Я спросил его, пытался ли кто-нибудь из преподавателей ПТУ говорить с молодежью о сексуальных вопросах. Он ответил, что ежемесячно в училище читали курс лекций по половому образованию. Читали специалисты, кандидаты медицинских и педагогических наук. Учащиеся охотно собирались на эти лекции, но реакция их была, мягко выражаясь, довольно странная, если не сказать полностью неадекватная содержанию лекций. Они смеялись и шутили вслух, когда лектор говорил о том, как опасно применять насилие при первом половом сношении; гримасничали и хохотали, когда речь шла о важности ласк в любовных отношениях, и пожимали плечами, когда речь шла о противозачаточных средствах. Мастер рассказывал обо всем этом с явным огорчением. Человек серьезный и в то же время добродушный, он не раздражается на оставленных им в Ленинграде девчонок и мальчишек, а скорее жалеет их. Но одно он сказал очень твердо: „Я ни за что не отдал бы собственного ребенка в общежитие. Ни за что...”

Общежитие, как мы уже видели, место для молодежи действительно не из лучших. Ведь дети лишены там родительского влияния. Светлана Ш., бывшая продавщица из ленинградского магазина, считает, однако, что курс сексуального просвещения натолкнется на серьезные препятствия и в нормальной школе. „Боюсь, что дети будут шушукаться и смеяться на этих уроках, — говорит она. — Им будет стыдно отвечать т а к о й урок”. Светлана вспоминает свое собственное детство и те смешки и шуточки, которые постоянно сопровождали уроки биологии, когда учитель объ-

яснял тему размножение. Она и сама схватила тогда тройку, хотя хорошо знала урок. От смущения язык у нее еле ворочался, она боялась поднять глаза на класс. Стояла у доски вся красная, в поту. А речь и всего-то шла о строении яйцеклетки. Никакого отношения к сексу урок не имел.

То, о чем говорит Светлана, — неумение детей и взрослых спокойно и серьезно относиться к половым проблемам — знают все, кто жил когда-либо в СССР. Распространению сексуального просвещения мешает отсутствие сексуального воспитания. Один такой эпизод попал даже на страницы советской газеты. В городе Калининграде (Московской области) учительнице биологии в качестве эксперимента поручили прочитать курс лекций по семейно-половому воспитанию. „Комсомольская правда” так описывает завершение этого эксперимента: „Как только она начала говорить, на голову бедняге-педагогу посыпались вопросы самые невероятные, фантастические, нелепые, заквашенные на дворовых анекдотах и досужих домыслах. Учительница залилась краской и пулей вылетела из класса. На этом мероприятие плачевно закончилось...”

Я не поклонник „Комсомольской правды”, но случается, что и на страницы комсомольского официоза проникают здравые мысли. Одно из таких высказываний показалось мне настолько убедительным, что я решил процитировать его полностью: „Допустим в школах повсеместно введен новый курс „Подготовка к семейной жизни”. Написаны учебники, подготовлены преподаватели, отработаны программы, методики: психологический аспект, физиологический аспект, педагогический, экономический... Все разъяснят, растолкуют, разжуют, подадут. Толк будет? Думаю, вряд ли. Потому что это дело, как никакое другое, требует не столько усвоения теоретических знаний, сколько накопления душевного опыта, опыта разнообразного общения между людьми”.

Так писала „Комсомольская правда” в номере от 5 января 1979 года. И с этим трудно не согласиться.

ГЛАВА 9. ВРАЧИ РАССКАЗЫВАЮТ...

У врача (я имею в виду серьезного врача) свой особый взгляд на мир. Тем более на мир секса. Наука позволяет ему взглянуть на плотскую любовь отстранясь от иллюзий, игнорируя эмоциональную сторону вопроса. В поисках объективности врач может опереться не только на собственный опыт, но и на исследования и наблюдения других медиков. Вот почему я особенно дорожу теми интервью, которые получил от 15 врачей эмигрантов из СССР. Венерологи, гинекологи, психиатры, сексологи, они привносят в свои суждения опыт многих наук. Уроженцы Москвы, Ленинграда, Одессы, Баку, Казани, Харькова, Вильнюса, Дальнего Востока и Средней Азии, они в прошлой своей профессиональной жизни соприкасались с сексуальным опытом многих тысяч пациентов. Им ведомы цифры и факты, которые власти стремятся скрыть от общества. Иными словами, это люди искушенные и достойные доверия особенно в той сфере, в которой работали.

Живя в СССР, я не мог, например, узнать, сколько венерических больных в моем городе, а тем более в стране. Тайной

окутано было все, что связано со вспышками эпидемий сифилиса и гонореи. Но для трех моих недавних собеседников-венерологов никаких секретов в этой области нет. И не удивительно. У московского врача А. В., который заведовал отделением клинического института в Москве, — 40 лет профессионального опыта; доктор Д. П. имеет за плечами 35 лет стажа, последние девять лет она заведовала кожно-венерологическим диспансером в центре Москвы. Ее пациентами были жители района, простирающегося от Кремля до Московского университета. Третий врач-венеролог со стажем более тридцати лет была заместителем заведующего Республиканского венерологического диспансера в одной из Приволжских республик. То, что они рассказывают о венерических болезнях в Советском Союзе кажется мне достойным внимания.

В конце Второй мировой войны медицинская служба Советской армии испытала серьезные трудности: в госпиталях потоком пошли больные сифилисом. Зараженные гонореей (их было еще больше) искали помощи у медиков при части. Но нередко врачи диагностировали у солдат и офицеров также „тройку” — сифилис, гонорейю и мягкий шанкр. Вся эта зараза после весны 1945 года перекочевала в города и села Советской России и вызвала среди населения взрыв венерических болезней. Везли в страну сифилис и железнодорожники, доставлявшие из Германии послевоенные репарации. Железнодорожные бригады составлялись из самых преданных режиму комсомольцев-активистов. Начальник одной из таких железнодорожных бригад, молодой парень, недавно перед тем женившийся, так объяснял партийным боссам происхождение своей болезни. „Посудите сами, товарищи, с одной стороны, моя Марья, нечесанная, невытая, в застиранном своем халатишке, которая бродит по нашей дрянной комнатухе в Клину, а с другой, — дама немецкая из города Франкфурт-на-Одере с ее духами и великолепным нижним бельем... Про ее сифилис я догадывался и сам. Но вы-то, товарищи, что бы вы выбрали, будь вы на моем месте?..” Товарищи посочувствовали попавшему в беду комсомольцу и приказали врачам лечить его от сифилиса тайно, чтобы не

портить активисту карьеру. Кстати сказать, побывав в Германии второй раз, комсомолец этот привез сифилис снова...

„Я писала в 40-х годах диссертацию о причинах рецидивов сифилиса на железнодорожном транспорте, — вспоминает доктор Д. П., — но мне не позволили ее защитить. Профессор-венеролог, к которому я обратилась в 1947-м, сказал, что нельзя разрабатывать социальную тему о массовых заражениях железнодорожников, из которой явствует, что венерические болезни распространены по всей стране. Тему закрыли. Между тем железнодорожный транспорт и сейчас, 35 лет спустя, является одним из важных источников венерических больных в Советском Союзе”.

Волну сифилиса в СССР удалось погасить к 1952 году. Так что основная венерическая болезнь сегодня — гонорея. Главный венеролог Москвы Анна Обухова, выступая недавно в Венерологическом обществе, объясняла коллегам, что гонорейные волны возрастают в столице в течение трех лет, затем на один год число больных несколько уменьшается, и снова начинается гонорейная волна продолжительностью в три года.

Реальное количество больных в столице засекречено, но есть расчеты, которые позволяют определить число зараженных примерно в 60—80 тысяч человек в год. Это те, кто лечились в поликлинике или больнице. Что же касается больных, скрывающих свою болезнь, то число их не знает никто. Известно лишь, что за последние годы (с 1976 года) в городе было открыто пять новых венерических госпиталей, а два старых диспансера были сильно расширены.

Московские врачи спорят между собой о том, откуда в основном приходит в столицу инфекция. Сторонники „западной теории” считают, что во всем виноваты западные туристы и студенты из стран „третьего мира”. Страстные мальчишки-студенты из Африки и арабских государств действительно вносят немалое оживление в сексуальную жизнь города. Хотя вход в общежитие Университета Дружбы имени Патриса Лумумбы строго охраняется, африканцам удается проводить своих русских подружек в комнаты общежития, скрывая их под своими широкими цветастыми одеждами.

Сами африканцы считают при этом русских женщин „опасными” в смысле заражения гонореей.

Доктор А. В. — противник „западной теории”. Он соглашается с тем, что СССР перегнал европейские страны по числу венерических больных на сто тысяч населения, но отвергает иностранное происхождение болезней. „Я в корне не согласен с тем, что источник инфекции — иностранные туристы и студенты Университета имени Лумумбы. В Советском Союзе хватает для распространения заразы собственных больных”, — говорит врач, кандидат медицинских наук. Увеличение числа венерических больных в стране доктор А. В. объясняет переменами, которые произошли в СССР после Сталина. „Люди стали жить более раскованно, познакомились с образом жизни Запада, стали меньше верить пропаганде и меньше бояться начальства”.

Трудно быть судьей в этом споре, но думаю, что собственный, внутренний резервуар гонореи и сифилиса в Советском Союзе действительно велик. Достаточно хотя бы вспомнить советские лагеря, где по предварительным подсчетам томится от четырех до пяти миллионов заключенных. Гонорея и сифилис весьма распространены в уголовной, да и не только в уголовной части лагерников. Выходя на свободу, эски, по долгу лишенные сексуальной жизни, стараются наверстать упущенное и, конечно, рассеивают заразу. Это подтверждают и официальные лица. В 1980 году генерал-майор медицинской службы из медицинского отдела Министерства внутренних дел СССР обратился к главному венерологу Москвы Анне Обуховой с просьбой предоставить для его больных какое-то число коек в венерологических больницах столицы. „Через Москву в день проезжает до десяти тысяч вчерашних эзков, — объяснил генерал. — Добрая половина из них — носители гонореи и сифилитики”.

Столичные коллеги не могли уделить генералу венерологические койки — горожанам самим не хватает мест в госпиталях. Однако врачи-венерологи с сокрушением могли констатировать, что генерал говорил правду: поток освобожденных из лагерей заключенных действительно заражает сифилисом и гонореей столичную публику очень часто.

Общежитие Университета „Дружба” имени Лумумбы, где учатся африканцы, азиаты и южноамериканцы, — не единственное место, которое беспокоит врачей-венерологов. „Общежитие Московского университета на Ленинских горах превратилось в публичный дом, — говорит женщина-врач, курировавшая студентов и аспирантов столичного „храма просвещения”. — В 1978 году мы прочитали для студентов 80 лекций о гонорее, но число заражений после этого не уменьшилось”, — утверждает она.

Сифилис также постоянно напоминает о себе медикам. До недавнего времени вылечить одного сифилитика стоило Министерству здравоохранения СССР 600 рублей. Лечение продолжалось 42 дня и, как правило, давало полное выздоровление. Но, очевидно, в Министерстве подсчитали, что сифилитиков довольно много и лечение их в масштабах страны обходится в миллионы рублей. Последовал приказ изыскать лечение более дешевое. Схема была изменена: теперь сифилис в СССР лечат не за 42, а всего лишь за 17 дней, но, к сожалению, „дешевое” лечение не дает больному гарантии полного здоровья.

Москва — не единственный город с высоким уровнем венерической заболеваемости. Особенно обильно распространены сифилис и гонорея в портах (Одесса, Николаев, Мурманск, Владивосток). По числу больных первое место среди портов в конце 70-х годов заняла Клайпеда в Литве. Жители Клайпеды по собственной инициативе создали при нескольких ресторанах города дома терпимости. Городок стал привлекать интеллигенцию Москвы, Ленинграда, Риги, Вильнюса. Триппер и сифилис клайпедского происхождения хлынули в глубь страны. Власти вынуждены были закрыть порт для иностранных судов и сейчас всячески затрудняют поездки сюда советских граждан.

Собеседники-врачи обращают мое внимание еще на один аспект проблемы: как изменилось за последние годы отношение советского общества к венерическим болезням. В 40-е—50-е годы тот, кто заболел гонореей, а тем более сифилисом, воспринимал заражение как тяжелый моральный удар. В те годы люди стыдились такого рода болезней, зара-

жение сопровождалось серьезными конфликтами, семьи рушились, пациенты венерологического диспансера подчас даже покушались на самоубийство. Но примерно со середины 60-х годов в стране возникло другое отношение к болезни и к факту заражения. Сейчас гонореи и сифилиса не только не боятся, но даже не стесняются. Лечение стало более легким, старые представления о том, что у сифилитика непременно должен провалиться нос, — забыты. Венерические болезни перестали быть чем-то позорным. Совсем не редкость, если молодой человек лежит в сифилитическом отделении, а две женщины носят ему передачи. Обе надеются, что он на них женится. Сегодня он болен, а завтра — завидный жених. У него дача и автомобиль, его отец — директор столичного театра...

А вот другая ситуация, столь же частая. Жених недавно вернулся из армии. Через несколько дней — свадьба. У невесты уже припасена и фата и белое подвенечное платье. И вдруг молодой человек обнаруживает у себя признаки сифилиса. Он заразился от невесты. А она несколько месяцев назад подхватила болезнь у приятеля жениха, того самого, кому предстоит играть роль шафера на свадьбе. Вместо свадьбы все трое поступают в больницу, где им предоставлено достаточно досуга для того, чтобы выяснить свои отношения.

Рассказы бывших советских медиков заставили меня поинтересоваться официальными цифрами, касающимися заболеваемости гонореей и сифилисом в СССР. В Отчетах Всемирной организации здравоохранения уровень венерической заболеваемости по СССР оказался ниже данных США и большинства стран Европы. Я сказал об этом медикам, у которых брал интервью, и все 15 в один голос ответили, что советские данные в Отчете ВОЗ занижены. „Это не что иное, как преднамеренный обман мировой общественности”, — сказал один из медиков.

— Но почему же обман? — усомнился я. — Может быть, дело в том, что в СССР плохо учитывают венерических больных...

— Как раз наоборот, — возразила доктор Д. П., — учет и выявление венерических больных — наша гордость. Мы де-

лали это чрезвычайно скрупулезно. Поиски заразившихся и тех, кто их заразил, превращены в СССР в настоящий детективный розыск, в котором принимают участие не только врачи, но и милиция, а иногда и КГБ. В розысках такого рода приходилось использовать показания соседей по квартире, анонимные письма и многое другое, что позволяло (и позволяет сегодня) дознаваться, кто же именно был источником заразы.

Доктор Д. П. считает, что для выявления источников заражения годятся все средства. Она одобряет также статью 115 Уголовного Кодекса РСФСР, по которой человек, знающий, что он болен венерической болезнью и, несмотря на это, заразивший другого, „наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или исправительными работами на срок до одного года”. Статья эта была введена в Уголовный Кодекс в 1953 году по предложению Министерства здравоохранения СССР. Я спросил медиков, знали ли они на родине такие случаи, когда венерический больной преднамеренно, то есть с какой-то целью, заражал другого. Они ответили, что заражение происходит, как правило, в состоянии подпития, когда мужчина и женщина мало что помнят и понимают, или по причине низкой культуры, когда люди не имеют никакого представления о венерических болезнях. Лишь один врач смог вспомнить единственное в его практике п р е д н а м е р е н н о е заражение. Сорокапятилетний отчим несколько раз насиловал 16-летнюю девушку, свою неродную дочь. Та решила ему отомстить. Отдалась заведомому сифилитику, заразилась и передала сифилис отчиму. Это был акт мести беззащитного юного существа. Девушку осудили, и она сгинула в лагерях. Случай, конечно, ужасный, но, по мнению врачей-венерологов, крайне редкий. Для чего же тогда нужна статья 115 Уголовного Кодекса?

— Для того, чтобы помогать нам работать с пациентами, — заявила бывшая заведующая Венерологическим диспансером в Москве. Врач рассказала, что, когда пациент приходит в диспансер, ему устраивают серьезный допрос. Он (или она) должен со всей откровенностью сообщить врачу, где

он (она) заразился, когда, при каких обстоятельствах, а главное КТО ВИНОВНИК заражения.

— Медики, конечно, сохраняют при этом доверенную им тайну? — спросил я, имея в виду Гиппократову клятву, которую вот уже 2.500 лет дают врачи, вступающие на стезю своей профессии.

— Нет, сведения, полученные от пациента, мы передаем вышестоящим медицинским организациям. Затем сведения эти попадают в Министерство здравоохранения и, через секретный отдел министерства, в КГБ и партийные органы. Кроме того, о каждом случае заражения венерическими болезнями должна знать местная милиция. Милиционеры по нашей просьбе задерживают тех мужчин и женщин, которые кажутся нам подозрительными, как источник инфекции. Эти „источники” мы также допрашиваем, чтобы проследить всю цепочку заражений. Тот, кто честно указывает на источник своей болезни, может не бояться тюрьмы. Но если цепочка обрывается и кто-то не хочет назвать следующее имя, — то, конечно, вступает в силу статья 115-я. Больного судят.

— Как часто ваши пациенты соглашаются открыть вам тайны своей интимной жизни?

— Примерно в двух случаях из трех. Но у нас есть средства, чтобы повлиять на них. Иногда мы посылаем письмо в то учреждение, где работает слишком упрямый пациент, или беседуем с его женой.

Настойчивость врачей-венерологов объясняется тем, что их работа оценивается вышестоящими медицинскими начальниками прежде всего по числу выявленных „источников”. В среднем удается обнаружить виновника заражения в 70 процентах случаев. „Этого мало, и нас ругают за пассивность”, — говорит врач Д. П. Она не без гордости добавляет, что, будучи членом партии, она окончила высшую школу пропагандистов при ЦК КПСС, и эта школа помогла ей лучше выманивать у больных правду об их интимной жизни. Таким образом, она обнаруживала „источники заражения” у 90 процентов своих пациентов.

Другая моя собеседница, врач-венеролог из Казани, Б. П. сообщает немаловажные детали о тругольнике: больной —

врач — милиция. Связи милиции, КГБ и венерологических учреждений в ее городе чрезвычайно тесны. В каждом милицейском участке города есть чиновник, специально занятый венерическими болезнями. Такой милицейский следователь получает часть своей заработной платы в венерологическом диспансере. Благодаря этому он лично заинтересован в том, чтобы вылавливать каждого заболевшего и пресекать „незаконные контакты” между мужчинами и женщинами. Не обходится без милиции и в другом случае. Больной, который прошел курс лечения, обязан явиться через три недели в диспансер на проверку. Если он не явился, врачи через „своего” милиционера ставят в известность милицейский участок и „нарушителя” доставляют во врачебный кабинет вооруженные стражи закона. „Без милиции нам не обойтись!” — убежденно восклицает доктор Б. П.

Однако милицейско-медицинская машина приводит в восторг далеко не всех. Венеролог Л. В. из Москвы, врач с сорокалетней научной практикой, считает существующий порядок порочным. Он убежден, что борьбе с венерическими болезнями в Советском Союзе мешает больше всего то, что врачи не сохраняют врачебную тайну. Виноваты в этом власти, которые ради своих целей „освободили” медиков-венерологов от клятвы Гипократа.

— Выявление „источника заражения” превращается в самое настоящее издевательство над больным, — говорит доктор Л. В. — Из диспансера ему домой все время посылают разного рода предупреждения и указания, так что соседи узнают о его болезни по обратному адресу на конверте. По письму из того же диспансера „общественность” на работе у больного производит разбор его морального поведения. Стоит ли удивляться, — говорит доктор Л. В., — что больные, страдающие венерическими болезнями, как черт ладана боятся диспансерных врачей и предпочитают лечиться у знакомых фельдшеров, медсестер или прибегают к самолечению. В результате болезнь становится хронической и трудноизлечимой, а тысячи больных остаются неизвестными официальной статистике и продолжают разносить заразу.

Разговор о венерических болезнях один из медиков преврал вполне резонным замечанием: „В моем кабинете я чаще встречаю несчастных, нежели больных”. К несчастным врач относит большую часть пациентов, обращающихся за сексологической помощью. Чаще всего им не нужны лекарства, ибо страдания их проистекают от непросвещенности и некоторых особенностей советской жизни. Уролог-сексолог из Ленинграда Д. Г. держится того же мнения.

— Сексологический прием в условиях СССР требует от врача большой выдержки, — говорит он. — Мне всегда не хватало времени, чтобы объяснить пациентам, как и что им следует делать, чтобы достичь взаимопонимания в сексе. Их дремучая непросвещенность и наше традиционное российское ханжество требовали от врача начать объяснения с азов. Я говорил пришедшим на прием супругам: „Купите в кассе четыре талончика, я буду говорить с вами час”. Но часто недостаточно было и часа. Особенно трудно вступать в контакт с русскими женщинами в возрасте 40—45 лет. Они искренно страдают всякий раз, когда врач упоминает о половом акте, отказываются обсуждать детали своих сексуальных проблем или делают вид, что не понимают, о чем говорит медик. Ибо в их представлении тема эта постыдна и даже позорна. О некоторых вещах я вообще в своем кабинете говорить не решаюсь. Например, об оральном сексе. Хотя в медицине известно, что при некоторых состояниях мужа жена, с помощью орального секса, могла бы вернуть его к сексуальной норме, я никогда не затрагиваю эту тему. О позах при половом сношении говорю намеками. Разговор врача с пациентами превращается при этом в балансирование на проволоке. Они боятся моих „новшеств”, а я опасюсь (и не без основания), что, если после нашей беседы у них ничего не получится, жена (чаще всего инициатива исходит от нее) сядет за стол и напишет на меня донос. Письма-жалобы на врачей-сексологов — не редкость в Ленинграде. После таких кляуз врача вызывают в партийные органы и он должен объяснить, зачем он „говорил пошлости” и рекомендовал больным „неприличные вещи”...

Доктор Д. Г. признает, что с молодыми пациентами, до

которых западная сексуальная революция докатилась примерно к середине 70-х годов, разговаривать проще. И, соответственно, помочь им бывает легче.

С какими вопросами чаще всего приходят больные к сексологу? По мнению другого ленинградца, врача Г. К., человека с большим практическим опытом, автора нескольких популярных книг, предназначенных для широкой публики, вопросы пациентов-мужчин очень часто касаются длины полового члена. Они просят удлинить член, ибо уверены, что короткий орган — признак половой слабости и даже неполноценности. Такова российская традиция. Та же точка зрения выражена во многих русских народных сказках. Вот уже 225 лет ходит в списках никогда не публиковавшаяся поэма русского поэта Ивана Семеновича Баркова (1732–1768) про некоего русского дворянина Луку Мудищева, знаменитого длиной своего члена и соответственно отличающегося поразительной мужской силой. Современный советский читатель поэмы принимает ее главную идею с таким же доверием, как и читатель XVIII века.

Даже интеллигентные пациенты доктора Г. К. подчас не слышали, что такое клитор, где этот орган у женщин помещается и какое назначение имеет. Некоторые с изумлением узнают о разнообразии поз, в которых возможно половое сношение. Что касается женщин среднего возраста, то от них часто можно слышать, что они не выносят из брачных отношений решительно никаких сексуальных радостей. „Говорят, это приятный процесс, — сказала врачу цветущая женщина лет сорока. — Во сне мне это снится и даже доставляет удовольствие. Но возможно ли испытывать что-либо подобное в жизни?“ Женщины спрашивают, сколько раз в неделю можно иметь сношения и не вредно ли это вообще. Некоторые просят умерить пыл своих мужей. „Нельзя ли подлить мужу в чай какое-нибудь лекарство, чтобы он не приставал ко мне?“ — просила не старая еще, миловидная женщина, здоровая и во всем остальном вполне нормальная. Ее беда, как и беда многих пациенток доктора Г. К., только в том и состояла, что их мужья недостаточно воспитаны и образованы.

Третий ленинградец, врач-психиатр Г. С., работающий ныне в том же качестве в Нью-Йорке, так определил свои впечатления от советских пациентов с сексуальной патологией: „Массовое незнание техники секса в стране приводит к тому, что миллионы женщин получают от первой интимной встречи с мужчиной только страдания, боль, унижения. В женской среде возник по этому поводу даже горький анекдот: „Чем мастурбация отличается от полового акта? Да, в общем, ничем, все то же, только поговорить потом не с кем...” Лишив наших граждан сексуального воспитания и образования, мы создали армию мужчин-онанистов, которые онанируют с лицами противоположного пола, не давая им наслаждения. Секс по науке есть альтруизм, но подавляюще-му числу советских граждан этот факт неизвестен”.

Это свое решительное суждение ленинградский психиатр подтверждает цифровым материалом из советской научной литературы. Профессор А. М. Свядоц обследовал в Ленинграде и Караганде (Казахстан) две группы женщин по 300 человек в группе. Пациентки его были нормальные женщины, живущие супружеской жизнью не меньше трех лет. При обследовании оказалось, что оргазм при каждой или почти каждой половой близости испытывает 16 процентов опрошенных, часто испытывают оргазм (не больше чем в половине случаев) — 22 процента, редко — 44 процента и никогда — 18 процентов. Таким образом, при двух опросах в разных концах страны медики получили один и тот же результат: 62 процента замужних женщин почти или полностью не получают радости от половой жизни. В деревне (по причинам, о которых говорилось в главе „Деревенская идиллия”) число таких женщин должно быть больше — по крайней мере на 10—12 процентов.

Интересно, что другой исследователь, С. И. Голод, опрашивавший большие контингенты женщин о причинах, подерживающих и сохраняющих брак, косвенно подтвердил данные профессора Свядоца. По данным С. И. Голода, как причину, связывающую их с мужем, женщины в 23,3 процентах случаев называли „привычку друг к другу”. На втором месте стоит „общность интересов” — 22,8 процентов. „Су-

пруджеский долг” и всякие другие причины дают 19 процентов. Сексуальную близость супругов, как основу брака, называли лишь 22,8 процента опрошенных женщин. Нетрудно заметить, что цифры эти коррелируют с числом женщин, которые в Советском Союзе испытывают со своими мужьями подлинное половое наслаждение. Таких, как видим, не набирается и четвертой части¹.

Отсутствие оргазма не проходит для женщин безнаказанно. Врачи рассказывают о массе психических срывов и даже глубоких психических расстройств на этой почве. Исследования, проведенные в Ленинграде, показали, что накопление сексуальной неудовлетворенности приводит к раку. Причем к самому безнадежному варианту — раку печени. Таких больных оказалось много.

Возвращаясь к своему практическому опыту, психиатр Г. С. говорит, что в СССР ему то и дело приходилось иметь дело с городскими семьями, где секс был крайне обеднен. Усталый муж и усталая жена, вернувшись с работы, встречаются в постели без большого энтузиазма. Едва завершив половой акт, муж засыпает, не дослушав последнего шепота супруги. Ему завтра на работу. „Я просил некоторых замужних пациенток сравнить секс их „медового месяца” с тем, как все это выглядит несколько лет спустя. „Чем отличался ваш 'медовый месяц'?” Женщины пожимали плечами: „Мы провели интересную поездку... были вдалеке от забот, от работы...” „А в сексе было что-то особенное?” „Да нет, ничего особенного... Сделаем э т о и спим...” У женщин Советского Союза нет даже претензий к мужу. Им не с чем сравнить свою жизнь. Кругом все так живут...

Но есть и другой тип пациентки. Чаще всего это партийная деятельница, активистка из комитета комсомола. Возраст — лет 19—21. Взгляд напряженный, в разговоре с врачом — бравада: „Я опытная, у меня три мужчины было”. Об этих трех мужчинах она придумывает самые невероятные басни, которые рассказывает своим подругам или соучени-

¹ Свядош А. М. „Женская сексопатология”. Библиотека практического врача. М., „Медицина”, 1974, с. 51.

цам, спокойно живущим в супружестве. При врачебном опросе под гипнозом выясняется, однако, что никакого опыта у активистки нет. Была одна встреча да и та неудачная. Она мечется от неудовлетворенности и пытается сублимировать свой половой голод в комсомольскую или партийную работу. В конце сеанса она признается врачу, что ничего не понимает в делах любви и глубоко несчастна. Она умоляет вернуть ей утерянное душевное спокойствие и с презрением говорит о своей партийной активности... „Есть, конечно, и другие типы женщин, страдающие сексуальной патологией в СССР, — говорит доктор Г. С., — но эти два варианта — наиболее частые”.

Диагноз „ЗДОРОВ, НО НЕСЧАСТЛИВ” вновь прозвучал в устах врачей, когда мы заговорили о тех, кто в СССР вынужден пользоваться противозачаточными средствами местного производства. Врачи считают, что в этой области Советский Союз отстал от Европы и Америки по крайней мере лет на сорок. Особенно несовершенен советский презерватив. Единственное его достоинство только в том, что он дешев: цена его уже много десятков лет не меняется — 4 копейки. Во всем остальном... Вот некоторые высказывания об этом предмете:

Врач из Москвы: „Презервативы делают из той же резины, что и перчатки для рабочих электриков”.

Студент из Ленинграда: „Калоша...”

Киевский инженер: „На Апрелевской фабрике, единственной в СССР, производящей презервативы, за образец, очевидно, взят автомобильный скат”.

Учительница из Харькова: „Пользоваться советским презервативом все равно, что нюхать розу, надев противогаз...”

Шутки такого рода, возможно, были бы забавны, если бы при этом не отравлялась жизнь миллионов мужчин и женщин, если бы не уродовалась самая интимная и ранимая сторона человеческой жизни. „Неприятные переживания, связанные с презервативом, испытываешь дважды, — говорит молодой физик из подмосковного научного городка, — когда пользуешься им и когда покупаешь его”. Купить презер-

ватив в СССР — нелегко¹. Но, сыскав в аптеке этот дефицит, русский покупатель испытывает еще одно неприятное переживание — комплекс стыдливости мешает ему „стоять в аптечной очереди на виду у всех”, — как выразился один недавний эмигрант. Кстати, комплекс этот заставляет и аптекарей прятать глаза, называть презервативы „резиновыми изделиями” и завертывать злополучные пакетики где-то под прилавком, чтобы посторонние не видели „непристойный” товар.

Но, конечно, главная беда — непрочность презерватива. Опытные люди даже советуют пользоваться двумя „резиновыми изделиями” сразу, что, в свою очередь, окончательно убивает у партнеров сексуальную чувствительность. Страх перед тем, что презерватив порвется, а по существу страх перед беременностью, постоянно нависает над парой. Вот как описывает состояние своих пациенток Г. С., женщина-врач из Москвы. „И замужние и незамужние, имеющие любовников, все они вечно объаты ужасом. Таблеток, вроде тех, которыми пользуются американки, нет. Венгерский гормональный препарат для предотвращения зачатия — инфекундин — впервые появился в СССР в начале 70-х. Сначала он был дефицитен, а затем выяснилось, что он вреден и его изъяли из продажи. В женских консультациях городские женщины могут с помощью врача обзавестись так называемыми колпачками и пружинками, но и эти средства не дают сто процентной гарантии. К тому же известно, что и они приводят к раку женских половых органов. Женщина мечется в поисках спасения от беременности, но, виновник ее переживаний, мужчина почти никогда не помогает ей”. Вот типичный пример, описанный врачом: „У молодой интеллигентной дамы-москвички роман с мужчиной из высших политических сфер. Каждая их встреча опасна для его карьеры, для их отношений. Приходится исхитряться, чтобы как-то найти время и место для свиданий. После встречи она, взволнованная, бежит к подругам и знакомым врачам. „Как ты дума-

¹ Злые языки утверждают, что недостаток презервативов в продаже связан с планами властей повесить рождаемость. Возможно...

ещь, я не забеременею?” Работать на службе она не в силах. Состояние жестокого стресса не отпускает ее ни на минуту. „А что если проспринцеваться борной кислотой? Или лучше марганцовка и лимонный сок?” Надежда сменяется безнадежностью и, как последнее средство, впереди маячит боль, кровь и унижение аборта...”

Конечно, можно уговорить любимого не доводить половой акт до конца, пользоваться так называемым *coitus interruptus*. С мужем в семье многие так и живут. Но между страстными любовниками, которым так трудно встретиться, любые запреты и ограничения – мучительны. От мужчины такой уговор требует не только уважения, сочувствия к подруге, но и известной жертвы. Необходимость быть начеку, управлять собой, лишает половой акт значительной части его привлекательности. Да и не всем дано так строго контролировать себя, чтобы в момент высшей интимной близости услышать и откликнуться на крик подруги: „Только не в меня!”

По словам доктора С. Г., все эти маленькие постельные трагедии, складываясь и умножаясь в течение недель и месяцев, создают у мужчин и женщин не только тяжелейшие невроты, но и рак. Тупик, в который загоняет женщину отсутствие безопасных и достоверных противозачаточных средств, описывают и те, кому в Советском Союзе приходилось бывать пациентами врачей. Муж одной из них, московский художник, твердо заявил ей, что презервативами пользоваться не собирается. „Делай, как знаешь – хочешь рожай, хочешь иди на аборт”. Жена смирилась и несколько лет делала аборт, которые разрушали ее здоровье. В свои 30 лет она выглядит на верные 50.

Но если жена художника махнула на себя, как на женщину, рукой, то ее ровесница, заводская работница из Ленинграда, на этой почве возненавидела мужа и вообще всех мужчин, которых она иначе, как скотами, не называет. После 19 абортов она потеряла счет операциям. У нее трое детей. Больше они с мужем прокормить в СССР не могли. Во всем остальном эта женщина еще полна жизни. Но секс доставлял ей всегда только разочарования и страдания.

Но жить, тем не менее, как-то надо... В портовых и столичных городах на черном рынке за большие деньги можно купить японские презервативы и американские противозачаточные таблетки. Публика победнее и попроще ограничивается отечественной „резиной” и другими столь же несовершенными предметами советского производства. Но основным средством пресечения беременности остается аборт. По мнению медиков, это самый распространенный в стране вид хирургического вмешательства. Большинство моих собеседниц-эмигранток в свои 30—40 лет сделали по 6—8 аборт, но есть среди них и такие, что обращались к операции до 20 раз! Врачи считают, что в Москве делается в год никак не меньше четверти миллиона аборт, то есть 800 ежедневно. По стране получается около 6 миллионов операций в год.

Судя по беседам, которые я имел с бывшими пациентками советских абортариев, воспоминания об этих операциях — одно из самых тяжелых и неприятных в их жизни. „Когда я училась в медицинском институте, впервые увидела аборт и условия, в которых они проводятся, я поклялась себе, что никогда не пойду на эту операцию, — вспоминает московский врач С. Г. -- К сожалению, я не избежала полдюжины аборт и теперь с еще большим отвращением думаю об абортарии”. Ленинградская актриса Е. С. высказывается по этому поводу еще более решительно. „Современный абортарий в Ленинграде — не что иное, как мясорубка. Я бывала в разных больницах и везде одно и то же: огромные палаты, в палатах — грязь, беспорядок. Халаты — грязные жалкие тряпки. Постельное белье желто-серого цвета — отвратительно. Ни за какие деньги не допросишься, чтобы к тебе подошла няня”.

Актриса не случайно упомянула о деньгах. В больницах Советского Союза действует система, лучше всего выраженная русской пословицей: „Не подмажешь — не поедешь”. За три дня, в течение которых женщина вынуждена находиться в абортарии, она должна несколько раз „подмазать” врачей, сестер и санитарок (нянечек). Первое, что необходимо сделать, это дать взятку врачу, чтобы во время операции он дал пациентке наркоз — веселящий газ (закись азота) или внут-

ривенный препарат санбровин, позволяющий заснуть на время аборта. Без взятки операция принесет пациентке тяжелые страдания, ибо будет сделана в лучшем случае под неэффективной местной анестезией. Абортарий подобен конвейеру, в котором пациентке уделяется крайне мало времени и внимания. Взяткой, однако, можно добиться некоторого внимания со стороны медсестры или санитарки.

Зная все это, более или менее обеспеченные пациентки ищут помощи у платного частного гинеколога. Заплатив врачу 50 рублей (треть или четверть приличной зарплаты), вы можете надеяться, что он положит вас в свою привилегированную клинику с лучшими условиями или произведет операцию у себя дома. „Мой знакомый доктор обычно оперировал меня в своей квартире на кухонном столе. Затем муж приезжал на такси и забирал меня домой”, — вспоминает учительница из Киева. Операция вне больницы — незаконна и карается по советским законам годом тюрьмы. Но она освобождает женщину от боли, грязи, грубости, неизбежных в государственной больнице. Неудивительно, что все большее число беременных идут на этот расход, чтобы сохранить свои нервы и здоровье.

Отношение народа к абарту я бы сравнил с отношением к стихийному бедствию. „Что поделаешь? Куда деваться?”... Наиболее серьезные врачи знают, что принятое ныне в СССР ручное выскабливание плода — крайне несовершенно; что нередко после аборта женщине приходится ложиться в больницу второй раз, на „дочистку”. На Западе давно уже существуют значительно более совершенные методы аборта. Знают медики и то, что в так называемой Кремлевской и других больницах для высокопоставленных лиц аборт делается с помощью вакуумной установки с применением новейших методов обезболивания. И тамошним пациенткам это не стоит ни копейки. Но знают серьезные врачи и другое: „Плетью обуха не перешибешь”. Советская партийная бюрократия не откажется от своих привилегий. А в рядовых больницах появления новой аппаратуры ждать не приходится. Так что остальным гражданам Советского Союза остается лишь на-

рушать закон, платить наличными и тем спастись от прелестей „бесплатной” медицины...

Выслушивая врачей, я, откровенно говоря, в какой-то момент подумал, что медики Советского Союза довольно равнодушно взирают на то, как мечутся их пациенты в сетях непросвещенности и советского медицинского сервиса. Ну, конечно, можно прописать капли, порошки, дать кое-какие осторожные рекомендации... Но попытались ли врачи хоть раз обсудить положение сексологии в СССР на какой-нибудь профессиональной конференции? Попробовали хоть раз заявить властям о том, что половой вопрос — реально существует и требует внимания?

— Мы сделали больше, чем вы думаете, — ответил на мои сомнения доктор Г. К. — Медики СССР не только провели несколько научных конференций, но за 20 лет, начиная с 1960-го, произвели почти бескровную революцию в сознании государственной администрации и, в какой-то степени, в обществе. По словам врача-сексолога, в Советском Союзе впервые после 30-летнего перерыва начали выходить научные и популярные книги по сексу, семейным отношениям, половому воспитанию. В то время как писателям, режиссерам и кинодраматургам по-прежнему не позволяют никаких литературных и кинематографических вольностей, ученым-медикам дано разрешение читать лекции на сексуальные темы. Делаются даже первые попытки преподавать в средней школе курс полового воспитания и подготовки к семейной жизни. В этой борьбе у врачей оказались союзники — ученые-педагоги. В то время как медики добивались права на исследования и сексуальное образование общества, педагогов интересовала возможность дать школьникам сексуальное воспитание.

Другие врачи-эмигранты соглашались с доктором Г. К. в том, что в СССР произошла за два десятилетия немалая перемена в отношении властей к сексу, но не считают, что „сексуальная революция” была бескровной. „Нам действительно удалось издать кое-какие книги и даже в некоторой мере освободить людей от страха перед всем, что связано с сексом, но за это брежневские чиновники попортили нам нема-

ло крови”, — сказал старый врач из Харькова. Крови попорчено было действительно немало...

До конца 50-х годов сексология вообще не считалась в СССР наукой. Ее запрещалось даже упоминать. В великой тайне два-три врача-специалиста обслуживали самую высокопоставленную кремлевскую публику в Москве и обком партии в Ленинграде. В этой обстановке московский ученый, доктор медицинских наук И. М. Порудоминский передал в издательство медицинской литературы свой труд „Половые расстройства у мужчин”. Во всем мире такие книги выходят сотнями, но издательство „Медицина”, хотя и получило от специалистов самые хорошие отзывы, издавать книгу ученого не решалось. Порудоминский стал жаловаться, добился приема у заместителя министра здравоохранения СССР. Тот встретил его лобовой атакой: „Что это вы написали? Зачем? Имейте в виду — т а м (замминистра выразительно ткнул пальцем в потолок) — т а м т а к о й книгой будет недовольны”. Заместитель министра здравоохранения СССР говорил правду: в Центральном Комитете коммунистической партии раздраженно реагируют всякий раз, когда кто-то касается нелюбимой ими темы: „Зачем пробуждать в обществе излишний интерес к половой жизни? Не нужно!” — говорят т а м. И этого вполне достаточно, чтобы необходимая научная книга застряла в бюрократических сетях¹.

В таком же положении, как книга профессора Порудоминского, в разных издательствах лежали и другие книги на ту же тему. Но то ли личные врачи Хрущева и других престарелых членов Политбюро в подходящую минуту что-то сказали своим хозяевам, то ли другие силы вступили в действие, но в 1963 году советским врачам впервые разрешили собраться на специальный семинар по сексопатологии. Впервые с трибуны были прочитаны полные трагизма письма больных, которым некуда было обратиться, не у кого было лечиться. „С начала моей болезни я лишился сознания радости жизни, ее смысла, самоуважения, я чувствую себя изгоем; жена с двумя детьми оставила меня. Как бы черное кры-

¹ Книга И. М. Порудоминского вышла в свет в конце 1960 года.

ло огромной птицы закрыло от меня солнце”, — писал один из пациентов¹.

Другой больной, также страдавший импотенцией, писал в обращении на имя президента Академии медицинских наук СССР: „Я не могу назвать себя трусом, достойно воевал и награжден неоднократно, но сейчас жить не могу и не хочу. В отчаянии я уже взял в руки веревку, но опомнился — это недостойно советского человека, Поэтому я предлагаю вам использовать меня для любых медицинских опытов, нужных науке”². В других докладах говорилось, что больных, нуждающихся в сексологической помощи, в стране от 10 до 50 процентов. Миллионы!

Прошло, однако, еще много лет, пока лишь в самых больших городах страны стали возникать сексологические кабинеты, а в Москве и Киеве при институтах открылись отделения сексуальной патологии. Но и по сей день врачей-сексологов в СССР остро не хватает и, как уже говорилось, работать они могут только в платных поликлиниках. Попасть на прием к такому специалисту крайне трудно, так что больные записываются за два—три месяца. Положение едва ли изменится в ближайшие годы: ведь в медицинских институтах советских студентов-медиков сексологии до сих пор не обучают!..

Антисексуальная политика, которую в начале 30-х годов взял на вооружение Иосиф Сталин, сдавала свои позиции в 60-е—70-е годы крайне неохотно. В центре и в провинции власти то и дело переходили в наступление и отбирали у врачей те немногие „свободы”, которые были уже добыты ими. Когда в 1973 году в Казань, главный город Татарской автономной республики, приехал из Москвы и открыл прием первый врач-сексопатолог, местные партийные чиновники были шокированы. Воспитанные на передовых статьях советской прессы, они твердо выучили, что слово *с е к с* означает нечто отвратительное, грязное, имеющее отношение

¹ Цитирую по кн. „Актуальные вопросы сексопатологии”. М., 1967, с. 17.

² Там же, с. 18.

только к буржуазному обществу. У нас секса нет. Откуда же врач-сексопатолог? Кое-как местным врачам удалось втолковать им, что речь идет о больных, о тех, что страдают п а т о л о г и е й в области секса. Это чиновники кое-как уразумели. Но они решительно воспрепятствовали деятельности с е к с о л о г а. Давать трудящимся советы о ведении половой жизни? Нет, это уж никак не укладывалось в их партийных головах...

Еще более насторожились власти Казани, когда местное отделение общества „Знание”, по распоряжению из Москвы, организовало лекции для населения о половых отношениях. После того как венеролог доктор Б. П. подготовила первую такую лекцию, ей приказали выступить перед целым синклитом медицинских и партийных чиновников. После пробной лекции должностные лица долго разъясняли специалисту, что должно и чего не должно быть в ее выступлении. Нельзя ни в коем случае сравнивать половые отношения советских граждан с тем, что зовется за границей „секс”. У нас все совершенно не похоже на то, что делается у них. У нас в основе половых отношений — любовь, у них — расчет. Врача предупредили также, чтобы она ничего не говорила о том, как влияет на половую жизнь слишком тяжелый труд женщин и скверные квартиры, в которых живет большая часть населения республики. И, наконец, как обязательное условие врача обязали читать лекции мужчинам и женщинам отдельно.

— В этом начальство оказалось правым, — вспоминает доктор Б. П., работающая сейчас по своей специальности в Нью-Йорке. — Выступая во многих городах и рабочих поселках Татарии, я могла заметить, что мужчины и женщины наши настолько сдавлены своей сексуальной непросвещенностью и традиционным ханжеством, что, когда им читают лекцию в смешанной аудитории, они буквально каменеют и не смеют взглянуть друг на друга из-за охватывающего их стыда. Порознь беседовать легче, хотя, говоря о сексе, найти общий язык с простолюдинами довольно трудно. Мужская аудитория то и дело раздражается на лекциях хохотом и весьма грубыми шутками. Привыкнув в сексе удовлетворять только самих себя, они покидают лекцию с презрительными

минами: дескать, нам и без всех этих премудростей хорошо. Рассказ врача об эрогенных зонах, о необходимости подготовить женщину к сексу вызывал в мужской аудитории не только презрение, но и неподдельную злость: „Это еще зачем? Баловать их сестру незачем...” Женщины оказались более заинтересованными и благодарными слушательницами. Многие, однако, обращали внимание врача на то, как далеко отстоит „наука”, о которой говорилось в лекции, от их реальной жизни. „Вот ты говоришь ласки, ласки нужны... А какие тут ласки, если нас в комнате пятеро? Все время дрожишь, как бы старики или дети не подняли голову от подушки... А я еще и усталая после работы, мне вообще не до мужика...”

В середине 70-х годов в Казань прислали несколько короткометражных научно-популярных фильмов о венерических болезнях, о вреде аборт, о трагедиях первой брачной ночи, когда пьяный жених приходит в постель новобрачной. Фильмы, снятые на киностудиях Прибалтийских республик, были неплохими. Но Областной комитет партии в Казани решительно запретил показывать их по телевизору. Никакие уговоры врачей не помогли. Казанские вожди согласились лишь разрешить демонстрировать эти „стыдные” картины в кинотеатрах на последних сеансах. „Мы, медики, и за это им были благодарны”, — говорит доктор Б. П.

Но может быть, такое упорство чиновников типично лишь для Казани?

— Никаких популярных фильмов на сексуальные темы я никогда у нас в Минске не видел, — говорит крупный профсоюзный деятель, ныне эмигрант С. К., 59 лет. — Лекции в рабочих общежитиях Белоруссии изредка проводятся, но, очевидно, ни о чем серьезном врачи говорить не решаются и на рабочих лекции эти впечатления не производят.

— Лекции для широкой публики о сексе в нашем городе очень редки. Они собирают довольно большую аудиторию, но кроме элементов анатомии и физиологии, сдобренной изрядной дозой политграмоты, в них ничего нет, — утверждает бывшая школьная учительница из города Запорожье. По ее мнению, лекторы безумно боятся вопросов публики и стараются скомкать эту последнюю часть лекции.

Очередная моя собеседница — изящная миловидная дама, чуть за сорок, врач из Москвы. В последние годы доктору С. Г. лечить больных не приходилось: она занимала должность ответственного секретаря устного журнала „Для Вас, Женщины”. Каждый год огромный зал Центрального лектория в Москве (здание Политехнического музея на площади Дзержинского) заполняли женщины. Более тысячи женщин приходили послушать программу, составленную для них доктором С. Г. и ее коллегами, сотрудниками устного журнала. Перед аудиторией выступали знаменитые журналисты, актеры, ученые, политические обозреватели, специалисты по модам и кулинарии. Доктор С. Г., выходя на эстраду, вела программу; она же подбирала темы для выступлений, приглашала знаменитостей. то есть была душой журнала, который городские власти именовали не иначе, как „важным идеологическим мероприятием”. За пять лет работы доктор С. Г. провела 60 встреч, выпустила на сцену несколько сот лекторов. Они толковали о борьбе за мир, о победе над фашизмом, об искусстве составлять букеты, о плоскостопии, о вышивках, о том, как правильно пользоваться парфюмерией, о важности спорта, о достижениях советских ученых, о народных обычаях, о советской патриотической литературе и многом другом. И только одну тему, которую несколько раз предлагала доктор С. Г., ее шефы не соглашались утвердить. Они за что не разрешали лекций о половой жизни. Ни слова о супружеских отношениях, о выборе будущего отца своих детей, о предохранительных средствах и абортах. „Нет, нет, нет! Нельзя нести в массы секс, он одурманивает”, — заявило одно высокопоставленное лицо. „Половая жизнь? Да вы с ума сошли! Это же антисоветская тема!” — ужаснулось другое „лицо”, столь же высокопоставленное. И лишь один раз за пять лет существования журнала „Для Вас, Женщины” доктору С. Г. удалось выпустить на сцену руководителя Московской лаборатории сексопатологии. Слушательницы засыпали специалиста вопросами. Начальники, однако, хмурились и давали понять, что в следующие пять лет вернуться к столь опасной теме они не разрешат.

Перечитывая записи своих бесед с врачами относительно перемен, которые произошли в последние 20 лет в судьбе сексопатологии и сексуального образования в СССР, я вижу, что никакой „революции” собственно не произошло. Коммунистические руководители не изменили своего отношения к сексуальной жизни народа. Им по-прежнему ненавистен индивидуализм в любом виде, а индивидуализм пары — вдвойне. Любовь же и половая жизнь остаются сугубо личным делом граждан, своеобразной нишей, куда личность охотно прячется от всевидящих глаз и всеслышающих ушей власти.

Тем не менее на какие-то уступки своим гражданам Кремль пошел. Книги специалистов-сексопатологов действительно стали публиковаться, ученые получили возможность собираться на конференции. Какое-то (хотя и ничтожное в сравнении с размерами страны и населения) количество врачей-сексопатологов ведут прием населения. И при всем том сохранена граница, через которую советскому обществу переступить не дано. В главе „Государственный секрет: откуда берутся дети?” я уже говорил, как строго в этом смысле цензурируются советская литература и театр, кино и телевидение. Но интересно проследить, как нетерпимость к свободному сексу проникает в книги и брошюры, назначение которых как будто в том только и состоит, чтобы дать молодым людям популярные знания в области половых отношений.

В книгах этих (их опубликовано за последние годы более 50 штук) информация ограничивается анатомией мужского и женского организма, основами физиологии, описанием венерических болезней и рассуждением о вреде аборта. Половой акт видится в этих брошюрках как будто сквозь сильно замерзшее стекло. Молодые читатели почти ничего не могут узнать о сексе как источнике наслаждения, о ласках, предшествующих близости, о технике полового акта, о разнообразии поз. Не ищите в этих сочинениях упоминания об оральном сексе или о гомосексуализме. Если там упоминается проституция, то только со ссылками на иностранные источники. Ведь, как известно каждому читающе-

му советскому гражданину, в СССР проституции нет, не было и никогда не будет.

Зато в упомянутых брошюрах и книгах авторы как один (таков социальный заказ!) обращаются к традиционным советским заклинаниям. Первое из них: „Не спешите с любовью”. Доктор медицинских наук Галина Хатыс-Скижинская, автор книги „Период созревания девушки” (три издания в СССР по 100.000 экземпляров каждое) в главе „Любовь” пишет: „Если девушка слишком интересуется молодыми людьми, забывает о своих обязанностях, перестает учиться, исчезает из дому, следует откровенно и сердечно поговорить с ней, лучше всего наедине... объяснить ей, что, пока она не добьется самостоятельности и независимости, ей не следует думать о замужестве... Следует четко и обстоятельно рассказать ей о возможных последствиях необдуманного и лишнего здравого смысла решения. Необходимо подчеркнуть, что любовь — это прекрасное и серьезное чувство, она приносит счастье, но только... супружеская связь может быть прочной и приносить радость” (издательство „Медицина”, 1966).

Ей вторит Ольга Фролова в брошюре „Половое воспитание девочек” (Москва, „Медгиз”, 1982, тираж 250.000). „Пока девушка формируется, пока она учится и осваивает профессию, лучше воздержаться от половой близости. Наука не знает болезней, которые возникали бы от полового воздержания”.

В полном соответствии с командой, поданной сверху, педагог С. Тылкина в книге „Беседы о любви” втолковывает юным читателям: „Юношам и девушкам, чувствующим друг к другу тяготение, не следует торопить события, им лучше сохранить товарищеские отношения, потому что более близкие отношения могут помешать учебе”. И тут же ссылка на непогрешимую науку: „Современная наука доказала, что в юном возрасте близость с мужчиной для девушки очень вредна”. Та же С. Тылкина разъясняет в своих „Беседах о любви”, что „физиологическая сторона играет в любви между женщиной и мужчиной подчиненную роль”. Кому и чему подчиненную она, С. Тылкина, не пишет. Но это заклятие

н о м е р д в а вслед за ней подхватывают авторы других книжек про любовь.

Психиатр-сексолог, кандидат медицинских наук Н. Ходаков в книге „Молодым супругам” настойчиво уговаривает своих читателей, что „стремление к получению сексуальных удовольствий и прежде всего к оргазму не является основным в половой жизни”. Главным занятием молодых супругов, по мнению ученого сочинителя, является „зачатие новой жизни, продолжение рода” (Москва, „Медицина”, 1979, дополнительный тираж 150.000). Три автора с учеными степенями И. Юнда, Ю. Скрипкин и Е. Марьясис (все доктора медицинских наук), написавшие на редкость скучную и не откровенную книгу о любви „Поговорим откровенно” (Москва, „Знание”, 1979, дополнительный тираж 250.000), продолжают развивать заказное заклятие номер два: „Некоторые психоневрологи... утверждают, что раз супруги любят друг друга, то в этой любви им все дозволено. Мы не разделяем такого мнения... В любви нужно позволять только то, что приносит истинное наслаждение, но не влечет за собой половых извращений”. О том, что такое „половые извращения” и как они выглядят, авторы не пишут. Стесняются. Однако пользуясь языком намеков и околичностей, продолжают пугать своих читателей: „Порой после окончания полового акта у супругов может появиться желание испытать еще более острые ощущения, и тогда они пытаются изыскивать всевозможные, иногда даже противоестественные варианты близости. Правильно ли это с медицинской точки зрения?” Разумеется, нет, утверждают Юнда, Скрипкин и Марьясис. Как сексологи, эти доктора наук отлично знают, что однообразие техники половых отношений обедняет жизнь пары и снижает интерес супругов друг к другу. Но писать про это в советских популярных книжках нельзя. Поэтому три доктора наук послушно развивают свое сочинение по заранее подсказанной им схеме: „Когда после удовлетворения появляется желание испытать еще что-то необыкновенное, то это верный признак удовлетворенности, и на этом следует остановиться. Всякое изощрение ничего не принесет, кроме истощения и пресыщения”.

Так как авторам массовых книг и брошюр в детали вдаваться запрещается, то им остается говорить о сексе в манере абстрактной живописи. Наиболее известен своими абстракциями такого рода автор книжки с многозначительным названием „О любви”, кандидат философских наук В. Чертков. Вот образцы его творчества: „Если мужчина видит в женщине только представителя определенного пола, то он добровольно отказывается от самого лучшего, светлого в жизни”. Или еще: „Половой инстинкт по Марксу очеловечен совместным трудом и борьбой мужчины и женщины”. „Очеловечен борьбой” – значит никаких этих безобразий!.. У философа В. Черткова на все случаи любовной жизни есть свои рекомендации. „Вы спрашиваете, кого любить? Любите соратника по борьбе, отвечу я”. И еще: „Наш идеал – это прежде всего труженик, активный строитель коммунизма. Белоручки у нас не в почете. Так... определяется в нашем обществе, кого надо и кого не надо любить”. Все ясно?

Но оставим цитаты. В книжках о половой жизни, выпускаемых в СССР миллионными тиражами, очерчена вполне определенная идея: „Деторождение – да, секс – нет”. Неблагоприятная демографическая ситуация в стране, резкое падение рождаемости в последние годы побудили власти разрешить существование сексопатологии. Для московских вождей смысл этого разрешения состоит в том, что врачи и ученые станут возвращать больных мужчин и женщин в число здоровых производителей человеческого поголовья. Нужно, чтобы женщины рожали, потому что расчеты демографов показывают: в конце 80-х годов советскому хозяйству, Советской армии грозит недостаток в 25% рабочих и солдат.

Что же касается секса, как источника человеческого счастья, как сферы личного, независимого от государства наслаждения, то тут Кремль не сделал никаких уступок. Западная европейско-американская цивилизация давно приняла тезис о том, что автономия, отделенность сексуального наслаждения от репродуктивной цели полового акта создают основу для сугубо человеческого чувства, рождает то, что зовется любовью. Но такое разделение целей и смысла половой жизни в масштабах народа руководителей СССР не

устраивает. По официозным советским представлениям любовь надобна только для укрепления семьи, а семья нужна опять-таки ради воспроизведения потомства. Ни Хрущев, ни Брежнев, ни Андропов, ни Черненко от этого сталинского наследия не отказались. Можно быть уверенным: не откажется и Горбачев...

Вместе с тем в недрах советского общества нарастает сопротивление официальной позиции. Рождаемость в стране из года в год падает, стихия сексуальной свободы становится все более неуправляемой. Врач-москвич М. Г., который вывез на Запад целую пачку официозных советских брошюр на половые темы, разъясняет, что хотя чтиво это и пользуется спросом среди среднеобразованной публики („На безрыбье и рак – рыба”, – говорит русская пословица), но в стране есть и другой источник сексуального просвещения. Так же, как наряду с советской пропагандной литературой существует Самиздат и Тамиздат, так в ответ на брошюры издательства „Медицина” и „Знание” возник народный самодельный СЕКСИЗДАТ.

Как и Самиздат, Сексиздат – явление стихийное. Есть в нем и ценные рукописи и мусор, западные переводные произведения и собственный доморощенный вздор. Наиболее ценны переводные книги. Попадают они в Советский Союз разными путями. Серьезная книга английского сексолога Роберта Стрита о технологии секса была тайком переведена несколько лет назад молодым сотрудником Министерства внешней торговли для своих друзей. Машинописная копия книги немедленно начала свою собственную независимую жизнь. Московский инженер, специалист по лифтам в одном из высотных зданий Москвы, воспользовался множительной техникой на своей работе, чтобы выпустить в свет не менее двух десятков копий книги доктора Стрита. Потом за копирование ее взялись инженеры-конструкторы одного из московских заводов. Благодаря их инициативе несколько экземпляров произведения английского сексолога вышли в виде „синек”, в технике, в которой обычно копируются технические чертежи. (Я читал эту рукопись в „синем варианте”.) Сейчас, судя по опросам, книга доктора Стрита полу-

чила очень широкое распространение. Ее читают не только в Москве и Ленинграде, но в Прибалтике, на Кавказе, на Украине, в Средней Азии и в городах Средней России. Надо полагать, число тайно распространяемых экземпляров дошло до 5—10 тысяч.

Занятна судьба и другой книги о сексе. Учительница из Одессы рассказывает, как в 1967 году к ней в школу, где она преподавала английский язык, пришли три молодых моряка. Они только что вернулись из заграничного плавания на сухогрузном судне и в Японии, скинувшись, купили хорошо иллюстрированную книгу о сексе на английском языке. Английского никто из них не знал, но рисунки с изображением маленьких деревянных куколок в сексуальных позах были так выразительны, что моряки решились с риском для себя привести книгу в СССР.

Они пришли к учительнице с просьбой перевести книгу на русский. Гонорар за перевод они опять-таки собрали среди команды. Можно не сомневаться, что таких контрабандно завезенных в СССР книг о половых отношениях сейчас в стране уже немало. Их привозят не только моряки, но и те привилегированные артисты, музыканты, писатели и дипломатические работники, багаж которых не подвергается слишком придирчивому досмотру.

Кроме серьезных книг по сексу, начиная с 60-х годов, дипломаты привозят немало довольно пошлых порнографических комиксов, порнографические открытки, авторучки с изображением обнаженных красавиц. Из Соединенных Штатов везут номера журналов Плейбой и Пентхауз. (Оба журнала официально объявлены в СССР порнографическими и к распространению в стране запрещены.)

Такого рода книги и журналы ныне уже не редкость в домах столичной интеллигенции, они служат развлекательным чтением для старших и молодежи и скорее приносят пользу, чем вред. Однако иногда такая литература служит и преступным целям. В конце 70-х годов моряк, вернувшийся из заграничного плавания в Южносахалинск, привез вполне серьезную книгу на английском языке: „Manual for sex life”. Капитан местной милиции, пользуясь своим служебным по-

ложением, отнял книгу и отнес ее к себе домой. Он воспользовался картинками в книге для того, чтобы совращать 14-летнюю дочь своей второй жены. Капитан давал умственно отсталой девочке рассматривать иллюстрации и тем возбуждал ее воображение. После такой „подготовки” ему уже не стоило большого труда заставить девочку сожительствовать с ним.

Впрочем, в Советской России, где знание иностранных языков распространено недостаточно, публика предпочитает иметь дело с переводами. Несколько лет назад в Москве возникла „кампания”, состоящая из профессионального переводчика и некоего околотеатрального дельца. Первый переводил и печатал на машинке английские и американские сексуальные романы, а второй, тайно пользуясь государственным ксероксом, размножал „продукцию” и сбывал ее читающей публике. Переводчик вспоминает, что их кампания выпустила никак не меньше десятка книг, которые продавались весьма успешно и по довольно высоким ценам.

Судя по материалам опроса, среди переводных книг о сексе наибольшее распространение получили в Советском Союзе древнеиндийские трактаты „Кама Сутра” и „Ветви персика”. Трактаты эти известны в Индии с IV–V веков нашей эры. Кама Сутра – энциклопедия любви¹. От других древних книг такого рода она отличается своей всесторонностью. В ней есть и философия любви и классификация мужчин и женщин по красоте и темпераменту, в ней есть советы, как вызывать плотские чувства и как поддерживать их. Много глав посвящено практическому искусству любовных игр, поцелуев, объятий. По словам автора трактата человеческая половая любовь – это „наслаждение, которое дают пять чувств – слух, зрение, осязание, вкус, обоняние, объединенные с душой и сопровождаемые разумом”.

Кем и когда были переведены эти книги на русский язык, сказать трудно, но, начиная с 60-х годов, они получили самое широкое хождение среди российской читающей публики.

¹ Кама Сутра переводится как „Книга Любви” (Кама – Бог Любви).

Разумеется, россияне с их весьма скромным сексуальным опытом, со скепсисом подчас относятся к индийским открытиям V-го столетия. Студент из Харькова считает, что Кама Сутра — этот высший пилотаж, эта акробатика секса мало что может дать людям неподготовленным. „Это сочинение не для нас, выросших в полном неведении и боязни своего собственного тела”, — говорит студент. Девятнадцатилетняя студентка библиотечного техникума из Москвы держится другого мнения. Получив от подруг пятую или шестую полуслепую копию Кама Сутры на папиросной бумаге, она пережила настоящий восторг. „Это было, как взрыв бомбы, — вспоминает она. — Если бы книга попала мне в руки раньше, я начала бы половую жизнь раньше и не мучала бы себя, подавляя свои желания, как я это делала, начиная с 17 лет”.

Но для большинства читателей Кама Сутры эта книга просто окно в новый мир, некая интересная панорама, а не руководство к действию. У молодой женщины-техника из Киева, которая недавно разошлась с мужем и искала новой личной жизни, чтение индийского трактата вызвало чувство изумления, смешанного со страхом. Ее собственный сексуальный опыт был ничтожен, и она решительно не могла себе представить, как это юная супруга в первую брачную ночь делает на полу стойку, выгнувшись на руках и ногах (поза „полет орла”) и в таком виде отдается своему юному супругу... Все, что она читала по этому поводу, казалось ей странным и в то же время влекущим. Мир интимного расширился, перестал быть таким унылым и однообразным, как в ее прошлом, ныне расторгнутом браке.

Распространяются в Сексиздате произведения и другого порядка. Например, рассказ „Возмездие”, приписываемый перу известного русского писателя Алексея Толстого. Действие в нем приурочено к годам Первой мировой войны. В купе ночного экспресса Москва — Петроград офицер генерального штаба русской царской армии встречает красивую даму. Дама, как выясняется, шпионка, но суть рассказа не в том, а в тех сексуальных развлечениях, которые предпринимают офицер и его спутница. За ночь они успевают пере-

пробовать множество сексуальных радостей, включая оральный секс. Российской публике (независимо от того, принадлежит ли рассказ А. Толстому или нет) произведение это открыло много нового. Другой циркулирующий в Сексиздате рассказ приписывается Альфреду де Мюссе. В этом фантазмагорическом произведении изображаются садо-мазохистские наслаждения стареющей французской аристократки. В сексуальных сценах принимают участие животные и даже какие-то механические устройства. Отнюдь не художественные достоинства обоих рассказов заставляют сотни людей по всей стране многократно перепечатывать и переписывать их от руки. Люди ищут и находят в этих произведениях (порой довольно низкосортных) ту информацию, которую от них скрывают. В том же ключе написан и порнографический, опять-таки чрезвычайно распространенный, рассказ современного автора „Государственный мужчина”. Сюжет его сводится к тому, что некая городская контора рассылает по городу мужчин якобы для ремонта квартир и починки телевизоров. На самом же деле речь идет о мужчинах, которые призваны удовлетворять половые нужды заказчиц. Серия сцен в разных квартирах и различных ситуациях должна иллюстрировать возможности „профессионального” секса. По существу рассказ обучает читателя тому, чему ему негде больше выучиться в СССР.

Возникший двадцать лет назад Сексиздат все более успешно конкурирует с потоком государственной разрешенной литературы по половому вопросу.

— Такая конкуренция вполне в духе нашего народа, — говорит врач из Москвы М. Г. — Это уже стало традицией: на каждый акт властей, ущемляющих интересы граждан, народ, не сговариваясь и не создавая партий и организаций, отвечает организованными действиями. На убогую зарплату люди отвечают низкой производительностью труда и скверным качеством продукции. На пустые полки в магазинах — массовыми всенародными хищениями. Власти подсовывают читателю фальшивую литературу (в том числе о половой жизни) и рождается Самиздат, а затем и Сексиздат. В недрах социализма работают законы свободного капи-

галистического рынка. Есть спрос – возникает предложение...

– Что думают о Сексиздате врачи? Видят ли они в этом народном „самообразовании” добро или зло?

– Знание всегда лучше, чем незнание, – отвечает доктор М. Г. – Пациенты конца 70-х – начала 80-х годов лучше разбираются в своих сексуальных проблемах, чем те, кто приходили к нам на десять лет раньше. Так что в целом мы приветствуем эту народную инициативу...

ГЛАВА 10. СОВЕТСКАЯ ПРОСТИТУТКА: ПРОФЕССИЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Я пришел в отделение милиции в качестве корреспондента „Литературной газеты“. Предстояло беседовать с лейтенантом Пантюховым. Как всякий здравомыслящий сотрудник милиции, Пантюхов (33 года от роду, рост семь футов с лишним, висячие усы, лицо, полное хмурого величия) журналистов не любил. Газета, даже советская, — это какая-то степень гласности, а милиции гласность вовсе ни к чему. „У нас своя работа, у вас своя“, — мрачно изрек лейтенант при встрече. Но Пантюхов знает: ссориться с газетчиками тоже не следует. Поэтому, внимательно изучив мое редакционное удостоверение, он положил его перед собой на совершенно пустой служебный стол и принялся излагать интересующий меня эпизод, строго держась фактов и ссылаясь на соответствующие инструкции высшей власти.

Во время его недавнего дежурства в 12 часов 35 минут ночи позвонили граждане из дома на улице Плющиха и сообщили, что какой-то иностранец нарушает порядок и рвется в квартиру рабочего Н. По инструкции, в случае инцидента

с иностранными гражданами, к месту происшествия обязан выезжать офицер милиции. В 12.50 ночи лейтенант Пантюхов с двумя милиционерами прибыл на спецмашине к дому на Плющихе. Группа жильцов стояла на тротуаре, держа иностранца за руки и за ворот пиджака. „Я по цвету определил, что нарушитель – студент Университета имени товарища Лу-мумбы”, – объяснил Пантюхов, давая понять, что в дело был замешан черный парень, один из тех „левых”, что приезжают в Москву учиться из так называемых „развивающихся стран”.

Из опроса жильцов выяснилось, что иностранец постучал в квартиру рабочего Н. на первом этаже. Н. спал после вечерней смены. Иностранец настойчиво продолжал стучать, пока Н. не поднялся и не открыл дверь. Затем иностранец попытался оттолкнуть рабочего Н. и проникнуть в квартиру. При этом он повторял слово „девочка”. Н., у которого есть дочь комсомольского возраста, возмутился и применил палку от веника как средство обороны. Но иностранец не уходил и требовал, чтобы его впустили в квартиру. Разбу-женные криками соседи задержали нарушителя порядка и позвонили в милицию.

По-русски парень говорил плохо, но лейтенанту удалось выяснить, что к дому на Плющихе черный подъехал на такси с девушкой, которую он подобрал в центре города. Девушка („Вы понимаете, какая это девушка?”) взяла у него бутылку коньяка и деньги вперед и вышла из машины. При этом она указала на окна квартиры рабочего Н., дескать, „вот я сейчас туда зайду, свет зажгу, тогда и приходи”. Иностранец ждал, когда появится свет в окне, но свет не появлялся. Таксист стал гнать его из машины. В конце концов черный студент отпустил такси и пошел в дом искать „девочку”. „Ситуация знакомая, – пояснил Пантюхов. – Проститутка его просто облапошила. На ихнем языке это называется „крутить динамо”. Видя на моем лице недоумение, лейтенант снисходительно разъяснил. Термин этот ввели московские девки, ищущие клиентов на улице Горького возле магазина спортивных товаров, именуемого „Динамо”. „Крутить динамо” – значит взять у клиента плату вперед и

скрыться. Одни „динамщицы” уходят от своих кавалеров из ресторана в середине ужина, другие оставляют клиента на улице и проскальзывают на другую улицу через проходные дворы.

Будь потерпевший советским гражданином, он бы сразу сообразил, что его обвели вокруг пальца, и ушел, не поднимая лишнего шума. Но студент из Университета Лумумбы, как истинный сын свободного мира, требовал справедливости, а также возвращения ему бутылки коньяка три звездочки. „Я обследовал дом и убедился, что выхода на другую улицу в нем нет, проходного двора — тоже, — продолжал лейтенант. — Проститутка, очевидно, ошиблась и остановила такси не там, где рассчитывала. Было ясно, что она спряталась где-то в доме. И действительно, мы обнаружили гражданку Ж. в темноте на лестнице, которая вела на чердак. Чердаки по инструкции полагаются держать закрытыми, так что деваться ей было некуда”. Задержанная девушка утверждала, что иностранец приставал к ней на улице и она от него спряталась. Но бутылка коньяка, стоявшая тут же на лестнице, разоблачала ее неумелые увертки.

Лейтенант потребовал у задержанной паспорт и, в соответствии с отметками и печатями, установил, что семнадцатилетняя Ж. прописана в городе Суздале Владимирской области. Разрешения проживать в столице у нее не было. „В таких случаях мы обязаны выяснить, имеет ли гражданка родственников в Москве. Если родственников нет, мы возьмем такого рода девушек в специальную закрытую больницу для обследования на венерические болезни или в суд, где ее, как нарушителя паспортного режима, могут осудить на год исправительно-трудовых лагерей”, — прокомментировал лейтенант Пантюхов. Однако на этот раз конфликт закончился для девушки наилучшим образом: у нее в городе оказался родной дядя. Черный клиент получил обратно свою бутылку и деньги, а милицейская машина глубокой ночью помчалась на другой конец города в поисках этого дяди. „Мы отвезли ее к родственнику и, конечно, сделали строгое предупреждение, чтобы он лучше следил в будущем за своей племянницей”, — завершил лейтенант. Прощаясь, он попро-

сил отметить, что со стороны милиции никаких нарушений и отклонений в данном случае не было. „Но вообще-то, — сказал Пантюхов, — описывать такие случаи в газетах не стоит. Люди могут не понять, что в советских условиях — проститутка явление не типичное...”

В устах моего доброго московского друга социолога, доктора наук Василия К. та же история выглядела следующим образом: „Они привезли Таньку в 2 часа ночи. Я, плохо соображая со сна, открыл двери и она бросилась ко мне с криком: „Дядя, дорогой дядя Вася”. За ее спиной стояли милиционеры, и я не стал спорить: дядя так дядя. В действительности никакая она мне не племянница. Познакомились мы с ней весной в сквере у Никитских ворот. Я, сидя на солнышке, читал книгу, она подошла и спросила, как проехать к Казанскому вокзалу. Свеженькая такая деревенская девочка, с владимирским выговором. Я с моей лысиной и сединой в клиенты ей не годился, а поболтать ей хотелось, она и присела рядом. Как это водится в нашем отечестве, стала она рассказывать о себе. Через 15 минут я уже знал всю ее подноготную. Мать — уборщица с копеечной зарплатой, отца нет. Родилась 17 лет назад в городе Суздале. Старинный этот городок с древними церквями и теремами сейчас стали охотно показывать иностранным туристам. Иностранцам, приезжающим туда на три часа, все, конечно, в диковинку. Но для местной девочки из бедной семьи в городишке нет ничего привлекательного. За год до того Танька окончила школу, ходила прибирать какие-то учреждения. Зарплата — кот наплакал. В городском парке на танцах встретила паренька лет 20 в форменной авиационной фуражке. Влюбилась. Паренек был тоже суздальский, но работал техником на аэродроме в соседнем Владимире. Она со своей русой челкой и курносым носиком, очевидно, ему тоже понравилась. Танька эта и впрямь существо милое: маленькая, ладно сложенная, с ясными серыми глазами русской деревенской девочки. И боевая к тому же. Захотелось ей оженить на себе парня в авиационной фуражке. (Для провинциального Суздаля техник с аэродрома — челоек блестящей карьеры.) Но, как поется в русской песенке:

„Хороша я, хороша,
Но плохо одета;
Никто замуж не берет
Девушку за это”.

Одним словом, была она бесприданницей и это ее огорчало. Потому что сегодня преуспевающих мальчиков с аэродромов без красивого платья и французских туфель в законный брак не затащишь. Кто-то надоумил Таньку съездить в Москву „на сезон”, с мая по сентябрь, чтобы там на столичной панели заработать себе приданое. Другого выхода у нее не было, и она рискнула. Наше знакомство в сквере произошло на второй или на третий день после ее появления в столице. Девушка с улыбкой сообщила мне, что уже начала свою так сказать профессиональную деятельность. Я было попытался отговорить ее от этого плана, но она только посмеялась. Моральные проблемы ее явно не заботили. Она твердо решила заработать за лето и осенью выйти замуж. Жаловалась она только на то, что ей негде поставить чемодан, который находится в камере хранения на вокзале. Да и помыться ей тоже негде. Я предложил поставить чемодан у меня и пользоваться моей ванной, благо я человек одинокий и не брезгливый. Так и договорились. Она мне не докучала. Приходила раз в неделю, всегда веселая, бодрая. За чаем рассказывала о своих приключениях, иногда смешных, а порой и не очень. Случалось ее били, когда пыталась она „крутить динамо”, как с тем черным парнем из университета Лумумбы. Раза два появлялась она в моей квартире с подбитым глазом и в порванной кофточке. Но юный ее оптимизм преодолевал все. Постепенно, овладевая приемами своей профессии, стала она неплохо зарабатывать, сняла квартиру и забрала свой чемодан. (К этому времени было у нее уже три чемодана всякого женского барахла.) История с черным студентом не подорвала ее активности. Последний раз я встретил ее сентябрьским днем в центре города. Это было примерно за неделю до запланированного ею отъезда из Москвы. Была она хорошо одета и, несмотря на тяготы своей профессии, неплохо выглядела. Танька бросилась ко мне

на шею, как к родному: „Дядя Вася, дядя Вася!” С гордостью стала рассказывать, что заработала чистыми за лето 1.800 рублей. По российским стандартам сумма эта огромная. С тем она и уехала в свой Суздаль. Думаю, что со своей поразительной волей и целеустремленностью Танька добилась того немудреного счастья, о котором мечтала. И теперь форменная авиационная фуражка украшает ее суздальскую или владимирскую комнатенку.

Так рассказал о проститутке Татьяне Ж. мой друг ученый-социолог, в прошлом коренной москвич, а ныне эмигрант. Василий К. — человек серьезный. Он не склонен к идеологизации фактов или морализированию. Факты его интересуют сами по себе. Историю Тани относит он к самому концу 60-х годов и считает ее наиболее счастливой из всех ему известных историй такого рода. „Проституция в нашей стране, — говорит он, — существовала всегда. Но особенности власти, утвердившейся в России после 1917 года, наложили свой советский отпечаток и на эту древнейшую профессию”.

Советская администрация, однако, держится прямо противоположной точки зрения. О проституции в СССР говорят и пишут крайне редко, но есть вполне официальное издание, где взгляды руководителей страны изложены четко и неизменно повторяются вот уже более 40 лет. Я имею в виду Большую Советскую Энциклопедию (БЭС). В первом ее издании в 1940 году (т. 47, с. 335) в статье ПРОСТИТУЦИЯ значится: „В стране победившего социализма проституция не может иметь места. СССР — единственная страна в мире, в которой проституция окончательно ликвидирована и в которой полностью уничтожены причины и корни, питающие ее”. Спустя 15 лет, в 1955 году вышло второе издание БЭС и в томе 35-м в статье ПРОСТИТУЦИЯ на страницах 101—102 читателю снова было заявлено: „В Советском Союзе проституция ликвидирована, так как исчезли условия, порождающие и питающие ее”. Прошло еще 20 лет. В 1975 году в последнем, по счету третьем, издании Энциклопедии (т. 21, с. 114) снова подтверждено: „В СССР с победой Великой Октябрьской социалистической революции были ликвидированы основные причины проституции... В 30-е годы проституция,

как распространенное социальное явление, была ликвидирована”.

Эта точка зрения Сталина и его наследников опирается на давние взгляды Ленина. В 1913 году вождь большевистской партии опубликовал статью „Капитализм и женский труд”, в которой, обращаясь к женщинам-пролетаркам, объяснял, что все тяготы их жизни проистекают единственно от того, что в мире существует капитализм, владение частной собственностью. „Пока существует наемное рабство, неизбежно будет существовать и проституция, — писал Ленин. — Все угнетенные и эксплуатируемые классы в истории человеческого общества всегда были вынуждены (в этом и состояла их эксплуатация) отдавать угнетателям, во-первых, свой неоплаченный труд и, во-вторых, своих женщин в наложницы господам”¹. Вывод из этих слов напрашивался сам собой: как только будет свергнут капитализм, проституции не станет. Вместе с несправедливо отнимаемой прибавочной стоимостью пролетариат заберет у эксплуататоров и своих женщин. А коли сам Ленин заявил, что при социализме проституции не будет, то ее и быть не должно. Три издания Большой Советской Энциклопедии выражают на этот счет неизменную и вполне официальную точку зрения Кремля.

Позиция эта глубоко укоренена в сознании советских начальствующих лиц. Летним вечером 1973 года, в 60-ю годовщину написания ленинской статьи „Капитализм и женский труд”, случилось мне наблюдать, как возле гостиницы „Метрополь” в самом центре Москвы милиционеры, подогнав автофургон, затаскивали в него группу молодых женщин. „Проституток вывозите?” — поинтересовался я у милиционера, возглавлявшего эту акцию. Страж закона ответил строго: „У нас в стране проститутки нет, гражданин. А эти (кивок в сторону девушек) просто б л я д и. Вымоют пол в милиции — отпустим”.

Объяснения московского милиционера, равно как и утверждения Большой Советской Энциклопедии показались

¹ Ленин В. И. „Капитализм и женский труд”. Собр. соч. Изд. 5-е, т. 23.

мне сомнительными. Чтобы выяснить истину, я обратился к свидетельствам недавних советских эмигрантов, живущих ныне в США, Израиле, ФРГ, Франции и Канаде. В 1981–1982 годах я взял интервью более чем у ста человек и разослал 250 анкет, в которых среди прочего были включены вопросы о проституции. На вопрос „ЕСТЬ ЛИ ПРОСТИТУЦИЯ В СССР?“ положительно ответило 94 процента соотечественников, вернувших анкеты. Шесть процентов ответили „Не знаю“. Ни один из опрошенных не написал, что проституции в СССР нет. На вопрос „ИМЕЮТСЯ ЛИ ПРОСТИТУТКИ ТОЛЬКО В БОЛЬШИХ ГОРОДАХ СССР?“ положительно ответили 35 процентов. Шестьдесят процентов считают, что ПРОСТИТУТКИ ИМЕЮТСЯ В КАЖДОМ ГОРОДЕ СТРАНЫ и в том числе во многих районных центрах, которые представляют собой нередко большие села. Эту свою точку зрения многие из интервьюированных и отвечавших на анкету подкрепили устными и письменными рассказами о встречах с проститутками. Рассказы свидетелей: мужчин и женщин, людей разного возраста и общественного положения позволяют мне восстановить общую картину советской проституции за последние 25–30 лет.

В городах СССР работают одновременно несколько десятков тысяч профессиональных проституток. Размеры этой незримой армии то несколько уменьшаются, то возрастают, достигая в отдельные годы 100.000 и более. Надо оговориться, однако, что понятие п р о ф е с с и о н а л ь н а я проститутка в среде советских жриц любви означает нечто иное, нежели на Западе. Хотя основной доход и те и другие получают в качестве гонорара за половые услуги, но при этом советская вынуждена где-то служить или хотя бы числиться на работе. Совмещение двух профессий вызвано как экономическими, так и политическими особенностями советской жизни. Проститутка одновременно может быть медицинской сестрой, чертежницей, лаборанткой, актрисой или заводской рабочей низкой квалификации, а также студенткой института или техникума. Заработная плата этой категории крайне низка и не достигает даже 100 рублей в месяц. А стипендия студенток — еще ниже. На такие гроши даже

прокормиться трудно. И уж совсем невозможно приобрести все то, что так манит женский глаз: красивое платье, туфли, парфюмерию, сумку, перчатки. Выход на панель десятков тысяч наиболее привлекательных и молодых особей женского пола — единственный для них выход из нищеты.

Ситуация эта, хотя и крайне осторожно, была однажды затронута в беседе московских журналистов с министром торговли РСФСР Павловым (1974). Беседа состоялась после какого-то официального приема, когда министр пригласил представителей прессы к себе в кабинет на чашку кофе. Может быть, оттого, что общество собралось чисто мужское, разговор за кофе и коньяком коснулся проституток. Журналист Михаил Писманник заметил, что товарищ Павлов более других виноват в том, что сотни московских проституток ожидают своих клиентов возле гостиниц „Москва” и „Метрополь”, на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ), а также на вокзалах и на станциях метро. „Отчего же, — удивился министр, — разве я кого-нибудь совращаю?” (Павлов использовал значительно более грубое выражение.) „Я не обвиняю Вас в этом, — ответил журналист, — но цены на женскую одежду и обувь, назначаемые вашим министерством, непомерно велики. Платье из крепдешина стоит 50—60 рублей, импортный шерстяной костюм — 150 рублей, а сапоги импортные — 120—150 рублей. Машинистке, секретарше, чертежнице, девушке-студентке такие покупки не по карману. Их родители, если они служат или работают на заводе на средней должности, тоже не могут делать своим дочкам такие подарки. Что же еще остается этим юным созданиям, кроме как выйти к гостинице „Метрополь” в поисках заработка, который позволил бы им оплатить свою одежду?”

В соответствии с правилами хорошего тона, принятыми в среде советских журналистов, Михаил Писманник тут же предложил министру, как наилучшим образом исправить положение. „Впредь, — посоветовал он, — следует продавать женскую одежду и обувь значительно дешевле, чем одежду мужскую”. Такое снижение цен должно, по мнению журналиста, оздоровить нравственную атмосферу страны и

сделать проституток честными труженицами социалистических предприятий. Министр торговли обещал серьезно обдумать этот проект...

Едва ли нужно объяснять, что диалог в министерском кабинете был игрой. В следующие 10 лет цены на женскую одежду и обувь в СССР непрерывно возрастали. Одежду высокого качества можно приобрести сегодня только на черном рынке за огромные деньги. А такая, к примеру, вещь, как меховая шуба, и вовсе относится к предметам для трудовой женщины недостижимым. Из своей зарплаты она не смогла бы накопить деньги на шубу, даже если бы ничего не ела и не пила два—три года.

Итак, проституция становится второй профессией советской женщины по необходимости экономической. Но почему же тогда она не бросает свою невыгодную, не прокармливающую ее государственную службу? Зачем ей оставаться медсестрой или секретарем и получать в месяц 80—90 рублей, если она может ту же сумму заработать за 2—3 дня? Ответ на этот вопрос лежит на пересечении партийной идеологии и практики советских милиционеров. Поскольку идеологи утверждают, что проститутка в стране социализма невозможна, а партийно-правительственный аппарат СССР делает вид, что этой категории лиц в стране вообще нет, то милиция придумала метод, с помощью которого удастся как-то уравновесить печальную реальность с фантастическим миром желаемого. Когда милиционер обнаруживает девушку с клиентом в подворотне, то он объясняет себе и ей, что она не проститутка, не человек определенной профессии, а всего лишь б л я д ь, то есть безнравственное, развратное существо, которое отдается посторонним мужчинам исключительно в силу личной своей распушенности. Поведение б л я д и может быть легко объяснено „пережитками капитализма в сознании трудящихся” или недостатками в работе той комсомольской организации, где девушка состоит на учете. Такое объяснение освободило милицию от необходимости сажать проституток в тюрьмы, а советских юристов — от необходимости иметь в уголовном кодексе какое бы то ни было упоминание о незаконности торговли собственным те-

лом. В сборниках законов советских республик есть упоминание о содержателях притонов разврата и о преднамеренном заражении венерическими болезнями, но слова „проституция” и „проститутка” там отсутствуют. Проституция ненаказуема, ибо ее нет.

Зато очень строго может быть наказан всякий, кто по своей воле покинул рабочее место и не находится на какой-либо государственной или общественной службе. Ведь, по идеологическим канонам, СССР – страна трудящихся, и тот, кто не работает, является врагом общества. Хрущев узаконил преследование неработающих. В годы его власти был введен закон о тунеядцах, по которому тысячи людей были высланы из городов. Их насильно („в воспитательных целях”) заставляли работать в сельских местностях. Так возникла ситуация, при которой советская гражданка, зарабатывающая проституцией, не боится обвинения в нарушении закона (закон-то против проституции нет!), но опасается быть уличенной в тунеядстве. Она во что бы то ни стало обязана сохранять службу, которая ее не кормит, ибо только документ о занимаемой должности спасает ее от уголовного преследования. Отсюда и „совмещение профессий”.

Я прокомментировал бы эту систему отношений следующим образом. По негласному договору между властью и проституткой, последняя скрывается под видом секретарши или лаборантки, а з а э т о государство не преследует ее как проститутку. Как и все другие государственные гарантии в СССР, эта гарантия крайне непрочна. Когда это им выгодно, власти нарушают уговор и безо всякого закона наказывают проститутку как таковую. Проститутки ведут себя честнее советского государства: они поддерживают версию милиции о том, что они только безнравственные женщины. Профессионализируются они довольно редко и чаще всего тогда, когда получают на это разрешение или приказание от партийных и советских властей или от КГБ. Оказывается, и такое бывает. Но об этом – ниже.

До сих пор мы говорили, что на проституцию советскую женщину толкает нищета. Это правда, но не вся правда. Армию продажных женщин порождают некоторые советские

законы и традиции. Семнадцатилетняя Наташа из города Волгограда (бывший Сталинград), дочь вполне обеспеченных родителей, решила оставить семью из-за разлада с отцом-полковником. Она закончила среднюю школу и отправилась сдавать экзамены в Московский университет. Набрать необходимого числа очков (баллов) ей не удалось, и в университет Наташу не приняли. Возвращаться домой к отцу-солдафону ей тоже не хотелось. Проще всего было бы задержаться в Москве, поступить куда-нибудь работать и в будущем году снова попытаться поступить в университет. Рабочие руки в Москве нужны. Но куда бы Наташа ни обращалась, ей отказывали: ведь она не была п р о п с а н а в столице. Будучи жительницей Волгограда, она не имела права жить и работать в Москве. В этот трудный для девушки момент один из университетских преподавателей (тот самый, что принимал у нее экзамены) предложил Наташе взять ее на содержание. Тридцатипятилетний кандидат наук, имеющий жену и двух детей, тайно снял для девушки комнату, где любовники начали встречаться. Однако финансовой мощи кандидату наук хватило всего на полгода. Он перестал платить за квартиру, и Наташу выгнали на улицу. Одинокой, без средств, без жилья, ей не оставалось другого выхода, как стать проституткой.

Попытки многих провинциальных девушек вырваться из глухомани в столицу и невозможность из-за милицеских преград законным образом осуществить это желание сделали проститутками не одну Наташу. Наиболее удачливые, заработав хорошие деньги на своей новой профессии, дают взятку милиции и укореняются в Москве. Милиционеры охотно берут деньги и оставляют таких женщин в покое. Наташе не повезло, она не проявила цепкости и изворотливости, необходимых для этой профессии. Ее арестовали за нарушение паспортного режима (за то, что она жила в столице без разрешения), выслали, и она сгинула где-то в провинции, так никогда и не став студенткой университета...

Проституция – профессия молодых. Но какой возраст является наиболее „ходовым“?

Несколько лет назад группа московских интеллигентов — мужчины и женщины (то ли ради развлечения, то ли желая поближе познакомиться с жизнью народа), отправились вечером искать п л е ш к у — место, где можно купить проститутку. Участница этого рейда, редактор московского телевидения, рассказывает: „Чтобы уберечься от милицейских облав, плешки кочуют по Москве. Мы обнаружили плешку, наведя справки у шофера случайно взятого такси. Он же и доставил нас туда. Большая часть толкавшихся там девушек была в возрасте от 17 до 23—24 лет. Запомнились две подруги, одна из медицинского училища, а вторая из какого-то техникума. Им не было и 17-ти. Они не скрывали того, что являются студентками: „Стипендия маленькая, жить как-то надо...” Клиенты — приезжие и москвичи — отдавали предпочтение более юным. Среди толпы девушек особняком держалась довольно приятного вида женщина лет 35-ти. Было заметно, что она чувствует себя ущербной в среде молодежи. Запрашивала она с клиентов плату значительно более скромную”.

Этот рассказ о проститутках-студентках напомнил мне давнюю шутку: У Армянского радио спрашивают: „Чем советская проститутка отличается от западной?” На что следует ответ: „Советская проститутка коренным образом отличается от буржуазной. Та только работает, а наша работает и учится. Учится в институте на вечернем факультете”. Как оказалось, проститутки с вечернего факультета — отнюдь не выдумка досужих остроумцев. Преподаватель Ленинградского университета, учившая студентов латыни, рассказывает: „Одно время мне пришлось заниматься с филологами вечернего факультета. Одна студентка все время спала на моих занятиях. Это была молодая вполне здоровая и даже хорошенькая девушка. Я не удержалась и спросила ее: „На лекции вы спите, а что вы делаете ночью?” „Ночью я работаю”, — без тени смущения ответила она. Позднее мне удалось выяснить, что жизнь у этой студентки действительно была нелегкой: она где-то служила, училась в Университете и ночью работала как проститутка...”

О студентках в этом качестве подробно рассказывает так-

же бывшая актриса одного из ленинградских театров. Она вспоминает, что главным поставщиком студенток-проституток в их городе являются институт театра, музыки и кинематографии, а также консерватория. Эти учебные заведения по самому характеру своему требуют, чтобы девушка была хорошо одета, пользовалась довольно дорогой парфюмерией. Но более чем скромная стипендия делает эти предметы совершенно недоступными. Чтобы разрешить проблему, девушки, начиная с первого курса, ищут источники финансирования на главной улице Ленинграда, на Невском проспекте. Журналистка из Баку (Азербайджанская ССР) подтверждает, что такими же поставщиками „живого товара” являются некоторые институты в ее городе. Она опять-таки называет в первую очередь консерваторию. В Баку, где уличный вариант невозможен, студентки консерватории, будущие певицы и исполнительницы, ищут обычно покровителей в среде высокопоставленных чиновников. Иметь содержанку из среды студенток — в традициях этой восточной республики. Такое сожительство, как правило, неплохо оплачиваемое, продолжается в течение 3—4 лет. Однако, окончив консерваторию в 22 года, вчерашняя студентка начинает помышлять о замужестве. В Баку в условиях жесткой восточной традициональности девушка может выйти замуж только девственницей. Как утверждают мои собеседники, бывшие жители Баку, хирургическое сшивание разрушенной девственной плевы — довольно распространенная в городе операция. Она делается в полной тайне на квартире врача и стоит примерно 50—60 рублей.

Продолжая опрос, удалось установить, что в Москве, кроме консерватории, Театрального института (ГИТИС), театральных училищ и Института кинематографии (ВГИК) источником проституток числится с 50-х годов Юридический институт. Бывший студент этого института объясняет, что приемные экзамены в его Alma Mater сравнительно легки, поэтому этот институт часто избирают красивые и не слишком трудолюбивые выпускницы московских школ. Их деятельность между 18-ю и 22-мя годами получила шумную известность. Студенты-юристы даже придумали в связи с этим

анекдот: „Директорам нескольких столичных институтов был задан вопрос: „Что необходимо сделать для того, чтобы переоборудовать институт в публичный дом?“ Одни директора говорили, что нужно перестроить помещение, купить необходимую мебель, нанять девушек. Но директор Юридического института некто Бутов ответил, что у него для открытия публичного дома уже все готово. Остается лишь купить за 5 рублей и прибить над входной дверью красный фонарь...”

Большую информацию о возрасте московских проституток дали закрытые судебные процессы, на которых обвинялись содержательницы „притонов разврата” (официальная советская терминология). Процессы эти начались в 1965 году, вскоре после крушения Хрущева, и продолжались до начала 70-х годов. В качестве свидетелей на процессах были заслушаны показания нескольких сотен очень юных проституток. Девушкам этим взамен за их искренность был обещан иммунитет от судебного преследования. На каждом процессе фигурировало по 20 девушек. Многие из них оказались несовершеннолетними, то есть не достигли 18-лет. На одном из заседаний в зале суда Пролетарского района города Москвы произошел диалог, оставивший у зрителей весьма сильное впечатление. Несовершеннолетняя Нина К. свидетельствовала против бывшей хозяйки притона. По ходу дела выяснилось, что Нина в свои 16 лет уже владеет всеми приемами профессиональной проститутки. „Не стыдно ли вам заниматься такими делами?” – патетически воскликнул судья Миронов. „Не стыдно, – твердо ответила девочка-работница. – Вы знаете сами: у меня отца нет, мать постоянно болеет. Где я могу заработать? На заводе? Но мне, как несовершеннолетней, полагается работать 6 часов в день и получать 40 рублей в месяц. Я работала полный день и получала в месяц 60 рублей. А т а м я зарабатывала те же 60 рублей за два дня и была сыта, одета, обута. Так чего же мне стесняться?...”

Еще одно свидетельство о возрасте советских жриц любви я обнаружил в своем дневнике за 1970 год. Летом этого года я как писатель находился в командировке в уже упомянутом выше среднерусском городке Суздале. Мне для

моей будущей книги необходимо было осмотреть здание старинного мужского монастыря, но вход в него для посторонних оказался закрытым: власти устроили за стенами монастыря колонию малолетних преступниц. Не без труда получив пропуск в местном отделении министерства внутренних дел, я вошел на территорию монастыря. На дворе, под деревьями прогуливалось несколько сот девочек в возрасте 15–16 лет. Они отбывали наказание за разного рода преступления, чаще всего за кражу, но, по словам начальника колонии, почти все они на свободе были также проститутками. Это особо отмечено в „Личном деле” каждой из девушек. „Их становится все больше с каждым годом, — жаловался мне этот офицер. — У нас в колонии и так сверхкомплект (советское бюрократическое словечко, означающее переизбыток чего-либо), а их все шлют и шлют со всей страны”. „Ну и как? Исправляются?” — поинтересовался я. „Горбатого могила исправит, — мрачно прокомментировал начальник колонии. — Они мне охрану разлагают. Служат в охране молодые ребята. Мне их под суд приходится отдавать за связь с этими поблядушками...”

Мысленно я и сейчас вижу перед собой тот монастырский двор, окруженный старинными каменными стенами XVI столетия. Девочки в белых блузках, группами разгуливающие среди древних монастырских могил, выглядели физиологически очень развитыми и настроены были весело. Похоже, что они вовсе не испытывали угрызений совести в связи с тем, что развращают солдат и сидят за решеткой в том возрасте, когда их подружки переходят из восьмого класса средней школы в девятый.

О чрезвычайно юном возрасте советских проституток рассказывают также два бывших жителя Одессы — врач и заведующий продуктовой базой.

Медицинское училище № 2 в Одессе выпускает медицинских сестер. Учатся в нем, в основном, девочки из провинции в возрасте от 15 с половиной лет до 18-ти. Врач, преподаватель этого училища, считает, что несколько ее учащихся профессионализировались в обслуживании моряков в местном порту. Эти девочки (врач называет их „дети”) ведут се-

бя в общежитии как настоящие школьницы: чтобы обмануть бдительность строгой дамы — коменданта общежития, они ночью у себя на кровати сооружают чучело, а сами убегают через окно на ночные заработки. Главная трудность для них состоит в том, чтобы незаметно пробраться под утро к себе в комнату, преодолев замки, которые навешивает на двери общежития комендант.

Другому жителю Одессы, молодому торговому работнику, в середине 70-х годов приходилось выполнять заказы на поставку проституток для местных высокопоставленных партийных и советских чиновников. Для своих сексуальных развлечений эти господа требовали как можно более юных женщин. „Товар”, который добывал мой собеседник, представлял собой чаще всего отпрысков крайне неблагополучных семей, где отец был горьким пьяницей, а мать проституткой. Но зарабатывать и получать подарки от богатых советских бюрократов хотели подчас и девочки из сравнительно благополучных семей. Одна такая одесситка-толстушка приходила на „работу” прямо из школы, в красном пионерском галстуке. Ей было 14 лет. Мужчин, которые ее использовали, она называла „дядями”.

Насколько можно понять из рассказов учителей, проституция среди школьниц — не такая уж редкость. Вот маленькая новелла из жизни двух учениц киевской школы № 78. Школа эта находится в самой феешенебельной части города рядом с главной улицей — Крещатиком и бульваром Шевченко. Неподалеку от школы находится гостиница „Украина”, предназначенная для привилегированных гостей. Поскольку в гостинице нередко размещают иностранцев, штат ее состоит в значительной степени из людей, так или иначе связанных с ГБ. Ежедневно из недр гостиницы в городское управление ГБ и в прокуратуру поступают детальные доклады-доносы. Из одного такого доклада прокурор Ленинского района узнал, что две школьницы после уроков навещают номер гостиницы, где живут два американских бизнесмена. Девочки остаются там несколько часов и затем уходят. Их никто не встречает и не провожает.

Любые контакты советских граждан с иностранцами не-

желательны. А тут еще дети... Девочки... В подобных случаях советский чиновник, подстегиваемый начальственным одобрением и личным любопытством, проявляет чудеса служебного рвения. На следующий же день, в назначенный час, прокурор района вместе с участковым милиционером и представителем ГБ в штатском вошли в подозрительный гостиничный номер. Они увидели двух сидящих в креслах вполне респектабельных американцев средних лет. Перед ними на ковре стояла обнаженная школьница лет 14. Другая девочка лет 12 сидела на ковре, слегка прикрываясь снятой одеждой. Между представителями власти и юными предпринимательницами произошел следующий диалог: „Что вы тут делаете?“ „Ничего особенного. Делаем фигуры“. „Эти дяди вас трогают?“ „Нет, они к нам не прикасаются“. „Они вас просили приходить сюда и делать эти фигуры?“ „Нет, мы сами пришли“. „Как же вы с ними объяснились?“ — изумленно спросил участковый милиционер, плохо говорящий даже на русском. „Ну вот как-то объяснились“, — ответили девочки. „Что же вы за это получаете?“ На этот вопрос девочки, явно не желая вводить суровое начальство в свои финансовые расчеты, отвечать не стали. Диалог закончился следующим эффектным пассажем. „Одевайтесь! — сердито крикнул милиционер. — Чего стоите голые!“ „А тебе что, дурак, не нравится? — последовал ответ младшей. — Наверно, все-таки нравится. Так смотри тоже!“

Историю эту киевское ГБ пыталось обратить против американцев, но из этого ничего не вышло: вся инициатива исходила от 14-летней Верочки из седьмого класса и 12-летней Ирочки из пятого. Районный прокурор товарищ Цикавый специально пришел в школу № 78, чтобы рассказать учителям о поведении их учениц, ставших на путь проституции. Не обошлось в его взволнованной речи без упоминания о „пережитках капитализма“, о „родимых пятнах буржуазного общества“. Между тем этот случай произошел в 1967 году, уже после того как в СССР было отмечено 50-летие советской власти.

Мне известны и другие случаи, когда на заработок выходили юные и сверхъюные барышни. Но есть в этом клане до-

статочно женщин среднего и даже старшего возраста. Покойный русский писатель-эмигрант Анатолий Кузнецов (умер в Лондоне в 1979 году) в грустном рассказе „Леди Гамильтон” описал стареющую московскую проститутку с лицом-маской и венозными узлами на ногах¹. Судьба ее весьма типична. В пору кратковременной советско-американской дружбы во время Второй мировой войны, девчонкой, влюбилась она в такого же юного шофера американского посольства в Москве. Они мечтали пожениться и уехать после войны в Штаты. Резкий поворот сталинской политики в конце 1945 года разрушил планы этой пары, а потом и вовсе сломал жизнь этой женщины. За недозволенную связь с иностранцем ее бросили в лагерь, а друга ее выслали из страны. Выйдя на свободу после многих лет в неволе, подурневшая, опустившаяся, с разрушенным здоровьем, она не нашла для себя ничего лучшего, как стать проституткой. В таком возрасте она могла продавать свое стареющее тело разве что неприязнительным вокзальным клиентам. Покупатели „дешевой” добычи не упускали случая поиздеваться и даже надругаться над ней.

Хотя Кузнецов написал чисто художественное произведение, основа его рассказа документальна. Он встречал таких женщин из разряда „вокзальных” проституток. Его героиня — еще королева среди них, вообще же „вокзальные” — самый низший класс по своим доходам и своему облику. Это чаще всего очень немолодые, дурно одетые и неопрятные женщины. Крикливые, грубые, полупьяные, они готовы продать свои более чем скромные прелести за 3 рубля или бутылку водки. Их клиенты подстать им — нетребовательные, также подвыпившие „люди с поезда”, у которых оказался час—другой свободного времени до пересадки. Подъезд ближайшего дома или место во дворе за мусорным ящиком вполне устраивает обе стороны.

Чистенькие и внешне скромные девушки, промышленяющие в гостиницах, мало похожи на своих вокзальных кол-

¹ Анатолий Кузнецов. „Леди Гамильтон”. Журнал „22”, март 1980, № 11. Тель-Авив.

лег. „Гостиничные” стараются не слишком отличаться от нормальных обитателей отеля. Они работают на паях с портье (администратором), и тот осведомляет их о том, кто из жильцов откуда приехал, каково его служебное положение и соответственно финансовые возможности. „Гостиничные” вежливо звонят по телефону в номер, осведомляясь, не здесь ли живет мифический „Иван Иванович”. Таким образом они пытаются завести интрижку с командировочными. Девы эти чаще всего милы, уступчивы и более всего боятся шума и огласки. Излюбленные клиенты „гостиничных” — приезжие из Грузии, Узбекистана, Таджикистана и других южных республик. Этим подпольным коммерсантов и спекулянтов, приезжающих в столицу „погулять”, девушки называют между собой „зверьями” или даже „начиненным деньгами зверьем”. Выгодные клиенты, они хорошо платят, щедро угощают, но порой их развлечения заканчиваются издевательствами над проституткой. Как люди Востока, они не уважают ее трижды: как женщину, как продажную женщину и, наконец, как женщину чужого народа.

Между „вокзальными” и „гостиничными” можно выделить также класс „уличных”. Эти промышляют в определенных районах города — на п л е ш к а х. В Москве „уличные” облюбовали тротуар перед гостиницей „Москва”, обращенный в сторону здания Совета министров СССР. Они также считают „своим” участок улицы от гостиницы „Метрополь” вверх, в сторону площади Дзержинского, до памятника первопечатнику Ивану Федорову. На площади Революции они оккупируют сквер вокруг памятника Карлу Марксу. Наконец, пользуются они некоторыми участками Комсомольской площади. Классическим считается место возле Ленинградского вокзала, у стоянки такси. В Ленинграде главные плешки находятся на площади Восстания (Московский вокзал, возле станции метро) и на Невском проспекте на углу Гостиного двора и Биржи. Есть свои любимые места у проституток Ростова-на-Дону, Казани, Киева, Одессы, Тбилиси, Владивостока. В основном, это скверы в центре города и тротуары вокруг наиболее крупных гостиниц.

Столица социализма имеет и своих колл-герлс. Дамы этой категории чаще всего служат в учреждениях. Секретарши, редакторши, бухгалтерши, они по телефонному вызову едут в обеденный перерыв или после работы в гостиницу, чтобы обслужить „зверье” или более скромных по своим финансовым возможностям командировочных. Очевидно, существуют и другие не известные мне категории проституток. Но сколько бы их ни было, на вершине этой лестницы находятся самые блистательные и удачливые проститутки СССР, так называемые „валютные”, те, что обслуживают иностранцев и получают за свой труд высоко ценимую в советском обществе конвертируемую валюту.

Для проститутки важнейшим вопросом ее профессионального бытия является вопрос ГДЕ? Где принять клиента? Как известно, Сталин в течение тридцати лет не строил для своих подданных жилья, ограничиваясь созданием казарм, лагерей и рабочих бараков. Но и через тридцать лет после Сталина, после шумных заявлений Хрущева и Брежнева о массовом жилищном строительстве миллионы людей в СССР живут сегодня в общежитиях (смотри в этой книге главу „Его Величество рабочий класс”) и коммунальных квартирах (глава „Великая бездомность”). Сказывается жилищная проблема и на проституции. Заработок „женщины с улицы” в значительной степени зависит от того, имеет ли она квартиру и насколько надежно это жилье защищено от посторонних глаз.

Проститутка, живущая в так называемой коммунальной квартире, где в общий коридор выходит несколько соседских дверей, очень быстро становится жертвой доноса. Получив от соседей донос о существовании „притона”, милиционеры врываются в комнату такой несчастной, тащат ее в милицейский участок и там, после грубой брани и угроз, на подозреваемую составляют регистрационную карточку. С этого времени она оказывается под постоянным надзором милиционера как „содержательница притона”. Кстати сказать, такой же грубой, оскорбительной процедуре может быть подвергнута женщина, к проституции отношения не имеющая. Стоит одинокой даме, живущей в коммуналь-

ной квартире, пригласить к себе знакомого мужчину, как в полном соответствии с общественными традициями Советского Союза на нее в милицию поступит донос. Никакие алиби в таких случаях от милицейского хамства не спасают.

Опасаясь чужих глаз, некоторые проститутки снимают квартиру для приема клиентов в другом доме и даже в другом районе города. Некоторые везут клиентов в комнаты, снятые неподалеку от Москвы, в 15–20 минутах езды на электричке. Двум московским студенткам с трудом удалось уговорить старую женщину из пригородного поселка сдать им комнату в своем доме, с правом привозить клиентов. Старуха, будучи православной христианкой, сначала наотрез отказала им, потом согласилась, заявив, что будет молиться за заблудшие души своих квартиранток. Позднее она призналась, однако, что приезды „гостей” вносят в ее жизнь приятное разнообразие — находясь за тонкой дощатой перегородкой, хозяйка не без удовольствия слушала, что именно происходит у девушек в соседней комнате.

Зная о всех этих тяготах, некоторые провинциалки начинают свою карьеру в Москве и Ленинграде с добывания квартиры. Если они молоды и хороши собой, то, приезжая в большой город, стремятся как можно скорее выйти замуж за человека, имеющего собственное жилье. Жену прописывают в квартире мужа, и она таким образом получает законное право жить в столице. Год или полтора спустя, а порой и раньше, такая дама делает следующий ход: она разводится с мужем и на суде заявляет претензию на часть их общей квартиры. Вслед за тем следует раздел жилья, обмен, в результате которого дама получает комнату или квартиру в личное пользование. Именно таким, весьма распространенным в Советском Союзе, заранее обдуманым путем обзавелись жилой площадью в Москве три блондинки из Воронежа, широко известные столичные гетеры, Галя Хелемская, Галя по прозвищу „Шлепа” и их подруга Мелеша. В результате операции каждая из них стала владелицей кооперативной квартиры, которая позволила им принимать у себя состоятельных клиентов.

Однако большинство „уличных” и „вокзальных” проституток предпочитают не тратиться на квартиру, а принимают клиентов в ближайшем подъезде. Подъезды многоквартирных домов в СССР, как правило, не запираются и не имеют охраны. Кроме того, они снабжены батареями парового отопления. Последнее обстоятельство особенно важно в стране, где с октября по май температура воздуха отнюдь не располагает к занятию любовью на свежем воздухе. Конечно, считать подъезд идеальным местом для сексуальной жизни значит впадать в сильное преувеличение. Об этом, в частности, говорится в одном из анекдотов, который, очевидно, вышел из среды проституток. Анекдот иммитирует беседу проститутки с дореволюционным стажером с „новенькой”, советской: „При царе бывало кавалер тебе и колечко с бирюзой подарит, и в ресторан сводит, — говорит старшая. — А теперешний заплатит трешку (три рубля) и волочет в подъезд. А претензий-то, претензий сколько: то батарея слишком горячая, то жопа слишком холодная...”

В Москве, Ленинграде и некоторых других больших городах отсутствие мест для свиданий породило тип проститутки, получивших кличку „школьницы”. Эти хитроумные дамы за сравнительно небольшие деньги получают у коменданта ключи от школьного здания, расположенного неподалеку от ближайшего вокзала или уличной пешки. Войдя в пустующую ночью школу, проститутка проходит с клиентом в спортивный зал, где на полу лежат спортивные маты. За более высокую плату она может воспользоваться диваном в учительской комнате или в директорском кабинете. По словам одной такой „школьницы”, находившей клиентов на Курском вокзале в Москве, в особенно удачные ночи ей удавалось „обернуться” десять раз и более, так как школа находится очень близко около вокзала. К сожалению, ее лишили „ключей счастья” после того, как директор обнаружил на своем диване какие-то странные пятна.

Боязнь доносов заставляет работать вне дома даже тех женщин, которые имеют квартиру. Лучшим выходом считается работа вместе с таксистом. Бывший московский житель, шофер такси, человек чрезвычайно практичный, дело-

витый, так описал суть своих деловых отношений с проститутками: „Выезжаю я на линию (из гаража в город) после обеда. Пока магазины открыты, покупаю 5–7 бутылок водки и кладу их под сидение в машине. Ближе к вечеру сажаю девку (проститутку) в машину и едем с ней на плешку. Главная работа у нас начинается в 9 вечера и идет до 2-х–3-х ночи. Итак, стою на плешке, девка сидит у меня на заднем сидении, покуривает. Подходят „звери” (в данном случае грузины), прицениваются, почем водка, почем девочка. Ночью, когда торговли водкой нет, бутылку я могу продать за 7, за 10 и даже за 12 рублей. Договорились. Грузин садится с девкой сзади. Платит мне за водку, я им туда передаю бутылку и стакан. Они выпивают, и я везу их в тихое место, где я знаю, милиции нет. Выхожу из машины проветриться на свежий воздух минут на 20. За это время у них происходит весь разговор. Они допивают водку, возвращают мне бутылку, и я везу их обратно, откуда взял. За то, что счетчик набил, „зверь” мне платит в тройном, а иногда в пятерном размере. Девка мне тоже третью часть отдает по уговору. Берет она с него, к примеру, 15–20 рублей, значит мне чистыми 5–7 рублей. Так что за смену я рублей 50 чистыми имею”.

Но отношения водителя машины и его пассажирки не ограничиваются финансовыми расчетами. Таксист поясняет: „Девка знает: если „зверь” ее обидит – я заступлюсь. Потому что мне надо, чтобы он ей заплатил сполна. И от милиции я ее обороняю. Подходит, к примеру, мент (милиционер), нюхает подозрительно, я ему говорю: „Пассажирка, дескать, мужа с поезда ждет, все в порядке, начальник”. Он ее не трогает. И притом вдвоем у нас с ней оборот получается больше. Если ей каждого клиента куда-то вести, – сколько она времени зря разбазарит. А со мной все мигом: туда-сюда и обратно на месте”. Таксист видит в этих отношениях некоторое даже приятство. „Я люблю с девкой работать. Ночью на линии тяжело бывает, глаза слипаются. А с девкой и ее хахалами (поклонниками) ночь незаметно пролетает”.

В условиях советской действительности тандем „проститутка – таксист” и впрямь выглядит в высшей степени ра-

циональным. Такая система отношений процветает не только в Москве, но и в Одессе, Владивостоке, Ленинграде, Минске, Львове. Есть таксисты, которые неделями и месяцами не сажают в машину обычных пассажиров. Они полностью представляют государственный таксомотор в распоряжение частной предпринимательницы-проститутки. При этом между водителем и его сотрудницей возникают чаще всего деловито-дружественные отношения. Они говорят между собой на некоем общем для них жаргоне; вместе разыскивают „зверей” (богатых клиентов из юго-восточных республик страны); честно делят „бабки” (деньги). При этом шофер несколько снисходительно, но дружелюбно называет проститутку „телкой”, а она его — почтительно „шефом”. Он поддерживает ее любые начинания. Если она занимается со своими клиентами в машине более дорогооплачиваемым оральным сексом (такая проститутка зовется в своей среде амамщицей¹), то шофер-амамщик выступает в роли антрепренера.

В поисках клиентов советским проституткам случается пользоваться не только такси, но и поездами, самолетами, а в иных случаях и мощными грузовиками (траками). Это связано с тем, что в различных городах в разное время года спрос на девушек такого рода меняется. Например, летом на Черноморском побережье, в курортных городах Ялта, Сочи, Сухуми, куда съезжаются курортники со всего Союза, проститутки в большой цене. В эти месяцы московские, ленинградские, киевские и прибалтийские дамы совершают свой „перелет” в теплые края. Можно, конечно, поехать в Крым или на Кавказом поездом или самолетом. Но москвички нашли значительно более экономный путь. Они обратили внимание на те тяжелые закрытые грузовики, перевозящие товары и продукты, что постоянно курсируют, в ча-

¹ Амамщица, амамщик — звукоподражательные слова, восходящие к латинскому *Fellatio* и английскому *to suck*. Все лингвистические примеры взяты мною из работы Владимира Козловского „Материалы к изучению языка одной субкультуры. Московские таксисты”. См. сборник „СССР: внутренние противоречия”. Нью-Йорк, 1981.

стности, по автостраде Москва — Симферополь (Крым). Такой грузовик (трак) преодолевает расстояние в 1200 километров от Москвы до Крыма менее чем за двое суток. Ведут его поочередно два водителя. Один сидит за рулем, второй отдыхает в тесной кабине внутри грузового помещения. Проститутка пристраивается к этой паре третьей. Двое суток она обслуживает обоих водителей, за что они не только везут, но и кормят ее. Дорога в благословенный Крым таким образом не стоит ей ни копейки. Подобный метод передвижения на дальние расстояния настолько увлек некоторых москвичек, что даже после курортного сезона, возвращаясь домой с хорошим заработком, они предпочитают не тратить деньги попусту, а возвращаться на грузовом транспорте в перемежающихся объездах двух московских шоферов.

Миграция проституток по территории СССР носит довольно причудливый характер. В то время как одни спешат к Черному морю, другие торопятся поскорее добраться на берег Белого моря в город-порт Архангельск. А некоторые едут еще севернее, на берег Ледовитого океана в Мурманск. Часть проституток отправляется на время путины в Балтийские порты, особенно в Ригу (Латвия). А самые смелые и отчаянные устремляются через всю страну в порты Дальнего Востока. Тамошние рыбаки зарабатывают еще больше. А кроме рыбаков во Владивостоке и порту Находке есть матросы торгового флота, золотоискатели, офицеры сухопутные и морские: все люди при деньгах. Дальний Восток среди проституток считается золотым дном. Но, к сожалению, билеты самолетные туда дороги... Поэтому предпочтение отдается Мурманску и Архангельску. В эти северные порты в течение всего лета приходят рыболовные суда и целые флотилии. За свой тяжелый труд рыбаки получают довольно большие (по советским стандартам) деньги. Спускаясь после очередного рейса на землю, рыбак привозит примерно 600—700 рублей. Если напомнить, что в среднем советский служащий зарабатывает в месяц 120—130 рублей, а рабочий — от силы двести, то станет понятным, что именно воодушевляет проституток на летнюю миграцию.

Чтобы облегчить себе добывание железнодорожных биле-

тов и надежнее укрыться от надзора милиции, девушки идут порой на хитрость — объявляют себя коллективом, едущим на Север по государственной надобности. Так группа в восемь девушек из Западной Украины, спешивших однажды в Архангельск „на заработки”, представлялась везде как группа актеров, направленных организовывать на Севере новый театр. Добравшись до места, такие „актрисы”, естественно, рассыпаются немедленно по городу, каждая в заботе о собственном деле.

Для успеха предприятия проститутке надо снять в городе-порте пусть самую неказистую комнатенку с кроватью. Иногда приходится ограничиваться частью комнаты, отделенной от хозяев матерчатой занавеской. Свой угол — это уже половина успеха. Теперь можно начинать охоту. Впрочем, и охотой это не назовешь: истосковавшиеся по женщинам рыбаки сами идут в сети проституток. Широкая пьянка в ресторане, а затем поездка к девке — вот та немудреная программа, которую ставит перед собой почти каждый оказавшийся на берегу рыбак. Такая программа позволяет без труда спустить за неделю-две все заработанное в двух-трехмесячном океанском рейсе. После этого рыбаку ничего не остается, как снова идти наниматься на корабль.

Может показаться, что личная жизнь моряков в северных и западных портах страны остается вне контроля государства. На самом деле местные партийные власти прекрасно знают, что именно происходит в городе, и порядок этот их вполне устраивает. Бывший партийный руководитель, много лет проработавший в северных и западных портах СССР, объяснил мне, что власти заинтересованы в том, чтобы буйствующий в ресторанах и бардаках моряк растратил накопившееся за рейс душевное напряжение. Они убеждены, что это п о л и т и ч е с к и выгодно. Поэтому милиции Мурманска и Архангельска дано указание не высылать проституток, не арестовывать их, а лишь брать с них штрафы „за нарушение паспортного режима”. Кроме того, партийных руководителей вполне устраивает, что обнищавший после короткой и бурной гулянки рыбак покорно возвращается на судно. Партийцы учитывают, что в месяцы путины рабочей силы на ры-

боловных судах не хватает. В результате такой политики проститутки на Севере чувствуют себя значительно увереннее, чем в курортных городах Юга, где их, опять-таки по указанию сверху, преследуют значительно строже.

Миграция советской проститутки имеет и другие географические тенденции. Являясь своеобразным предпринимателем-частником, она остро чувствует пульсацию рынка и быстро реагирует на возникающий спрос. Так весьма активно проститутки реагируют на строительную программу Кремля. Ведь новостройки — это прежде всего городки с преобладающим мужским населением! Поэтому, едва в Джезказгане (южный Казахстан) начали строить меде-плавильный комбинат, туда из Средней России устремился поток проституток. По имеющимся сведениям, в жарком и сухом климате Средней Азии они сумели заработать не хуже, чем в запыленном Мурманске.

Строительство огромного завода грузовых автомобилей на реке Каме в Татарии (КАМАЗ) также не оставило советских проституток равнодушными. На Каму, в маленький поселок Набережные Челны, где в 1970 году началось строительство, двинулись сначала самые решительные искательницы успеха, а затем в 1974-м, когда завод вступил в строй, и сотни рядовых. Строители утверждают, что первые девушки, приехавшие к ним на сексуальные заработки, были уроженками Киева и Одессы. Они имели на КАМАЗе головокружительный успех, поскольку в те годы на каждую женщину в пределах строительства приходилось от 12 до 15 мужчин. Правда, и условия труда этих барышень были не из легких. Рабочие приводили проституток в свои общежития, где в комнате в лучшем случае спали четыре, а чаще шесть и даже десять холостых мужчин. По свидетельству врача, бывавшего на КАМАЗе в те годы, автомобилестроители, тем не менее, очень бережно относились к своим залетным пташкам, которые скрашивали их унылый, однообразный быт. Рабочие передавали проституток как эстафету друг другу и по возможности неплохо их оплачивали. Правда, массовый заезд проституток на КАМАЗ в более поздние годы принес местным властям неожиданные хлопоты. Партийной адми-

нистрации пришлось отвлечься от проблем автомобилистского движения, чтобы организовать борьбу с гонореей и сифилисом. В новом социалистическом городе одно из помещений было отдано под Штаб по борьбе с венерическими заболеваниями, а второе — под „закрытый стационар” для мужчин и женщин. Насколько нам известно, совместные усилия врачей, милиционеров и партийных лекторов пока к победе над заразой на КАМАЗе не привели.

Способность советских проституток успешно разыскивать для своего товара рынки сбыта показывает, насколько дух живого предпринимательства силен даже в окостенелой системе социализма. В ответах на нашу анкету большинство отвечавших (60,6 процента) заявили, что проституция распространена повсеместно и в том числе в маленьких городах и районных центрах. Поначалу такой взгляд показался мне сомнительным. Кто может быть клиентами этих женщин в поселках, где каждый житель на виду у „общественности” и все знают всех? Разъяснение дали бывшие военнослужащие Советской армии. В стране, где даже в мирное время под ружьем находится более 5-и миллионов солдат и офицеров, а воинские части расположены повсюду, человек в погонах — важный элемент в коммерческих расчетах проституток. Пока офицер живет со своей семьей в военном городке, он чаще всего недостижим для нее. В городке каждый шаг его контролируется женой и соседями. Другое дело, когда воинские части выезжают в летние лагеря. Семьи офицеров остаются дома, и на несколько месяцев „законная” половая жизнь неизбежно заменяется жизнью „незаконной”. Есть в стране также секретные (чаще всего ракетные) части, где по службе офицерам месяцами запрещено видеть свои семьи. Проститутки отлично знают все такие места. Военные тайны их не слишком интересуют, зато они знают главный секрет, который состоит в том, что человек, который проводит годы в казарме, получив освобождение на сутки, стремится провести эти сутки, как говорят в России, „на всю катушку”. В эти часы ему все равно, с кем быть и сколько денег истратить. Проститутка знает душевное состояние этого рода клиентов и спокойно поджидает их в ближайшем от ка-

зармы ресторане. Она уверена, что без труда напоит и ограбит мужчину в мундире. („Разве я не стою 25 рублей?..”) И он же еще будет ей благодарен.

Торговля любовью — дело сложное. Профессия эта и сама по себе требует постоянной находчивости и творческих усилий, а в СССР особенно. У проститутки нет союзников. И клиент, и власть, и подружки-коллеги находятся по другую сторону баррикады. Конечно, какая-нибудь опустившаяся „вокзальная” может весь свой век выползть на привокзальную площадь в надежде, что в потоке пассажиров найдется кто-то, кто располагает свободной трехрублевой купюрой и получасом свободного времени. Но молодые девушки чаще всего не желают ограничиваться столь жалкой оплатой. Они спешат реализовать свою свежесть и молодость, обратить свое тело, данное им безвозмездно, в источник серьезных доходов. Они проявляют при этом недюжинную активность и находчивость. Одни штурмуют приезжих в гостиницах, другие пристраиваются обслуживать спортивные команды, третьи собираются группами, чтобы организовать некое предприятие, которое в милицейских документах именуется „притоном разврата”, а в народе просто зовется б а р д а - к о м.

Недавно я спросил молодого эмигранта из Советского Союза, что он знает о бардаках в его городе. „Если бы знал — не уехал бы!” — последовал полушутливый, но при этом вполне категоричский ответ. И действительно, постороннему очень трудно обнаружить в СССР адрес „дома свиданий”. Хозяйка делает все возможное, чтобы скрыть свое предприятие от соседей и милиции (что по сути одно и то же). С великими предосторожностями клиенты передают телефон и адрес потенциальным клиентам, ибо закон весьма немилостив к содержателям такого рода заведений. Да и посетителей могут ожидать большие неприятности по служебной и партийной линии. В условиях великолепно развитого сыска и всеобщего и обязательного доносительства большинство бардаков в СССР очень быстро „сгорают”. Однако на их месте возникают новые и новые „дома свиданий”, ибо в этой области постоянно существует как спрос, так и предложение.

Процессы над содержателями притонов в газетах не освещаются, публику на такого рода суды не допускают, так что общество очень мало знает об этой стороне советской жизни. Но через адвокатов кое-какие подробности тем не менее выходят наружу¹. В 60-х годах 5–6 таких процессов проходило в Харькове. Женщина, содержавшая притон в Кузнечном переулке, по телефону сзывала „сотрудниц” к себе в квартиру всякий раз, когда в город приезжали грузины, торгующие на базаре свежими фруктами. По делу, кроме хозяйки, проходили две сестры, секретарши большого харьковского учреждения, существа крайне юные, неразвитые и наивные. На следствии одна из них, трагически воздевая руки, кричала: „Меня-то за что? Я-то в чем виновата? Двое (клиентов) „жарили” (to fuck) весь вечер и в рот и сзади, а потом никто даже не пошел провозжать...”

В другом деле, известном среди харьковских юристов под кодовым названием „Черная кошка”, речь шла о притоне, который посещали преподаватели местных институтов, журналисты, крупные чиновники. Девочки в этом „доме свиданий” были крайне молоды, и возник вопрос о растлении малолетних. Перед судом должен был предстать доцент Харьковского политехнического института. Но областной комитет партии не разрешил прокуратуре возбуждать против него обвинение, потому что доцент... преподавал студентам марксизм-ленинизм.

На процессах такого же рода в 70-х годах в Риге, Ленинграде и Ростове-на-Дону выяснилось, что главными „кадрами” притонов были студентки. Что касается посетителей, то первое место среди них занимали всякого рода спекулянты и подпольные дельцы, затем чиновники, в том числе партийные, и, наконец, так называемая советская „образованщина” — люди с институтскими дипломами: преподаватели ВУЗов, инженеры, журналисты, юристы, люди кино, сотрудники издательств.

¹ Выше описаны некоторые детали судов над содержателями „притонов разврата” в Москве в конце 60-х, начале 70-х годов (см. с. 283).

Процессы эти показали и другое: „дома свиданий”, как некая постоянная квартира, находящаяся по определенному адресу, стали невозможны. Милиция почти немедленно раскрывает сегодня такие предприятия. Поэтому организаторы сексуального бизнеса перешли почти полностью на новую систему колл-герлс. По звонку девушки выезжают к гостям, но не из дома, а со службы. Служебный телефон какого-нибудь конструкторского бюро становится главным связующим звеном в этом частном предприятии. Служебный телефон разоблачить труднее, и девушки при такой организации чувствуют себя в большей безопасности: родители и мужья (бывало и такое) как бы остаются за пределами их профессиональной сферы. Один из телефонных бардаков находился долгое время в Проектном институте „Роспроект” Центросоюза в Москве. (Старый адрес: Комсомольский проспект 23, новое здание было выстроено на улице Гиляровского, 57.) Несколько довольно привлекательных сотрудниц Института в возрасте от 25 до 35 лет — инженеры, экономисты, чертежницы, секретарши — в полной тайне от других сотрудников договорились выезжать в гостиницы для обслуживания командировочных. Одна из них взяла на себя роль диспетчера.

Очень скоро у этой группы возникла постоянная клиентура. Диспетчер получала заказы во время рабочего дня, и, выходя в уборную, дамы решали, кому куда ехать. Многие успевали выехать и вернуться на свое служебное место в течение обеденного перерыва. Такса за сеанс в этом институте в конце 70-х годов составляла 15 рублей, минет (оральный секс) оценивался в два раза дороже. Кроме денег, девушки, по уговору, увозили с собой шоколад, фрукты и спиртное, которыми их угощали. Главными клиентами обычно оказывались, как уже не раз говорилось выше, командировочные из юго-восточных республик и сотрудники постоянных представительств этих республик в Москве. Но знали заветный телефон и мужчины, приезжавшие из городов Средней России. (Одна из девушек в конце концов вышла замуж за того чиновника, которого несколько лет перед тем обслуживала как проститутка.)

Девушки держались дружно, и в течение нескольких лет никому не удавалось проникнуть в тайну их побочных доходов. Бардак этот, насколько мне известно, так никогда и не был разоблачен. Опасность над ним нависла лишь однажды, но виновата была не милиция, не партком и дирекция Института, а сами девушки. Конфликт между двумя из них возник в гостинице „Москва”. Командировочные таджики имели обыкновение приглашать для развлечения не одну, а сразу двух дам. В постели такой клиент, крупный государственный чиновник из города Душанбе, отдал предпочтение одной из них и выразил свои чувства в виде большого гонорара и более дорогих подарков. Вторая дама — экономист с высшим образованием — была возмущена нанесенным ей экономическим уроном. Возник спор, перешедший в скандал. Мнения разделились. По счастью, колл-герлс не обратилась в качестве арбитра в партийный комитет своего института...

А вот свидетельство часто навещающего Москву провинциала, жителя города Свердловска (Урал). „Всякий раз, когда свердловчане — журналисты, актеры-эстрадники, поэты — собираются в столицу, они начинают консультироваться друг с другом относительно „телефончика в Москве”. Речь идет о телефонах московских проституток. Насколько я помню, полученные мною номера были чаще всего номерами телефонов Агентства печати „Новости”, что на Пушкинской площади. Корректорши, машинистки, секретарши и редакторши, которым мы звонили, вовсе не были женщинами, жаждавшими „закрутить роман”. Их отношение к командировочной публике было абсолютно деловое и, я скажу бы, предпринимательское. Дамы не позволяли даже себя целовать. Они обнажали только ту часть тела, которая необходима по их профессиональной принадлежности. Телефонный разговор с Агентством печати „Новости” носил вполне определенный характер: „Здравствуйте. Я из Свердловска. Мне дал ваш телефон...” „Это не имеет значения. Где вы остановились? Сколько вас? Один? А двух—трех товарищей у вас нет? Плохо. Ну ладно, я буду у вас в гостинице в пять пятнадцать”. Приезжает. Возраст — под тридцать. Мило-

видная, но совершенно лишенная какой бы то ни было игры. В сумочке вата, спирт для протирания. „У меня есть для вас полчаса! Муж ждет меня после работы на Пушкинской площади”. Если даже приезжих в номере двое, она всегда аккуратно укладывается в отведенные полчаса. Получает по десятке с каждого и так же деловито прощается: „Если будет нужно – звоните”.

Другая проститутка из Агентства печати „Новости”, придя в номер гостиницы, где остановились трое свердловчан, прямо с порога заявила: „Я сказала начальнице, что иду стоять в очереди за мясом. Сколько я могу задерживаться? Не больше часа...” Провинциалы вошли в положение бедной проститутки. Один из них спустился в ресторан гостиницы и по повышенной цене купил у повара килограмм мяса. Пока он ходил, двое его товарищей развлекались с девушкой в постели. Потом пришла очередь и третьего... Через час проститутка удалилась, унося добычу – килограмм дефицитного мяса и 20 рублей – гонорар. Кажется, все четверо остались довольны друг другом.

Среди моих соотечественников мужчин, ныне эмигрировавших в Соединенные Штаты и вкусивших от плодов западной проституции, распространено мнение, что „наши – лучше, наши – сердечнее”. Я думаю, что в этих высказываниях больше ностальгии, чем реальных фактов, но, поскольку личного опыта в этой области у меня нет, отказываюсь от каких бы то ни было сравнений. Однако многочисленные рассказы о советских колл-герлс (я привел в этой главе лишь малую часть их) свидетельствуют о том, что секс в исполнении секретарши (или даже инженера с дипломом), убегающей на час из своей конторы, носит крайне бедный, примитивный характер, лишен всякой игры и малейшего подобо-го личного чувства. Сдавленные хозяйственными заботами и страхом разоблачения, эти женщины могут удовлетворить вкусам разве что таких же мужчин, как они сами. Равнодушное делячество гостиничных встреч на полчаса соседствует с элементарной сексуальной необразованностью обеих сторон. „На пустой тарелке вам подают пересушенный бифштекс без приправ, который повар вдобавок забыл по-

солить”, — так прокомментировал встречу с дамами-москвичками из какого-то конструкторского бюро врач, интеллигент из Одессы. Московские друзья прислали ему в гостиничный номер типичную московскую колл-герл. „Я все не ждал страстной любви с ее стороны, — вспоминает этот сорокалетний врач. — Но мне были продемонстрированы лишь анатомия и грубейшая физиология — два курса, которые я прослушал в мединституте давным-давно. И это — в столице!”

Доктор из Одессы прав лишь наполовину. В сегодняшней Москве можно обнаружить все формы самого изысканного секса. Но то, что он получил за свои 15–20 рублей, было лишь образцом массового производства. Те сотни женщин из учреждений, которые готовы ехать в обеденный перерыв или после работы в гостиницу для того, чтобы подработать, в значительной степени являются любительницами. Моя московская знакомая, пожилая дама с богатым прошлым, говаривала по этому поводу: „Ничто так не вредит древнейшей профессии, как самодеятельность...”

Между тем свет просвещенного двадцатого столетия проникает мало-помалу и за железный занавес. В нескольких городах СССР сейчас функционируют „школы любви”. В одном из больших приволжских городов такую школу держит проститутка лет тридцати, женщина умная и наделенная тонкой интуицией. Ее метод обучения совмещает теорию с практикой. Учительница берет с собой на бульвар несколько 16–17-летних девушек и „подпускает” их к клиентам. Допущенные ошибки и просчеты анализируются тут же на бульваре. Девочки, как правило провинциалки, приносят с собой в город традиции своих семей: скованность, страх перед сексом. Прежде чем обучать технике, учительница пытается вытравить из своих учениц эти традиционные российско-провинциальные черты. Она считает, что у проститутки не должно быть никаких признаков стыдливости или брезгливости по отношению к клиенту. Главное же, чему приходится учить малолетних профессионалок, это тому, чтобы те не получали от полового акта с посторонним сексуального удовольствия. Учительница из волжского города настойчиво

разъясняет на своих уроках, что женщина, которой не удается преодолеть свою эмоциональность, у которой отношения с клиентами вызывают оргазм, быстро разрушается, стареет и выходит из игры. „Я учу их ненавидеть клиентов и вместе с тем доставлять мужчинам возможно больше наслаждений”, — резюмирует она суть своего образования.

В Ленинграде директриса такой же школы проституции — дама лет 45, ведет занятия с девочками в своей квартире на окраине города. У этого учебного заведения есть определенные часы занятий и срок обучения. Директриса вполне резонно считает, что, чем больше проститутка знает, тем больше может заработать. Она говорит, что дает девочкам „марсельское” (от города Марсель во Франции) образование, которое поставит их профессионально значительно выше не только уличных, но и гостиничных девушек. За эту науку ученицы (их было в середине 70-х годов 6—7 человек) платят наличными и потом отчисляют какой-то процент от своих доходов. Платность обучения отличает тайную школу на окраине Ленинграда от остальных учебных заведений Советского Союза, которые, как известно, бесплатны. „Но ведь у наших девочек и заработки в будущем будут разные, — резонно объяснила директриса своему собеседнику. — После пяти лет в институте женщина-инженер больше 130—150 рублей в месяц не получит. А наши выпускницы зарабатывают такую сумму за неделю”.

Мой знакомый имел возможность разговаривать затем с выпускницей ленинградской „школы любви”. Та была вполне довольна полученным образованием. Чертежница из инженерной организации, она призналась, что государственной заработной платы ей не хватает даже на помаду и духи. Главным источником дохода дают ей знания, полученные в школе от опытной „мадам”. Как тут не вспомнить уже цитированные выше слова народной мудрости: „Советская проститутка коренным образом отличается от буржуазной. Та только работает, а наша работает и учится”.

Народ, как всегда, прав...

ГЛАВА 11. „ДЕВУШКИ ЗА ДЕНЕЖКИ”, МИЛИЦИЯ И КГБ

Для автора, который пытается исследовать социальные отношения в современном обществе, самое трудное – преодолеть собственные привычные представления, отбросить стандарты и клише. Наше сознание заполнено такими внешне правдоподобными клише. Например: „В Советском Союзе милиция преследует проституток”. Как будто все правильно. Более того, предыдущие страницы нашей книги дают большой материал о таких преследованиях. Но вот москвичка, редактор телевидения вспоминает, как она с друзьями ради интереса поехала смотреть п л е ш к у на Комсомольскую площадь. (Об этом см. в предыдущей главе.) Среди других впечатлений этой поездки вспомнился ей следующий эпизод. В разгар оживленной торговли рядом с плешкой остановилась милицейская машина и из нее вышли два усатых сержанта-патруля. Одна из проституток, рослая красивая девушка, бросилась к первому усачу на шею: „Петенька, милый, как давно я тебя не видела! Я так соскучилась...” Милиционер вовсе не был шокирован этими объятиями. Наоборот, всем своим видом он являл удовольствие от встре-

чи с проституткой. Тотчас все трое сели в машину и укатили, как можно понять, развлекаться.

„Частный случай, — подумал я, выслушав эпизод. — Нетипично...” Но через некоторое время другой интервьюируемый, художник из Киева, описал ситуацию очень похожую. В середине 70-х годов он приехал по делам в Ленинград. Получил номер в гостинице Октябрьская на площади Восстания, рядом с Московским вокзалом, и вечером вышел погулять. Возле станции метро художник обратил внимание на группу дурно одетых женщин, которые что-то живо обсуждали с подходившими к ним мужчинами. („За три пойдешь?” „Пять”. „Давай за три!” „У, фраер дешевый...””) В руках у некоторых женщин были сумки, откуда демонстративно торчала белая ткань — простыня. Одна девица втолковывала непонятливому клиенту: „Простыня есть, а что нам еще нужно?..” Короче, это оказалась плешка, рынок женского тела. Пока художник с интересом наблюдал за торговлей, откуда-то сбоку выскочила группа милиционеров. Кто-то крикнул: „Облава!” Покупатели поспешили ретироваться. Но милиционеры повели себя как-то странно: они не стали хватать проституток, а бодро-весело прошагали через их ряды по направлению к эскалатору метро. По дороге они, как со старыми знакомыми, здоровались с девицами. „Привет Машка!”, „Здравствуй Галочка!”, „Здорово девочки!” Кто-то кого-то дружески похлопал по плечу, а один парень шлепнул знакомую девицу по заду. На все эти знаки внимания девы отвечали веселым смехом. Встреча явно их не испугала. Конечно, можно предположить, что парни в форме закончили свое дежурство и спешили по домам. Или, что в этот вечер у них было другое срочное задание. Но одно несомненно: встреча проституток с милицией носила дружественный характер. Девушки явно не ожидали агрессивных действий со стороны милиционеров.

Я бы и этот эпизод отставил как нетипичный, если бы другие мои собеседники, числом до полудюжины, не засвидетельствовали: отношения проституток и милиции совсем не так однолинейны, как может показаться с первого взгляда. Вот, что рассказывает инженер, который в качестве мо-

лодого специалиста приехал работать в город Пензу. В первый же вечер случилось ему встретиться с проститутками и с милицией. „Пенза — большая деревня, — вспоминает инженер. — Есть там плохонький театр, пять—шесть кино. Местная богема и офицерство развлекаются главным образом в ресторане. В тот осенний вечер ресторан был полон. Мы — пять новоиспеченных инженеров — еле нашли столик. Официантка сразу заметила, что мы — новенькие. После ужина с водкой она спросила меня: „Мальчики, хотите хорошо провести время? Вон за тем столиком есть хорошие девочки...” Мы были в подпитии, девочки показались нам милыми. К тому же это был первый вечер, когда мы, вчерашние студенты, ощутили себя вполне взрослыми... Официантка посоветовала нам не покидать стол до закрытия ресторана. В 11 вечера мы вышли на улицу. Официантка с девушками — тоже. Стали знакомиться, но из-за угла вдруг ударил свет фар и выехала милицейская машина — микроавтобус. В таких небольших автобусах перевозят обычно пьяных и преступников. Мы почувствовали себя не слишком уютно в свете милицейских фар. Но из машины вышел сержант, которого девочки наши встретили как старинного приятеля. Сержант пригласил всех войти в машину. Я, хотя и был сильно навеселе, заметил, что окна в автобусе были задрены. Поехали. В дороге разговорились, перезнакомились. Через полчаса сержант открыл дверцы машины. Мы вышли. Сосны, снег. Одинокая избушка. Все та же официантка, оказавшаяся хозяйкой этого „приюта любви”, пригласила нас, не стесняясь, заходить в дом. Вошли. В избушке не было ничего, кроме деревянных топчанов с голыми матрасами. Хозяйка без обиняков разъяснила, что развлечение будет стоить пять рублей (провинция!). Но можно также за особую плату угостить подружек вином: запас бутылок она привезла с собой. Девочек хватило на всех и на сержанта в том числе. Стесняться не пришлось, поскольку свет сразу вырубил, и кто с кем стоял, тот с тем и лег. Через два часа — подъем: сержанту нужно было возвращаться в свой участок, и мы двинулись обратно в город”.

Впоследствии официантка-бандерша разъяснила молодым

инженерам сущность этого хорошо отлаженного механизма. Милиционером она называла „ребятами”, проституткой — „девочками”. Ребята получают на службе всего 90 рублей в месяц. Им надо где-то подзаработать, иначе не проживешь. Девочкам с ближнего завода — тоже. Милиционеры кормятся от проституток и вместе с тем обслуживают их: защищают, возят на своей машине. Очередной дежурный сержант доставляет компанию в лесную избушку и за это получает свой „кусоч”, а также выпивку и девочку. Клиент вкладывает в это предприятие деньги, девочки — себя, официантка — избушку, а ребята из милиции — автомобиль и горючее. Меняются клиенты, стареют и сходят со сцены девочки, сменяются за рулем сержанты, но устраивающая всех пензенская система „проститутка — милиция” работает безо всякого сбоя годами.

Как же совместить многочисленные эпизоды незаконного и грубого преследования проституток в СССР с эпизодами, в которых отношения милиционеров и девушек с панели выглядят почти идиллическими? Опрашивая соотечественников из разных городов и республик страны, я смог убедиться, что диапазон отношений между властью и проститутками поразительно широк: от преследования до поощрения, от использования в сугубо личных (мужских) целях до использования в целях политических. В отношениях с „девушками за денежки” (выражение это принадлежит поэту-барду Булату Окуджаве) отражается общий стиль советской власти. Стиль этот наиболее точно определил в свое время премьер-министр Республики Индии Джавахарлал Неру. После двух поездок в СССР в 1955-м и 1961-м он заявил, что „не смог бы и дня прожить в стране, где правят не законы, а люди”. Эта формула Неру открывает главную закономерность социальной жизни Советской России. Закон не играет сколько-нибудь серьезного значения в отношениях администрации и граждан. В каждом случае решающее слово произносит чиновник, который руководствуется не законом, а личными интересами или сиюминутной политической конъюнктурой. По отношению к проституткам это означает следующее.

В Казани, главном городе Татарской АССР, первый секретарь местного комитета партии по каким-то личным семейным обстоятельствам был резко настроен против свободных сексуальных отношений, и по его команде проституток в Татарии нещадно преследовали и изгоняли (данные середины и конца 70-х годов). А в Пензе, где у обкома партии до такого рода вопросов не доходят руки, милицейские чиновники находили в проститутках выгоду для себя. Промысел этот процветал в Пензе в начале 70-х годов и, очевидно, процветает доныне. Во Владивостоке, в местном Доме офицера несколько раз в неделю происходят танцы, на которых офицеры подбирают для себя проституток. И администрация Дома офицера, и милиция, и чиновники военной комендатуры города-порта знают этих проституток в лицо, но не трогают. Военное командование вместе с руководящими партийными чиновниками из Приморского краевого комитета партии пришли к общему мнению, что проститутки – скорее благо, нежели зло, в городе, набитом военными. Развлекая офицеров и матросов (для этого, кроме Дома офицера, есть танцевальный зал в Доме моряка), девицы отвлекают мужчин от более серьезных мыслей... Такой же произвол царит и в столице. В одном районе Москвы милиция каждую ночь с собаками и фонарями прочесывает кусты в Парке культуры и отдыха имени Горького и в Нескучном саду, изгоняя притаившихся там проституток и их клиентов (такие же акции происходят в Харькове, Киеве и Ереване), а в другом районе – милиционеры в служебной машине развлекаются с вокзальными девушками.

Как это ни покажется странным, преследование проституток в СССР не раз возникало по политическим мотивам. Так в 1957 году незадолго до Шестого Всемирного фестиваля молодежи в Москве, когда в столице Советского Союза ожидали более 30 тысяч иностранцев из 131 страны мира, ЦК партии дал команду очистить город от проституток. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы доказать зарубежным гостям, что в социалистическом обществе продажных женщин попросту не бывает, а во-вторых, – по извечному российскому страху перед контактами русских

с иностранцами. „А что как вдруг потаскуха выдаст парню с Берега Слоновой Кости расположение советских ракет дальнего действия...” — шутили в том году москвичи.

Высылка девушек из Москвы началась ранней весной 1957 года и продолжалась до глубокой осени после того, как зарубежные гости уже разъехались. Разбираться, кто прав, а кто виноват, милиция не стала, а высылала подряд всякую, на кого указывали соседи или кто числился в сомнительных. Подозреваемых вызывали в милицейский участок, брали у них паспорта и ставили жирный крест на штемпеле о московской прописке. Это значило, что с этой минуты владелица паспорта не имеет права жить в столице, даже если она родилась в этом городе и тут живут все ее близкие и родные. Девушке приказывали в трехдневный срок поселиться никак не ближе 100 километров от Москвы. Если же она не уезжала, то ее арестовывали за нарушение паспортного режима. Нарушитель паспортного режима — уже преступник, его можно выслать в любое место страны или бросить на год в лагерь. В результате такой операции сотни виноватых и невиновных, честных и бесчестных москвичек оказались на 101-м километре от столицы, а некоторые — значительно дальше.

Известный диссидент Борис Вайль, находившийся в сибирской ссылке, в Красноярском крае, примерно в пяти тысячах километров от Москвы, пишет: „В поселке Чуна жила группа девиц легкого поведения, высланных из Москвы во время знаменитого Всемирного фестиваля молодежи в 1957 году. Причина их высылки из Москвы, как рассказывали, заключалась в их благосклонности к иностранцам. Здесь в Чуне они не работали, промышляли случайной добычей”¹. Одесский шофер П., ездивший в те годы в командировку на Алтай, видел этих несчастных в городе Барнауле. „Ссылные женщины, как голодные собаки, стояли возле городских столовых и кафе в надежде, что кто-нибудь пригласит их пообедать, — рассказывает П. — Жили проститутки в страшном убожестве и нищете и внешний вид их был таков, что они

¹ Борис Вайль. „Особо опасный”. Лондон, 1980, с. 233.

уже не решались подходить к ресторанам, а искали клиентов в столовых”. К этим свидетельствам можно лишь добавить, что сроки и места таких административных ссылок определялись совершенно произвольно, и никакие жалобы жертв 1957 года на допущенную по отношению к ним несправедливость власти к рассмотрению не принимали, ибо то была акция политическая.

Через два года после злополучного Фестиваля молодежи по Москве прокатилась вторая волна гонений на проститутку. И снова политическая. Хрущев, находившийся в это время в большой силе, проводил серию социальных преобразований, которые должны были, как тогда писали и говорили, в короткий срок сделать страну процветающей, а граждан – счастливыми. Хрущев не скупился на посулы. Он провозгласил даже в 1962 году, что „нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме”. Не желая отставать от вождя, его окружение также порождало всякого рода социальные прожекты. В частности, друг Хрущева, член ЦК Екатерина Фурцева, занимавшая в 1959 году пост первого секретаря Московского областного комитета партии, обещала в считанные месяцы оздоровить духовную и моральную обстановку в столице. В рамках этой программы она приказала провести в городе массовые облавы на проститутку (число их после Фестиваля, очевидно, не слишком убавилось), а захваченных доставлять к ней в кабинет для беседы. В ту политико-романтическую пору предполагалось, очевидно, что беседа с Фурцевой (с самой Фурцевой!) приведет этих падших ангелов к раскаянию и к началу новой, честной жизни.

Но Екатерина Алексеевна не рассчитала ни количества, ни качества того человеческого материала, который ей предстояло облагородить своим партийным словом. Вместо десяти-пятнадцати заблудших милиция предложила члену ЦК и первому секретарю обкома партии выбор из нескольких сот девиц. Две или три такие встречи в кабинете Фурцевой, действительно, произошли. В газетах об этом не было, разумеется, ни слова. И вообще, вся акция окружена была глубокой тайной. Однако в кругах московской интеллигенции вскоре

стало известно о глубоком разочаровании, которое испытала Екатерина Алексеевна от этих встреч. Почему, каким образом девушка становится проституткой в СССР? В ответ на этот вопрос Фурцева выслушала десяток рассказов о такой безнадежной нищете, о таких ужасах жизни четырех-пяти детей в одной комнате с пьяницей отцом и замордованной уборщицей матерью, что даже она, выходец из рабочей семьи, в прошлом ткачиха, смутилась. Ее собеседницы шли торговать собой, отработав смену в заводском цехе или в конторе, чтобы прокормить детей¹.

А для других проституция оказалась единственным средством как-то выкарабкаться из материального убожества. Выход на панель помог даже некоторым девушкам получить образование в институтах и техникумах... Прямым следствием „встреч на высшем уровне” явилось то, что московская милиция по приказу сверху прекратила массовые облавы. Задерживать стали только девушек, действующих в центре города слишком бесцеремонно.

Кстати, по поводу облав. Жертвами этих массовых операций милиции, как правило, оказываются новички или случайные посетители плешек, или, наконец, совершенно опустившиеся „вокзальные”. Более или менее опытная и хорошо зарабатывающая проститутка в облавы не попадает, так как имеет постоянный контакт с милицией. Милиционеры заранее предупреждают своих постоянных уличных знакомых об опасности и за это требуют известную мзду. Женщины расплачиваются с представителями власти деньгами или своим

¹ Примерно тогда же, в конце пятидесятых годов, начинающая московская журналистка Ирина Череватая, находясь с редакционным заданием в 50-м отделении милиции г. Москвы, наблюдала, как милиционеры приводили все новых и новых выловленных в центре женщин. Вот запись ее разговора с проституткой 30-ти лет. „Зачем вы пошли на это?” – спросила журналистка. „У меня двое детей”. „А муж есть?” „Есть, да он в тюрьме...” „Долго ли ему сидеть?” „Недолго. Пять отсидел, двадцать осталось”. „А почему не работаете?” „Я сегодня как раз на работу устроилась, на пуговичную фабрику”. „Так зачем же пошли после работы на улицу?” „Зачем, зачем! А чем ребятишек кормить? До получки еще две недели!...”

телом, а иногда и тем и другим: милиционеры — народ не брезгливый — берут взятки чем придется. Не раз случалось, что вызванную „для расчета” в милицейский участок проститутку использовали поочередно все милиционеры, находящиеся на данном ночном дежурстве. Известен случай, когда в Москве, после такого ночного „расчета”, все дежурившие в участке в полном составе оказались в венерологической больнице с диагнозом — сифилис.

Как массовые, так и частные операции против проституток власти всегда стараются не афишировать, чтобы, как выражаются советские чиновники, „не привлекать ненужного внимания к некоторым отдельным отрицательным явлениям нашей жизни”. Чтобы не оставлять письменных свидетельств, все распоряжения такого рода передаются по телефону или в личной беседе с глазу на глаз между партийным чиновником и чиновником милицейским. Запретным является даже само слово „проституция”. Табу на это слово наложено не только в прессе, но и в служебной переписке. Врач-венеролог, занимавший в 60-е—70-е годы высокое административное положение в городе Казани, вспоминает, что в получаемых им бумагах слово „проститутка” еще иногда проскальзывало, но слово „проституция” — никогда. В очень редких случаях, когда советские газеты или журналы все-таки обращаются к этой теме, они пишут о молодежи, которая „тянется к сладкой жизни”, или о девушках, злоупотребляющих водкой и „другими развлечениями”¹.

В послевоенные годы это табу было нарушено, как мне помнится, только однажды, в 1966-м году, когда организована была третья по счету волна преследований проституток по политическим мотивам. В выступлениях газеты „Комсомольская правда” девушек обвиняли в том, что они вступают в запретные отношения с иностранцами. Собственно, вся кампания и была направлена против группы нежелательных иностранцев, но параллельно Комитет государственной безопасности, ЦК Комсомола и милиция Москвы прове-

¹ Журн. „Молодой Коммунист” № 1, 1963. Статья „Завтра будет уже поздно”.

ли широкую операцию против нечисты — проституток и фарцовщиков-спекулянтов, чаще всего молодых людей, слишком тесно общающихся с иностранцами.

Внешне эта операция выглядела так. Пятого июня 1966 года „Комсомольская правда” опубликовала фельетон некого В. Резникова „Нечисть”. Автор клеймил 19-летнюю Светлану Трофимову как „профессионально-самодетельную проститутку”. Более всего журналиста возмущало то обстоятельство, что советская девушка проводит время с иностранцами, из которых один женат, а второй, по мнению автора фельетона, слишком стар для нее. Вопрос об отношениях с иностранцами муссировался со всех сторон. Оказывается, когда Светлане было 17 лет, власти не разрешили ей выйти замуж за американца, ссылаясь на то, что она слишком молода. Казалось бы, ей следовало понять: непозволительно иметь дело с гражданами других государств, но она заупрямилась, „мечтает выйти замуж за иностранца и покинуть свою страну”. Более того, у нее — семимесячный ребенок от итальянского гражданина, что опять-таки позорит ее как советскую гражданку. Кроме Светланы, в фельетоне названы еще девушки, которые участвуют „в оргиях на квартирах иностранцев”. Сделав это необходимое для КГБ заявление, автор фельетона тотчас схватил себя за руку: разоблачение нежелательных иностранцев в советской прессе ни в коем случае не должно превращаться в разоблачение советской проституции. Поэтому в следующих же строках фельетонист стал как заклинание повторять: ТАКИХ, КАК ТРОФИМОВА — НИЧТОЖНО МАЛОЕ ЧИСЛО. ДА ЭТО МАЛОЕ ЧИСЛО. НИЧТОЖНО МАЛОЕ ЧИСЛО. Но хотя число и малое, „Комсомольская правда” требовала для проституток самых жестких мер от суда, милиции и общественности.

Десятого июня 1966 года газета продолжала обсуждение возмутительных действий Светланы Трофимовой, но при этом писала, главным образом, о корреспонденте Юнайтед Пресс Интернэшнл¹. Однако окончательно смысл затеянной

¹ „Комсомольская правда”, 10 июня 1966. Интервью на рассвете (без подписи).

ГБ акции выяснился лишь в начале сентября 1966 года, когда „Комсомольская правда” в номере от 4 сентября поместила подробный отчет о судебном процессе над профессионально-самодеятельной проституткой Трофимовой¹. Суд был, главным образом, занят выяснением подробностей интимной жизни сотрудников американского посольства и американских журналистов в Москве. Речь шла, прежде всего, о корреспондентах, посылавших в американские газеты разоблачительные статьи о жизни советского общества.

В этом единственном за многие годы публично освещаемом процессе такого рода судья Нина Милютина, прокурор и заседатели все время поворачивали опрос обвиняемой в одном и том же направлении: С кем спала? Когда спала? Где спала? Суду явно дано было указание собрать об иностранцах как можно больше сведений предосудительного характера. Как только такой материал был собран, суд быстро завершил работу, осудив проститутку на 5 лет лагерей. За что? Даже по советским законам действия Светланы не могли быть оценены столь жестоко. В обвинительном заключении по делу проститутки Трофимовой (единственная публикация за последние 40 лет!) ей было инкриминировано: „Нигде не работала, вела паразитический образ жизни, распутничала, пьянствовала, клянчила вещи у иностранцев...” Для западного читателя такой список прегрешений может показаться смешным. Но советские проститутки, прочитав приговор, приуныли. Ибо не в законе тут было дело. Статья 206 Уголовного Кодекса РСФСР не имела к Трофимовой никакого отношения. Это понимали все. Но приговором своим власти сделали предупреждение: они, власти, запрещают брать подарки у иностранцев, спать с иностранцами тоже. Законов таких в советских кодексах нет, но все опять-таки знают, что в СССР важны не законы, а телефоны, то есть телефонные команды, которые партийный чиновник дает судье. И игнорировать такого рода телефонные предупрежде-

¹ „Комсомольская правда”, 4 сентября 1966. Финал „сладкой жизни”, С. Голяков.

ния не приходится. Советские граждане знали это задолго до приезда в СССР премьер-министра Индии г-на Джавахарлала Неру...

Попытки представлять гонения на проституток как акт политической борьбы, как средство оздоровления, очищения общества продолжались в конце 60-х и в 70-е годы, хотя и с меньшим размахом. Была даже сделана попытка придать охоте за уличными женщинами некий романтизм. Под руководством милиции комсомольские организации в городах создавали оперативные отряды из учеников старших классов средней школы и студентов. Отрядам давалось полное право как угодно издеваться над теми, кого они пожелают задержать и доставить в свой штаб. Молодым людям, вовлеченным в такие отряды, говорили, что они продолжают традиции славных чекистов 20-х годов и разведчиков времен Второй мировой войны. Бывший студент Института востоковедения в Москве, член такого отряда, действовавшего в Свердловском (центральном) районе Москвы в 60-е годы, определяет эту полицейско-комсомольскую организацию как „отряд молодых псов”.

„Мы брали проституток в метро Площадь Революции, на платформе возле бюста Ленина, — рассказывает он. — Многие из них мы знали в лицо. Например, знаменитую валютную проститутку Марту Хохлову. Но иногда приходилось проявлять охотничью хитрость. Нас учили: подходить к женщине, если рядом иностранец, — нельзя. Если с ней советский гражданин, лучше действовать осторожно, чтобы взять их наверняка. Мы прислушивались к разговору: если она ему предлагает пойти вместе, — мы устанавливали за ними слежку. Обычно такая пара выходила из метро и заходила в магазин Гастроном № 3 за бутылкой водки. Это уже был верный знак для нас. В магазине мы их и брали. Что делали? Пугали, издевались, осмеивали. Ведь мы же знали — за нами всесильная милиция и вся мощь комсомола. У мужчин мы проверяли паспорта, выписывали адреса и посылали им на работу разоблачительные письма. „Так мол и так, ваш сотрудник пойман с поличным. Разберитесь”. И подпись начальника оперативного отряда. Женщин забирали в штаб

отряда, вносили их имена в специальную карточку. Фотографировали...”

Так было в 60-х годах. Студент-ленинградец из Института электротехнической связи, принимавший участие в штабе дружины по борьбе с наркоманами и проститутками, рассказывает о точно таких же методах работы другой студенческой дружины уже в 70-е годы. Издевались, фотографировали (незаконно), заставляли мыть полы в милиции. Случалось, что хватали и доставляли насильно в венерологический диспансер случайных, ни в чем не повинных женщин. Жертва произвола не могла рассчитывать на защиту милиции, которая всегда на стороне дружинников.

Так продолжается по всей стране и поныне. Если врачи обнаружат у задержанной женщины венерическое заболевание, ее насильно помещают в больницу тюремного типа. В Ленинграде, по свидетельству главного венеролога города, имеется несколько таких больниц. Одна из них находится на улице Восстания (не путать с площадью Восстания), вторая – при Первом медицинском институте. Это самые настоящие тюрьмы с решетками на окнах и вооруженной охраной.

Тюремные больницы, именуемые „спецстационарами”, имеются сейчас во всех крупных городах страны. Врачам-венерологам приказано помогать милиции в ловле проституток. Если заболевший гонореей или сифилисом мужчина обратится к врачу венерологического диспансера города Казани, то тот обязан выспросить у пациента все подробности его половой жизни и передать отчет в управление милиции. Для расследования врачи пользуются альбомами фотографий проституток. Пациенту предлагают узнать, какая из тех, кто помещен в альбоме, его заразила. Свидетельства пациента достаточно, чтобы женщину арестовали. Суд предъявляет обвинение по статье 115 Уголовного Кодекса РСФСР – преднамеренное заражение венерической болезнью. По статье этой можно осудить женщину на срок до трех лет лагерей. Но даже в том случае, когда пациент ошибся и указанная им женщина оказывается здоровой, у милиции и связанных с милицией врачей есть достаточно возможностей отра-

вить ее жизнь. Под Казанью в местечке Пановка имеется секретный лагерь, куда женщин посылают безо всякого решения суда, просто „на перевоспитание”. Сроки пребывания в таком лагере милицейские чиновники определяют произвольно.

Результаты таких гонений оказываются подчас комичными. В начале 70-х годов обком партии Татарской АССР в городе Казани приказал высылать в административном порядке (то есть без решения суда) всех женщин, заподозренных в проституции. Врачи и милиционеры приложили немало сил, чтобы выполнить распоряжение начальства. В результате в середине 70-х годов на Всесоюзном совещании венерологов врач из Казани могла в своем докладе с гордостью сообщить, что в результате массовой высылки проституток из Татарской республики там резко снизилась заболеваемость венерическими болезнями. Делегаты совещания встретили доклад коллеги из Казани аплодисментами. Но тогда слово взял врач из находящейся на севере страны автономной республики Коми. Он поклонился врачу из Татарии и произнес: „Спасибо вам за ваших проституток. Вы их выслали в нашу республику и благодаря этому теперь у нас процент венерических заболеваний поднялся на небывалую высоту...”

Впрочем, в эпоху Брежнева, когда в партийном и государственном аппарате цинизм и равнодушие окончательно вытеснили остатки романтических идей хрущевской поры, никто более не верит в любые „оздоровительные” акции. Общественно-очистительный характер борьбы с проститутками выродился в бюрократическую рутину. Все еще создаются „штабы по борьбе...”, дружинники и милиционеры по традиции гоняют уличных женщин с их плешек или везут в отделение милиции для „расчета”, все это делается лишь для того, чтобы поживиться взяткой или в отчете о проделанной работе проставить галочку.

Интересно в этой связи свидетельство ленинградки, редактора одного из издательств. Она имела обыкновение лето проводить на курортах Кавказа и Крыма. Там, в гостиницах Сочи и Ялты, она встречала немало проституток. Получить номер в летние месяцы в гостинице „Жемчужная” или в дру-

гом столь же респектабельном отеле было обыкновенному смертному крайне сложно. Но эти красивые, хорошо одетые и вполне профессиональные дамы, очевидно, получали свои номера без большого труда. Однажды в Сочи ленинградка познакомилась с внешне весьма эффектным мужчиной в штатском, в котором, однако, угадывался офицер. Так оно и оказалось. Познакомившись с ним поближе, ленинградка узнала, что он — начальник группы сотрудников КГБ, прибывшей из Харькова. Цель группы — наблюдать за проститутками. Если верить словам этого деятеля, то он каждый год привозит в Сочи двести агентов. „Для того, чтобы вылавливать проституток?“ — изумилась ленинградка. „Нам это не нужно, — ответил офицер. — Мы всех их знаем в лицо. У нас есть их адреса и телефоны. Мы знаем, откуда они приехали и куда вернутся после окончания курортного сезона“. „Но кому нужна такая растрата средств? Двести агентов...“ — не понимала женщина. „А почему бы нет? — цинично пожал плечами кагебешник. — Раз начальство платит, почему не отдохнуть на курорте?“

Оказывается, вышестоящие власти требуют предоставлять ежегодно летом отчет о состоянии проституции в Сочи и Ялте. Ради этого отчета все и предпринимается: офицер гуляет, купается в море и между делом почитывает рапорты своих оперуполномоченных, которые снова и снова докладывают о поимке девушек, которые уже много раз перед тем были пойманы и занесены в картотеку. Потом офицер пишет отчет и возвращается домой. До следующего года. „Но зачем все-таки такая карусель нужна вашим начальникам? Чего хотят люди из самой высшей инстанции?“ — допытывалась ленинградка и получила совершенно определенный ответ. „Они хотят быть уверенными, что на курорте, где бывает много иностранцев, не произойдет никакого нежелательного инцидента. Мы здесь, в Сочи, обеспечиваем прочность их положения там, в Москве...“

До сих пор, рассказывая о взаимоотношениях власти и проститутки, я упоминал главным образом милицию, которая, как известно, входит в систему Министерства внутренних дел (МВД). Эпизод в Сочи так же, как и атака на про-

ституток в 1966 году, знакомит нас с еще одной государственной инстанцией, имеющей касательство к этого рода делам. В планах и акциях Комитета государственной безопасности (КГБ) проститутки играют в высшей степени важную роль. ГБ имеет дело в основном с проститутками высшего разряда, с теми, которые именуются „интуристскими” или чаще „валютными”¹. Чтобы понять характер альянса тайной полиции с проститутками, заглянем как-нибудь вечером в валютный бар ресторана „Интурист” в Москве и в несколько других таких же заведений и познакомимся с образом жизни того общества, которое само себя называет ЦЕНТР.

Несколько лет назад позади старой гостиницы „Националь”, глядящей своим фасадом на кремлевскую стену, выстроен был второй отель для иностранцев. Здание из стекла и бетона, похожее на вертикально поставленную спичечную коробку, выходит фасадом на улицу Горького и именуется „Интурист”. Два отеля в центре Москвы объединены не только общей сложной сетью проводов для непрерывной визуальной и слуховой слежки за приезжими, но и общими советскими посетителями — проститутками и фарцовщиками, которые постоянно кормятся возле иностранцев. Эта публика появляется в ресторане „Националь” около двух часов дня и неторопливо обедает, подбадривая себя аперитивами в валютном баре на втором этаже того же здания. И гости и сотрудники ресторана знают, что пользоваться валютой советским гражданам закон запрещает, тем не менее, гости расплачиваются долларами и до поры до времени на это странное обстоятельство никто не обращает внимания. Часам к пяти вечера российская публика (и прежде всего молодые красивые дамы в бриллиантах и платьях от Диора) перебирается в ресторан соседнего отеля „Интурист” — ужинать. Еще позднее их можно встретить в нижнем этаже той же гостиницы в валютном баре „Балалайка”. С 9 вечера у

¹ Милиция имеет дело в основном с девушками, берущими с клиента 3–5 рублей или 12–15 рублей в такси и 20–25 рублей за ночь. ГБ интересуют лишь девушки, чья такса исчисляется в долларах: 50 долларов, а подчас и больше, за ночь.

дам с бриллиантами начинается в „Балалайке” главная работа — они ищут на ночь клиента. Так как валютных ночных баров в Москве очень мало, то все иностранцы, склонные к ночной жизни, к их услугам. Идти в номер дамы чаще всего отказываются — это опасно, но предлагают клиенту вызвать такси и поехать в частный дом. Дальнейшая программа ночной московской жизни включает поездку после часа ночи в мотель „Можайский”, который находится на Киевском шоссе, недалеко за окружающей Москву Кольцевой дорогой. Мотель — место более скромное, чем гостиницы в центре города. Здесь живут рабочие, приглашенные на работу из Швеции и Финляндии, а также некоторые западные туристы на машинах. Но у „Можайского” есть и свое достоинство: веселье там затягивается до 4-х утра, когда все остальные злачные места столицы уже закрыты.

Под утро девушки и фарцовщики разъезжаются по своим квартирам, чтобы, проспав до часа—двух дня, снова начать свое круговращение вокруг иностранцев. Это и есть ЦЕНТР — сообщество, включающее примерно 5.000 советских граждан, в котором блистает никак не меньше 400—500 „валютных”, высшего разряда, проституток. Конечно, далеко не все они оказываются ежевечерне в валютных барах. Часть из них в отъезде: на курортах, в деловых поездках в Тбилиси, Ленинграде, Киеве или Прибалтике. Наконец, часть ЦЕНТРА всегда представляет в советских лагерях и тюрьмах, отбывая наказания за валютные операции, спекуляцию, проституцию, мошенничество и другие преступления, требующие ума, красоты и таланта. Как и все советские люди, шикарные дамы из валютных баров имеют (обязаны иметь!) свою законную службу. Чаще всего они — натурщицы. За два часа работы в студии художника могут заработать четыре—пять рублей. Но служба в храме искусств — только ширма, скрывающая другую работу и другие цели.

Двигателем „центральной” жизни является разница между реальной и официальной (по курсу) стоимостью валюты в СССР. Советские власти оценивают американский доллар по курсу в 80—90 копеек, но реальная покупательная способность его значительно выше, и на черном рынке за доллар

платят 4–5 рублей. Проститутка высшего класса берет с иностранца за ночь 50 долларов и перепродает полученную валюту за 200 рублей. Если напомнить, что средняя месячная заработная плата советского гражданина не достигает и 150 рублей, а чаще колеблется от 100 до 130 рублей, то станет ясно, что проституция на высшем уровне в СССР дело весьма выгодное. Валютные „девушки за денежки” ведут свои дела настолько серьезно, что обзаводятся временными мужьями, которые ведают их финансами. Чаще всего это юноши-югославы, дети посольских работников и студенты из Югославии. Отношения между супругами, как правило, весьма дружественные и основаны на взаимной выгоде. Югославы обменивают заработанные проститутками доллары, а также вкладывают валюту в спекуляцию: покупают русские иконы, картины и, пользуясь своим положением западных граждан, выезжают на субботу в Германию и Англию, где продают свой антиквариат. Такие браки по согласию и расчету продолжаются 3–4 года и заканчиваются к общему удовольствию тогда, когда югославским мужьям приходит время покинуть пределы СССР.

Однако конечная цель девушки из ЦЕНТРА не муж югослав, а муж — западный бизнесмен или, на худой конец, профессор. Нужен европеец или американец, с которым можно выехать из Советского Союза и зажить счастливой западной жизнью. Таковы мечты. И за последние годы 30–40 „валютных” девушек уже добились исполнения своих желаний¹. Одни из них выехали из страны с советским паспортом, другие пока остаются дома, но пользуются преимуществами, которые дает положение жены иностранного подданного. Ценность такого брака состоит для проститутки в том, чтобы получить от мужа декларацию — документ на право пользоваться валютой. С такой бумагой она может продолжать свои финансовые операции с меньшим риском и большими возможностями. Те же, кто выехали из Москвы на Запад, также не оставляют бизнеса: они курсируют между СССР и

¹ Такой желанный для супружества иностранец среди проституток именуется „фирмач” или просто „фирма”.

Западом, производя обменные денежные операции и пытаясь извлечь возможно больше пользы из всеобщего и хронического советского дефицита.

Все дамы, и те, что успели оженить на себе иностранцев, и те, что делают соответствующие попытки, неразрывно связаны с КГБ. Чины госбезопасности хорошо осведомлены о сути финансовых операций каждой проститутки, но считают более выгодным для себя изображать неосведомленность. Механизм, с помощью которого государственная безопасность улавливает девичьи души, прост, если не сказать примитивен. Когда в валютном баре впервые появляется новое женское лицо, его немедленно берут на учет. После двух—трех появлений с иностранцами девушку арестовывают. Это делает милиция или чаще агент ГБ, одетый в милицейскую форму. Он отнимает у девушки доллары, грозит ей всевозможными карами, включая тюрьму и лагерь. Запугав свою жертву, агент говорит ей, что у нее есть только один шанс спастись. Впредь она должна передавать ГБ необходимую информацию о тех иностранцах, с которыми она будет встречаться. Кроме того, ее могут направить непосредственно к тому лицу, которым интересуются власти. (На языке ГБ это называется „подложить девочку“.) И вообще, она должна всегда быть под рукой у людей в мундирах и без мундиров и исполнять их приказы, не задавая лишних вопросов.

Во время такого разговора проститутке не только грозят — ей напоминают о чести, о том, что она все-таки советский человек и обязана помогать своей родине. Надо ли говорить, что девушки соглашаются на все. Они не смеют спросить о вознаграждении, да его и не полагается. Просто отныне чины ГБ будут делать вид, что не знают о долларах, которые получает за свой профессиональный труд „валютная“ проститутка. При всем том ГБ и милиция могут в любой миг лишиться свою добровольную осведомительницу иммунитета, отнять очередную выручку и даже арестовать ее. „Валютная“, таким образом, оказывается более бесправной, чем остальные ее подруги, зарабатывающие свой хлеб на вокзале или на улицах. „Валютная“ буквально ходит по лезвию ножа. Чтобы сохранить свои доходы и свое место в баре, она

доносит не только на иностранцев, но и на своих подруг, на фарцовщиков, картежников, мошенников, которые вместе с ней образуют ЦЕНТР. Таким образом, у ГБ и милиции всегда есть полная картина внутреннего валютного рынка и они могут как угодно манипулировать этим подвластным им миром.

Впрочем, сугубо финансовая сторона интересует не столько ГБ, сколько специальный Третий отдел Московского управления милиции, ведающий борьбой с незаконными валютными операциями. Секретное наименование этого отдела — „Интурист”. Его начальник, некто Халфин, даже кабинет свой перенес из Управления милиции (ул. Петровка, 38) в гостиницу „Интурист”, чтобы быть поближе к объекту своей работы. Борцы с незаконными валютными операциями сами большим почтением к закону не отличаются. Халфин и его помощник Орлов не гнушаются брать взятки с проституток и за это оставляют им возможность заниматься своим бизнесом. Интересно, что в пышущем антисемитизмом Советском Союзе милицейские должности, связанные с валютой и проституцией, тем не менее, занимают евреи. Евреями являются не только Халфин и Орлов, но и третье важное лицо этой иерархии, некто Володя, надзирающий за валютными делами в мотеле „Можайский”. Двое первых — действуют с полицейской грубостью. ЦЕНТР их боится и откупается. В мотеле „Можайский” принят другой стиль. Опекаемые Володей, проститутки и фарцовщики специально изучают еврейский религиозный календарь, чтобы преподнести Володе деньги в виде праздничного подарка. За это Володя, блудя заключенный с ними завет, предупреждает свою паству о каждом готовящемся налете или облаве. Особенно благоволит он к единоверцам.

Зачем власти назначают на столь выгодные, „жирные” должности евреев? Мне кажется, что причина кроется в том, что евреи в СССР — люди особенно зависимые. Благодаря этому начальству легче управлять ими, евреи легче идут на то, чтобы поделиться с вышестоящими своими доходами. А в случае нужды на еврея можно легко свалить всю ответственность. Ведь хорошо известно: во всех бедах России виноваты евреи.

Отношения милиции и ГБ с миром ЦЕНТРА и взаимоотношения „центровых” между собой еще ждут своего Шекспира. Здесь все боятся друг друга, предают друг друга и все пытаются сохранить при этом дружественные отношения, ибо зависят друг от друга. Офицер милиции, вчера еще на дежурстве вызывавший фарцовщика или проститутку к себе в кабинет и честивший их последними словами, сегодня, сняв мундир, может зайти в бар и галантно целовать проститутке руку, осведомиться у фарцовщика о его здоровье. В интимном, чаще всего пьяном разговоре такой офицер готов признаться, что сам боится, чтобы его не выдали товарищи по работе или даже проститутки и фарцовщики. „Ведь не пожалеют, посадят, — жалуется он тем, кого клеймит как преступников. — А у меня — семья...” И проститутки жалеют бедолагу милиционера, который в своем кабинете называет их не иначе, как „суки”. В ЦЕНТРЕ фарцовщик выдает картежника или мошенника и потом, опять-таки сквозь пьяные слезы, кается перед ним: „Пойми, старик, не мог я иначе; они мне яйца дверью прищемили...” И это иносказательное выражение, означающее полную безвыходность, примиряет предателя с преданным.

В тех случаях, когда ГБ или милиция считает, что какой-то „центровой” служит им недостаточно преданно и его следует „вывести из игры”, остальные проститутки и фарцовщики послушно исполняют роль свидетелей обвинения и топят того, с кем вчера лишь пили за одной стойкой. Так что при всей своей обеспеченности и даже (по советским стандартам) богатству человек ЦЕНТРА постоянно висит над пропастью. Такая ситуация изгоняет из „центровых” отношений всякий намек на нравственность. И гонители и гонимые принимают один закон: „Умри ты сегодня, а я — завтра”.

Впрочем, внешне люди ЦЕНТРА более склонны к смеху и шуткам, нежели к выявлению эмоции страха. Может быть, это зависит от охотничьего азарта, в котором они постоянно пребывают. Жизнь непредсказуема, шальные деньги мутят разум. И возникает извечное русское: „Эх, погибай моя телега... Все нипочем”. Человек, имевший связи с ЦЕНТРОМ в 70-е годы, рассказывает, что дипломаты, аккредитованные

в Москве, особенно из латиноамериканских и арабских стран, как-то очень быстро подхватывают эту интонацию, обрусевают и сами превращаются в „центровых”. Свое новое воспитание они получают главным образом от московских валютных проституток. По „центральной” философии деньги – это хорошо, но главное не деньги, а удовольствие, кампания, приятельство, та видимость единства, которую так ценят русские люди, часто и подолгу сидящие за пьяным столом.

Влияние русских проституток на иностранцев можно объяснить еще и тем, что среди них немало ярких личностей, прекрасных телом и опытных в делах секса. Иностранцев привлекает подчас и их происхождение и связи. Всеобщей симпатией в барах пользуется уже многие годы Шура Авдальянц, по свидетельству знавшего ее молодого человека „добрая баба”. Шура выплачивает немалые деньги милиции за свою безопасность и поэтому берет с иностранцев весьма солидные гонорары. Регулировать свои отношения с 3-м Управлением милиции, занятым ловлей валютчиков, ей помогает также то обстоятельство, что, несмотря на свою армянскую фамилию, Шура – еврейка. Другая красавица-еврейка носит грузинскую фамилию. Лидия Шенгелия знаменита тем, что ее, якобы, в багажнике дипломатического автомобиля возили на свидания к американскому послу. Впрочем, это уже из области слухов. Очень хороши собой по описанию такие известные в столице девушки, как Марта Хохлова, Танька Черная, Шу-шу, Танька Японка. Общей любимицей была долгое время также барышня по имени Изетта, но она умерла, накурившись какого-то снадобья. Ее гибель оттолкнула ЦЕНТР от наркотиков. Несколько проституток знамениты своими связями с сотрудниками ЦК КПСС. По команде „сверху” милиция немедленно прекращает любые гонения и притеснения против них. Очевидно, на иностранцев производит впечатление и тот факт, что ряд проституток считают себя подругами Гали Брежневой, дочери бывшего советского диктатора. Галина Леонидовна действительно известна была как любительница „погулять”. По натуре демократичная, она в застолье предпочитала общество цирковых

актеров, цыган, спортсменов и проституток партийным боссам из окружения своего отца. Нельзя не отметить в среде московских обольстительниц еще одну наследницу знаменитых родителей: 35-летняя проститутка Оля Маркова приходится родной дочерью первому секретарю Союза писателей СССР Георгию Маркову.

В скучной атмосфере советской столицы ЦЕНТР — несомненно, одно из самых ярких явлений общественной жизни. Неудивительно, что несколько моих собеседников, молодых людей, с глубокой симпатией вспоминают ночи, проведенные в обществе „центровых”. Один из москвичей, у которого мне удалось взять интервью в Америке, заявил, что советские проститутки более женственны и человечны, чем их коллеги на Западе. Если русской девушке из „валютных” вдруг понравится симпатичный французский парень, она может загулять с ним на несколько дней, даже не требуя с него денег. Более того, она еще и поможет своему возлюбленному обменять его деньги не по курсу, а на черном рынке в 3—4 раза дороже. „Советская проститутка, — продолжает мой собеседник, — в своих профессиональных отношениях более эмоциональна, чем западная. Она может провести в баре вечер, даже если у нее нет клиента. Она дорожит возможностью поболтать „со своими”, узнать новости, выяснить курс доллара на черном рынке”. Молодой москвич считает девушек из ЦЕНТРА нагурами эстетичными и даже в какой-то степени художественными. „В то время как уличные проститутки и колл-герлс охотно занимаются высокооплачиваемым оральным сексом, „валютные” относятся к этого рода услугам с безразличием¹. Более того, они не желают, чтобы

¹ В силу традиций в советском обществе бытует предубеждение против орального секса. Готовые на такие услуги проститутки носят в народе презрительное наименование „вафельницы” или „вафля с кремом”. Тем не менее, оральные секс процветает, в частности, им охотно занимаются (за повышенную цену) проститутки, работающие в такси. В Москве известны также сорокалетняя мать и ее 20-летняя дочь, которые обслуживают любителей карточной игры. Картежники (это чаще всего деятели искусств, крупные чиновники, спекулянты) тайно собираются играть в частных квартирах. Игра идет на крупные

их называли проститутками, и сами себя зовут п у т а н ы, что звучит красиво, хотя по-итальянски означает то же самое. „Гулять с ними весело и интересно, — продолжает молодой москвич. — Один кабак, второй, потом едем к ней домой. И вот что примечательно, прежде чем раздеться и лечь с тобой в постель, н а ш а может сказать: „Знаешь, я тебе тарелку борща кляю. Надо же накормить мужика перед работой...”

Но оставим в стороне сомнительную сферу эмоционально-ностальгических оценок и разберем, каким образом и для каких конкретно целей КГБ использует проституток. Самый факт, что валютные барышни связаны с Комитетом государственной безопасности, — есть тщательно охраняемая тайна. Но для советских граждан, знающих механизмы социальной жизни своего отечества, эти связи всего лишь секрет Полишинеля. Вот два примера.

Гостиница „Астория” в Ленинграде известна как место, где поселяют иностранцев. Однако никто из советских людей не может заранее знать, когда и какие именно граждане каких стран приедут и поселятся в „Астории”. Расписание приездов и отъездов иностранных гостей — тоже тайна, тайна организации „Интурист”, контролируемой КГБ. Но вот однажды вечером ленинградская журналистка оказалась в женской комнате ресторана „Астория”. И ей удалось услышать диалог, который вели две миловидные девушки: „Ну зачем мы тут сидим! — капризно говорила одна. — Только время зря теряем! В е д ь ш в е д ы п р и е д у т т о ь к о з а в т р а!” „Не нервничай, — успокаивала другая. — Мне сказали, что с е г о д н я ж д у т н е м ц е в, каких-то бизнесменов. Подождем...” Кто мог сказать этим хорошеньким девушкам, явно не относящимся к штату гостиницы, о том, что шведы приедут завтра, а сегодня прибывают немцы? По-

суммы. В то время как на столе громоздятся пачки купюр, под столом идет другая игра. Время от времени кто-то из гостей подает знак, что у него наступил оргазм, и это известие остальные картежники встречают жестами понимания и одобрения. Тот, кто в этот вечер получил удовольствие первым, платит за ужин.

пробовал бы посторонний советский человек задать администратору гостиницы такой вопрос! Его бы немедленно препроводили в заднюю комнату, где мужчина в гражданском взял бы у него паспорт и в весьма решительной манере стал бы требовать объяснений: „Зачем вам нужна немецкая делегация? Кого вы знаете из немцев? Как вы познакомились? Где работаете? Какое отношение имеете к этой гостинице?“ И т. д. и т. п. А в заключение грозно: „Проверим... Разберемся с вами...“ Так разговаривают с посторонними. Но девушки, осведомленные о том, что „шведы приедут завтра“, были явно не посторонними. Для ГБ они свои. И как свои имеют соответствующую информацию.

А вот другой город, другая республика, Одесса, Украина. Преподавательница иностранных языков на курсах для взрослых встречает у себя в классе двух только что поступивших барышень. Странные какие-то студентки... На курсы приходят, как правило, люди серьезные, а эти две напомнили ей тех девочек, что шатаются по главной улице города в поисках клиентов. Учительница поделилась своими соображениями с руководителем курсов и узнала, что этих двоих прислали учиться из КГБ. В классе ученицы старательностью не отличались, но месяц спустя преподавательница получила возможность наблюдать результаты своих трудов. Она вспоминает: „Дело было под вечер. Я шла по Приморскому бульвару, когда меня обогнали два матроса с английского корабля. Минуту спустя позади застучали каблучки – две мои студенточки догоняли иностранцев... Я услышала, как они договаривались о встрече: „Взн?.. Тумороу?“ Потом они что-то спросили „эбаут стокингс“. Очевидно, они уже получали от моряков чулки и подарок им понравился. Девы применили также выученные ими на нашем последнем уроке слова „твелв“ и „нун“. Учительница, живущая ныне в Нью-Йорке, рассказывает об этом эпизоде с улыбкой: „Забавно было узнать, что благодаря ГБ знание английского у моих учениц не остается втуне“.

Половое обслуживание иностранцев в СССР – одна из важных задач ГБ. Точно так же, как в своих валютных магазинах и ресторанах иностранные граждане получают дефи-

цитные, недоступные советским гражданам продукты питания, так точно им полагаются свободно конвертируемые, хо-рошенькие и, конечно, строго проверенные девочки. Я не знаю, есть ли в Москве, в главном штабе КГБ на площади Дзержинского Отдел Проституток, но роль этого рода женщин в работе ГБ огромна. По существу, это – целая индустрия. В портах надо обеспечить девочками иностранных моряков; в Москве необходимо снабдить живым товаром польских работников. В Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Баку и других республиканских городах надо позаботиться о работниках консульств. Нельзя забывать также о половых нуждах приезжающих бизнесменов, научных работников, журналистов, туристов, студентов, особенно черных. И ни в коем случае нельзя пускать эту область монопольного государственного снабжения на самотек, а не то иностранцы спутаются с частницами, с какими-нибудь диссидентствующими барышнями, начнется нежелательная утечка информации, ввоз в СССР вредной литературы. Допустить этого КГБ не может ни в коем случае.

Если же подбросить иностранцу подходящую для него девушку из проверенных, то можно, наоборот, получить большую пользу: она пораспросит его о том, какие он привез с собой книжки и журналы, имеет ли знакомых среди советских граждан и как, вообще, относится к родине социализма. Конечно, возня с девочками дело хлопотное: их надо вербовать, направлять к нужным иностранцам, строго следить, чтобы девочки не забывали по форме, точно и в срок отчитываться. Потом все их доклады надо суммировать, анализировать, на каждого шведа, полинезийца, араба, жителя Тасмании и Мальдивских островов писать характеристики, чтобы знать потом – впускать этого шведа и араба в Советский Союз второй раз или не впускать. Так что забот у ГБ много, но без таких забот в „самом демократическом государстве мира” никак не обойтись... И без проституток – тоже.

Конечно, можно подкладывать иностранцам собственных Комитета государственной безопасности агентов женского пола, но это дорогое удовольствие: агентшам приходится

жалованье платить. И немалое. А проститутки — дешевки, только прикрикни — задаром работают. Правда, в некоторых случаях ГБ предпочитает все-таки пускать в ход агентш. Особенно, когда дело идет о дипломатах и бизнесменах. Так примерно в 1969 году запущена была в наиболее солидные представительства западных фирм в Москве группа девушек, известная среди „центровых” по кличке „пять Тань” или „зондеркоманда”. Эти пять блондинок, чьи подлинные имена никто не знает, получили в школе ГБ хорошую языковую подготовку. Они говорят на нескольких языках, хороши собой, отлично одеты, приятны в обращении и потому незаменимы для представительств американских и европейских промышленных фирм. Не возить же переводчиц в Москву из Вашингтона... Тани добросовестно работают в конторах представительств, спят со своими боссами и успешно, между коктейлями и сексом, выманивают у них технические секреты. Говорят, что зондеркоманда эта в том же составе работает в Москве по сей день...

Ради своих разведывательных целей чины КГБ постоянно нарушают законы страны. Но действия эти проходят для них безнаказанно. Генералы с площади Дзержинского в Москве (главный штаб КГБ) всегда могут объяснить генералам со Старой площади (ЦК КПСС), что действуют они в целях высшей государственной целесообразности. Лишь очень редко между партийным аппаратом и ГБ пробегает черная кошка. Одно из таких столкновений произошло как раз по поводу того, что ГБ слишком откровенно пользуется проститутками в гостиницах. В 1976 году Московский городской комитет народного контроля проводил проверку так называемых р е ж и м н ы х гостиниц столицы. Речь шла о гостиницах, предназначенных для иностранцев, где всю административную власть имеет ГБ. По существу, партийные органы сделали попытку проверить госбезопасность. Проверочная комиссия составила отчет, в котором на 200 страницах было показано, что режимные гостиницы „Россия” и „Украина” — гнезда взяточничества, воровства, проституции. Среди прочего проверочная комиссия отметила, что в гостинице для иностранцев по 3—4 месяца живут советские

гражданки. Они кочуют из одного номера в другой, переходя от одного иностранца к другому. Эти переходы регулирует администрация гостиницы, которая, как уже говорилось выше, целиком принадлежит Комитету госбезопасности. Из обширного двухсотстраничного документа в 1978 году было выделено Постановление Московского городского комитета народного контроля на 8 страницах, предназначенное для городской Московской парторганизации. В Постановлении снова говорилось о незаконных манипуляциях ГБ с проститутками. Сотрудники городского комитета партии воспользовались этим документом, чтобы ядовито заметить чинам ГБ, что те работают слишком грубо, что с девочками следовало бы вести себя поосторожнее. Даже иностранцы из стран социалистического лагеря жалуются на их наглое приставание в гостиницах. Но, как и можно было ожидать, ни расследование, ни обмен колкостями между городским комитетом партии и ГБ ничего не изменили в жизни режимных гостиниц.

Право ГБ как угодно нарушать законы (и даже распоряжения партийных органов) отразилось и в другой акции с проститутками. В том самом 1957 году, когда в связи со Всемирным Фестивалем молодежи партийные власти столицы приказали милиции изгнать из города всех подозрительных молодых женщин, КГБ организовал новый дом терпимости. Предприятие это, рассчитанное в основном на иностранцев, существовало еще в 1978 году и, по всей вероятности, продолжает свою деятельность поныне. Хозяйка квартиры тридцатилетняя красавица Элла Ласкала открыла свое „дело” по указанию ГБ весной 1957 года. Она использовала для этого свою просторную квартиру в тихом районе неподалеку от центра Москвы (Сверчков переулок, 25). Штат „дома” состоял примерно из 15 девочек в возрасте от 17 до 18 лет. (За эти годы штат несколько раз обновлялся и пополнялся самыми изысканными красавицами Москвы.) Дом Ласкалы работает по принципу колл-герлс. По вечерам в квартире начинаются телефонные звонки: звонят из посольств и представительств советских национальных республик, из гостиниц, где останавливаются высокопоставленные

командировочные Все требуют девочек, все готовы платить хорошие деньги за хороший товар. Хозяйка договаривается о времени и цене, а затем открывает громадные платяные шкафы и начинает готовить своих барышень в соответствии со вкусами заказчиков. Те, что едут в посольства восточных стран, обряжаются в шелковые шаровары и сари, западные клиенты получают девушек в европейской упаковке. В прошлые годы в особенно ответственных случаях г-жа Ласкала выезжала на вызовы сама. Хотя она находилась уже в критическом для „барышни” возрасте, но природное изящество и профессиональность делали ее желанной у высокой публики. Клиенты ее ценят и сейчас за хорошую организацию и ответственность. Если г-жа Ласкала что-то обещала вам, — исполнит обязательно. Девочки ее по существующей традиции где-то служат или числятся, но главный доход получают здесь, в „доме”. Такса все годы держится ниже цен, которые требуют девушки из ЦЕНТРА. Не исключено, что разницу доплачивает касса КГБ.

Те, кто лично знают Эллочку Ласкалу и ее дом, утверждают, что ее предприятие продержалось так долго только потому, что ГБ оставалась заинтересованной в его сохранении. Конечно, хозяйка платила и местной милиции, но то уже была ее добрая воля. Дом, куда ежевечерне звонят из посольств, — всегда под наблюдением ГБ. О связях с ГБ свидетельствуют и некоторые факты из биографии хозяйки „дома”. В 1964 году, чтобы еще более привязать ее к себе, органы госбезопасности арестовали мужа Эллы. Его посадили на большой срок за крупные хищения (знаменитое „дело текстильщиков”). Примерно в то же время возле нее появился ее любовник, молодой сутенер, откровенный агент ГБ, некто Евгений Ермишанцев. Позднее Элле Ласкале удалось, как она утверждает, з а д е н ь г и выкупить из лагеря своего мужа. За деньги такие вещи в СССР не делаются. Скорее всего, мужа ей отдали в награду за „хорошее поведение”. ГБ, когда нужно, умеет награждать своих людей. А награждать, очевидно, было за что: девочки г-жи Ласкалы принесли органам безопасности за два десятка лет огромное количество весьма полезной информации...

Итак, в те же самые годы (1959–1960), когда секретарь Московского комитета партии Екатерина Фурцева выслушивала в своем кабинете слезливые исповеди схваченных милицией вокзальных девчонок, в доме Ласкалы звучали (и, очевидно, звучат до сих пор) примерно такие диалоги: „Я просил бы прислать мне Веру”. – „Вера сейчас занята. Но если она нужна вам не на весь вечер, я могла бы вам помочь”. – „Я задержу ее минут на 15” (речь шла об оральном сексе для приехавшего в Москву по делам высокопоставленного советского чиновника). – „Хорошо, Вера сейчас выедет к вам”. И тут же подавалась команда: „Вера, одевайся. Машина у подъезда. Гостиница „Москва”, номер такой-то. И не задерживайся больше, чем на четверть часа. У тебя есть на сегодня другое задание”.

Надзор за посольскими и консульскими работниками – первостатейная обязанность ГБ. И в этом важнейшем деле госбезопасности не обойтись без специально подобранных девочек. Чаще всего в ход идут „добровольцы”. Так в конце 50-х годов была предпринята акция по обработке с помощью девочек тогдашнего первого секретаря Цейлонского посольства г-на Потиратне. Фарцовщики и проститутки прокрадывались в посольство как бы тайно, хотя организовывало эти „тайные” визиты ГБ. В те годы жена г-на Потиратне родила ребенка, была нездорова и какое-то время не могла исполнять супружеских обязанностей. Находящийся на службе у ГБ фарцовщик Ростислав Рыбкин немедленно воспользовался этим обстоятельством и привел к счастливому отцу двух проституток. Дипломат повел русских девочек в спальню жены, чтобы познакомить ее с теми, кто будет заменять ее на время болезни. Не знаю, была ли счастлива г-жа Потиратне, но ГБ была вполне удовлетворена операцией.

В дальнейшем госбезопасность, однако, заменила в посольстве Цейлона проституток профессиональной агентшей, некой Женей (Юджинией). Первый секретарь посольства так и остался в неведении, отчего одна дева из его спальни исчезла, а вторая появилась.

Чего же, однако, хотели агенты советской тайной полиции от представителя маленькой островной республики? Вот

лишь один эпизод, который сам господит Потиратне рассказывал своим русским друзьям. „Юджиния привела ко мне своего школьного друга, молодого приятного русского. Мы очень мило провели вечер втроем. Через несколько дней русский пригласил меня позавтракать с ним. Завтрак также прошел в приятной атмосфере. Между прочим, он почему-то интересовался личными характеристиками членов нашего парламента. Большинство парламентариев я знаю лично, со многими учился в школе. Я даже написал для этого молодого человека несколько страниц об их привычках и вкусах. Он как будто интересуется психологией людей власти”. Так ГБ получила немаловажные данные о личных качествах парламентариев Цейлона, материал, который впоследствии служил советскому послу в Коломбо и помогал в их борьбе местным коммунистам.

В Ленинграде уже в конце 70-х годов валютная проститутка жила по заданию ГБ с вице-консулом Японии Такеси. Вице-консул брал девушку с собой на отдых в Сочи и даже собирался развестись со своей законной женой. В Москве в конце 70-х и начале 80-х годов одному из моих собеседников, эмигранту из СССР, случалось встречать двух 17-летних проституток, так же связанных с ГБ. Девушки пришли к своей подруге прямо из посольства одной африканской страны, тесно связанной с СССР социалистическими симпатиями. Речь этих ладных красивых девушек была насыщена матерной бранью. Они с цинизмом говорили о своих черных клиентах, хвастались выпрошенными подарками и со смехом вспоминали малопрстойные эпизоды постельного характера. Девушки, по их словам, начали жить с дипломатами с 15 лет и таким образом имели уже двухлетний опыт контактов с ГБ. Одна из них позднее вышла за мавра, студента из Университета Дружбы имени Патриса Лумумбы. Но ехать в Мавританию не собиралась: „Возможно, когда он кончит университет, мы разойдемся”¹.

¹ По рассказам девиц, если черному дипломату из стран просоветского блока в постели не хватало мужской силы, он совершенно серьезно командовал своему члену: „Именем революции, приказываю встать!”

В Баку (Азербайджанская ССР) в те же годы местная ГБ подослала русскую проститутку Татьяну в консульство Ирана. Прежде Татьяна была стюардессой на международных линиях, а затем поступила в консульство в качестве горничной. Красавица с длинными ногами и высокой грудью вскружила голову немолодому чиновнику консульства, который стал неделями пропадать у нее на квартире. Чиновник был доволен русской и даже рассказывал соседям по квартире, что она обслуживает его лучше, чем скандинавские девушки (которых, очевидно, следует считать чем-то вроде эталона в мире проституток). Татьяна, в свою очередь, показывала соседям дорогие подарки, полученные от любовника. Прервалась эта кагебешная идиллия неожиданным образом. Жена чиновника подняла скандал, и иранские власти отозвали ее мужа из СССР. Татьяна тут же лишилась службы в консульстве и таким образом стала ненужной ГБ. Беда, однако, состояла в том, что девушка не поняла, что она — лишь марионетка в руках чиновников госбезопасности. Она стала добиваться выезда в Иран. Публично говорила, что найдет своего любимого, где бы он ни был... В тех случаях, когда проститутки, сотрудничающие с ГБ, выходят из-под контроля или, как говорят в СССР, начинают „ставить личные интересы выше общественных”, ГБ принимает против них самые жесткие меры. Так было с некоторыми московскими барышнями, которых близость с западными дипломатами лишала подчас представления о реальном бесправии советского человека. Так было и с той девушкой из Ленинграда, что жила с японским вице-консулом. То же случилось и с женщиной из Баку. В один далеко не прекрасный день к дому, где жила любовница иранского консульского чиновника, подъехала карета скорой помощи. Санитары схватили девушку, скрутили ей руки и увезли в сумасшедший дом. „Лечение” большими дозами аминазина лишило Татьяну воли и способности к сопротивлению. Она вернулась домой (1981 год) полной развалиной и больше не смела вспоминать ни о выезде в Иран, ни о похождениях в иранском консульстве.

Однако госбезопасность далеко не всегда так непреклонна и жестока. Если проститутка покладиста и согласна

исполнять все, что ей поручают, ГБ, в свою очередь, готова помочь ей осуществить ее мечту — выйти замуж за иностранца и даже выехать за пределы СССР. В Советском Союзе за последние годы возник даже целый клан — профессиональные „жены иностранцев”. Некоторые такие „жены” были в разных странах замужем 3—4 раза. Такие супружества — государственная оплата проститутке за ее политические услуги. ГБ нужны их „мужья”, нужны для разных целей. В одних случаях используется общественное положение „мужа”-иностранца. Так некоторые „розовые” американские профессора, женившись на русских женщинах, стали почти „красными”. Ведь их женам хочется ездить на родину, встречаться с родными. Но разрешение на такой визит домой дается только тем, чьи мужья ведут себя по отношению к советской системе достаточно корректно или даже заискивающе. В других случаях, опять-таки действуя через русских „жен”, ГБ заставляет иностранца тратить свои деньги на нужды советской пропаганды.

В Неаполе (Италия) живет сейчас москвичка, под 30 лет, которая уже была в прошлом женой поляка и западного немца. В Москве ее хорошо знают, как валютную проститутку высшего разряда. Нет, она не шпионка. Шпионаж — дело серьезное и его поручают более подготовленным людям. Дама из Неаполя — одна из тех, кто помогает ГБ завязывать нужные связи на Западе. Ее муж Франк — богатый бездельник, который под влиянием русской жены бросает деньги на затеи местных „левых”. Не забывает он в своих милостях и интересы советской пропаганды. Один из моих знакомых, знавший эту проститутку в Москве, навестил ее недавно в ее шикарном неапольском доме. На вечеринке, куда он был приглашен, собралось удивительно разномастное общество: был там начальник неаполитанской тюрьмы, много итальянских левых интеллигентов и даже террористка, которая в свое время поднимала бунты в Парижском университете и воевала вместе с Че Геварой в Южной Америке. Русская проститутка чувствовала себя в этом обществе вполне комфортно. Это ее бизнес. Именно за такие вечеринки ГБ одарила ее „сладкой жизнью” в Италии.

„Что же эта дама — хороша собой?” — спросил я участника вечеринки в Неаполе. — „О, да, настоящая русская красавица”. — „Умна, воспитанна?” — „Ни то, ни другое. Глупая, малообразованная девка. Главным образом таких ГБ и посылает на Запад. Зато она делает все, что ей велят, и не распускает”. — „Каковы же ее планы?” — „Она сама не знает, что с ней будет завтра. Ее судьба целиком в руках ГБ. Правда, она подумывает о том, чтобы выйти замуж за американца-бизнесмена”. — „Это реально?” — „А почему бы нет? В Нью-Йорке и Чикаго обожают экзотику, а ГБ будет рада иметь еще одного своего резидента в США...” По мнению моего собеседника — социолога, работавшего в системе ЦК Комсомола, ГБ, которая в СССР годами мешала сотням пар соединиться в реальном браке, одновременно планирует какое-то количество браков своих проституток с „полезными” иностранцами. Эти „плановые браки” заключаются порой даже за счет советских граждан. Вот одна из таких недавних историй.

Москвичке Галине Павленко было 33 года, когда она внезапно бросила своего мужа 35-летнего ученого-биолога Владимира Павленко. Это произошло в 1978 году. Они с мужем уже прожили около семи лет. Их дочери Маше исполнилось 5 лет. Сын известного профессора и сам в будущем профессор, Владимир известен в Москве как человек спокойный и уравновешенный. Он гордился своей красавицей женой, любил ее, любил ребенка. Для него развод был полной неожиданностью. Правда, Галя была тщеславна и эгоистична, но Владимир сглаживал конфликты и друзьям семья казалась прочной. Тем не менее, летом 1978 года переводчица Галина Павленко, окончившая в свое время институт иностранных языков имени Мориса Тореза, бросила мужа и дочь и вышла замуж за гражданина Западной Германии. Вопреки существующим в СССР правилам и традициям расторжение одного брака и регистрация второго были произведены властями стремительно. И так же стремительно молодая женщина, получив „красный” паспорт, выехала с новым мужем-иностранцем в Германию.

„Я думаю, что ГБ завербовала ее еще тогда, когда она бы-

ла студенткой, — говорит по этому поводу весьма удрученный Владимир Павленко. — Я никогда не знал о ее службе „у них”, хотя теперь, задним числом, вижу, что она и прежде исполняла для ГБ задания такого же рода. Очевидно, „им” срочно понадобилось взять под контроль этого немца, а в результате мы с Машей остались одни...”

Заграничные поездки — не единственный род заданий, в которых ГБ использует проституток. Девочкам из валютных баров поручают подчас работу и дома. Солдат Николай Кутьин, сибиряк из-под Перьми, 1940 года рождения, служил в начале 60-х годов в так называемом Звездном городке — поселке неподалеку от Москвы, где готовили первых космонавтов. Кутьина взяли в городок за его поистине титаническое здоровье. На этом крестьянском парне испытывали работу центрифуг и сурдокамер, на которые вслед за ним направляли тренироваться будущих космонавтов. В городке в это время находилось 30 будущих покорителей космоса и около 30 человек obsługi. Жизнь там проходила крайне замкнуто и засекреченно. На время тренировки к космонавтам не допускали ни близких, ни друзей. Правда, по воскресеньям их, опять-таки втайне, возили в московские театры. Было еще одно развлечение, которого космонавты ожидали с особенным нетерпением: два раза в месяц, строго по расписанию, в городок приходил автобус с девушками. Космонавтам, как и римским гладиаторам, проститутки полагались по медицинским показаниям, для сохранения физиологической уравновешенности. Зная косность советской системы и склонность советских чиновников к сохранению тайн, можно легко предположить, что подготовка новых отрядов космонавтов в закрытых городках мало отличается сегодня от их подготовки в годы, когда там служил солдат Николай Кутьин. Проститутки входят в комплекс тренинга наравне с сурдокамерами и центрифугами...

Среди многочисленных хлопот госбезопасности надо назвать также заботу ГБ о сексуальной жизни иностранцев, не являющихся дипломатами. Это всякого рода перебежчики с Запада, которых власти желали бы оградить от неконтролируемых связей с советскими людьми. И здесь снова

проститутки – первые помощницы славных чекистов. К примеру, надо окружить „своими людьми” Билла Мартина. Билл – американский военный шифровальщик, сбежавший в СССР в 1960 году. Он уже продал советским властям все, что мог продать, и теперь живет, ничего не делая, в Москве с паспортом, в котором значится, что он – латыш. Сложность, которую приходится преодолевать КГБ с этим новым латышом, состоит в том, что Мартин – мазохист. Ему нужна не просто девка, а целая команда девочек, которые бы его мучали. Только истязания доставляют бывшему шифровальщику сексуальное удовлетворение. Для того, чтобы Билл не заводил себе истязательниц на стороне, и, не дай Бог, не обсуждал с ними подробностей своего предательства, ГБ направляет к нему бригаду проституток, которые, по желанию Мартина, заковывают его в цепи, бьют хлыстами и доставляют другие удовольствия в том же роде. Правда, платить за это Мартину приходится самому. Но его бюджет, равный примерно бюджету советского доктора наук – он получает 500 рублей в месяц – позволяет ему такие развлечения.

...Привычка манипулировать женскими телами „ради государственной надобности” выработала у сотрудников советской тайной полиции полное равнодушие к личному миру сотрудниц-проституток. Частично это связано с древней традицией страны, где всегда с небрежением относились к женщине, как к личности. („Баба – кувшин, – гласит русская пословица, – ударишь, не разобьешь”. „Курица – не птица, баба не человек”, – гласит другой народный афоризм.) Но старая традиция дополняется и современными отношениями, типичными для тоталитарного режима. Находящаяся в рабской зависимости от ГБ, проститутка позволяет чиновнику как угодно эксплуатировать себя. Чины ГБ знают, что под страхом ареста и лагеря девушка из валютного бара согласится на любой заказанный ей сексуальный эксперимент, и пользуются ее страхом вполне цинично. Правда, в отличие от милиционеров, офицеры ГБ не принуждают проституток к сожительству и не отнимают у них их заработки. Зато когда речь идет о „государственном задании”, не может

быть никаких женских „не могу” или „не хочу”. Известны даже случаи, когда офицеры ГБ устраивали на хорошо оплачиваемую „оперативную” работу с иностранцами своих жен. Но бывают ситуации и более драматические.

В 1982 году в журнале „Круг”, который издается в Израиле на русском языке, Георг Мордель, сам недавний эмигрант из СССР, рассказал о встрече в Париже с девушкой-москвичкой Клавдией. В конце 70-х годов она заканчивала факультет иностранных языков в Педагогическом институте. Была искренней комсомолкой и отличницей. Однажды ее вызвали в секретный (первый) отдел института и попросили в качестве переводчицы сопровождать группу французских ученых. Возможно, это поручение было дано из-за того, что отец Клавдии – пенсионер, много лет проработал в органах КГБ. После встречи с французами от нее потребовали отчет: кто из ученых что сказал, кто как выразил свое отношение к Москве, к СССР, к советской науке и политике. Во время следующей беседы с девушкой чиновник секретного отдела, офицер ГБ, намекнул ей, что от нее ждут развития дальнейших отношений с профессором НН. „Каких отношений?” – не поняла Клавдия. Разговор велся в деликатных тонах, и офицер избегал слишком четких формулировок. Но так как Клавдия его не понимала, он вынужден был ей сказать: „Мы хотим, чтобы вы закрутили с французом роман! Неужели не ясно? Интимные отношения – вот что нам необходимо!” Поняв, чего от нее добиваются, Клавдия убежала из начального кабинета. Дома она пожаловалась отцу на домогательства ГБ: Отец не одобрил ее: „Если родина говорит „надо”, значит надо”. – „Но ведь они хотят сделать из меня проститутку...” – „Ну и что? – невозмутимо парировал старый кагебешник. – На войне в борьбе с врагом наши бойцы кровь проливали...” После этого разговора Клавдия ушла из дома и прервала всякие отношения с отцом. Познакомилась с еврейскими кругами и с их помощью эмигрировала из СССР.

Существует ли в СССР какое-нибудь н е о ф и ц и а л ь н о е мнение о проститутках? Что думает об этой профессии н а р о д? Мне такое единое мнение выявить не удалось. Из-

вестно, что в российских низах само слово „проститутка” служит ругательством. Еще более оскорбительно звучит слово б л я д ь. Вместе с тем, большинство моих собеседников склонялись к сочувственной точке зрения. Наиболее полно выразила эту сострадающую интонацию пожилая актриса из Ленинграда: „В бедных семьях, где девочки живут в нищете и не могут себе купить самого насущного, где они не имеют не только отдельной комнаты, но, вообще, какого бы то ни было места в квартире, они, подрастая, стремятся уйти из семьи куда глаза глядят, и часто уходят в проститутки. Они не виноваты в своей нищете: материальной и духовной”.

На происхождение проституток из нищих, неблагополучных семей сочувственно указывали многие из интервьюируемых. „У девочки не было никакой возможности выбиться из убожества”, — говорит художник из Москвы об одной знакомой ему очень молоденькой проститутке, у которой отца не было, а мать-уборщица не могла заработать даже на хлеб. „Провинциальных студенток в проститутки гонит, прежде всего, бедность”, — с огорчением подтверждает бывший преподаватель Донецкого Педагогического института (Украина). Социолог с острова Сахалин с сочувствием рассказывает о тех девочках, которые у своих пьяниц-родителей „хлеба досыта не ели”, зато могли наблюдать дома самые дикие сцены. Так одна восьмилетняя жительница Сахалина в поисках заработка убирала дом пожилого человека, и он принуждал ее жить с ним. Мать ее была проституткой. Возвращаясь домой, девочка несколько раз палкой сгоняла голых мужиков со своей родной матери. „Кем этот ребенок еще может стать, как не проституткой?” — спрашивает социолог.

Переводчик и лингвист из Москвы углубляет тему. Он говорит: „В сегодняшней России люди дешевы. Им мало платит государство, их за людей не считает любой самый маленький чиновник или милиционер. У них нет сознания ценности своей личности. Проституция в СССР — один из аспектов дешевизны человека”.

Кроме того, лингвист считает, что женщине в СССР, если она не получила высшего образования, очень трудно сделать

карьеру. „В то время как на Западе миллионы девушек идут в секретари, стенографистки, в продавщицы, в рекламу, в Советском Союзе таким девушкам негде заработать, кроме как в заводском цехе или на тяжелых дорожных работах. Проституция — один из немногих путей, на котором наша юная соотечественница еще может надеяться на какие-то деньги. Заводские работницы, мелкие служащие едут на охоту за этими деньгами после службы, вечером. У многих из них есть мужья. Но мужчины эти зарабатывают мало. А женщинам надо кормить детей...”

Есть среди моих собеседников, однако, и решительные ненавистники проституток. Главный врач тюрьмы-больницы для проституток в Казани настроена по отношению к ним крайне негативно. „Они продают себя, чтобы не работать, чтобы валяться, бездельничать. Я ничего не знаю о бедных девушках, которые впали в грех из-за бедности. Это просто развратницы”. Такая точка зрения распространена обычно в провинции и говорит не столько о безгрешности судящего, сколько о его желании соответствовать позиции советских властей. Тем не менее, я обнаружил эти взгляды в статье, опубликованной несколько лет назад в издающемся на Западе активно антикоммунистическом русском журнале „Посев”. Автор Габриэль Вольнов утверждает: „Проституция в условиях современной России — это не добыча хлеба насущного, а нравственное заболевание”. Как я уже писал выше, именно на этой позиции и стоит советская милиция, утверждающая, что никаких проституток в Советском Союзе нет, а есть отдельные безнравственные женщины, которые „ведут паразитический образ жизни”.

Что же касается проституток высшего разряда, за хорошие деньги обслуживающих крупных чиновников и иностранцев, то мои собеседники не столько их порицают, сколько им завидуют. „Их жизнь вовсе не жизнь несчастных девочек, как описывали Достоевский и Толстой, — объясняет молодой человек, в проплом причастный к жизни московского ЦЕНТРА. — Их не за что жалеть. Скорее проститутка из валютного бара с сочувствием может отнестись к работе, который за гроши вкалывает (сленг: тяжело работает)

у себя на заводе. Официант в ресторане всегда предпочтет посадить за столик проститутку, нежели рабочего. Она чувствует себя социально прочно в своем круге общества. У нее нередко есть высокопоставленные покровители...”

В столь разнородных ответах видится и разница в общественном положении моих собеседников, и различие в их нравственном опыте. Отражается в ответах и исконная русская жизненная позиция: бедных, убогих на Руси принято жалеть, богатым, процветающим – завидовать. Но, как бы то ни было, никто из нескольких сот ответивших на анкеты и давших мне интервью не подтвердил советский пропагандистский тезис о том, что „в стране победившего социализма проституция не может иметь места”. После непрерывного полувекового повторения этих слов на страницах Большой советской энциклопедии граждане советского государства точно знают – это неправда.

ГЛАВА 12. НАШИ И НЕ НАШИ

Муся Семенова едва ли считала себя личностью исторической. Рассказывают, что в 1946 году она была красивой 20-летней девушкой из бедной простой семьи и жила в Москве на Волоколамском шоссе. Как и все девушки в этом возрасте, мечтала Муся о любви и замужестве. Общественные, а тем более политические проблемы ее занимали меньше всего. И тем не менее, с именем Муси Семеновичевой связано в Советском Союзе событие историческое. В связи с ее судьбой принят был в СССР закон, каких в Европе не бывало, очевидно, с самых древних времен. В 1946 году Муся познакомилась с советником (или военным атташе) посольства Колумбии в Советском Союзе. История не сохранила его имени, но известно, что молодой человек носил морскую форму, которая была ему очень к лицу. Возможно, что форма и принадлежность колумбийца к дипломатическому корпусу и вызвали в сердце Муси те чувства, которые привели в конце концов ее к браку с иностранцем. Молодые люди были расписаны московским ЗАГСом. В 1946 году в этом не было ничего особенного: Мировая война только что закончи-

лась, а „холодная война” только что начиналась. Когда колумбиец пожелал повезти юную жену на родину, чтобы показать ее своим родителям, чины государственной безопасности не стали чинить слишком больших препятствий и дали молодым возможность выехать из страны. Но как только Муся Х., бывшая Семенова, покинула Москву, что-то недреманное око забеспокоилось. Внимание высших властей было привлечено к этому нестандартному факту. Наверху нахмурились, выразили неудовольствие. И как будто 27 февраля 1947 года (за точность даты не ручаюсь) советское законодательство обогатилось Указом, по которому браки советских граждан с иностранцами впредь категорически запрещались.

Многие трактовали этот Указ Сталина как жест раздражения на какие-то там политические шаги Запада. На самом деле ничего исключительного в Указе 1947 года не было. Сталинская политика, направленная на отделение советских граждан от Запада, определилась еще в начале 30-х годов. Во время Второй мировой войны политика эта никаких изменений не претерпела. Правда, в 1941—45 годах в СССР находилось много специалистов из союзных стран; случалось, что американцы и англичане даже заводили романы с советскими гражданками, но чаще всего барышень этих им подсовывали чины тайной полиции. Если же романы оказывались „незапланированными”, то каждый шаг любовников оказывался под пристальным вниманием все той же тайной полиции. Послевоенные разногласия Сталина с Западом немедленно бросили тень на эти любовные союзы.

Близость с иностранцами, начиная с конца 1946 года, госбезопасность начала трактовать как „преступление”, как „измену родине”. Чаще всего преступников и преступниц судили не в суде. Их судьбу заглазно решало некое особое совещание при Министре внутренних дел — ОСО. Судьи не видели осуждаемого, осуждаемый не имел ни малейшего представления о своих судьях. Просто в один далеко не прекрасный день его (или ее) хватили и... Журналист и писатель Анатолий Кузнецов, бежавший из Советского Союза в начале 70-х годов, приводит признания одной из таких жертв

ОСО. Его героиня рассказывает: „Сразу после войны браки с иностранцами были разрешены. Ну, мы были школьницами, бегали на открытые вечера в американское посольство, там шикарные фильмы крутили, с Гретой Гарбо, Чаплиным; я влюбилась в одного из шоферов посольства, он меня катал... Тогда это было можно, после войны американцы – союзники, такие, куда уж там, друзья. Он мне говорил, что он сын богатых родителей, захотел увидеть жизнь в СССР, скорее всего врал, мальчишка совсем, но долларов у него было и правда без счета. И поженились. Молоденькие, такая любовь, такая любовь. У него кончился срок контракта, мы решили ехать к его родителям где-то в Калифорнии. Я была на седьмом небе. Тут пришли меня и забрали. Нас набили целый поезд, таких же жен иностранцев. Изменилась политика в один день, как это у нас всегда. Я была беременна. Родила в Мурманской тюрьме, уже на Севере. Девочку на третий день отобрали. Конечно, наши мужья-иностранцы протестовали. Мы на что-то надеялись. Я потом узнала, что шум некоторый в мире был. Их всех повысылали из Союза, они устраивали демонстрации в Вашингтоне перед советским посольством. А потом мало-помалу все затихло. Я вышла в пятьдесят седьмом развалиной, реабилитированная...”¹

Этот монолог из художественного рассказа по фактам абсолютно достоверен. Кроме разве утверждения героини, что в 1947-м политика по отношению к иностранцам и их женам изменилась в СССР „в один день”. Поворот этот, как я уже говорил, начался значительно раньше. Героиня рассказа Анатолия Кузнецова, неглупая и по-своему благородная московская проститутка, была когда-то вполне нормальной женщиной, искренне любящей своего американца-мужа. Но попадали в лагеря дамы и другого типа. Те, что заводили романы с иностранцами в надежде получить от своих поклонников деньги и подарки. В нищей Советской России заграничные платья, обувь, косметика представлялись Бог весть какой роскошью. Ради этих недосыгаемых ценностей некото-

¹ Анатолий Кузнецов. „Леди Гамильтон” (рассказ). Журнал „22” № 11, март 1980. Тель-Авив, Израиль.

рые женщины готовы были на все. Были даже такие, что учили своих детей подходить на улице к иностранцам и произносить по-английски: „Дядя, иди спать с моей мамой”.

Однако большая часть имеющихся в моем распоряжении материалов говорит о женщинах, которые глубоко и серьезно любили своих мужей. Браки с иностранцами довольно часто возникали, в частности, в небольшом городке Молотовске неподалеку от Архангельска. Город этот на Белом море начали строить еще до войны — как поселок при кораблестроительном заводе. Возводили Молотовск заключенные, но жило там много и вольнонаемных. В специальных коттеджах обитали большие начальники и представители американских фирм — инженеры. В Молотовск приходили американские корабли. Молодые люди — русские и американцы — знакомились в Клубе моряков, и поначалу (в 1942—43 годах) знакомства эти происходили с благословения властей. Красивые рослые американские моряки и кораблестроители нравились русским девушкам — заводским секретаршам, чертежницам, техникам. Время от времени местный ЗАГС регистрировал эти „неравные браки”. Однако в конце концов все такие союзы были разрушены вопреки воле супругов. В конце войны иностранцев стали высылать из страны, а их русских жен арестовывать. По решению ОСО арестованным женщинам и даже их родителям давали 8—10 лет лагерей. Обжалованию такие заочные приговоры не подлежали. Заключенных женщин увозили в один из самых тяжелых лагерей, расположенных на островах Новая Земля. Место это гиблое: зимой морозы до -40° по Цельсию со страшными ветрами. Половину островов занимают ледники. Более 200 жительниц Молотовска, обвиненных в „сожительстве с иностранцами”, попали после войны на эти страшные острова.

Пока читаешь о страданиях десятков и сотен жертв сталинского „антисексуального террора”, личные переживания каждой жертвы как бы скрываются от тебя. Туман массового бедствия застилает контуры отдельной судьбы. Но недавно из этого гула голосов выделился один. Поселившаяся в Соединенных Штатах бывшая советская гражданка Виктория Федорова написала о судьбе своей матери, хорошо из-

вестной в СССР киноактрисы Зои Федоровой¹. Возникли детали и подробности, которые пострадавшие от гонений запуганные бывшие жены иностранцев обычно скрывают даже от самых близких.

Зоя Федорова и офицер военно-морских сил США капитан Джексон Тейт познакомились в феврале 1945 года в Москве. Это произошло на одном из тех приемов, которые в честь побед советского оружия довольно часто давал в те дни министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. Сорокашестилетний Джексон Тейт лишь за месяц перед тем попал в Россию. Его направили в столицу Советского Союза для переговоров о совместных действиях советских и американских сил на Дальнем Востоке. Жизнь в Москве содержала мало интересного. Переговоры с советскими чиновниками шли вяло, а вечерами Тейту и вовсе становилось тоскливо. Он жил вместе с двумя другими американцами в квартире, где роль кухарки и домашней работницы довольно бездарно исполняла сотрудница КГБ. Готовила она из рук вон плохо, зато постоянно воровала у своих „хозяев” продукты и рылась в их вещах. Эта единственная знакомая Тейту русская не слишком располагала его к знакомству с московскими дамами. На приеме у Молотова, в толпе, где никто не говорил по-английски, тоска окончательно доконала Джексона. Он попытался выпить, но и водка не рассеивала чувства одиночества и уныния. И вдруг появилась она...

Объяснить, чем была Зоя для миллионов предвоенных советских кинозрителей, очень трудно. Надо иметь в виду, что в течение почти десяти лет перед войной Сталин допускал на экраны только историко-революционные, героические и откровенно апологетические фильмы, воспевающие мудрость партии, гражданскую войну и доблестный труд на благо социализма. Героини этих фильмов, страстные партийки и беззаветные комсомолки, произносили стандартные пропагандные тексты, оставляя у зрителя уверенность, что детей действительно находят в капусте. Юная Зоя Федорова, актриса

¹ Victoria Fyodorova and Haskel Frankel. „The Admiral’s Daughter” ADELL BOOK.

с кристально чистой биографией (русская, дочь рабочего, родственников за границей нет...) также играла в этих примитивных фильмах. Но в ее исполнении образы „правильных“ комсомолок почему-то становились милыми, женственными, почти живыми. Истосковавший по живому слову и чувству зритель с благодарностью принял появление этой девушки в фильмах „Подруги“ и „Великий гражданин“. А когда перед самой войной Сталин разрешил своим подданным ставить и смотреть фильмы комедийные и сентиментальные, Зоя Федорова с ее милым ясным взглядом, вздернутым носиком и золотыми локонами оказалась любимцей российской публики. Сами по себе фильмы, в которых она начала сниматься („Гармонь“, „Музыкальная история“), больших артистических возможностей ей не давали. Но она пленяла нас свежестью, миловидной внешностью, а главное тем, что наконец-то оказалось, что на свете есть не только баррикады и новостройки, но и такая „мелочь“, как любовь. (Нет, нет, не секс, об этом при Сталине ни сценаристы, ни режиссеры даже и помыслить не могли!) Зоя стала этаким советской Диной Дурбин или Дженет Геймер, милой и безмятежной, чье появление на экране вызывало радостные улыбки и симпатию людей всей возрастов и положений, от заводского рабочего до члена правительства. В личной жизни Зоя была так же скромна и мила, как на экране. Правда, ее первый брак с кинооператором оказался неудачным, а второй — трагичным: ее муж, летчик, Герой Советского Союза, погиб от боевых ранений. Но даже за кулисами кино, где так любят перемывать чужие косточки, никогда не ставилась под сомнение ее женская репутация. В 1945-м ей исполнилось 33 года. Она любила старика-отца и двух своих незначительных, но искренне ей преданных сестер.

Джексон Тейт, рослый, мужественного вида офицер с дружелюбной улыбкой и манерами джентльмена, ей понравился. На приеме они сидели некоторое время рядом, потом походили среди гостей, побеседовали. Впрочем, о чем они могли разговаривать, если Джексон не знал ни одного слова по-русски, а зоиногo английского едва хватало для простейших фраз! Но как это ни странно, они довольно много

узнали друг о друге в первый же вечер. То пользуясь жеста-ми, то простейшими английскими словами, выяснили, что она не замужем, а он разведен; что она — киноактриса. Тейт даже успел понять, что живется Зое и ее семье не так-то легко: он подсмотрел, как она тайком взяла со стола, положила в салфетку и спрятала в сумку несколько кусочков ветчины. По его просьбе Зоя дала ему номер своего телефона.

Начались встречи, совместные прогулки. Оба обзавелись словарями. Их разговоры стали серьезнее. Зоя знала, кожей чувствовала, что новое знакомство опасно. Да и сестры ее об этом предупреждали. Но она хотела верить в свою неуязвимость. Ведь она — Зоя Федорова, любимая актриса народа, постоянная участница концертов в Кремле. Но все-таки она попросила Тейта при встречах с ней не надевать военный мундир, а в людных местах не разговаривать по-английски. Он недоумевал. Почему? Ведь Америка и СССР — союзники. Но русская актриса лучше знала свою родину. Нет, она не сомневалась в гении Сталина или в величии идей коммунизма. Но ее отец-рабочий уже имел кое-какие неприятности при новом рабоче-крестьянском режиме, а ей, Зое, случалось как-то столкнуться с главой тайной полиции Лаврентием Берия в частной обстановке...

В ресторанах они старались садиться за столик на двоих, но это редко удавалось. К ним всегда кого-то подсаживали. На улице Зоя появлялась чаще всего с сестрой, а Джексон держался в стороне. „Брось его”, — говорили близкие. Но Зоя уже не хотела, не могла этого сделать, она полюбила. Он был очень сердечным и внимательным поклонником, этот американец: беспрекословно слушался ее советов, приносил из своего привилегированного холодильника вкусную еду. Он предлагал ей жениться. Полгода они смогут жить в Москве, полгода — в Америке. Говорил, что сможет помочь ей пробиться в Голливуде: у него там есть друзья. Зоя посмеивалась. Все это было слишком хорошо, чтобы превратиться в реальность. Даже их настоящее казалось ей призрачным, где уж там думать о будущем...

Они стали любовниками. Джексон оставался в ее квартире на всю ночь. Девятого мая 1945 года они без конца броди-

ли по взбудораженной Москве, счастливые, как все были счастливы в тот исторический день. Джексон в первый раз надел свою военную форму. Вечером, когда они вернулись в ее квартиру, Зоя сказала: „Сегодня я забеременею”. — „Назовем сына Виктором, — откликнулся Джексон, — ведь сегодня День победы...” В январе 1946 года у Зои родилась девочка. Как просил отец, ее назвали Викторией.

Но капитан Тейт не увидел своей дочери. Две недели спустя после Дня победы Федорова получила командировку на гастроли. Предстояла двухнедельная поездка по военным госпиталям. Она и прежде не раз выезжала для встреч с ранеными бойцами. В госпиталях ее встречали с восторгом. Но на этот раз ей очень не хотелось ехать, не хотелось расставаться с любимым. Последнюю ночь Джексон провел у нее. Ему пришлось подняться и уйти очень рано, потому что машина за Зоей должна была прийти в 7 утра. Капитан Тейт был огорчен этим расставанием. Зоя утешала его: в конце концов речь идет только о двух неделях...

Однако в тот же день капитану Тейту сообщили, что советское правительство считает его персоной нон грата и требует, чтобы он немедленно покинул СССР. Ни чиновники американского посольства, ни сам Тейт ничего не понимали. За что? Почему? Расстроенный Джексон сел писать письмо Зое. Он еще успел отнести его к ней домой и опустить в квартирный почтовый ящик, не подозревая, что за ним следят, и ящик будет немедленно взломан. Он продолжал писать ей из разных стран еще два года. Но тщетно...

Уже на гастролях Зоя заметила, что коллеги как будто избегают, сторонятся ее. А когда вернулась в Москву, ясно увидела, что за ней учреждена слежка. Ребенок родился в январе 1946-го, а одиннадцать месяцев спустя в декабре 1947 Федорову арестовали. Допросы шли во внутренней тюрьме на печально знаменитой площади Дзержинского. Она отлично знала, за что ее схватили, но следователь ничего не говорил о ее сожительстве с американцем. После года следствия лирическая актриса Зоя Федорова была обвинена в шпионаже, а также в попытке убить товарища Сталина. Единственной „уликой” был немецкий трофейный пистолет, лишен-

ный каких бы то ни было внутренних деталей. Пустую пистолетную оболочку преподнес ей на память об одном из ее выступлений в госпитале раненный советский офицер. С помощью такого оружия убить можно было разве что муху. И тем не менее, „шпионка” Федорова получила 25 лет тюрьмы. В камере она сделала попытку покончить с собой, но тюремщики вытащили ее из петли и жестоко избили. Сестра Зои Мария получила 10 лет лагерей, а вторую сестру Александру вместе с маленькой Викторией выслали из Москвы в далекий Казахстан. Зоя отбывала свой срок в одной из самых страшных тюрем Советского Союза, в тюрьме города Владимира.

В то самое время, когда Зою арестовали, осенью 1947 года, Джексон Тейт получил из Москвы письмо, в котором его извещали, что г-жа Федорова здорова и счастлива, что она вышла замуж и у нее родилось двое детей. От имени г-жи Федоровой мистера Тейта просили больше не писать ей. Офицеры советской тайной полиции были настолько уверены в своей безнаказанности, что приписали Зое рождение двух детей за... 16 месяцев!

Зоя Федорова не погибла, как погибли многие осужденные в СССР жены иностранцев. Она пережила своих разлучников Сталина и Берию и вышла на свободу семь лет спустя, в 1954-м. Тейта она никогда больше не увидела. Но ее дочь Виктория сумела прорвать железный занавес. С помощью американских друзей девушка разыскала своего отца и выехала в Америку. Она обняла адмирала Тейта во Флориде весной 1975 года, ровно через 30 лет после первого знакомства своих родителей...¹

Впрочем, что нового можно сказать об эпохе Сталина...

Шестидесятые-семидесятые годы, однако, принесли кое-какие перемены в отношении „наших” с „не нашими”. Хрущев отменил сталинский закон, запрещающий браки с ино-

¹ Зоя Федорова была застрелена в своей московской квартире 11 декабря 1981 года. Есть все основания полагать, что убийство было организовано КГБ в ответ на требование актрисы разрешить ей выезд на постоянное жительство в Соединенные Штаты Америки.

странцами. Советский Союз подписал несколько международных конвенций, по которым правительство обязалось помогать заключению браков советских граждан с иностранцами. В частности, если срок между подачей документов и регистрацией для советских граждан — три месяца, то для иностранцев (в соответствии с конвенцией) срок этот должен был быть сокращен. Подписание таких международных документов как будто свидетельствовало о том, что в СССР стали более гуманно относиться к чувствам двоих. На практике ничего подобного не произошло. Для советской администрации желание мужчины и женщины, родившихся по разные стороны государственной границы, создать семью не имеет решительно никакого значения. КГБ рассматривает каждый случай брака советского гражданина с иностранкой в свете „государственных интересов”. Это означает, что чиновникам госбезопасности даны полномочия препятствовать заключению браков, которые не кажутся им „полезными для политических целей СССР” и, наоборот, поощрять браки „нужные”. В главе о советских проститутках мы уже говорили о том, как планируются и осуществляются „полезные” браки девушек определенной профессии с западными бизнесменами и профессорами. Что же касается людей, связанных любовью, то наличие подлинного чувства скорее мешает заключению брака, нежели помогает. Чиновницы ЗАГС, ОВИР и других стоящих на пути пары барьерных учреждений испытывают личную неприязнь к искренне любящим. Это и понятно: любой брак советской женщины с иностранцем, открывающий ей дорогу в свободный мир, рассматривается в СССР как крупная личная удача. А если Он и Она женятся еще и по любви... Чужая удача вызывает в России прежде всего зависть и ненависть. Там, где законы традиционно бездействуют, отлично работает опять-таки традиционная зависть.

Вот одна из бесчисленных историй такого рода. Летом 1977 года симпатизирующий Советскому Союзу шведский ученый-лингвист, сорокалетний Нильс, приехал на семинар по русскому языку в эстонский город Тарту. Ему понравилась 23-летняя студентка-медичка Мария В. и он решил за-

держаться в СССР, чтобы побыть с девушкой подольше. Такая возможность была ему предоставлена: Нильс получил должность вожатого в пионерском лагере, который открыт в Эстонии для детей шведских коммунистов и эстонских эмигрантов. Следующий год Нильс провел в Москве, изучая русский язык в одном из институтов. Его отношения с Марией В. становились все более серьезными. Она постоянно ездила к нему из Эстонии в Москву. Через полгода после знакомства швед сделал девушке-эстонке предложение, которое она приняла.

Молодые люди отправились по адресу: улица Грибоедова, дом 10, где находится е д и н с т в е н н ы й в столице ЗАГС, принимающий заявления от иностранцев. Встретили их, мягко говоря, прохладно. Впрочем, список документов, которые перечислила чиновница, показался им сперва не столь уж большим. В частности, Нильс обязан был представить бумагу о том, что он не женат. Он позвонил матери в Стокгольм, и через неделю судебный документ о том, что Нильс разведен, был уже в Москве. Но в ЗАГСе бумагу не приняли: потребовали документ, из которого было бы видно, по ч е м у швед оказался в разводе. На Западе вопросы такого рода считаются делом сугубо интимным, и шведский суд отказался выдать свидетельство. Но молодым людям помог шведский консул в Москве. По его просьбе суд в Стокгольме соответствующий документ все-таки прислал.

Шведские бумаги традиционно действительны три месяца. Заведующая ЗАГСом посмотрела на дату документа и сказала, что в течение ближайших трех месяцев ее учреждение слишком занято, чтобы заниматься бумагами Нильса и Марии и сможет рассмотреть заявление только через три месяца и десять дней. Между тем срок советской визы Нильса истекал. Первого июня 1978 года он должен был покинуть СССР. Мария несколько раз ходила к чиновникам ЗАГСа, умоляя их рассмотреть заявление до роковой даты. Разговаривали с ней грубо, с явной антипатией. Чувствовалось, что этим женщинам за письменными столами приятна роль судьбы, нравится держать людей в нервном напряжении.

И снова вмешательство доброго гения — шведского консула — спасло их. По его просьбе из Стокгольма прислали документы с продленным сроком действия. ЗАГС ответил встречным выпадом: там „потеряли” бумаги Нильса и Марии. Май был уже на исходе, через несколько дней швед должен был покинуть страну. Пара снова бросилась в консульство. Консул вынужден был попросить свидания с представителем Министерства иностранных дел СССР, чтобы заявить протест по поводу недоброжелательного отношения к шведскому гражданину. Документы, естественно, тут же нашлись. Силы молодой пары были уже на исходе, когда заведующая ЗАГСом назначила регистрацию на 23 мая.

„Совершенно ясно, что КГБ специально придумывает все эти препятствия, чтобы не выпускать советских граждан за пределы страны, — говорит Маша В., которая недавно закончила в Стокгольме медицинский факультет. — Я уверена, что у КГБ есть к в о т а на выезд новобрачных; всех остальных, не входящих в квоту, надо любыми средствами задержать”.

За те восемь месяцев, что Нильс и Мария вели борьбу за свое счастье, они познакомились со многими такими же парами. Мужчины чаще всего были иностранцами, женщины — русскими. Издевались над ними в ЗАГСе весьма изобретательно. Одним объявляли, что у них не хватает в бумагах какого-то штампа, другие должны были документально доказать, что они не гомосексуалисты или не сумасшедшие. Малейшая попытка молодых людей защитить себя рассматривалась кагебешниками как вызов. „Это напоминало бег на длинную дистанцию, — говорит Мария. — Мы выдержали, но многие западные граждане сошли с „беговой дорожки”. У одних окончилась виза и они уехали из страны, другие пары просто не выдержали бюрократической мороки, устали, поссорились”. Канадский литератор Жан-Пьер буквально поседел, пока хлопотал о заключении брака с русской женщиной. КГБ сломил его сопротивление хитростью. У его невесты был ребенок от первого брака, с которым она собиралась выезжать из СССР в Канаду. Кагебешники выпускать ребенка не хотели. Уже был назначен день регистрации. Женщина

забрала мальчика из школы, оставила службу, выписалась из квартиры. Но сотрудники КГБ стали убеждать Жан-Пьера, что его избранница – проститутка. Он поверил им, был шокирован и за считанные дни до регистрации уехал в Канаду. Она с сыном осталась без квартиры, без работы, без надежды... „Он приехал другом СССР, – говорит Мария, – а уехал яростно ненавидя советскую систему. То же самое происходило со многими иностранцами, пытавшимися заключить брак в СССР”.

Свой с Нильсом случай Мария В. считает счастливым. Но двум этим „счастливым” пришлось испытать немалую чашу унижений и разочарований и после регистрации брака. Они задумали совершить свадебное путешествие в Ереван, но власти запретили мужу и жене лететь в одном самолете: Нильс обязан был заказать билет в Интуристе, а она – в кассе Аэрофлота для рядовых граждан. Так же решительно власти отказали ему в продлении визы хотя бы на один день. А Марии пришлось еще полгода хлопотать, прежде чем ее выпустили к мужу.

В этой мистерии, цель которой ни за что не выпустить на свободу принадлежащую государству человеческую душу, принимает участие множество сил: кроме ЗАГСа и ОВИРа, ловлей душ заняты парторганизации тех учреждений, где работают „непослушные” советские женщины. В Тарту (Эстония) в университете Мария до последней минуты боялась сообщить о своем предстоящем замужестве. Она хорошо знала: случись в парткоме узнать об этом, ее непременно провалят на выпускном экзамене или, что страшнее, зашлют при распределении в какую-нибудь глухую сибирскую деревню. Ей пришлось также несколько раз „терять” комсомольский билет, чтобы как-то получить справку о выходе из комсомола.

В те же примерно месяцы, когда в Эстонии познакомились и сблизились Нильс и Мария, я мог наблюдать в Москве переживания другой пары. Тридцатилетний парижский адвокат Даниэль Г., приехав в Москву, познакомился с сотрудницей научно-исследовательского института 23-летней Татьяной. Они решили пожениться. Таня была подружкой моей до-

чери, я знал все подробности ее борьбы за свой брак. У русско-французской пары все повторилось точно так же, как у русско-шведской. „Единственно, что у меня не потребовали тогда, в московском ЗАГСе, – сказал Даниэль, – это справки о прививке оспы”. Просто так приехать на свадьбу Даниэль и его 62-летняя мать не имели права. Им пришлось покупать туристскую путевку, которая обязывала их посетить несколько городов СССР. Как юрист, Даниэль уважает законы, но его поразило, что все установления, с которыми он столкнулся в Москве, носили исключительно запретительный и ограничительный характер. Одно распоряжение он, однако, нарушил: провел брачную ночь в квартире своей жены, что в Советском Союзе строго-настрого запрещено. Надо полагать, что ночь эта показалась молодым людям довольно короткой потому, что в 8 утра на следующий день Даниэль и его мать должны были уже выехать со своей группой по туристскому маршруту в Ленинград...

Секретарь партийной организации института, где работала Таня, пожилая дама, пригласила новобрачную в свой кабинет. Состоялся примечательный разговор. „Никак не ожидала, Танечка, что Вы, комсомолка, выйдете замуж за француза...” – „Вы полагаете, что мне лучше было бы выйти замуж за якута или казаха?” – „Нет, это Ваше дело, но теперь Вам придется покинуть комсомольскую организацию. Вы должны оставить надежду на вступление в партию”. – „О, партийная карьера никогда не пленяла меня...” – „Вы знаете, что во Франции никто не предоставит Вам работу по специальности. Вам предстоит (подумайте об этом!) стать придатком Вашего мужа”. – „Ах, – с мечтательной улыбкой ответила молодая супруга, – если бы Вы знали, какой он милый, мой Даниэль. Быть его п р и д а т к о м – тоже удовольствие...”¹

В разные годы до мировой общественности доходили вести о том, какую жестокую борьбу вели за свою „загранич-

¹ Как свидетель событий, я вынужден огорчить секретаря партийной организации бывшего таниного НИИ: Таня Г. живет в Париже очень даже неплохо. Она родила второго ребенка. Муж ее открыл собственную адвокатскую контору.

ную” любовь даже такие международно известные люди, как шахматист-гроссмейстер Борис Спасский, пианист Владимир Ашкенази. Известный знаток русской культуры, американский профессор Такер семь лет ожидал, пока КГБ выпустит из СССР его русскую жену. В 60-е годы широкую известность приобрела история московской учительницы Громовой, которая полюбила сотрудника итальянского посольства в Москве, по слухам графа. Узнав о романе с графом, катехизаторы стали требовать от Громовой, чтобы она помогла им проникнуть в посольские тайны. Женщина не пошла на предательство любимого. Ее выгнали с работы, но не позволяли нигде устроиться, а затем за тунейдство сослали в Восточную Сибирь. Только случайность помогла этой паре соединиться. На какую-то итальянскую выставку приехал Хрущев, и сотрудник посольства, граф, упросил главу советского государства освободить подругу. Как известно, в странах, где бездействуют законы, спасти гражданина может лишь милость государя. Никита (который, кстати, ввел закон о преследовании тунейдцев) благосклонно отнесся к судьбе пары; учительницу возвратили из ссылки, и она уехала в Италию.

Я опять-таки перечисляю „счастливые” случаи. Но в тени знаменитостей или тех, кому помог случай, остаются тысячи разбитых судеб, жизней. Правда, за связь с иностранцем сегодня арестовывают реже, чем при Сталине. Но зачем арестовывать, когда можно призвать „провинившегося” в армию и тем пресечь всякие его попытки выехать в страну, где живет его жена. А можно и проще сделать: при попытке подать заявления, выслать „жениха” в город, куда иностранцы не имеют доступа. И не выпускать его оттуда, пока „невеста” не покинет СССР. И так делают. А можно запугать родителей, и те примут свои родительские меры против сына или дочери, пожелавших сочетаться нежелательным для властей браком.

В 1980 году в Воронеже местный партийный босс узнал, что его дочь, которая училась тогда в Москве, забеременела от студента из Колумбии и молодые решили узаконить свои отношения. Папа из обкома партии испугался за свою карье-

ру и помчался в Москву. Он набросился на дочь только что не с кулаками: „Не потерплю инородца в семье!” Вместе с директрисой музыкальной школы, где училась девушка, папа-босс заставил дочь сделать аборт. „В противном случае, — заявила директриса, — мы исключим ее из нашей школы”. Чтобы пресечь попытку дочери выйти замуж за иностранца, папа из обкома лишил ее всякой материальной поддержки. И тем не менее, русско-колумбийская пара не распалась. Молодые люди зарегистрировали свой брак и даже родили второго ребенка. Но существовать этой „нежелательной” семье негде и не на что. Колумбиец живет в общежитии, он хочет закончить медицинский институт и вернуться домой врачом. Жена его с ребенком ютится у бабушки в Воронеже, в городе, куда ему как иностранцу въезда нет. Впереди еще несколько лет учения. А что потом — Бог весть. Никто не может гарантировать, что ему разрешат увезти с собой жену и ребенка. Не знаю, как в области медицины, но по части политики парень получил в СССР хорошее образование. Приехал 23-летний колумбиец в Москву рьяным коммунистом, но после нескольких лет „на родине социализма” люто возненавидел советский строй.

Отстаивая свою любовь от беззакония и произвола, молодые люди пускаются подчас на весьма рискованные действия. Русская женщина Ирина, жена американского профессора Маклелана, добиваясь права выехать к мужу, приковала себя цепями к решетке американского посольства в Москве. Не менее решительно вела себя американская студентка, полюбившая в Москве русского парня. Она долго переписывалась и перезванивалась со своим любимым и, наконец, решила лететь в СССР, чтобы подать заявление в ЗАГС. Документы приняли, но американку немедленно выпроводили из страны. Через три месяца, когда она собралась лететь в Москву на регистрацию брака, советское консульство в Нью-Йорке отказало ей в визе. Американка, однако, проявила твердость, не продала самолетный билет и заявила представителям печати, что она полетит в СССР, чего бы ей это ни стоило. Ее настойчивость заставила чиновников консульства уступить. Виза была ей поставлена за два часа до вылета самолета.

Другая американка обошла КГБ хитростью. Когда после подачи бумаг в ЗАГС ее изгнали из СССР, она поселилась в Европе. На исходе третьего месяца, когда приблизился срок регистрации, она переехала в Финляндию. Вместе с финскими туристами, которые массами навещают Советский Союз, она приплыла на пароходе из Хельсинки в Ленинград, в тот же день села на поезд Ленинград — Москва и к великому удивлению и неудовольствию кагебешников вместе со своим женихом оказалась в ЗАГСе точно в назначенный час. Единственно, что смогли сделать чины ГБ, чтобы отомстить ей, это взыскать с нее штраф в 500 рублей (сумма для СССР гигантская) за нарушение паспортного режима. Зато решительная новобрачная увезла-таки в Америку своего с трудом доставшегося ей русского мужа.

Приходится признать, однако, что в последние годы все чаще не любовь, а совсем иные побуждения толкают подданных Кремля искать связей с иностранцами. Для людей, не имеющих возможности по своей воле покидать страну даже на короткое время, такой брак становится единственным средством вырваться из советской клетки. Искать пару среди „не наших” советскую молодежь толкает также нищета и серость российской жизни, ограниченность возможностей, бесперспективность. К иностранцам в СССР ныне льнут все: политические оппозиционеры и фарцовщики, люди верующие и женщины, жаждущие денег и более высокого качества секса. Цели, естественно, у всех этих групп разные, но все видят в иностранце, прибывшем „оттуда”, человека иных возможностей, которому под силу то, что невозможно для русских. Отсюда — преклонение, иногда искреннее, порой фальшивое. Так или иначе, для огромного числа советских граждан за граница становится мечтой, иностранец — магнитом¹. Возник даже слой молодых и не слишком молодых

¹ Об особом успехе иностранцев у нынешних советских женщин свидетельствует следующий иронический анекдот. Американец в Москве просит найти ему хорошую женщину. Ему советуют пойти в ресторан, там за 25 рублей он найдет то, что надо. „Нет, я хочу иметь по-настоящему хорошую женщину, у меня есть чем заплатить”, — на-

мужчин и женщин, которые брак (по их выражению) с „фирмачем” делают целью своей жизни. Они атакуют студенческие общежития иностранцев, толкуются возле гостиниц, где останавливаются приезжие из-за рубежа. Я знаю несколько удачных случаев такого бегства на свободу через ЗАГС. В начале 80-х годов из Ленинграда в Лондон перебрался таким образом Виктор Б., преподаватель театрального института. Актер Анатолий Ш. точно так же добрался до Парижа. Среди ленинградских девушек существует даже четко разработанная система выезда на Запад посредством брака. Девушки ищут знакомства с финнами, которые большими группами приезжают в Ленинград по воскресеньям, спасаясь от принятого в их стране „сухого закона”. Такое знакомство можно продолжать в течение длительного времени, поскольку финны могут приезжать в СССР без лишних формальностей. Отношения с финном закрепляются в ЗАГСе легче, чем с другими иностранцами. Дева уезжает в Финляндию. Но это лишь первый этап ее „движения на Запад”. Следующий шаг состоит в том, чтобы бросить финна и перебраться в Швецию. Там бывшие финские жены просят и автоматически получают „политическое убежище” и заодно все радости шведского социального обеспечения. В Швеции сейчас живет целая колония таких беглянок.

В провинциальных городах в качестве „средства передвижения” девушки используют также студентов из стран Африки и Азии. Лет пять назад в СССР даже появилась по этому поводу забавная, хотя и вполне аморальная песенка: „Найду себе я принца черномазого, ах только б, чтобы он меня не съел”. Кстати, сказать, бракам советских девушек с гражданами Африки и Азии КГБ не только не препятствует, но даже способствует. Считается, что такие союзы в политическом отношении режиму полезны. Абориген, получивший

стает иностранец. „Ну тогда отправляйтесь в театр, постарайтесь проникнуть за кулисы и за 100 рублей с вами пойдет любая самая миленькая актриса”. Американец упорствует: „Нет, я хочу самую лучшую женщину. Я могу заплатить не сто, а триста рублей...” „Ах, триста! — восклицают русские знакомые, — тогда стучитесь в любую дверь”.

в Советском Союзе не только бесплатное высшее образование, но и жену, должен, по логике госбезопасности, стать верным хранителем и распространителем советской идеологии. Таких „своих людей” КГБ стремится насаждать как можно шире по всему земному шару и особенно в странах третьего мира. Я знаю несколько таких браков, заключенных с полного согласия госбезопасности в Москве, Ленинграде, Одессе. Черный студент из Намибии так долго пользовался расположением проститутки Аллочки в Одессе, что в 1977 году женился на ней и увез ее на черный материк. Русские родители девочки, не осведомленные о сиюминутных нуждах государственной политики СССР, прокляли дочь, но кагебешники, насколько я знаю, были вполне довольны делом своих рук.

Еще строже государственная безопасность СССР охраняет своих граждан от сексуальных контактов во время зарубежных поездок. Есть строгие правила, по которым одинокие женщины вообще не могут быть выпущены за границу в научную командировку. Холостяков выпускают также крайне неохотно. Факт холостячества сам по себе может помешать ученому попасть на международный конгресс или конференцию¹. Выезжающие за границу на долгий срок советские граждане подписывают документ, в котором они среди прочего обещают не давать воли своим половым стремлениям.

Впрочем, советские власти, как правило, посылают ученых, инженеров и врачей на конференции и другого рода встречи группами, под присмотром агента КГБ. Такой надзиратель должен следить, чтобы все члены группы всегда ночевали в том же помещении, где живут остальные. Каждая отлучка члена группы строго контролируется, каждая встреча с иностранцем — тоже. По поводу этого контроля чаще всего говорят о советской шпиономании, но можно с такой же уверенностью говорить о сексомании. Среди установлений, регулирующих поведение советских граждан за рубе-

¹ Выше уже говорилось об антипатии властей к разведенным, которых также выпускают за рубеж крайне неохотно.

жом, есть одно особенно забавное: посылаемые за границу без семей мужчины могут там находиться не больше 99 дней. После этого срока они обязательно должны быть возвращены в лоно семьи. Госбезопасность, очевидно, считает сотый день рубежом критическим, после этого срока от оголодавшего в половом отношении гражданина можно ожидать любых нежелательных эксцессов.

Но при всей разработанности и детальности антисексуальных правил и строгости надзора, „наши” то и дело нарушают правила и оказываются в постели вместе с „не нашими”, Обычно такого рода факты рассматриваются чинами госбезопасности, как ЧП – чрезвычайное происшествие. Даже в том случае, если „наш” вступил в половой контакт с дамой из страны социалистического лагеря.

Молодой кандидат наук, биохимик Евгений М. из Пушкино – научного городка под Москвой, оказался в 1980 году в научной командировке в ГДР. В институте, куда его командировали, познакомился он с восточной немкой. Молодые люди нашли общество друг друга приятным, в результате чего, после отъезда Евгения в СССР, немка родила. На брак она, вероятно, не рассчитывала и решила воспитывать дитя самостоятельно. Между тем Евгений, очевидно, принял их связь всерьез. Он добился второй командировки в тот же институт и, едва добравшись до города, помчался к знакомой немке. Она приняла его холодно и даже не показала ребенка. Русский стал настаивать. Немка, получившая, надо полагать, вполне советское воспитание, обратилась в парторганизацию его института с жалобой. Одним словом, когда молодой биохимик вернулся в Россию, его ожидали серьезные неприятности. За нарушение антисексуальных заповедей госбезопасности он был снят с работы, изгнан из института и навсегда лишен права в любом качестве ездить за границу. Чтобы прокормить себя, кандидату наук Евгению М. пришлось довольно долго работать то ли сторожем, то ли грузчиком...

Страх перед кознями амура так велик, что одновременно со строгим надзором КГБ посылает в советские посольства и представительства за рубежом своих сотрудниц для сексу-

ального обслуживания неженатых дипломатов. По официальной должности барышни эти являются переводчицами или секретаршами, но власти ценят их половые услуги значительно выше, чем служебное рвение. В случае большой нужды и по договоренности (чтобы только не было скандала) барышни эти обслуживают и женатых сотрудников. Идея власть предержащих в данном случае, очевидно, формулируется так: „Спите как угодно, где угодно, но только с о с в о и м и”. Советские дипломаты знают: стоит им сделать шаг в сторону и завести зазнобу за воротами посольства или консульства, как их немедленно вывезут в СССР и строжайше накажут. Однако даже страх потерять столь выгодную работу подчас не останавливает „наших” от соблазна соединиться с иностранцами.

Местом, где уже несколько раз происходили „чрезвычайные происшествия”, связанные с сексуальной неблагонадежностью сотрудников, является, в частности, советское посольство и окружающая его советская колония в Алжире. Москва держит в Алжире большое количество всякого рода „советников”. В связи с этим возникла нужда в русской школе для детей „советников”. А там, где школа, там нужны учителя. Среди других молодых учительниц, командированных в Алжир в конце 60-х годов, была 25-летняя Вера А. Репутация у нее была самая высокая, секретарь комсомольской организации, она должна была помогать агентам госбезопасности следить за личной жизнью других девушек-учительниц, но вместо этого Вера сама обманула доверие агентов. Она познакомилась с шахтером-французом, и они вдвоем бежали из Алжира во Францию, а затем в Канаду. Бегство секретаря комсомольской организации вызвало в посольстве шок. Школа была на несколько дней закрыта, а чины госбезопасности читали девушкам лекции о гнусных происках мужчин французского происхождения. В частности, на одной из лекций девушкам было объяснено, что все французы бабники и развратники, в частности, было дано определение и объяснение термина „французская любовь”. Все эти откровения должны были вызвать у советских учительниц ненависть к мужчинам и двойную ненависть к мужчинам

французам. Но, по свидетельству очевидицы, реакция у девушки возникла прямо противоположная. Ибо все слушательницы этих устрашающих лекций уже состояли в связи с алжирцами и французами, но, конечно, помалкивали об этом...

Несколько лет из стран Африки вывозили в СССР проштрафившихся советских учительниц. А в конце 70-х годов чины госбезопасности прибегли к новому методу. Они выследили одну из русских женщин, которая в Сенегале вступила в связь с французом, и через несколько дней эта учительница получила из Советского Союза заверенную врачом телеграмму о том, что ее мать при смерти. Женщина вылетела из Сенегала. Она пережила два или три тяжелых дня, пока добралась сначала до Москвы, а затем до провинциального города, где жила ее старуха мать и двое оставленных на ее попечение детей. Всех троих нашла она в отменном здравии: никакой телеграммы они не отправляли, это была проделка КГБ.

Полностью отрезана от сексуальных радостей и советская оккупационная армия, стоящая в Венгрии, Польше и Восточной Германии. С одной стороны, с оккупантами не хотят иметь дело оккупированные, а с другой — действуют жестокие законы, запрещающие солдатам и сержантам вступать в какие бы то ни было отношения с местным населением. Таким образом солдаты и сержанты Советской армии, стоящей за пределами СССР, насильно обречены на монашество. Есть сведения, что в середине 70-х годов доведенные до отчаяния военнослужащие в Восточной Германии начали писать письма-жалобы своему начальству. Так как коллективные письма в Советской армии запрещены, то каждый солдат и сержант изливал свою печаль индивидуально. Сначала начальство не обращало внимания на жалобы, но когда в штаб советских войск в Восточной Германии на одну и ту же тему стало приходиться по тысяче писем в день, командование снеслось с Москвой и в военные гарнизоны были посланы банно-прачечные батальоны, укомплектованные советскими гражданскими женщинами.

Те монастырские нравы, которые КГБ пытается насадить среди командированных за рубеж советских граждан, в по-

сольствах и военных городках оккупационной армии, разительно отличаются от тех нравов, которые та же организация насаждает в Советском Союзе с помощью своих женщин-агентов и наемных проституток¹. Сегодня, как и 10 и 20 лет назад КГБ имеет целый корпус штатных и внештатных „девушек за денежки”. В частности, советские колл-герлс широко используются в качестве ФРЕНЧ БЕНИФИТ, когда сотрудникам министерства внешней торговли необходимо „подмаслить” высокого гостя из-за границы, заказчика, покупателя или просто полезного человека из европейско-американских торгово-промышленных сфер. Дам такого рода, прекрасно завитых, одетых и вполне благовоспитанных на вид, к иностранцам подсаживают за столом во время банкетов. Затем эти обольстительницы плавно проскальзывают к „нужному человеку” в кровать. Дамы эти служат как бы бесплатным подарком властей ценному заграничному гостю. Сама же она получает затем свой заработок в советских банкнотах из тайного фонда КГБ.

Девушками такого рода не брезгует пользоваться для своих целей и министерство культуры СССР. В 1979 году министерский чиновник подписывал контракт на серию концертов с группой музыкантов с острова Ямайка. Договоренность эта с так называемой группой Бони Эм чуть было не сорвалась: ямайские музыканты требовали, чтобы в Москве им были поставлены местные девочки, а чиновник министерства объяснял, что это невозможно, так как „в СССР нет проституции”. В конце концов высокие стороны договорились: чиновник дал понять, что девочки все-таки поставлены будут. На бумаге такое написать, конечно, нельзя, но сделать совсем нетрудно. И, действительно, свидетели рассказывают, что министерство культуры выполнило свои обязательства наилучшим образом. Московский житель Леонид С. вспоминает: „За сценой, где выступали парни с Ямайки, стоял столик с коньяком. В антрактах музыканты пили коньяк прямо „из горла”, затем хватали ожидавших тут же русских девушек и тащили совокупляться за занавес. Известно, что приемом

¹ См. главу „Девушки за денежки”, милиция и КГБ.

в Москве они остались довольны. Тем более что муж одной из проституток (также свой человек среди кагебешников) обслуживал трех ямайских черных девушек солисток. Как видим, „наши” и „не наши” не всегда только антагонисты...

Понятия „наши” и „не наши” отгораживают советских граждан не только от иностранцев. Когда живущий в многонациональном Советском Союзе русский смотрит на узбека или грузина, на литовца или чукчу, он также видит в них нечто чужеродное — „не наших”. Такие идеологические лозунги, как „монолитность советского общества” и „дружба народов”, давно уже мертвы. Вместо этого процветает скрывааемый, но оттого еще более жестокий национальный антагонизм, который проявляет себя не только в экономической и политической, но и в сексуальной сфере. В стране циркулирует множество недоброжелательных шуток и анекдотов, направленных против людей разных национальностей, в том числе и сексуального характера. В Ленинграде, например, можно услышать: „Если предложить латышке „Садитесь!”, она немедленно ляжет”. В Москве можно услышать самые нелестные анекдоты о том, как неопрятны женщины чукчанки и казашки, как развратны мужчины Грузии. Грузины — объект особенно неприязненных шуток в русской среде. Анекдоты, сложенные в Средней России, изображают грузина этаким сексуальным маньяком, стремящимся ко все новым и новым победам над женщинами.

„Грузин приходит к врачу и жалуется, что он почему-то худеет, — рассказывает в одном анекдоте. — Медик спрашивает: „Вы женаты? Сколько раз в неделю имеете половую связь с женой?” — „Один раз в неделю”, — отвечает грузин. — „А любовница у вас есть? Сколько раз в неделю вы с ней встречаетесь?” — „Два раза в неделю”, — следует ответ. „Может быть, у вас бывают случайные встречи с женщинами?” — „Да, конечно, почти ежедневно!” — „Ну вот поэтому вы и худеете, — резюмирует врач. — Перегружаете себя половой жизнью”. — „Спасибо, доктор, вы открыли мне глаза, — благодарит грузин. — А я боялся, что у меня это от онанизма...”

В ответ на такого рода побасенки в Грузии, Казахстане, Армении создаются антирусские анекдоты, в которых рус-

ские женщины изображаются как существа весьма покладистые в делах любви, а русские мужчины выводятся тупыми и грубыми. Перед нами все та же система разделения людей на „наших” и „не наших”, но ориентированная уже не на внешний, а на внутренний рынок. В основе анекдотов лежат клишированные представления народов друг о друге. Как и во всяком национальном клише правда смешивается с домыслом, а домысел дополняется вымыслом. Неизменным остается лишь одно: антипатия „к непохожим на меня”, к „не нашим”.

Все эти шуточки и анекдоты далеко не так безобидны, как может показаться. Душевное равновесие русского, живущего в Азербайджане, Казахстане или в одной из республик Прибалтики, то и дело нарушается из-за антипатии местных жителей. Эстонки и грузинки с презрением отвергают ухаживания русского парня по национальным соображениям. По той же причине узбек, оказавшийся в Центральной России, может получить „от ворот поворот” от женщины, не желающей иметь дело с „чучмеком”¹. У большинства крупных народов, имеющих „свои” республики в составе СССР, межнациональные браки редки и общественной поддержки не находят. Неизменно падающее в стране число смешанных браков, очевидно, свидетельствует о том, что национальная политика Советского Союза оказалась столь же неэффективной, как и политика экономическая.

Вот типичное русское клише, относящееся к Грузии и грузинам, в изложении 35-летней женщины, С. Е., инженера из Ленинграда. Она несколько лет жила в Тбилиси и считает, что „этот город — не для женщин; грузины женщину не уважают, они ее откровенно и с п о л ь з у ю т”. По мнению Софьи Е., многие женщины в Грузии, получившие образование и ставшие на собственные ноги, не хотят сегодня выходить замуж. В частности, очень мало девочек из ее школьного класса в Тбилиси пожелали вступить в так называемый законный брак. Это их ответ на неравноправное положение

¹ „Чучмек” — оскорбительное прозвище, даваемое русскими жителям Средней Азии — узбекам, казахам, киргизам.

женщины в грузинской семье. Некоторые из этих женщин предпочли завести ребенка, но замуж не собираются. Грузинских мужчин эта новая тенденция раздражает. Возможно, что раньше они не потерпели бы такого бунта, но сейчас „бунтовщиц” стало слишком много. Впрочем, по словам инженера Софьи Е., грузины легко утешаются с проститутками. В Тбилиси нет, правда, уличных дев, но проститутки (в основном, русские и армянки) принимают посетителей по телефонному звонку. „С женщиной, которая ему нравится, грузин ведет себя как джентльмен, но дома с женой он тиран и хам”, – повторяет Софья Е. То же самое думает она об армянах. По ее мнению, другие кавказские народы, в том числе азербайджанцы, и вовсе лишены джентльменства и по отношению к женщинам, приезжим из России, предпочитают применять силовые приемы. На Кавказских курортах и на туристских базах, – по словам Софьи Е., – местные жители очень часто насилуют приезжих из России женщин, туристов и отдыхающих¹.

Сорокалетняя журналистка Людмила П., знающая жизнь в городах Кавказа, добавляет, что все грузины – богачи. Они приезжают в Москву и другие среднерусские города специально для того, что позабавиться с блондинками, к которым они равнодушны². Чтобы поразить понравившуюся ему женщину, грузин швыряет деньги в ресторанах, гостиницах, катает дам в такси, делает богатые подарки. Но все это, по словам Людмилы, продолжается лишь до победы над женщиной. Журналистка считает, что русские женщины унижают себя, когда на кавказских курортах поддаются на приманку грузинской галантности и всерьез принимают грузин-

¹ Одна из моих собеседниц была изнасилована тремя чеченцами в полдень в городском парке столицы Чечено-Ингушской Автономной ССР. Насильники угрожали своей жертве ножом. Такие случаи на Кавказе, действительно, часты.

² Гедрик Смит, американский журналист, долго работавший в Москве, тоже поддерживает общепринятый взгляд на жителей Грузии: „Как известно, все грузины – Ромео”, – пишет он. Цитирую по русскому изданию, Иерусалим, 1978, т. 1, с. 270.

ские „широкие жесты”. В конце концов все эти поклонники с толстыми кошельками начинают унижать и оскорблять своих недавних фавориток.

Такова точка зрения русских женщин. А вот, что отвечают на „российское клише” мужчины, коренные жители Грузии и Азербайджана.

Доктор философских наук Нодар Д., 40 лет, объясняет: „Традиционная грузинская мораль требует от женщины-грузинки скромности и чистоты и в то же время допускает свободу в поведении женатого человека”. Нодар считает, что тенденция грузинских мужчин играть роль Ромео воспринята от соседей мусульман, которые в течение веков дурно влияли на христиан-грузин. В то же время профессор уверен, что у его соотечественников нет какого-нибудь особого пристрастия к русским женщинам. „Конечно, грузины часто ездят в Россию, но ничего предосудительного они там не делают, — заявляет Нодар Д. — К тому же русским кажется, что все черноволосые люди с горбатыми носами, приезжающие с Кавказа, грузины. А это не так”.

Вместе с тем Нодар согласен, что жители Тбилиси охотно ездят на Черноморское побережье, и в курортных городах Гудауты, Гагры и Сухуми у них довольно часто возникают приключения с русскими женщинами. Но при этом профессор спешит пояснить, что главной святыней для грузина является семья. „Есть даже что-то мистическое в отношении грузина к семье, к семейному кругу, — детализирует он. — Хотя первую скрипку в семье играет мужчина, но в народном сознании есть понятие, что женщина лучше, ценнее мужчины. Это понятие восходит к векам грузинского феодализма, к эпохе правления царицы Тамары”. Говоря об особом почитании женщины — матери, жены, сестры — в Грузии, доктор Нодар Д. ссылается также на лингвистику: в тех случаях, когда русские произносят: „муж с женой”, „брат с сестрой”, грузины говорят только „мать с отцом”, „жена с мужем”, „сестра с братом”. Он также считает, что в Тбилиси нет сексуальных притонов, нет „колл-герлс” и вообще нравы общества более высоки по сравнению с другими районами страны.

Романтическая картина, нарисованная философом из Тбилиси, несколько меркнет в свете того, что рассказывает другой доктор наук, этнограф из Тбилисского университета Герцель Ч., 71 год. Этнограф соглашается с тем, что к женщинам своей национальности грузины, как правило, относятся без лишних вольностей. Более того, „гуляя на стороне”, грузин утешает себя тем, что семья его при этом не страдает, он дает средства на ее существование и старается, чтобы жена не была лишней раз травмирована известиями о его приключениях. Но при этом грузины как интеллектуалы, так и простые люди, убеждены, что инокровные женщины, живущие в Грузии и за ее пределами, достаточно податливы и самой природой предназначены для развлечения...

В Москве и Ленинграде, — продолжает Герцель Ч., — грузин считают богатыми. На фоне российской бедности они действительно более обеспечены, так как среди них широко распространены нелегальные промыслы. Другой источник материальных благ грузина — сад в деревне, с которой многие горожане связаны через своих родителей. Лавровый лист, цветы и фрукты из этих садов, вывозимые по весьма высоким ценам на Север страны, создали грузинам славу богатеев. „Но слава эта зиждется также на присущем грузинам тщеславию, — говорит доктор Ч. — Если у грузина десять рублей в кармане, он ведет себя так, как если бы у него было сто. Он действительно готов кидать деньги на ветер, чтобы произвести впечатление на женщину, но в любви больше думает не о ней и не о ее чувствах, а о себе, о том, как он сам выглядит в этой ситуации. Ему очень хочется выглядеть благородно, отсюда и грузинское джентльменство. Не всем и не всегда удается, однако, сохранить себя в этой роли до конца...” Очевидно, этнограф проф. Герцель Ч. прав — истина о сексуальном поведении мужчин Грузии лежит посередине между русским крайне грубым „клише” и романтизированной картиной, нарисованной профессором Нодаром Д.

А вот свидетели из Азербайджана. Надо заметить, что Грузия и Азербайджан по своей истории очень различны. Грузины — христиане, азербайджанцы — мусульмане. Различен по долготе и культурный период этих народов. Белла В.,

врач 43-х лет, прожившая всю жизнь в главном городе Азербайджана Баку, вспоминает: „Смешанные браки в нашей республике — редкость. Если даже русский женится на девушке-азербайджанке, ее родственники, пусть через 5 или через 10 лет, постараются расстроить брак. Брак с иноверцем считается даже среди неверующих азербайджанцев чем-то недостойным, каким-то пороком. А среди верующих это прямо-таки позор. Чаще возникают браки азербайджанцев с красивыми еврейскими девушками, особенно если это дочери богатых торгашей или больших начальников. Многоженство преследуется по закону, но большая часть материально обеспеченных азербайджанцев имеет две—три жены. Женщины эти живут в разных квартирах, но чаще всего знакомы между собой”. Доктор В. не могла вспомнить случая, когда бы закон о многоженстве был применен в ее городе и дело дошло до суда.

В семье мужчина-азербайджанец строг, если не сказать жесток. Ни о каком протесте со стороны жены не может быть и речи. Муж, например, может привести в дом постороннюю женщину и спать с ней в присутствии собственной жены... Законы Корана все больше выветриваются в азербайджанском обществе. Азербайджанка-проститутка еще несколько лет назад казалась чем-то невероятным, а сейчас в центре города Баку, возле кино Низами, можно встретить сколько угодно таких „падших ангелов” в национальных костюмах. Чаще всего „покупатель” ведет свою „покупку” в баню. Баня работает до 10 вечера, но за деньги клиенту представляют возможность развлекаться там и после 10-ти.

Другой житель Баку, работавший в магазине, продавец Василий Г., 71 год, убежден, что азербайджанские мужчины, как и другие кавказцы, тяготеют к русским женщинам. Русские кажутся им милее своих не только в сексуальном отношении. Они считают, что своя годна лишь, чтобы плодить детей, а русская лучше готовит, чистоплотнее, аккуратнее и заботливее в доме. Но остатки национальных и религиозных традиций ведут к тому, что азербайджанец русскую „покупает” на время, а женится все-таки на азербайджанке.

В Средней Азии семейные и сексуальные отношения между мужчиной и женщиной разных национальностей повторяют азербайджанский вариант. Конечно, какое-то количество смешанных браков в Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Туркмении возникает, но женятся на „не наших” и выходят замуж за „не наших” только интеллигенты, люди с высшим образованием. И со стороны родственников жениха и со стороны родственников невесты браки эти вызывают антипатию, прикрываемую вежливыми шуточками. Кандидат технических наук, металлург из Алма-Аты Владимир С. рассказал, как в конце 70-х годов его коллега, русский инженер, женился на сотруднице того же института, казашке. Родственники ее относились к верхушке республиканской власти, и свадьба была пышная. На свадьбе не раз подняты были тосты „за дружбу народов”. Но, в действительности, и русские и казахи воспринимали этот брак как что-то нежелательное и даже неприличное. „Теперь он наш человек...”, – иронизировали над новобрачным казахи. „Женился по расчету”, – с откровенной завистью перешептывались русские.

Взаимная национальная антипатия, особенно усилившаяся лет 20 назад, толкает и азиатов и славян к постоянной конфронтации. Выражается антипатия в самых различных формах. Лет тридцать назад казахи охотно давали своим детям русские имена. Сейчас казах стыдится своего русского имени, и новые поколения получают только местные имена. В Узбекистане межнациональные трения еще острее. Между собой узбеки зовут русских „оклок”, что означает белые (или свиные) уши. В личных стычках можно слышать, как узбеки кричат русским: „Убирайтесь к себе домой! Вам тут нечего делать!” – „А как вы станете жить без нас? – издеваются русские. – Без нас вы даже срать правильно не умели. Мы уйдем – вы опять на корточки сядете...”¹.

Надо ли говорить, что такая насыщенная националистическим электричеством атмосфера оставляет все меньше

¹ Согласно „русскому клише”, до прихода русских в Среднюю Азию узбеки мужчины имели обыкновение мочиться, садясь на корточки, по-женски.

возможностей для межнациональных браков. Сегодня в Ташкенте (Узбекистан) нельзя встретить на улице русского парня с девушкой-узбечкой. Уличная толпа с раздражением воспринимает такую пару. Их могут даже избить. Зато процветает другая система отношений: русские и украинские девушки, приехавшие в Узбекистан, чтобы работать на текстильных фабриках, и получающие 80–100 рублей в месяц (гроши!), вступают в близкие (но тайные!) отношения с обеспеченными узбеками. Коренные жители республики расплачиваются за радости российской любви благами из своих закрытых распределителей. Нищая и одинокая в чужом краю девушка, идя на интимные отношения, в душе надеется на брак, но узбекско-русские семьи возникают еще реже, чем русско-азербайджанские. По существу, речь идет о массовом использовании узбеками женщин инородного происхождения. Иногда это русская, но может быть и еврейка, татарка, ссыльная немка или украинка. В этих отношениях узбеки (казахи, туркмены) удовлетворяют не только свое сексуальное чувство, но и чувство национальное: они как бы мстят таким образом русским, которых считают захватчиками своей земли.

Московские идеологи, делающие все возможное, чтобы помешать русским любить „западных не наших“, всячески поощряют браки межнациональные внутри страны. Но из их забот о браках между „нашими восточными“ мало что получается. Стремление властей сплотить общество через межнациональные семьи натывается на непреодолимое сопротивление местных националистов.

Есть, однако, еще одно препятствие, убийственное для межнациональных браков в СССР: разница культурных навыков. По этой причине, например, русские не смеживаются с небольшими народами Севера и Дальнего Востока. В низовьях реки Енисей, в районе города Туруханска, мне приходилось встречать звенков (тунгусов). Это были малорослые, слабые, часто полупьяные и больные люди. У меня возникло ощущение, что передо мной вымирающее племя. Такого же мнения держатся и местные русские рыбаки, живущие с звенками бок о бок десятками лет. Еще более груст-

ное впечатление производят нивхи – маленький народ, обитающий на острове Сахалин. Конечно, главная беда оленеводов эвенков и охотников нивхов заключается в резком изменении традиционного образа жизни, питания, жилья. А также в повальном пьянстве мужчин, женщин и даже детей. Но народы эти обречены на вымирание также благодаря постоянному кровосмешению (инцесту). Браки за пределами собственного племени немыслимы, ибо гигиенический уровень эвенков и нивхов ниже всего того, что приемлемо для живущих вокруг русских рыбаков и охотников. У нивхов нет обычая купаться в бане и вообще где бы то ни было. Одежду они носят до тех пор, пока она не сваливается с плеч от ветхости. Из-за невозможности найти жену за пределами племени нивхи живут часто со своими сестрами и дочерьми. (С дочерью, как с женой, живет и председатель нивхского колхоза, герой социалистического труда.) Из-за инцеста почти все дети нивхов рождаются с признаками вырождения. Среди них много умственно неполноценных, а также детей с резко пониженным зрением.

Вспоминается эпизод, когда в деревню нивхов Ноглики приехал секретарь местного райкома партии, русский. Он держал политическую речь, призывая своих слушателей поднимать выше знамя соревнования, выполнять какие-то планы. Нивхи в своих меховых одеждах сидели на грязном полу избы и молча курили. Вдруг очень толстая, крайне непривлекательная и дурно пахнущая женщина, также сидевшая перед докладчиком, вне всякой связи с содержанием его речи сказала: „Давай, секретарь, поженимся. Жить будем вместе. Детей родим”. Это было сказано безо всякого юмора и не вызвало у публики ни улыбки, ни удивления. Мужчины и женщины продолжали сидеть и дымить своими трубками, ожидая, что ответит русский начальник. Зато лицо секретаря райкома выразило в тот миг целую гамму чувств: и еле скрываемое отвращение, и испуг (а вдруг другие заметят), и стыд перед „товарищами из Москвы” (что они подумают о нем). Проглотив слюну и изобразив на лице дружелюбную улыбку, секретарь пообещал женщине обсудить вопрос о замужестве после доклада. Но женщина ответом не удовлет-

ворилась. Нервируя партийного деятеля, она в течение всего доклада продолжала свои домогательства. При каждом ее вопросе секретаря передергивало. Он явно не мог скрыть, что перспектива оказаться в постели с такой дамой вызывает у него тошноту.

Несмотря на комизм эпизода, за ним угадывается трагедия вымирающего народа. Понимают ли сами нивхи, что именно с ними происходит? Едва ли. А русский врач, с которым я там же на Сахалине разговаривал об их судьбе, безнадежно махнул рукой. „Если бы наши мужики и парни согласились спать с их бабами, может быть, нивхи еще продержались бы несколько десятилетий. А так — конец. Мамонты. Скоро их не будет...”

Нивхи, этот опоздавший к столу цивилизации народ, не единственный народ, обреченный на гибель из-за инцеста и невозможности сексуально сойтись с другими народами. То же самое происходит с чукчами. „В 30 лет они уже глубокие старики и старухи, — рассказывает живший на Чукотке электрик Юрий М., 47 лет. — У чукчей, которые никогда не моются, тело покрыто толстым слоем сала и грязи. Хотя русских женщин вокруг нет, местные русские — директор оленеводческого совхоза и несколько его сотрудников крайне редко вступают в связь с чукчанками. Брезгуют. Лишь иногда, когда совсем припрет, трое русских парней берут молодую чукчанку в баню, кое-как отмывают ее и используют скопом. Чукчи на такое не сердятся, — комментирует Юрий М., — они народ добрый...”

На этом я и закончу затянувшийся рассказ про „наших” и „не наших”... ‘

ГЛАВА 13. АМУР ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Что такое любовь? Неизменна ли она, или характер ее в исторической перспективе изменчив? Вечны ли ее законы, или законов этих и вовсе нет? Мы с удовольствием обсуждали эти вопросы в тот день в кругу коллег – московских писателей. Мы – это небольшая группа людей, хорошо знающих друг друга и доверяющих друг другу. Стояла середина жаркого лета, и мы, покинув душную столицу, собрались в загородном поселке, который известен как место жизни и упокоения поэта Бориса Пастернака, где скрывался одно время от властей Александр Солженицын и живет много других более или менее известных русских литераторов. Мы, те, кто собрался в тот день на даче, были далеко не молоды, но и не настолько стары, чтобы утратить интерес к любви. Мы прошли войну, а некоторые из нас уже успели побывать в тюрьмах и лагерях. Каждый издал несколько книг, а кое-кто нашел в себе мужество писать книги, не предназначенные для печати. Иными словами, мы были независимо мыслящими людьми, собравшимися, чтобы свободно говорить о том, что нас действительно интересовало.

Нашей любимицей была ныне покойная Евгения Гинзбург (1906—1977), автор вышедшей на Западе автобиографической книги „Крутой маршрут”. В молодости была она очень хороша собой. Но и в шестьдесят лет угольно сверкающие глаза, живая, полная симпатии к людям улыбка Евгении Семеновны согревали нас. Было трудно поверить, что женщина эта 18 лет провела в самых гиблых лагерях страны — на Колыме. Чудом было то, что она спаслась там, где погибали сильные мужчины. Пока большинство из нас выражали уверенность в том, что любовь непобедима, законы ее вечны и ничто не может положить предела ее правам, Евгения Семеновна молчала. А затем раздался ее мелодичный голос: „Что такое любовь? Ветерок ли, шелестящий в кустах шиповника, или вихрь, ломающий мачты кораблей?.. Золотое ли свечение крови?.. Так, друзья, вопрошал в минувшем веке любимый писатель моей юности Кнут Гамсун. И я, читая его, думала о золотом свечении крови. Но век Гамсуна миновал, и в 20-е годы явились новые оценки. Герой одной из книг Ильи Эренбурга ответил на вопросы Гамсуна значительно проще: „Любовь — это когда спят вместе”. Не скрою, прочитав Эренбурга, я была шокирована. И вероятно, не я одна. Неужто в этом вся суть? Но время шло, и в сороковых годах, в колымском лагере, циничный афоризм эренбургского героя показался мне и моим солагерникам несколько даже идеализированным. „Спят вместе...” Но ведь для того, чтобы спать вместе, мужчина и женщина должны иметь м е с т о. Надо иметь возможность встретиться друг с другом не на виду у всех. В лагерных бараках, в лагерных зонах мы были лишены даже этого. Вы говорите о в е ч н ы х законах любви, о неизменно победоносном ее движении. Извините, но я два десятка лет пребывала в мире, где законы эти не действовали, где любовь валялась в грязи, раздавленная, изуродованная до неузнаваемости. Я бессильна описать это. Чтобы нарисовать то, что в советских лагерях называется словом л ю б о в ь, нужен гений Босха”. Так говорила нам, своим коллегам, Евгения Семеновна Гинзбург летом 1969, а может быть, и 1970 года.

Все, кого я впоследствии расспрашивал о любви и сексе в

советских лагерях, говорили примерно то же самое. Но прежде чем обратиться к свидетельствам современников, выясню, каким образом женщины оказались в советских концентрационных лагерях и сколько их там было.

Первый декрет о массовых арестах женщин и помещении их в концентрационные лагеря был опубликован в Москве через полтора года после Октябрьской революции 1917 года. В апреле 1919-го создано было Центральное управление лагерей принудительных работ, а декрет от 17 мая того же года уже содержал детальную картину будущего ГУЛАГа: „Во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки должны быть открыты лагеря, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый... Лица женского пола и несовершеннолетние должны содержаться в особых для каждой категории лагерях... Все заключенные должны быть назначаемы на работы немедленно по поступлению в лагерь и обязаны заниматься физическим трудом в течение всего времени их пребывания там”¹.

Лагеря были открыты не только в 97 губернских городах, но и во многих уездных городах Советской России, так что число их значительно превысило 100. Если даже считать, что в каждом лагере содержалось только 300 заключенных, то и тогда начало социалистической революции было отмечено появлением 30 000 каторжан-лагерников. Вместе со своими мужьями и братьями женщины стали жертвами первых же шагов большевистского террора. Число их в лагерях быстро возрастало. Профессор И. А. Курганов считает, что в первые 5–7 лет после революции, когда советская власть расправлялась с членами царского правительства, с Сенатом, Синодом, со старой армией, хватала предпринимателей, банкиров, помещиков, а также журналистов, писателей, деятелей Церкви, было разгромлено как минимум 2.250.000 „буржуазных” семей. Так что в лагерях оказалось никак не

¹ Сборник Декретов 1919 г. М. 1920. Декрет от 15 апреля подписан Председателем ВЦИК М. Калинин и секретарем Серебряковым (с. 80). Декрет от 17 мая подписан за председателя ВЦИК В. Аванесовым и секретарем А. Енукидзе (с. 128).

меньше двух с половиной миллионов женщин из так называемых привилегированных классов¹.

То, что лишь намечалось в декретах 1919 года, разрослось впоследствии в громаду детально описанного А. Солженицыным Архипелага ГУЛАГ. В 30-е, 40-е и более поздние годы архипелаг разбросал свои метастазы по всей стране от южных пустынь до пустынь заполярных, от Центральной России до Дальнего Востока. И везде были женщины. Когда, в начале 50-х годов, специальная Комиссия Объединенных наций вместе с Мюнхенским институтом по изучению истории и культуры СССР приступила к опросу русских людей, выброшенных войной на Запад, то удалось установить, что в концентрационных лагерях Советского Союза одновременно находилось в среднем от 10 до 15 миллионов заключенных. Специальные женские лагеря открыты были в Караганде, Воркуте, Кемерово, в Магадане, Красноярске, в Потье, Норильске.

Комиссия смогла установить, что:

а) Никак не менее полутора миллионов крестьянских женщин побывали в советских лагерях после того, как в начале 30-х годов началась кампания по уничтожению так называемых „кулаков“;

б) Сотни тысяч женщин пошли в лагеря в те же годы в связи с нарушением только что введенной „паспортной системы“, а также по обвинению в „хищениях“ и „вредительстве“;

в) От 800 до 900 тысяч женщин стали лагерницами в результате массовых арестов членов коммунистической партии в конце 30-х годов;

г) Среди жителей Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, а также захваченных частей Польши и Румынии, депортированных в СССР в начале 40-х годов и брошенных в лагеря, добрая половина были женщины;

д) По 20–25 лет лагерей и тюрем получили многие советские женщины, жившие в 1941–1944 годах на оккупиро-

¹ И. А. Курганов, проф. „Семья в СССР в 1917–1967“, Нью-Йорк, 1967.

ванных немцами территориях. Их арестовывали за то, что они стирали оккупантам белье, работали на кухне в комендатуре или у военного чиновника, сожительствовали с немецкими солдатами и офицерами. За „сотрудничество с врагом” были осуждены на длительные сроки также те русские, украинские и белорусские девушки и женщины, которых немцы во время оккупации угнали на работы в Германию. Число таких „остовок”, брошенных в лагерь за чужую вину, превысило 5 миллионов;

е) Сажали женщин в лагерь и после войны, сажают и ныне. Сажают за религиозность, за анекдот, рассказанный на работе, за доноительство на знакомого или мужа, за национализм, за диссидентские дела и мысли. В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЛАГЕРЯХ НИКОГДА НЕ СИДЕЛО МЕНЬШЕ, ЧЕМ ПОЛТОРА—ДВА МИЛЛИОНА ЖЕНЩИН.

Судьба этих рабынь мало чем отличается от судьбы заключенных мужчин. Голод, холод, болезни косят их так же, как и остальных лагерников. Но, по общему мнению, узницы тяжелей переносят разлуку с близкими, с семьями, детьми, острее, чем узники-мужчины, страдают от нечистоты и убожества барачной жизни. Обстановку, в которой живет лагерница, нельзя назвать ни бедной, ни нищенской. Это именно убожество: полное отсутствие всего, что элементарно необходимо для женского существования. Женщине негде не только искупаться (в банях, как правило, нет горячей воды и достаточного количества мыла), но и достать для гигиенических целей кружку теплой воды, чистую тряпку (о вате говорить не приходится). Ее постель лишена простыней и пододеяльника. Ей негде выстирать нательное белье. Грязная, дурно пахнущая лагерница начинает опускаться, с равнодушием относиться к своей грязной, рваной одежде, к нечистоте тела. У многих происходит крушение не только психологическое, но и физиологическое: лагерницы теряют свой женский облик, исчезают половые признаки, нарушаются половые функции.

Но подлинным и окончательным убийцей женских начал становится лагерный труд. Большая часть женщин попадает в лагерь на такие же о б щ и е работы, что и мужчины: они

валят лес зимой, разгружают и загружают железнодорожные вагоны и грузовики, в тайге и тундре прокладывают дороги. После нескольких месяцев такого труда лагерница изменяется до неузнаваемости: исчезает естественная полнота бедер и ягодиц, иссохшими мешочками обвисают груди, кожа на лице темнеет и грубеет, хриплым и мужеподобным становится голос. За всем этим таится полное крушение физиологического цикла женского организма. Изработанная лагерница выглядит существом, лишенным пола.

Конечно, какое-то число женщин оставляют в качестве лагерной обслуги. Они работают поварихами, мойщицами посуды, уборщицами или конторщицами. Такая работа считается привилегированной, так же, как и работа на животноводческой ферме. Но в лагере женщине нигде не легко. Анна Малород, поэтесса и пианистка, субтильная, не слишком крепкого здоровья сорокалетняя учительница, оставила описания жизни в лагере возле сибирского города Новокузнецка. Ее осудили за то, что она, якобы, прививала религиозные взгляды своим школьникам, деревенским детям. О своей работе рассказала она следующее. Снизойдя к ее маленькому росту и слабому здоровью, ее назначили уборщицей бараков. В первый же день Анна убедилась, что для того, чтобы с помощью тряпки и ведра с водой (других приспособлений у нее не было) вымыть пол в огромном бараке на 120 человек, надо поработать минимум восемь часов. А едва уборка заканчивается, надо приниматься за другое: таскать для обитателей барака воду из колодца. Не менее 60 ведер для умывания и чая приносила она ежедневно. „До своих нар добиралась я полумертвая, — рассказывает она, — не способная ни есть, ни разговаривать, ни даже спать”¹. Учительница Малород была выпущена из лагеря раньше срока. От тяжелой работы (она также таскала на ручных носилках камень для строительства и землю для огородов) у нее начал расти горб. Полтора года хватило для того, чтобы превратить ее в калеку. Те, кто покрепче, продолжают работать в лагере по де-

¹ Марк Поповский. „Русские мужики рассказывают...”. Лондон, ОРИ, 1983, сс. 193–194.

сять, а то и по пятнадцать лет. Но во что же эта работа их превращает!..

Однако люди есть люди. За рядами колючей проволоки, в вонючей толчее барачников возникает, по словам свидетеля, „поруганная, оскверненная, захватанная грязными лапами” л ю б о в ь или то, что заключенные называют этим словом. Как уже говорилось, закон 1919 года предписывал строить женские лагеря отдельно от мужских. Но до 1946—48 годов закон этот не исполнялся: женщин помещали в отдельные от мужчин бараки, но на общей лагерной территории. Работали они также подчас в общих бригадах. Дмитрий Панин, который провел за решеткой многие годы, свидетельствует, что нарушение закона о раздельном содержании мужчин и женщин шло женщинам на пользу. „В лагерях военного времени... где была хоть ничтожная возможность, мужчина помогал женщине. Вопреки жуткому голоду, бесчеловечным сталинским установкам на истребление заключенных, ее берегли, как только было возможно, и она в последнюю очередь вытягивала свой смертный жребий”¹.

И действительно, если женщины попадали в сильные мужские бригады, их спасали от непосильного труда и голода. Но смешанный лагерь таил для узниц другую опасность. Поскольку на одну женщину приходилось по 6—7 мужчин, то всякая мало-мальски привлекательная особа женского пола (или даже просто не слишком старая женщина) становилась объектом настойчивых домогательств и не одного, а многих лагерных обитателей. Доставка очередного женского этапа в лагерь превращалась в развлечение для мужской половины. Но не для всех мужчин, а прежде всего для лагерного начальства и привилегированной части заключенных, таких, как кладовщики, фельдшера, бухгалтеры, парикмахеры, банщики. Именно эти лагерные обитатели, именуемые на лагерном жаргоне „придурками”, имеют право первого выбора. Процедура эта носит название „смотрины”. Был в России в давние времена такой торжественный обряд, когда жених

¹ Дмитрий Панин. „Записки Сологодина”, кн. I, гл. „Сердце женщины”. „Посев”, 1973, с. 281.

и его родственники знакомились с невестой. Лагерные „смотрящие” мало походят на давний народный обычай. Происходят они чаще всего в бане. Только что привезенных из тюрьмы или из другого лагеря женщин ведут купаться. Горячей воды в лагерьной бане чаще всего нет, мыла тоже. Зато именно здесь как нельзя лучше администрация может рассмотреть доставленный „товар” и выбрать себе подходящую по вкусу даму. Делается это безо всякого стеснения. Александр Солженицын рассказывает, что в одном из лагерей обнаженных женщин пускали в баню по узкому коридору поодиночке, чтобы стоящим по обе стороны коридора начальству и придуркам удобнее было разглядывать и выбирать. При этом потребители строго придерживаются иерархии: старший по чину или по должности берет себе лучшее, остальные — что осталось.

На этом первом этапе никто никого не хватает, никто никому не грозит. Наоборот, придурки и начальство начинают знакомство с новоприбывшими, обещая за любовь кое-какие немаловажные блага. Женщин покупают, как покупают лакомство. Цена назначается без запроса. Та, что согласится спать с кладовщиком или фельдшером, не будет послана на общие работы. Она сможет постирать себе белье, ее будут лучше кормить. Переговоры носят деловой характер и не камуфлируются никакими ссылками на чувство. Сроки „соглашения” в таких случаях также не оговариваются. Если со следующим этапом в лагерь пригонят более привлекательных, более свежих узниц, прежняя любовница может быть за ненадобностью выброшена в общий барак или передана другому охотнику до женского тела.

Опытные узницы принимают такие разговоры всерьез. Они знают — при постоянном лагерном голоде, на тяжелых общих работах долго не протянешь — погибнешь. Надо любыми средствами зацепиться за „зону”, остаться на внутрилагерных работах. Тут уж не о любви речь, а только о спасении жизни. Из двух зол выбирают они меньшее и идут в содержанки. Кто поинтереснее и подороднее, попадает мыть полы в кабинетах господ офицеров, а кому счастье не улыбнулось, остаются любовницами кладовщиков и банщиков,

фельдшеров и нарядчиков, что по лагерным меркам тоже успех...

Впрочем, далеко не все соглашались на такую роль. Женщины, осужденные за так называемые политические преступления (при Сталине это была знаменитая 58 статья), чаще всего от чести быть „лагерной подстилкой” отказывались. Многие жены арестованных партийцев, научные работники, студентки, актрисы, учительницы решали для себя эту дилемму с римской простотой: лагерь не место для любовных утех; лучше тяжелый труд и голодная смерть, чем положение проститутки и содержанки. Но удержаться на этой высоте мучительно трудно: голод и гордых доводил до унижения. Фунт хлеба становился подчас для таких гордячек желанным гонораром. Евгения Гинзбург рассказывает о том, какие состояния последовательно проходит интеллигентка, которую пытается купить (в полном смысле этого слова) какой-нибудь кладовщик с четырехклассным образованием. „Сперва слезы, ужас, возмущение. Потом – апатия. Потом все громче голос желудка, и даже не желудка, а всего тела, всех мышц, потому что это было трофическое голодание, вплоть до распада белка. А порой и голос пола, просыпавшийся, несмотря ни на что”¹.

Вопрос: „С кем жить?” вовсе не для всех в лагере выглядит так трагично. Есть категория женщин, которые и на воле решали эту проблему довольно просто. Как уже говорилось выше, в русском языке четко различаются понятия: „проститутка” и „блядь”. В первом случае имеется в виду профессия и вытекающий из нее заработок. Можно не одобрять эту профессию, но, как и всякое другое „дело”, она предполагает некоторое количество труда, риска, затрат и, соответственно, находит в обществе известное оправдание. „Блядь” – явление психологическое. Финансовая сторона для нее не исключена, но может и не играть существенной роли. Моральные препоны – тоже. Она – самка (сука) по самой своей сути независимо от профессии и общественного положе-

¹ Евг. Гинзбург. „Крутой маршрут”. Т. II. 1979, Arnoldo Mondadori Editore, с. 43.

ния. Я знал в Москве Галину Серебрякову, писателя, автора официозных книг об основоположниках марксизма. Дочь старых большевиков-чекистов, она 14 лет вступила в партию, девчонкой участвовала в Гражданской войне. В 16 вышла замуж за тогдашнего советского наркома Сокольников, а затем, разведясь, стала женой другого видного партийного деятеля. Серебрякова. Судя по фотографиям и по собственным ее рассказам, эта маленькая женщина была в молодости обворожительно хороша. Возможно, это обстоятельство спасло ей жизнь. В эпоху великих чисток Серебрякова арестовали и расстреляли. Партийная жена его также попала в 1936 году в лагерь. Просидела она 20 лет. Я встретил ее в 1960-м, когда ей было 55. Дело было в писательском Доме творчества в Крыму, где недавняя лагерница довольно бурно занималась сексуальной деятельностью. Эта писательница-большевичка охотно и даже с задором рассказывала коллегам о своих похождениях в неволе.

Сначала после ареста пыталась она добиваться справедливости, кричала следователям о своих заслугах перед коммунистической партией и народом, но скоро поняла, что это бесполезно и надо как-то устраиваться на новом месте с наибольшими удобствами. В лагере Галина сошлась с охранником (дело как будто было где-то в Средней Азии). У охранника отбил ее офицер охраны, а потом еще кто-то. Общих работ она не знала ни одного дня. А в конце войны дела ее пошли еще лучше, когда стала она любовницей начальника лагеря. От него, в самое голодное время, родила она девочку. Начальник вел себя при этом довольно корректно: ребенок был сохранен и передан на волю родственнице Серебряковой. „Лично я не знала беды в лагерях, — с некоторым даже вызовом завершила свой рассказ писательница, выпятив нижнюю пухлую губку. — Конечно, были аборт, случалось испытывать грубость от некоторых мужчин, но ничего ужасного в лагерях я не видела”.

Тот тип, который представляла в 30-е и 40-е года лагерница Галина Серебрякова, не вывелся и поныне. Ленинградская поэтесса Юлия Вознесенская, сидевшая в 1976–1978 годах в сибирском лагере неподалеку от озера Байкал (строи-

ительно-трудовая колония № 11 Иркутской области), рассказывает о банкетах с дамами, которые закатывало начальство в ее лагере. Вознесенская пишет: „Для этого существует определенная категория женщин, подкармливаемая начальством. Чем эти банкеты кончаются, говорить не приходится. Во всяком случае, таких женщин для того и держат, для того и подкармливают. Выглядят эти дамы совсем неплохо, им даже разрешаются некоторые вольности. Если, скажем, вся зона ходит в страшных темно-коричневых платках, то они носят нарядные яркие, разных цветов платки... Разрешается им также носить свитера, теплые кофточки; ватники они шьют на заказ на швейной фабрике. Более того, у них есть даже помещение вольного типа, клуб, библиотека... Таких женщин „высшего” порядка, — то есть имеющих любовные связи с офицерами, начальником лагеря, замполитом... было всего человек пятнадцать. Но имелся еще контингент женщин, всегда готовых к услугам (должностных лиц. — М. П.) приезжающих с ревизией. Они тоже были достаточно известны, но их подкармливали от случая к случаю... Они занимали должности старших дневальных, вели воспитательную работу, проводили политинформацию и, конечно же, прежде всего слезку за другими”¹. Галина Серебрякова, писавшая после выхода из лагеря толстые книги про Карла Маркса и Фридриха Энгельса, очевидно, обиделась бы, если бы ее сравнили с „дамами”, которых описывает Юлия Вознесенская. Между тем, перед нами один и тот же тип. Это не профессионалки, а любители, самодеятельность, продающая не только тело, но и душу.

Но оставим в покое природных потаскух: их нравы и на свободе мало чем отличаются от лагерных. Большинство женщин, попадающих за колючую проволоку, если это не уголовницы и не проститутки, вовсе не помышляют о сексуальных похождениях. Они остро переживают разлуку с мужем, с любимым, с детьми. Тоска по разрушенной семье делает пребывание женщины в лагере особенно мучитель-

¹ Ю. Вознесенская. „Женский лагерь в СССР”. Журнал „Грани” № 117, 1980, с. 220.

ным. Да и сама лагерная система направлена на то, чтобы сделать разлуку с домом и оставшимися на свободе близкими как можно более тягостной. Переписка перлюстрируется и нередко пресекается, свидания с близкими крайне редки; в лагере строгого режима женщина может увидеть мужа лишь на три дня раз в год! Законы страны также подталкивают оставшегося на свободе мужчину бросить в беде свою заключенную подругу. В 1944 году Совнарком принял постановление о том, что если муж или жена находятся в заключении, то вторая, вольная, половина может по суду освободить себя от брака. При этом ни сам разведенный, ни суд не обязаны ставить в известность о разводе томящегося в лагере супруга или супругу. Таким образом женщине-лагернице власти не оставляли даже слабой надежды на возвращение в прежнюю семью. Ей давали понять, что там на свободе ее супруг наверняка уже развелся с ней и развлекается с другой или с другими.

Отнимая у лагерницы любовь прошлую, тюремщики делают все, чтобы и новой любви не допустить. Логика начальства носит чисто рабовладельческий характер и сводится к тому, что любовь мешает производству, отвлекает заключенного от выполнения производственного плана. Охране приказано (ныне, как и десятки лет назад) каждую пойманную на месте преступления пару хватать и тащить в изолятор, в сырой, холодный подвал, где виновников ждут несколько дней еще более голодной диеты, чем в бараке.

Но даже в этом убийственном для любви климате находилось место для чувства. Евгения Гинзбург в книге „Крутой маршрут” (том второй: „Тюрьма – лагерь – ссылка”) описывает полные нежности и преданности отношения двух заключенных в одном из магаданских лагерей. Двадцатилетней балерине и актеру одного из московских театров их бывшие профессии давали некоторую, хотя и крайне ограниченную свободу. Обы были включены в театральную группу (культбригаду), назначение которой состояло в том, чтобы развлекать скучающее лагерное начальство. Актер и балерина могли видеть друг друга почти каждый день, встречаться за кулисами, почти свободно любить друг друга. Их

счастье продолжалось пять месяцев. Потом пара была уличена в „преступной связи“. Инструкция Главного управления лагерей (ГУЛАГ) в таких случаях требует, чтобы один из возлюбленных (наименее необходимый в данном лагере) был немедленно выслан по этапу в другое „хозяйство“ ГУЛАГа. Но балерина не попала на лесоповал или на ручную косьбу сена. Она оказалась беременной и была направлена за десятки километров в так называемый „Детский комбинат“ – тюремный родильный дом и ясли. Чтобы как-то встретиться со своей любимой, отец ребенка оставил привилегированную работу в культбригаде и попросил послать его на один из самых страшных приисков для работы под землей в забое. Единственное достоинство этого гибельного места, где заключенные умирали от голода и непосильной работы, состояло в том, что прииск расположен был неподалеку от „Детского комбината“. Ребенок этой пары умер, не дожив до полугода, но возлюбленным все же в конце концов довелось встретиться. Он подстерег ее, когда она перевозила на лошади сено вне лагерной зоны. Им удалось вырвать у судьбы два часа счастья, за которым вновь последовало наказание. И вот конец истории: обоим грозит карцер. „Только бы не его, только бы не его“, – шепчет женщина. Он в этот вечер нужен был на сцене, и поэтому наказание его обошло. А она пошла в холодный подвал на пять суток. Пошла со счастливой улыбкой, потому что знала: он любит ее, он – не забыл ее...

Старинная мудрость гласит, что миром правят любовь и голод. Старожилы советских лагерей добавляют при этом, что, несмотря на ужасный подчас голод, любовь то и дело оказывалась в этом тандеме более сильной. Об этом, в частности, рассказывает мой хороший знакомый биолог Сергей Мюге, осужденный в 1947 году по политической статье. Он отбывал свой лагерный срок в Казахстане (лагерь Карабас, неподалеку от города Караганда) и смог убедиться, что никакие ухищрения начальства не могли сдержать тяготение полов в лагере. Внутрилагерная борьба за и против секса особенно ужесточилась после 1946 года, когда началось отделение женских барачков от мужских. К 1948 году это пред-

приятие завершилось по всему Архипелагу. Высокие заборы с колючей проволокой, протянутой по верху, должны были надежно отделить Адама от Евы, Ромео от Джульетты, Дафниса от Хлои. Но в этой борьбе человеческого начала с бесчеловечным человеческое сексуальное чувство постоянно брало верх. С громадным риском мужчины по ночам пробирались в женские бараки, а женщины — в мужские. Там, где прежде разврат соседствовал подчас с настоящей любовью, теперь разгулялся всеобщий и повальный блуд. Если женщина попадала в мужской барак, то ее заставляли вступать в связь не с одним, а с несколькими мужчинами. А случалось и наоборот: в одном лагере женщины поймали молодого парня, перевязали ему член ниткой и насильовали так долго, мучали своими сексуальными притязаниями так сильно, что в конце концов он погиб. Это сексуальное безумие питалось из одного источника — запретов лагерного начальства на сексуальную жизнь заключенных. Сергей Мюге как биолог, склонный к сравнениям из животного мира, говорит, что если женщина попадает на нары мужского барака, то место ее нахождения „напоминает издали клубок спарившихся змей”. Нравы в таких случаях возникают более чем простые. Одного заключенного разбудили среди ночи, и сосед по нарам спросил его, кивнув в сторону обнаженной женщины: „Не хочешь?” Это было произнесено так же, как курящий говорит другому курящему: „Докуришь?”

Чтобы пробраться в барак к мужчинам, лагерницы натягивали мужские брюки и кепки. Но эти хитрости часто не спасали от лап охраны. Стража, ищущая нарушителей порядка, нередко врывается в лагерные бараки среди ночи. Раздавалась команда: „Становись!” Заключенных выстраивали в проходе между нарами. Следующая команда была явно не уставной: „Спустить штаны!” С электрическим фонариком стража обходила ряды сонных мужчин, чтобы убедиться, что у всех в наличии те органы, которые дают право находиться в мужской части зоны. В женской зоне такие же ночные разыскания производили надзирательницы, и, если при этом им удавалось изобличить особу противоположно-

го пола, несчастного (несчастную) немедленно волокли в карцер¹.

Сцены массового блуда, начавшегося в результате разделения мужской и женской частей лагерной зоны, описывает в книге „Архипелаг ГУЛаг” и Александр Солженицын. „Говорят, в Соликамском лагере в 1946 году разделительная проволока была на однорядных столбах, редкими нитями (и, конечно, не имела огневого охранения). Так ненасытные туземцы сбивались к этой проволоке с двух сторон, женщины становились так, как моют полы, и мужчины овладевали ими, не переступая запретной черты”². „Наши тюремщики бесились, — рассказывал мне в Москве один из бывших заключенных, инженер, отбывавший срок на Воркуте. — Но у них грамоты не хватало, чтобы понять, что в создавшейся обстановке действует общеизвестный закон физики: „Каждое действие вызывает равное противодействие”. „Впрочем, — добавлял он, — грамотности социальной и просто грамотности не хватало не только хозяевам лагерных зон, но и хозяевам страны”.

Почему любовь и секс так ненавистны лагерной администрации? Дело не только в производственных соображениях (хотя, в случае невыполнения производственных планов, лагерное начальство лишают денежных премий). Любовь есть зло уже по одному тому, что это чувство может дать радость заключенному. Назначение же тюремно-лагерного механизма прежде всего состоит в том, чтобы, с одной стороны, эксплуатировать зэка, а с другой, не дать ему ни грана личной радости. Любое благо, тайно получаемое узником, противоречит целям советской системы в целом и ГУЛага, в частности.

Итак, в лагерях делается все, чтобы женщины не беременели, но вместе с тем беременность вовсе не является препятствием к аресту. Беременную могут арестовать и посадить в тюрьму только оттого, что она не имеет милицейской

¹ С. Мюге. „Вне игры”. Изд-во ЧМО, 1979, сс. 45–46.

² А. Солженицын. „Архипелаг ГУЛаг”, т. 2, гл. 8. ИМКА-Пресс, 1974, с. 241.

отметки в паспорте — прописки и по милицейской терминологии является „лицом без определенного места жительства”. Что происходит с таким „лицом”, если ему, лицу то есть, приходит время родить, к примеру, в крупнейшей ленинградской тюрьме Кресты? Деятельница женского движения в СССР Г. Григорьева так описывает эту довольно распространенную ситуацию: „Когда приходит срок родов, женщину под конвоем отвозят в дежурный роддом, и, пока роды продолжаются, конвой ожидает в коридоре. При более серьезных статьях (уголовного кодекса. — М. П.) бывает, что конвой присутствует при родах. После того, как женщина родит и отлежит положенные два часа в кресле — обязательный период медицинского контроля, ее сразу же отвозят обратно в тюрьму и помещают в камеру с новорожденным младенцем. Здесь, в камере, несколько женщин с детьми стирают белье, кормят детей, готовят, курят... Прогулка — два часа во дворе, который со всех сторон обтянут железными прутьями — „клетка”. После „Крестов” женщин с младенцами отправляют в особую (лагерную. — М. П.) зону, где женщины работают, а детей содержат отдельно и приносят их кормить. Если же срок наказания большой, 5—6 лет и более, женщине часто приходится отказываться от ребенка, лишиться материнства, добровольно или под давлением”¹.

Григорьева добавляет при этом, что в 1978, особенно морозном, году, когда температура воздуха доходила в Ленинграде до -40°C , заключенных женщин с детьми власти пересылали в неотапливаемых вагонах на дальнее расстояние. Кстати, то был международный „Год ребенка”!

Не потерять ребенка, рожденного в тюрьме или в лагере, почти невозможно. Особенно, если рожать приходится не в Ленинграде, а в Колымском лагере за тридевять земель от какой бы то ни стало цивилизации. Там рожать везут в учреждение, именуемое на индустриальный лад — Деткомбинат.

„Деткомбинат” — это тоже зона. С вахтой, воротами, с бараками и колючей проволокой, — пишет многоопытная лагерница Евгения Семеновна Гинзбург. — Но на воротах

¹ „Женщина и Россия”. Альманах. Париж, 1980 (русск.).

обычных лагерных барачков неожиданные надписи: „Грудничковая группа“, „Ползунковая“... „Старшая“... Да, это несомненно тюремно-лагерный барачок. Но в нем пахнет теплой манной кашей и мокрыми штанишками. Чья-то дикая фантазия соединила все эти атрибуты тюремного мира с тем простым, человечным и трогательным... что казалось уже просто сновидением”¹.

Евгению Гинзбург пришлось несколько месяцев работать на Колыме в этом удивительном учреждении в качестве полусанитарки, полумедсестры. Можно представить себе состояние этой, тогда еще молодой женщины, когда она первый раз открыла двери барака с надписью „Старшая группа“. Она увидела три десятка малышей двух–трех лет, детей в том самом возрасте, в котором был ее сын Вася в тот день, когда ее забирали в тюрьму².

Гинзбург не сообщает о Деткомбинате никаких ужасов. Матерям разрешалось кормить младенцев грудью. Тех, что постарше, тоже голодом не морили. И тем не менее, дети мерли пачками. У тяжело работающих в лагере матерей молока не было, а искусственная пища не шла детям впрок. Эпидемия поноса косила малышей. В этих массовых смертях явственно отпечатывался многолетний голод матерей, те нечеловеческие условия, в которых они вынашивали своих детей. Да и климат заполярный делал свое дело.

Но если даже младенцу из Деткомбината удавалось ускользнуть от гибели в младенчестве, он все равно по своему своему духовному складу оставался тюремным ребенком. Дети, которых видела Гинзбург, до четырех лет не умели говорить. Они выкрикивали отдельные несвязные слова, объяснялись мимикой и нечленораздельными воплями. Двум наиболее развитым детям Евгения Семеновна нарисовала кошку: они не узнали, что это за животное. Да и откуда, действительно, лагерным уроженцам увидеть сугубо домашнее животное! Собак они знали, потому что колонны заключенных сопровождает обычно конвой автоматчиков со

¹ Евгения Гинзбург. „Крутой маршрут“. Т. 2, с. 35.

² Василий Аксенов – ныне известный писатель.

специально обученными немецкими овчарками, огромными псами, готовыми по первой команде вцепиться зубами в горло заключенного. А когда Евгения Семеновна нарисовала на листке бумаги традиционный домик с трубой и заборчик, лагерные малыши сразу узнали, о чем речь: „Барак!“ — закричал мальчик. „Зона!“ — подхватила девочка.

А матери? Они могут оставаться в Деткомбинате только до тех пор, пока кормят ребенка грудью. Потом их возвращают обратно в лагерь, на прежние работы. Многие из них никогда затем своего ребенка не видят. Матери, конечно, есть разные. Есть уголовницы, которые по выходе из тюрьмы норовят оставить малыша на первой же скамейке привокзальной площади. Но есть и настоящие м а т е р и. Чаще всего это те, кого бросили в лагерь по политической статье. „С тоскливо вопрошающим выражением заглядывают они в наши двери, — писала Гинзбург. — И не поймешь, чего они больше боятся: того, что младенец, родившийся в Эльгене (название лагеря. — М. П.), выживет, или того, что он умрет”.

Как ни жестока жизнь в лагере, женщина и мужчина все-таки имеют шанс встретиться там друг друга. Но в так называемой „крытой тюрьме”, где заключенные заперты в камерах, для сексуальных отношений уже не остается никаких лазеек. Правда, случается, что, перестукиваясь через тюремную стенку, какой-нибудь киевлянин узнает, что в соседней камере томится его землячка. Как описывают многие бывшие заключенные, последнее обстоятельство нередко превращает тюремного пленника во влюбленного. В своих мечтах он рисует себе землячку в самых привлекательных красках, передает ей стуком приветы и поклоны. От крайностей платонической любви тюрьма толкает своих пленников в другую крайность, к отношениям, которые уже никакой любви не содержат. Как ни следит начальство, но между камерами всегда есть какая-то связь. Одна из систем межкамерных коммуникаций именуется „конем”. Бывший заключенный советской тюрьмы разъяснил недавно в газете, что это такое. „Распускается на нитки старый шерстяной носок, сплетается нужной длины веревка. Все дальнейшее — дело техники. В узелок кладется пачка махорки, пайка хлеба,

письмо... Привязав груз, заключенный швыряет передачу вдоль стены, а камера, принимающая (подарок), высовывает сквозь решетку прут, вырванный из камерного веника... Несколько секунд – и передача принята. Причем часто на довольно большие расстояния, скажем, из камеры № 114 в камеру № 119, минуя окна четырех камер¹.

Метод „коня” подчас служит для передачи и более уникальных подарков. Так женщины (опять-таки, пользуясь „тюремным телефоном”) просят послать им... мужскую сперму. На тюремном языке это называется „сделать мальчика”. Такая просьба продиктована, как правило, отчаянием. В „крытых тюрьмах” сидят люди, осужденные на сроки от 10 до 25 лет. Попавшая сюда женщина уже не может надеяться на нормальное супружество, на то, что у нее будут дети. И тогда возникает план „искусственного осеменения”. Каким-то чудом заключенные женщины получают с воли презервативы. Они передают резиновые изделия в мужскую камеру. С ответным транспортом из мужской камеры в женскую „конь” доставляет презерватив, наполненный спермой. Мы не знаем подробностей, но не исключено, что заброшенное таким образом мужское семя использует не одна арестантка, а несколько сидящих в одной камере. Беременность в тюрьме имеет для женщины особую ценность: с рождением ребенка женщину, как уже говорилось выше, переводят в „лагерь для мамок”, где условия жизни несколько лучше, чем в тюрьме или в общем лагере. Кроме того, при первой же амнистии такая мать получает шанс получить сокращение срока, а то и вовсе выйти на свободу.

Узницы ГУЛага, получившие возможность забеременеть „искусственно”, старательно сберегают тайну своего зачатия. Однако тюремному начальству удалось однажды раскрыть секрет. В одной из сибирских тюрем забеременело сразу несколько женщин-заключенных. Администрация сменила часть солдат и офицеров охраны, обвинив их в шашнях с арестантками. Но в конце концов был обнаружен „отец”

¹ „Новое Русское Слово” (Нью-Йорк), 24 марта 1983. Г. Тарасевич. „Без любви, без ласки...”.

многочисленных детей, которого все эти „матери” в глаза не видели. Указал на заключенного, давшего свою сперму, доносчик – сосед по камере...

Никто не знает, сколько именно детей зачато в советских тюрьмах посредством искусственного осеменения. Очевидно, можно говорить о десятках, а может быть, и сотнях теперь уже взрослых людей, которые никогда не знали и не узнают имени своего отца. Целое поколение, рожденное без любви и ласки! Что там итальянец Карло Петруччи с его попытками оплодотворять женское яйцо в пробирке! Как известно, Советский Союз любит искать „русский научный приоритет” в любом открытии и изобретении. Судя по всему, в деле искусственного оплодотворения женщин СССР действительно заслужил пальму первенства.

Следует сказать, что любовь и секс не всегда были гонимы в советских лагерях. Лет за десять до событий, описанных Евгенией Гинзбург, в начале 30-х годов, власти сделали попытку приручить Амура, сделать вожделенную близость заключенных, мужчин и женщин, рычагом для выполнения и перевыполнения производственных планов. В те годы „ударники труда”, выполнявшие норму на рудниках в окрестностях Магадана, получали в качестве поощрения право на свидание с женщиной. Это могла быть жена или не жена. В такие детали администрация не вмешивалась. Разрешение на любовь выдавалось на месте, прямо в лагере, минуя Москву. Заключенная женщина, перевыполнившая норму в шахте, также могла заказать себе „мужа”. Для такого рода встреч в некоторых лагерях были выстроены специальные помещения, получившие официальное название Домов свидания. (Кстати сказать, точно так же именовались в России до революции публичные дома для „приличной публики”.)

После появления Домов свидания у хозяев ГУЛага возникла новая идея: ради поощрения за отличную работу разрешать заключенным жениться. Исключение было сделано только для политических: „враги советской власти” не должны были получать никаких поблажек. Зато уголовный элемент в лагерях после этого постановления очень приободрился. Сразу после объявления нового правила в лагерях

сыграли несколько свадеб. А где русская свадьба, там и пьянка, а где пьянка, там драка, там доносы. По доносам началось следствие. Кого-то из „женихов” посадили в карцер, кого-то из начальства разжаловали. В конце концов Москва признала, что браки в лагерях дело нерентабельное, и запретила их.

В следующие десятилетия браки в лагере то разрешались, то запрещались. Сейчас они опять разрешены. Для формальной процедуры в зону прибывает даже представитель ЗАГСа¹. После регистрации молодоженам разрешают прожить трое суток в Доме свиданий. На эти три дня прерывается для них лагерный каторжный труд. Молодые даже получают некоторую долю комфорта: в Доме свиданий есть кухня для приготовления пищи. На третий день мужа и жену разводят по зонам и до конца лагерного срока (у кого 3—5 лет и более) они друг друга не видят. Старый принцип торжествует по-прежнему: любовь и секс не должны мешать росту производительности труда.

... Амур мечется по лагерной зоне. Вседашний властитель сердец, он чувствует себя здесь затравленным. Четырехметровые заборы между мужскими и женскими бараками, колючая проволока, наблюдательные вышки, засовы на барачных дверях, карцеры... Что делать естественному человеческому чувству в этих нечеловеческих обстоятельствах? Никогда не видавшие друг друга в лицо мужчины и женщины по обе стороны забора, пишут друг другу записки. Они предпринимают фантастические усилия, чтобы подать другой стороне весть о себе. Возникает заочная любовь. Совершаются заочные браки, освящаемые заключенными-священниками и заключенными-ксендзами. Это уже не секс и не любовь, а какая-то истонченная заоблачная мистерия чувств. На такое способны немногие. Другие кидаются в противоположную крайность — в однополую любовь.

Лесбиянство и гомосексуализм (мужеложество) ни в старой России, ни в России советской поначалу сколько-нибудь

¹ ЗАГС — запись актов гражданского состояния — учреждение, фиксирующее браки.

широкого распространения не имели. Однополая любовь почти повсеместно порождена была советским лагерным бытом, лагерными запретами на нормальную жизнь. С тех пор как в 1933 году был принят закон, преследующий мужеложество, этот тип преступления непрерывно распространяется, ибо миллионы прошли через сталинско-хрущевско-брежневские лагеря. И хотя сведения о преследовании за гомосексуализм в СССР не публикуются, в изданной в 1970 году в Москве книге видного юриста можно прочитать, что в 1966 году осужденные за мужеложество составили по стране 0,1 процента всех осужденных¹. Очевидно, это немалая цифра, ибо в Советском Союзе суды осуждают ежегодно сотни тысяч человек.

Что же происходит в лагере? Частично педерасты приходят в зону с воли, но значительно чаще заключенные становятся гомосексуалистами в лагере. Старые уголовники возвращают молодежь. Порой молодые идут на это добровольно, но многих гомосексуалистами делают насильно. Неписанный лагерный закон требует изнасиловать вора, укравшего что-то у товарища, или игрока, не отдавшего карточный долг. Изнасилование — форма наказания и совершается публично под хохот и шуточки беснующейся вокруг толпы. Тот, кого однажды публично изнасиловали, становится неприкасаемым, парией. Теперь уже всякий может потребовать от него полового удовлетворения. Такой изнасилованный теряет всякое уважение заключенных. С ним не желают есть из одной посуды, его могут запросто избить, выгнать из барака на холод. Иначе как „пидер” и „шлюха” его не называют. Вместе с тем случается, что молодые пассивные педерасты становятся объектом ревности и драк среди заключенных, а старые опустившиеся, зловонные педерасты ходят по лагерю, предлагая себя за заварку чая или пару сигарет.

Но есть в лагерном аду круги еще более страшные. По существующим правилам, в лагере строгого режима, где содержатся, с одной стороны, противники режима, а с другой, — самые неисправимые уголовные преступники, заключен-

¹ А. А. Герцензон. Уголовное право и социология. Москва, 1970.

ные могут получить свидание с женой не чаще, чем раз в году, и не дольше, чем на трое суток. Свидание дается как награда за хорошее поведение и отнимается, если лагерному начальству покажется, что заключенный был недостаточно послушен. Житель Свердловска Владимир Маркман, осужденный на три года строгих лагерей за то, что он позволил себе позвонить по телефону в Израиль (середина 70-х годов), описал позднее свою жизнь в лагере¹. Вот как выглядел разговор в бараке после того, как один из заключенных вернулся со свидания с женой:

„Посыпались обычные в таких случаях мерзопакостные шутки, — пишет Маркман.

— А ко мне никто не приезжает на свидание, — сказал молодой уголовник Генаша. — У меня только мать есть, из родственников-то, так и та боится — знает, что я ей там все разорву.

— Ну, Генаша, ты уж слишком, — сказал я. — Родную мать?

— А чего с ней церемониться? — сказал Генаша. — Здесь многим из-за этого не дают свидания с матерями. А уж с моей матерью сам Бог велел. Проститутка. Родила, падла, троих детей. Приводила домой мужиков, шла с ними, при свете жарилась,¹ а мы сидели напротив на койке и смотрели. В комнате всего две койки было. Кто же мог из нас вырасти? И ты еще хочешь, чтобы я с этой шлюхой церемонился?

— Всунуть ей, суке, — сказал Амбал...”

Мужчины, не выходящие на свободу десятилетиями, в конце концов теряют сексуальный интерес не только к женщинам, но и к существам одного с ними пола. Лагерь стали местом, где ныне процветает скотоложество. Владимир Маркман рассказывает:

„В жестянку (очевидно, металлическая будка. — М. П.), согнувшись, вошел Леха, держа за хвост пойманную крысу.

¹ Владимир Маркман. „На краю географии”. Издательство „Москва—Иерусалим”, 1979 (по-русски). Лагерный термин „жарить”, „жариться” соответствует английскому to fuck.

— Что опять про девок разговор? — сказал он...

— А я не могу их жарить, — сказал один из эзков. — Лучше бабы ничего не может быть на свете.

— Скажешь тоже, — сказал Леха, запихивая крысу в клетку. — Я вот всех перепробовал, начиная с домашней птицы и кончая лошадьми. А вот бабу так и не попробовал. И не представляю, что это такое. Да и много ли тут таких, что у них баба была?

— Кобыла — это хорошо, — сказал Амбал. — Раньше в лагере были кобылы, так хорошо было. А теперь хозяин (начальник лагеря. — М. П.) запретил на них возить, все мерины, некого и трахнуть. Хоть бы на дальние командировки угнали, там с кобылами попроще..."

Маркман рисует картину, открывшуюся ему в Красноярском лагере в середине 70-х годов. А вот информация, датированная декабрем 1979 года. Место действия: тюрьма в Ленинграде, печально знаменитые „Кресты”.

„Не менее половины женщин так или иначе занимаются лесбийской любовью, — рассказывает ленинградка Галина Григорьева, опрашивавшая узниц „Крестов”. — Администрация запрещает и преследует такую практику, как извращение, но безрезультатно... Отношения между лесбиянками в тюрьме складываются аналогично связи женщины с мужчиной. Одна женщина более мужественная по свойствам характера или физиологическим особенностям, а иногда и в силу социального ее престижа — играет роль мужчины, мужа и называется „верх”. Другая, часто более слабая, женственная — становится женой и называется „низ” (существуют определения и сугубо зоновские, нецензурные...) Они составляют пару или семью. „Муж” защищает свою напарницу, обеспечивает безопасность, престиж, „жена” ведет хозяйство в тюремном масштабе. „Мужу” дается и мужское имя, например — если у женщины фамилия Петрова, ее зовут Петром, Дмитриева — Димой и т. д.”

Узницы ленинградской тюрьмы вспоминают: „Психическое самоудовлетворение „верха” не ограничивается собственным оргазмом, „низ” тоже доводится до экстаза. Сексуальные контакты осуществляются, как правило, тайком,

в укромных уголках... Не надо думать, что эти отношения преследуют только сексуальное удовольствие. Удовлетворяется и чувство дружбы. Между лесбиянками действительно существует любовь, часто требовательная, доходящая до острой ревности. Связи между такими женщинами сохраняются иногда и после освобождения (из тюрьмы. — М. П.)”¹.

...Творцы советской лагерной системы сделали все, чтобы преградить Амуру путь за колючую проволоку, чтобы извратить самое понятие л ю б о в ь, изуродовать самую суть вечного чувства. Но природа оказалась сильнее охраны с автоматами и дрессированных овчарок. После 67-ти с лишним лет советских лагерей малыш с луком и стрелами может с победоносной улыбкой повторить афоризм украинского философа Григория Сковороды: „Мир ловил меня, но не поймал...”

¹ Галина Григорьева. „Женщина в тюрьме”. Альманах „Женщина и Россия” (по-русски). Париж, 1980.

ГЛАВА 14. ТРАДИЦИИ И НРАВЫ

В начале 60-х годов московский литературный критик и писатель А. С. предпринял поездку по русскому Северу. В деревне на реке Мезень они с женой остановились в избе крестьянина Василия Федоровича. Слава о нем шла неважная: в свои 35 он уже отсидел в лагере срок за воровство. Матерщинник, хулиган, пьяница, совратитель, он переспал со всеми учительницами окрестных школ. И все же было в этом разболтанном мужике что-то притягательное. Он несомненно был природно одарен: отлично рассказывал и даже собирался написать роман о своих мужских похождениях. К женщинам Василий Федорович относился лишь как к предмету потребления, проявляя к прекрасному полу высшую степень пренебрежения. Своей гостье, московской интеллигентке, он объяснял после рюмки водки: „Как же ты можешь меня учить, если у тебя одна голова, а у меня две”. При этих словах он торжествующе тыкал себя в причинное место.

Москвичи пригласили мезенского мужика приехать погостить у них в столице, и вскоре он появился в Москве. Среди

прочих развлечений, которые приготовили для своего гостя писатель и его друзья, было посещение знаменитой Третьяковской галереи. Сопровождал Василия Федоровича по залам Третьяковки друг супругов С. крупный искусствовед Г. В галерее и произошел поразивший москвичей казус. В зале искусства XIX века среди картин знаменитого русского художника Карла Брюллова мезенский крестьянин увидел нечто такое, что заставило его остолбенеть. Остановившись перед картиной, изображающей нагую женскую фигуру, Василий Федорович вдруг густо покраснел, закрыл лицо согнутым локтем и отвернулся. У него от волнения даже голос пропал. „Вот уж не ожидал... — просипел он. — Такое уважаемое учреждение и такой стыд показывают...” В крайнем расстройстве и возмущении Василий Федорович покинул прославленную галерею.

„Поведение нашего гостя показалось нам сначала необъяснимым, — комментирует этот эпизод писатель С. — Но, поразмыслив, мы поняли, что для него и его земляков это вполне естественная реакция. Интимные отношения с женщинами для Василия Федоровича, с одной стороны, крайне желательны, а с другой, — чрезвычайно постыдны. Настолько постыдны, что ни говорить о них, ни тем более изображать их ни в коем случае нельзя. Это — табу. Таков символ веры этого матерщинника и развратника из северной русской деревни.

Рассказ А. С. (ныне он преподает в одном из наиболее престижных университетов Франции) напомнил мне множество такого же рода примеров в жизни и литературе. Он очень распространен, этот тип людей, у которых стеснительность, боязнь малейшего упоминания о функциях тела, об интимных отношениях соседствует с грубейшей руганью и подчас с хамским отношением к женщине. В деревне такой тип встречается чаще, в городе несколько реже, но в целом такова основная, массовая психологическая конструкция мужчины „из простых”. Двойственность эту отмечают многие советские писатели, особенно те, что пишут о деревне. Василий Белов, вполне официальный „деревенщик”, книги которого тем не менее полны сцен массового беспорядного

пьянства, сквернословия, легких связей, напоминающих спаривание животных, вместе с тем описывает такую неожиданную как будто сцену. В деревенский магазин среди прочего товара привезли на продажу картину в раме — репродукцию классического полотна Рубенса „Союз Земли и Воды”¹. Когда окруженный крестьянками-покупательницами возчик товара Мишка ободрал с картины обертку, он даже „шелкнул от радости языком”:

— Мать честная! Бабы, вы только поглядите, что мы привезли-то!.. Бабы как взглянули, так и заплевались, заругались: картина изображала обнаженную женщину.

— Ой, ой, унеси лепший, чего и не нарисуют. Уж голых баб начали возить! Что дальше-то будет?..

— Возьми да над кроватью повешай, не надо и жениться.

— Ой, ой, титьки-то!

— Больно рамка-то добра. На стену бы для портрета.

— Я дак из-за рамки бы купила, ей-богу, купила.

Картину купили „для портрета”. По просьбе хозяйки картины Мишка выдрал Рубенса из рамки и свернул его в трубочку”¹.

Рассматривая голую красавицу Рубенса, литературные герои из книги Белова смущаются не меньше, чем вполне реальный Василий Федорович перед картиной Брюллова. Они прячут смущение за грубоватыми шутками (мужчины) и криками негодования (женщины). Но суть та же: нагое тело — не может, не должно появляться публично. Даже на картине. Ту же реакцию можно встретить и в городе. Продавщица ленинградского магазина Светлана Ш. вспоминает, как в середине 70-х годов, когда ей было 20, а матери ее, кассирше магазина, 40, они пошли вместе на польский кинофильм. По ходу фильма показана была сцена, в которой полуодетые любовники ласкают друг друга. В этом месте мать возмущенно зашептала дочери: „Это безобразие! Она целует его прямо в живот! И такое показывают людям...” Сорокалетняя кассирша магазина, живущая без мужа и имеющая любовника, естественно, догадывалась, что в постели мужчины

¹ Василий Белов. „За тремя волоками”. М., 1960, с. 27.

и женщины могут целовать друг друга не только в лоб. Но одно дело знать и даже пользоваться своими знаниями, а другое — видеть на экране. Видеть т а к о е по русским традиционным понятиям не полагается. И особенно не полагается, чтобы т а к о е видели другие. Стыдно...

Жительнице провинциального среднерусского городка тридцатипятилетней бухгалтерше, показали рекламу Венского балета. Бухгалтерша посмотрела на портреты балерин в пачках, с открытыми плечами и решительно отрезала: „Я БЫ НА ТАКОЕ НИКОГДА НЕ СОГЛАСИЛАСЬ. Бухгалтерша не может позволить, чтобы ее видели с открытыми плечами и ногами, но готова поставить поллитра водки соседу-механику, чтобы он тайком, убежав от жены, переспал с ней. Таков двойной стандарт российской сексуальной этики.

Стесняются в Советском Союзе не только кинокадров и рекламных плакатов, но и печатного слова. Несколько горожанок, у которых я брал интервью, признавались, что, уже будучи взрослыми, не решались принести в дом официально изданную в Москве книгу восточногерманского врача Нойберта о супружестве. Книга эта более чем благонамеренная (скорее даже филистерская) не содержит, с точки зрения нравственности, не только ничего рискованного, но даже сколько-нибудь достаточной информации, необходимой для молодых супругов. И тем не менее, взрослые женщины: учительница из Запорожья, цензор из Баку и библиотекарь из Москвы постеснялись показать ее своим мужьям и родителям.

Если так боятся слова написанного, то что говорить о слове звучащем! В Ленинградском педагогическом институте было решено давать будущим учительницам также военную специальность медицинской сестры. Для этого девушкам надлежало прослушать весьма краткий курс анатомии и физиологии. Приглашенные преподаватели, однако, постеснялись излагать 22-летним студенткам главы об акушерстве и гинекологии. Они раздали студенткам учебники и попросили прочитать соответствующие главы самостоятельно. „Если что-то будет неясно, — можете задать вопросы”, — сказал преподаватель. Вопросов не последовало, студентки тоже застеснялись обсуждать вслух столь „щекотливую тему”.

Эпизод этот рассказала мне бывшая студентка из Ленинграда. А вот свидетельство женщины-врача, преподавательницы школы Медицинских сестер в Одессе. „Как гинеколог я обязана была читать нашим девочкам лекции по половым проблемам. При этом я никогда не рисковала обнажать перед моими 16–17-летними слушательницами „суть вопроса”, — признается она. — Воспитание, которое получило мое поколение, набрасывало вуаль стыдливости на всю эту сферу жизни”. Никто не запрещал объяснять будущим медсестрам подробности, относящиеся к половому акту, но врач сама не была готова к этому. „Вся обстановка советской школы не располагала к откровенности”, — добавляет пожилая преподавательница. Интересно, что юные студентки медицинской школы тоже никогда не задавали учительнице никаких рискованных вопросов. Это не мешало им убежать по ночам из общежития, чтобы заняться любовью со случайными парнями на одесском бульваре. Такое удивительное, на первый взгляд, противоречие российской натуры наилучшим образом выражает русская же пословица: ГРЕХ — НЕ БЕДА, МОЛВА НЕХОРОША...

Боязнь слова о сексе, страх перед „молвой” эмигранты привезли с собой в Америку. Вот как работает это табу в условиях эмиграции. В Нью-Йорке над одной из молодых семей нависла угроза распада. Семья молодая, интеллектуальная, супруги любили друг друга, жили дружно. Но, очевидно, психические перегрузки, связанные с выездом из России, подорвали сексуальные силы мужа. Жена, однако, не поняла его состояния и повела дело к разводу. Друг мужа посоветовал ему обратиться к сексологу. Последовал резкий отказ: „Я не собираюсь обсуждать с посторонними лицами свою личную жизнь”. В этом ответе ленинградского инженера, человека русско-советской ментальности, таится не только традиционная стеснительность, но и распространенная в советском обществе боязнь внести в сферу секса что-то искусственное, подменить привычные и, как людям кажется, н о р м а л ь н ы е половые отношения каким-то суррогатом. Восемнадцатилетней ленинградской студентке принесли почитать машинописный доклад врача-сексолога.

Она отказалась знакомиться с рукописью. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВСЕ БЫЛО ЕСТЕСТВЕННО, — объяснила она. Как и тот ленинградский инженер, что не захотел пойти к врачу-сексологу, девушка опасалась, что рекомендации постороннего в столь тайной и интимной области внесут стыдную неестественность, какой-то эрзац половой любви.

Понятие о должном в сексе предполагает у россиян прежде всего обязательную стыдливость женщины. Желая подчеркнуть высокие нравственные качества своей жены, московский банщик с гордостью говорит, что за 40 лет их брака он ни разу не видел ее голой. Точно так же стесняются показать себя обнаженными партнерам по сексу почти все люди русско-советской ментальности, с которыми мне приходилось разговаривать. „Чем больше мне нравится мужчина, тем менее я склонна предстать перед ним обнаженной”, — говорит молодая привлекательная ленинградка 30 лет. Многие замужние дамы, опять-таки в соответствии с понятием о скромности и стыдливости, ложатся спать с мужем, не снимая бюстгалтера. В уже упоминавшейся выше книге Владимира Гусарова рассказывается, что многолетняя любовница автора, почти его жена, укладываясь в постель, всегда выключала свет. „Я стыдаюсь”, — говорила эта простая провинциальная женщина¹. То же чувство испытывают, очевидно, миллионы других российских провинциальных и столичных пар, предпочитающих заниматься сексом только в темноте.

От женщины требуют скромности на всех этапах ее отношений с мужчиной: от первого знакомства до последнего оргазма. Скромность воспевается в официальных советских песнях², о ней твердят девочкам в школе, студенткам в институте, говорят на комсомольских и на партийных собраниях. Призывы эти мало чему помогают, особенно, когда речь идет о новых поколениях, но официальная мораль продолжает все претензии предъявлять именно женщине. Мужчины в семье охотно присоединяют свой голос к этому хору. Молодая медицинская сестра из Харькова жалуется своей

¹ Вл. Гусаров. „Мой папа убил Михозлса”. „Посев”, 1978, с. 394.

² „Я приду на свиданье к тебе, только первая шагу не сделаю”.

подруге на то, что муж-инженер постоянно ругает ее за нескромность: „Почему на улице на тебя обращают внимание мужчины?“ Жена готова согласиться с мужем: оглядываются — это нехорошо. Этого допускать не надо. „Я уж и причесалась гладенько, как Надежда Константиновна Крупская (жена Ленина. — М. П.), и кофточку купила скромненькую, а мужики все равно смотрят, — сокрушается она. — Ты же знаешь, какая у меня грудь: десятый номер (бюстгальтера. — М. П.) покупаю”.

Принцип п р а в и л ь н о г о поведения в сексе состоит для советской публики также в том, чтобы вся инициатива в интимных отношениях принадлежала только мужчине. Женщина должна оставаться пассивной. Быть инициатором в любви, а тем более в сексе — неудобно, стыдно. В частности, зазорна всякая попытка женщины выявить свои желания в постели, объяснить, какие именно действия мужчины были бы ей более приятны. Большинство русских мужчин считают любую инициативу женщины признаком ее распущенности, развращенности. В интеллигентной среде сегодня такой нетерпимости уже нет, но простолюдины и так называемая „образованщина” остро реагируют на каждое нарушение традиционного распределения сексуальных ролей.

Касаясь этой традиции, москвичка, преподающая ныне языки в одном из американских университетов, высказала неожиданное суждение о том, что традиционная и вынужденная пассивность русской женщины в любви отнюдь не всегда и не везде зло. „Американские мужчины, — говорит она, — не слишком требовательны в постели. Американские женщины же, наоборот, крайне активны и требовательны. Более мягкие русские женщины, которые не считают возможным что-либо навязывать партнеру, нравятся американским мужчинам больше. Они предпочитают русских женщин, чтобы отдохнуть от своих американских подруг, которые их буквально насилюют”.

Одно из важнейших табу российского секса относится к позам мужчины и женщины в момент полового акта. Правильной, нормальной считается только поза традиционно христианская: лицом к лицу, женщина внизу, мужчина на-

верху. Всякая попытка разнообразить позы вызывает у женщин сопротивление. Им видится в этом разнообразии нечто оскорбительное, грязное. Такого же мнения держатся и некоторые мужчины. Так, в частности, думает 30-летний ленинградский шофер, который водит грузовые тяжелые автомобили в далекие рейсы. Жена его, 25-летняя продавщица, под секретом пожаловалась сестре мужа, что интимные отношения их с мужем крайне однообразны, если не сказать скучны. Она хотела бы как-то разнообразить их, но стесняется сказать об этом мужу. Сестра завела разговор с братом. Но тот сказал ей, что ничего менять в своем сексе не намерен. В поездках, разъяснил шофер, ему не раз приходилось видеть, как мужчины и женщины вступают в половую связь в самых неестественных, как ему кажется, позах. Он никогда не предложит ничего подобного своей жене, потому что она ее уважает.

Может показаться, что людям такого толка, как ленинградский шофер, не хватает просвещения, популярной книги или лекции. Но в действительности это не так. Традиции в России подчас значительно сильнее информации. Я уже упоминал выше семью из Харькова, где муж — инженер, а жена медицинская сестра. После 8-и или 9-и лет довольно унылой интимной жизни паре этой попала в руки напечатанная на машинке рукопись о сексе. Супруги с интересом принялись штудировать необычный текст. Что уж они из него извлекли, — неизвестно, но через несколько дней жена позвонила своей подруге-учительнице и пожаловалась: „Вася говорит, что я вношу разврат в нашу семью”. — „Что же ты сделала?” — „Вроде ничего особенного... Действовала, как в той бумаге было написано, — подняла ноги выше, чем обычно...”

Еще более неприемлем с точки зрения среднего советского человека оральные секс¹. Женщины крайне редко соглашаются на минет. Оральный секс осмеивается в мужских компаниях. А многие женщины вообще никогда не слыхали о такой форме половых отношений. Ленинградского врача-сексолога, находившегося как-то в гостях, группа замужних

¹ В Советском Союзе в таких случаях говорят „делать минет”.

интеллигентных женщин увела на кухню и вдали от мужей долго допрашивала, что такое минет, можно ли считать его пристойным занятием для супружеской пары и не повредит ли такое занятие здоровью (середина 70-х годов). Драматическая история возникла на той же почве в Одессе. Двадцатидвухлетний рабочий, уже довольно опытный в делах секса, женился на 18-летней девушке. В первую брачную ночь он стал учить ее оральному сексу. Попытка эта была связана не столько с излишествами его мужского опыта, сколько с боязнью потерпеть фиаско в первую ночь с молодой женой. Парень хотел гарантировать себя на тот случай, если, после выпитого на свадьбе вина, проявит слабость. „Все так делают”, — объяснил он новобрачной. Она была смущена, но не противилась. Через несколько дней, однако, молодая женщина поделилась своими брачными впечатлениями с подругой. Та принялась ее стыдить, объясняя, что муж надругался над ней, совершил с ней нечто крайне позорное для женщины, низвел ее до положения проститутки. Потрясенная этими разоблачениями, жена немедленно убежала от мужа, а затем и разошлась с ним официально. Общественное мнение было целиком на ее стороне.

Случается и обратное: инициативу в оральном сексе, хотя и редко, берет на себя женщина. Этим она пытается показать мужчине свою верность и любовь. Оскорбленным в этом случае чувствует себя мужчина. В соответствии с российскими нравами он подозревает свою подругу в половой разнузданности, в излишнем половом опыте. А в деревнях, где женщина порой делает минет тайком, когда муж спит, мужик может и избить бабу „за разврат”.

Ужас перед оральным сексом советские граждане привезли с собой в эмиграцию. Приехавшая недавно из Киева пятидесятилетняя одинокая женщина познакомилась в Нью-Йорке с пожилым мужчиной, который предложил ей сожитительство. Он предупредил ее, однако, что способен лишь к оральному сексу. Киевлянка согласилась на эти условия и даже переехала жить к бойфренду. Но своей подруге киевлянка призналась, что нынешнее поведение приводит ее в ужас. „Я была 30 лет замужем и ничего подобного между нами не

происходило, — говорит она. — А теперь я так опустилась... Если бы об этом узнал мой покойный муж, он никогда не простил бы мне этого...”¹

...Девственность, целомудрие — с давних пор качества эти почитались в России для девушки обязательными. Физическая девственность считалась залогом чистоты нравственной и душевной. С обязательством „блюсти себя” связан в России давний обычай: наутро после брачной ночи родственники новобрачных вывешивали для общего обозрения простыню молодых. Пятна девичьей крови должны были свидетельствовать о безгрешности невесты. Казалось бы, в конце XX века этот средневековый обычай должен был превратиться в анахронизм. Но мои беседы с новыми эмигрантами из СССР показывают, что нравы XVI—XVII столетий живучи.

Уроженка деревни, расположенной неподалеку от Москвы, рассказала историю своего замужества. В 1966 году ей было 18. Ее жениху, деревенскому парню, — столько же. Сразу после свадьбы он должен был уйти в армию. Пышная свадьба, однако, закончилась печально. Наслышавшись о боли, которую приходится терпеть при первом половом сношении, невеста не отдалась жениху. Наутро пришли родственники мужа, которые потребовали простыню молодых. Ее необходимо вывесить на заборе, чтобы у соседей не возникало никаких сомнений в высокой нравственности новобрачной. Вывесить простыню без пятен крови значило оскорбить

¹ Антипатию к минуте, хотя и косвенно, передает анекдот, имеющий широкое хождение в СССР. „Заводская уборщица Маня стала появляться на людях в слишком дорогих платьях и обуви. „Общественное мнение” всполошилось: откуда при манькиной копеечной зарплате у нее такие вещи. Донесли начальству. Пожилой партийный начальник цеха начал допрос строго: „У тебя что же, Мария, появились дополнительные доходы?” — „Да, Иван Иванович, я занимаюсь оральным сексом”. От смущения начальник закашлялся, покраснел. „Это что же значит, Мария, — начал он неуверенно. — Тебя... что же... за деньги... е...т в рот?” — „Нет, вы не так меня поняли, Иван Иванович. Вы сколько на работе получаете?” — „Ну, я 250 в месяц”. — „А я 250 зарабатываю в неделю, — заявила Манька. — Так кого же из нас е...т в рот, Иван Иванович?”.

и мужа, и его родителей. Поэтому молодая жена проявила твердость и простыню не дала. В дальнейшем это вызвало конфликт в семье и развод супругов.

Советская пресса, как я уже писал, принципиально не касается столь деликатных тем. Но в середине 70-х годов в газете „Комсомольская правда” все-таки промелькнула статья официозной журналистки Татьяны Тэсс „Ошибка”, из которой стало ясно, что средневековый идеал девственности по сей день дорог не только деревенскому, но и городскому советскому жителю.

В городе Иваново жила и трудилась передовая комсомолка-активистка, — пишет Татьяна Тэсс. — Она полюбила курсанта местного авиационного училища и он полюбил ее. Пока молодые люди ходили вместе в кино, гуляли по парку, курсант закончил учение и был произведен в лейтенанты авиации. Тут подросла и свадьба, веселая, комсомольская, с подарками от месткома и с речами. Невеста жила, естественно, в рабочем общежитии, а жених — в казарме. Но добрые рабочие девушки, подружки невесты, решили на „медовый месяц” уступить молодым свою комнату в общежитии. Сами они перебрались в другие комнаты, потеснив остальных. Отгремела музыка, молодых отвели в их комнату, гости разошлись. И вдруг среди ночи женское общежитие было разбужено криками молодоженов, между ними происходил скандал. Затем дверь спальни распахнулась, и красный от возмущения молодой лейтенант появился в общем коридоре. Волоча в одной руке свой чемодан, а в другой шинель, он с криками: „Проститутка! Грязная тварь!” помчался к выходу.

Верная принципам традиционного советского ханжества, Татьяна Тэсс не стала объяснять читателям, что именно произошло между молодыми супругами. Но русский читатель понял суть коллизии. На брачном ложе лейтенант авиации обнаружил недостачу: его жена не сохранила свою девственность. По добрым стандартам XVI—XVII столетия он почувствовал себя опозоренным и немедленно излил свои чувства публично. Журналистка, описавшая эту сцену, не нашла в поведении советского офицера ни дикости, ни хамства. Она по-

пыталась даже убедить своих читателей, что произошла ошибка. Ошиблись оба. Лейтенант слегка погорячился, а девушке, действительно, следовало бы вести себя осмотрительнее. К этому примерно и сводится нынешняя официальная позиция советских идеологов. Личная судьба девушки в этих рассуждениях занимает третьестепенное место...

Я уверен, что большинство читателей статьи Татьяны Тэсс оценили и историю в городе Иваново точно так же, как и автор „Комсомольской правды”, а многие, очевидно, были даже на стороне оскорбленного в своих чувствах лейтенанта. В области морали официальная позиция партийных идеологов не слишком отличается от взглядов массового советского человека.

Поскольку в СССР обсуждать проблемы секса вслух возможности нет, то бесчисленные личные драмы остаются в тайне и не беспокоят общество. Ошибки отцов ничему не научают детей. Вот один из таких „тайных” эпизодов, произошедших несколько лет назад в Харькове.

Анна М., воспитанная в строгой интеллигентной еврейской семье, решила выйти замуж за русского юношу, с которым работала в одном учреждении. „До того, как мы подали заявление в ЗАГС, я ничего такого ни ему ни себе не позволяла, — вспоминает она. — Но когда документы были поданы, я решилась... В родительскую квартиру привести его до свадьбы нельзя было. Никакой другой квартиры у нас не было. Но у меня был служебный кабинет с диваном... Мы часто дежурили с ним в ночную смену. В ту ночь я долго, очень долго, заполняла служебные журналы, оттягивая время. Если бы только мои родители знали, на что решилась их дочь! Страх и стыд, любовь, любопытство и гордость от собственного мужества раздирали меня. Глупая девчонка... Наконец, далеко за полночь я позвонила ему: „Приходи”. Мы оказались на диване, и в тот же миг я услышала от своего первого мужчины: „Ты девочка?” Лучше бы потолок обвалился на нас. Я была оскорблена, унижена его душевной глухотой. Сказала зло: „Проверяй!” Этим вопросом все было для меня испорчено...”

Анна прожила замужем пять лет. Но та крошечная трещина, которая возникла в первый миг их супружества, в конце концов, привела к крушению семьи.

Представление о девственности как о некоей личной и социальной ценности бытует во всей толще советского общества. Представление это сохраняется даже в таких низах, где, казалось бы, о такой материи, как девичество, некому и задумываться. Одесский шофер привел в квартиру своего неженатого приятеля, тоже шофера, девицу лет 23-х. Девица, студентка, прирабатывающая проституцией, готова была за двадцать рублей обслужить обоих клиентов. Но при этом она ставила условием не покушаться на ее девственность. На ее языке это звучало так: „Мальчики, не вздумайте в письку, я не дамся. Только в попочку. Я хочу выйти замуж за хорошего человека, как ч е с т н а я”. Шоферы с пониманием отнеслись к этому аргументу. Сохранять девичью честь ради будущего удачного супружества казалось им делом резонным. „Мы дали ей по червонцу, — рассказывает один из участников эпопеи. — И пусть идет со своей ц е л к о й...”

В главах 10 и 11 (о проститутках) я уже писал, что подобные нравы распространены также в Баку. Остаться ч е с т н о й для своего потенциального мужа желают и многие „гулящие” девушки Москвы, Ленинграда и Киева. Есть в Советском Союзе, однако, и принципиальные противники древней традиции. „Я считаю девичью невинность после 18-и признаком элементарной безграмотности и малограмотности, — заявил преподаватель одного из ленинградских институтов, обвиненный в многочисленных романах со студентками. — Я боролся и буду бороться с этой малограмотностью”.

Впрочем на рубеже 80-х годов никакого особенного героизма для борьбы с сексуальной женской „малограмотностью” уже не требуется. Об этом говорят не только цифры (см. главу „Дети — наше будущее”), но и анекдот, созданный опять-таки в Ленинграде: „Как известно, Дворец бракосочетаний в Ленинграде находится на набережной Красного Флота. Чтобы попасть в этот Дворец, женихи и невесты вынуждены пройти перед знаменитой статуей Петра Первого, который, сидя на коне, простирает руку вдаль. Есть преда-

ние, что, если мимо Петра во Дворец бракосочетаний пройдет ч е с т н а я д е в у ш к а, царь приветственно поднимет свою бронзовую длань вверх. Но пока ничего такого еще не случилось...”

Говоря о меняющихся нравах российского секса, нельзя не вспомнить, как изменилось за годы советской власти отношение общества к внебрачным детям и внебрачным отношениям. До революции 1917 года общество безжалостно клеймило незамужнюю мать. Внебрачных детей, особенно в деревне, награждали самыми оскорбительными кличками, среди которых „выблядок” было еще не самым грубым. Революция и гражданская война, аресты 30-х годов принесли демографическую дисгармонию, в результате которой незаконно-рожденных стало больше и отношение к ним несколько смягчилось. Сталин вернул ситуацию к дореволюционной. В главе 4-ой я уже говорил о сталинском законе от 8 июля 1944 года. Дети, родившиеся вне зарегистрированного брака, по этому решению стали получать документ, в котором на месте, где обозначается имя отца, ставился прочерк. Этим прочерком подчеркивалось незаконное появление младенца на свет, метрика становилась обвинительным документом против матери-одиночки. Общество было ориентировано на то, чтобы рассматривать такую одинокую мать как полупроститутку.

Между тем недостаток мужчин в стране вел к тому, что матерей-одиночек становилось с каждым годом все больше, и все больше становилось так называемых „детей с прочерком”. В июньском номере журнала „Наш Современник” за 1975 год опубликован отчет, из которого видно, что в середине 70-х годов каждый десятый ребенок, рождающийся в стране, — „незаконный”, то есть вне брака в СССР рождается ежегодно никак не меньше 400.000 малышей. Эта миллионная армия матерей-одиночек и их детей постепенно изменила отношение к себе общества.

Вот лишь один пример — Белоруссия. Там ежегодно рождается от 37 до 40 тысяч детей без отцов. Белорусские социологи попытались определить, как именно сами женщины относятся к факту появления на свет внебрачного ребенка. В первый раз они провели опрос среди незамужних жен-

щин, работниц Камвольного комбината в Минске в 1974 году. Тогда на вопрос „Считаете ли Вы, что девушке позорно иметь внебрачного ребенка?“ 66,5 процента работниц ответили: „Да, позорно“. Но три года спустя, в 1977 году, на том же комбинате, на те же вопросы работницы дали совсем другие ответы. Рождение внебрачного ребенка нравственно оправдали 63,2 процента незамужних женщин¹. Можно, конечно, удивляться столь быстрой перемене общественного мнения. Но я думаю, что новая точка зрения связана лишь с тем, что советские фабрично-заводские работницы быстро освобождаются в последние годы от придавленности и скованности и начинают более откровенно высказывать то, что у них накопилось. Жизненная же ситуация для этих женщин вот уже много лет остается одинаковой: они бегут из деревень в надежде выйти замуж в городе, но и в городе это им не удается, мужчин не хватает и здесь. В городе, однако, деревенская девушка уже не чувствует над собой строгого надзора родных и знакомых. Ощущение „свободы“ приводит к чувству безнаказанности. Она бросается в водоворот легких, коротких связей, завершающихся чаще всего нечаянной беременностью. Ей и ее подружкам по фабрике не остается ничего другого, как оправдывать появление внебрачных детей. Общественное мнение на поверку оказывается вынужденным...

Так же быстро смягчается общественное мнение и по отношению к добрачным связям. Ленинградский ученый С. И. Голод опросил 500 студентов университета относительно их отношения к внебрачным и добрачным половым отношениям. Осудили добрачные отношения только 27 процентов студентов; 38 процентов оправдывают такие связи и 35 относятся к проблеме безразлично². Такие же цифры получили и белорусские социологи. Из 1230 работниц Специального конструкторского бюро, Минского камвольного комбината и Завода подшипников половина вступила в по-

¹ Г. В. Яковлев. „Охрана прав незамужней матери“. Минск, 1979, сс. 21–22.

² Харчев и Голод. „Человек и общество“, вып. VI, Л., 1969, с. 133.

ловые отношения с будущим мужем (женой) до регистрации брака. Интервью с молодыми работниками этих предприятий показало, что в большинстве своем они не видят в таких связях ничего зазорного. Свой отчет белорусские социологи завершили фразой, звучащей весьма меланхолически: „Следует констатировать общую тенденцию к либерализации моральных взглядов молодежи в рассматриваемой области”¹.

* * *

Боюсь, что некоторые читатели укорят меня за то, что я пытаюсь изобразить единую этическую систему в стране, которая протянулась на многие тысячи километров с запада на восток и с севера на юг, в государстве с населением в 270 миллионов, населенном десятками народов. Опасность упрощения действительно существует. И тем не менее, нравы, которые я описываю, распространены довольно широко. Наиболее естественны они для славянских народов, а также для тех национальных групп, которые, с одной стороны, сильно русифицированы, а с другой, подверглись активной обработке в духе коммунистических идей. Если оставить в стороне Среднюю Азию и Кавказ, то можно уверенно сказать: по нормам сексуального поведения большая часть народов втянута в общесоветский стиль. Да и на окраинах, в таких больших городах, как Тбилиси, Ташкент, Баку, все более утверждаются нормы общесоветского образца.

Главной особенностью сексуальной жизни в СССР, как я не раз уже указывал, является государственный надзор. За мужчинами и женщинами, стремящимися к близости, постоянно надзирает недреманое око чиновника, партийного активиста, милиционера и просто обывателя: по закону ли, в том ли месте, в то ли время затеяли любовники свои шашни?.. Контроля не избегают ни школьники, ни престарелые. К примеру, пожилая учительница собирается в туристскую поездку за границу. Учительница заслуженная, с орденами и

¹ Г. В. Яковлева, с. 26.

почетными грамотами. И времена спокойные, благополучные — середина 70-х годов. Учительница приходит в райком партии, в так называемую „выездную комиссию“, чтобы пройти собеседование. Укомплектованы такие комиссии находящимися на пенсии отставными партийными чиновниками. Они должны проверить, нет ли в биографии отъезжающего за границу каких-нибудь изъянов, незамеченных другими инстанциями. Права у членов комиссии безграничные, они могут задавать любые вопросы и требовать любых свидетельств. Ведь они — глаз партии... Председатель комиссии заглядывает в анкету пожилой учительницы. „Ваш муж умер? — вопрошает он. — И что же, вы с тех пор живете одна? Замуж не выходили?“ Испуганная учительница дрожащим голосом начинает объяснять, что вот уже несколько лет она живет со своим другом, таким же, как она, пожилым учителем. „Как! — негодуют члены комиссии. — Живете просто так? Не расписаны? И вам не стыдно! А еще воспитываете подрастающее поколение! Какой пример можете вы им подать!.. Мы едва ли сможем рекомендовать вас для поездки за границу, — резюмирует председательствующий. — Ваше моральное лицо...“ Учительница выскакивает из райкома с сильнейшим сердцебиением и с багровыми пятнами на лице. Вечером у нее делается сердечный припадок. Теперь ей долго не захочется подавать документы на туристский вояж. „Бог с ней, с заграницей...“

Злоключения учительницы — не случайность. Для всякого, кто собирается в заграничную деловую командировку или в туристский рейс, р а з в о д считается фактором криминальным. Ведь по логике властей, остающийся в СССР муж или жена являются заложниками. Неженатых выпускают крайне неохотно. Им публично выговаривают за их холостячество. Надо ли объяснять, что жесткий партийный надзор порождает в обществе соответствующие нравы. То и дело возникают фиктивные браки, цель которых, в частности, выезд за границу. В связи с массовой еврейской эмиграцией в стране возникло даже шутовское выражение: „Жена-еврейка — не роскошь, а средство передвижения“. Обычна и другая ситуация, когда муж, крупный чиновник, годами и деся-

тилетиями не разводится с нелюбимой женой ради того только, чтобы не вызвать неудовольствия своего партийного или служебного начальства. Развод партийца считается признаком его самовольства, неуправляемости и может подорвать карьеру чиновника. Еще более резко реагирует начальство на развод офицера. Желаящего развестись с женой ставят перед дилеммой: или сохрани семью, или покинь армию. Так сохраняются тысячи внутренне мертвых семей и поощряется тайный разврат женатых и замужних.

Для вторжения во внутреннюю жизнь граждан у государственной машины есть и другие средства. В главе 6 „Его Величество, рабочий класс” уже говорилось о заводских собраниях, на которых под руководством партийных функционеров обсуждается „моральный облик” рабочего. Но значительно чаще такие собрания (с конца 40-х до конца 60-х годов) проводились в университетах, научно-исследовательских институтах, в учреждениях и т. д. Публичный разбор вопроса, кто с кем спал и что из этого произошло, как правило, вызывал энтузиазм масс. Именно в эти годы родилось в стране словечко *а м о р а л к а*, означающее нарушение этических норм и наказуемое в партийном и административном порядке. Историю одной такой „аморалки” сообщил мне бывший студент Московского университета Б. Ш.

На общем собрании курса (в президиуме – члены партийного комитета) обсуждалось поведение некоего студента-философа Сивоконя, который в общежитии не только сожительствовал со студенткой, но и избивал ее. Обсуждение „персонального дела” привлекло в зал даже тех студентов, которые никогда не ходили на другие собрания. Конечно, зал требовал деталей, но партийцы стремились не столько вдаваться в бытовые подробности, сколько извлечь из собрания как можно больший пропагандистский эффект. Их вопросы носили подчеркнуто идеологический характер: „Вот вы философ, советский человек, – вопрошали из президиума. – Недавно вы делали доклад по пьесе Горького „Мещане”. Как же в этой связи вы сами оцениваете свои поступки?” На эти мудреные вопросы студент отвечал как истинный философ. „Я рассматриваю свое поведение как пе-

режитки капитализма в моем сознании". Вина за сожительство и избиения женщины была, таким образом, частично перенесена на капитализм. Однако в конечном счете студенту-философу пришлось все-таки уступить общественному мнению и покаяться, что он и его девица в самые ближайшие дни подадут заявление на официальную регистрацию своего брака.

Сивоконя, который в дальнейшем сделал карьеру в университете (ныне он профессор МГУ), конечно, жертвой общественного надзора не назовешь. Но партийное вмешательство разрушило немало искренних и естественных человеческих связей. Клеймо „аморалки" метило любящих людей, разрушало их счастье, натравливало на них общественное мнение. Далеко не у всех хватало мужества, как у свердловского профессора (позднее академика) физика Сергея Вонсовского (род. в 1910) перенести партийную травлю и демонстративно жениться на жене своего арестованного коллеги, осужденного как „враг народа". Женщина, на которой женился Вонсовский, в момент ареста ее первого мужа была беременна и имела двоих детей. Несмотря на улюлюканье и угрозы, профессор Вонсовский вырастил детей „врага народа" как своих.

Сегодня давление на личную жизнь в СССР несколько ослаблено. Но страх остался, и граждане, особенно те, что занимают высокое общественное положение, спешат с докладом в партийные инстанции, как только в их личной жизни происходит что-либо экстраординарное. Бывший заместитель министра культуры, ныне сотрудник Института истории искусств в Москве Кеменов пришел недавно в партийный комитет с „жалобой" на самого себя. Он стал объяснять секретарю парткома, что развелся с женой и женился на женщине, которая прежде была супругой другого сотрудника того же института. Секретарь попытался остановить излишняя чиновника. Он объяснил товарищу Кеменову, что времена нынче либеральные и вопрос о том, кто на ком женился, есть личное дело супругов. Но Кеменов, привыкший к строгостям прошлых лет, продолжал настаивать: „Нет, нет, я заявляю вам не как частное лицо, не лично, а как член партии..."

Товарищ Кеменов не зря проявляет такую настойчивость. Он знает много случаев, когда за неудачную женитьбу (например, за женитьбу на еврейке) чиновников понижали в должности или даже выгоняли с работы. Он знает, что не только власти, но и простые граждане приучены видеть в разводе только грязь или поиск какой-то выгоды. Отражая официальную точку зрения, российский обыватель выработал даже серию штампованных, осуждающих приговоров:

— Старый, а расходится, значит молоденькую захотел...

— Имеет детей, а разводится, значит заботиться о них не хочет...

— Молодая, только замуж вышла, и расходится, наверно, развратная...

— Она уходит от главного инженера — вот дура, ведь у него зарплата хорошая...

— Партийный, а позволяет себе разводиться. Вот уже его по партийной линии вздрючат... И т. д. и т. п.

Так что у товарища Кеменова вполне достаточно резонов для беспокойства. Сегодня парторганизация вроде бы отстраняется от вмешательства в интимную жизнь члена партии, а завтра... Ведь недаром же русский народ сложил анекдот про партийца, на которого жена написала в партком жалобу за то, что он с ней не спит. Партиец, оправдываясь, ссылается на справку от врача: он — импотент. Но секретарь парткома неумолим: „В первую очередь, товарищ Иванов, вы — член партии, а потом уже импотент...”

Сексуальная свобода в СССР постоянно пребывает в опасности не только из-за атак со стороны служивых, но в большей степени из-за излишнего внимания лиц частных. Партийные облавы на „нарушителей коммунистической морали” были бы не так опасны, если бы не вековая российская традиция, в соответствии с которой люди постоянно и недоброжелательно вмешиваются в самые интимные стороны жизни соседей, сослуживцев и просто уличных прохожих. Размышляя об уровне сексуальной несвободы в СССР, известный диссидент Валерий Чалидзе пришел даже к выводу, что половая несвобода советских граждан в значительно большей степени вызвана исторической традицией вмешательства

граждан в чужую жизнь, нежели советскими законами. В области секса законы менее стесняют действия граждан СССР, нежели соседи и сослуживцы¹.

Вмешательства возникают по любому самому незначительному поводу. В переполненном вагоне подмосковного электропоезда сидят парень и девушка. Разговаривают. Ласково улыбаются друг другу. Парень нежно кладет руку на плечи девушки. И в тот же миг с соседней скамьи слышится негодующий крик пожилой пассажирки: „Вы что здесь разврат устраиваете? Вы, может быть, еще и обниматься будете? Целоваться?!”

Настроение у молодых людей, да и у окружающих, испорчено, но пожилая женщина, войдя в раж, долго еще растолковывает обществу, какой нынче пошел повсеместный разврат и как необходимо с ним бороться. Но это еще сравнительно легкий случай. Блюстители нравственности значительно более опасны, когда начинают доносить милиции на каждую „подозрительную парочку”. Или когда в учреждении докладывают „кому надо”, что в таком-то кабинете всю ночь горел свет, не исключено, что там оставались любовники... Народная инициатива в этой области не истощается даже тогда, когда вокруг нет уже решительно никакого начальства, как это случилось однажды в восточно-сибирской тайге.

В самом дальнем северо-восточном углу страны на реке Колыма государственные организации добывают золото. Иногда, когда участок кажется обедневшим, государство сдает его в аренду частной артели. Четыре-пять человек покупают на собственные деньги маленькую драгу и приступают к работе в надежде обогатиться. Все короткое лето они

¹ Валерий Чалидзе. „Уголовная Россия”. Издательство „Хроника”. Нью-Йорк, 1977. Я готов согласиться с Чалидзе, но с одной оговоркой: жизнь советского общества вообще лишь в малой степени регулируется законами. Общественная, экономическая и политическая жизнь направляется прагматическими распоряжениями местной и центральной власти, которые часто идут вразрез со смыслом законов.

работают до изнеможения с утра до ночи. И вот в одной из таких живущих в тайге групп случился инцидент: артель среди сезона выгнала своего товарища. Мой знакомый разговаривал с бригадиром артели. Вот этот диалог:

— За что вы выгнали Ваську? Плохо работал?

— Нет, работал хорошо, но завел себе бабу.

— Она что же, была чужой женщиной? Он ее отбил у кого-нибудь?

— Нет, баба была ничья. Она его вроде любила, он ее тоже.

— Так почему же Ваську выгнали?

— А что б не заводил бабу.

— ???

— Я работаю целый день, пока ноги держат. Понятно? Прихожу в палатку, поел и спать. Ни на что больше сил нет. А у Васьки сил еще на бабу хватает. Значит, он не все отдает народу. Вот мы и решили: или мы, или баба. Он отказался ее выгнать, ну мы выгнали его...

Эпизод содер­жательный. Он даже кое-что объясняет из области лингвистики: например, почему в русском языке нет и никогда не было понятия адекватного английскому слову *privacy*.

* * *

Русское общественное мнение очень различно относится к сексуальным правам мужчины и женщины. Не только в среде простолюдинов, но и среди интеллигентов считается, что если мужчина *г у л я е т*, дает волю своим сексуальным устремлениям, то это знак того, что он ярок, популярен, интересен. Одним словом — молодец. Но женщине ее внебрачные связи немедленно ставятся в вину.

В среде простолюдинов это *р а з н о п р а в и е* носит еще более жесткие формы. Измены мужа поднимают его престиж в глазах окружающих, а измена жены, с точки зрения общественной нравственности, оскорбляет не только ее, но и ее мужа. Психологическая подоплека этих весьма древних представлений заключается в том, что для русских мужчина

и женщина не являются в половом акте равноценными партнерами. По укоренившимся народным представлениям, мужчина в сексе побеждает женщину, он победитель, герой, ему слава и почет. Женщину же, наоборот, половой акт унижает, это ее поражение, отступление, даже позор. Поэтому общественное мнение одобряет неуступчивость женщины, ее стоицизм и даже полный отказ от сексуальных радостей.

Врач-психиатр из Ленинграда Э. Г., живущий ныне в Нью-Йорке, иллюстрирует эту народную мудрость довольно грубым деревенским анекдотом: „Муж угрожает жене, что сегодняшнюю же ночь проведет у соседской Маньки. „А если я к Петьке пойду? — переходит в наступление жена. — Как тебе это понравится?” „Дура, ты, дура, — спокойно и резонно объясняет муж. — Как ты не понимаешь, ведь если я ебу Маньку, это значит, что МЫ ИХ ЕБЕМ. А если ты свяжешься с чужим мужиком, это значит, ОНИ НАС ЕБУТ...”

При всей своей грубости анекдот этот глубоко философичен: в нем отражена система сексуальных ролей, как их понимают и всегда понимали в России. Философия эта делает мужчину хозяином положения. Советский режим и связанный с ним демографический переизбыток женщин только усугубил давнюю традицию. Мужчина — хозяин. А женщина? Когда во время интервью мои собеседники касались этой темы, они часто пользовались выражением „дешевая женщина”. „Советский Союз есть мир убежденного в своей неотразимости мужчины и дешевой женщины”, — сформулировал эту мысль пятидесятипятiletний инженер из Риги А. Г. Развивая свою парадоксальную формулу, А. Г. объяснил, что советская незамужняя женщина очень часто соглашается на половую близость только оттого, что бедна. Ей хочется хотя бы два часа побыть в нормальных бытовых условиях. Если у мужчины есть квартира с душем и ванной, есть деньги для того, чтобы угостить ее в ресторане и покатать на автомобиле, женщина — красивая и умная — сойдется с ним, сколько бы он ни был непривлекателен.

Примерно о том же говорит и 52-летний учитель из Одессы М. Г. „Чем жизнь жестче, труднее, тем женщина меньше

ценится, — говорит он. — Женщина в СССР — в большей степени жертва материальных обстоятельств, чем мужчина. Во время войны (имеется в виду Вторая мировая война. — М. П.) можно было получить женщину (женщину, а не проститутку) за краюху хлеба. Да и сегодня она дешевле в Советском Союзе, чем на Западе, ибо легче достается мужчине. Из-за этой дешевизны никто, кроме самых порядочных мужчин, не затрудняет себя раздумьем о том, чего она хочет в сексе. Большинство самцов удовлетворяет только самих себя”.

А вот мнение женщины. Юлия Б. преподавала в Москве иностранные языки. „Сколько я себя помню, мужчин всегда не хватало, — говорит она. — Мои подруги любыми средствами пытались удержать своего мужчину или захватить чужого. Эмоциональные требования, требования к качеству секса из-за этого были снижены до самого низкого уровня. Девяносто процентов мужчин в стране сексуально необразованны. Они попросту не знают того, что можно получить удовольствие, доставляя удовольствие другим. Женщина вынуждена позволять по отношению к себе все, ибо перед ней дилемма: быть одной или с кем придется. Лучше с кем придется...”

В мире „дешевой женщины” мужчина дает волю не лучшим своим качествам. Психологически он может себе позволить сколько угодно любовниц, может разбалтывать интимные подробности своих отношений с подругой, быть грубым и даже жестоким. Количество любовных связей, длинный список „побежденных” — гордость советского мужчины. Стремление „увеличить счет” лежит подчас в основе всего его сексуального поведения. Классическим образцом такого рода мужчины был талантливый, но весьма беспутный поэт Сергей Есенин (1895—1925). По воспоминаниям его друга, Есенин, желая самоутвердиться, кричал: „А у меня, может быть, три тысячи женщин было!” Друг, тоже литератор, ставил под сомнение эту цифру, после чего Есенин милостиво соглашался: „Ну ладно, пусть тридцать. Но не меньше...” Поэту, выходящему из деревни, достигшему в городе большой славы и больших денег, казалось, что

раздутый список любовниц что-то еще прибавит к его престижу¹.

Есенинский „количественный” подход широко распространен и поныне. Страдают этой манией и простолюдины и интеллектуалы. Я знал в Москве несколько известных небесталанных писателей и ученых (в том числе академика с мировым именем), для которых охота на женщин составляла основной смысл жизни. Один ныне покойный прозаик, поднявшись в своей холостяцкой квартире поутру, тут же начал думать о том, кого и как он уложит к вечеру в постель. Прозаик этот утверждал даже, что ни одна женщина во второй раз ему не интересна. Люди такой психологической конструкции (имя же им — легион) ни душевные, ни телесные достоинства „освоенной” женщины в расчет не принимают. Важен лишь конечный цифровой результат. Среди „охотников” существует даже своя терминология, в которой нет места ни слову „женщина”, ни, тем более, слову „любовь”. Зато есть существительное „кадр” и глагол „кадрить”, что должно означать „соблазнять”, „завлекать”, „сворачивать”.

Для „охотников”, кроме личного, довольно грубого сексуального удовлетворения и „галочки” в списке побед, их поиск женщин интересен также оттого, что они могут потом при случае рассказывать в компании, „как дело было”. Выше я говорил, что в целом общество советской России (это подтверждается статистически) не склонно публично и всерьез обсуждать проблемы пола. Тема эта считается несерьезной в интеллигентной среде и стыдной в среде простых людей. Но зато есть сколько угодно желающих поболтать за бутылкой водки о своих победах на постельном фронте. К такой пьяной откровенности особенно располагают купе поездов дальнего следования. Заняв полку в купе, едущий в командировку или на отдых советский мужчина среднего возраста непременно откроет бутылку водки и предложит соседям выпить. Затем, если компания подходящая, следу-

¹ А. Мариенгоф. „Роман без вранья”. Издательство Элшиу, Тель-Авив, 1979.

ют сексуальные анекдоты, а затем и интимные подробности личной жизни. В таких беседах с незнакомыми муж может выложить подробности своей жизни с женой и похвастаться мужскими победами, так сказать, в количественном выражении. Женщина в таких собеседованиях упоминается лишь как предмет потребления¹. В поезде, следующем из Москвы на Волгу в город Сызрань, моему знакомому пришлось услышать разговор двух простых людей, из которых один жаловался, что жена его больна и не способна исполнять супружеские обязанности. „Не можешь ли подсказать мне какую-нибудь бабу, чтобы мне ДУРЬ ОТЛИТЬ”, – попросил он случайного попутчика.

К подобным же откровениям располагает беседа в армейской казарме, длительное пребывание на морском судне и в геологических экспедициях. Интеллигенты опять-таки под водку открывают друг другу душу (и в том числе сексуальные подробности своей жизни) в городских квартирах, в гостиничных номерах и домах отдыха.

Московские шоферы также часто бывают приобщены к сексуальным подробностям жизни своих пассажиров. Один из шоферов вспоминает: „Примерно с 4-х часов утра на улицы начинают высыпать мужчины и женщины, которым очень хочется спать, но не получилось, а домой попасть надо раньше, чем наступит утро... Они всегда таксистам рассказывают, где, что, кого и чем...” В устах водителя такси все эти „где”, „кого” и „чем” звучат весьма выразительно и явно имеют отношение к сексу. Таксисты охотно слушают ночные исповеди пассажиров. „И природа так устроена (что людям выговориться надо) и таксисту хорошо, а то спать сильно хочется”, – комментирует водитель².

¹ В русском интеллигентном сленге существует выражение „употребить женщину”. Современный советский поэт описывает мчащиеся по ночному городу автомобили: „в автомобилях те, кого уже „употребили”.

² Владимир Козловский. „Материалы к изучению языка... Московские таксисты”. В сборнике „СССР: внутренние противоречия”. Chalidze Publications, 1981.

С женщинами, недавно выехавшими из Советского Союза, разговаривать о сексе крайне трудно. Они стесняются, скрывают реальные факты из собственного опыта. Разговор окончательно глохнет, когда заговариваешь о половом акте. Здесь — все тайна. Но если все-таки удастся разговаривать такую женщину, то слышишь поток жалоб. Русский мужчина (не обязательно русский по крови) не только не склонен подготовить свою партнершу, не только торопится и оттого не дает женщине удовлетворения, но еще и ведет себя в постели крайне агрессивно. Женщины говорят об оскорблениях, унижениях, грубости и даже побоях. За что? Отчего? Несколько интеллигентных москвичек и ленинградонок сделали попытку объяснить мне ситуацию.

Сорокалетняя привлекательная блондинка врач Софья Х., в прошлом связанная по работе с крупными чиновниками из ЦК Комсомола и других столь же высоких инстанций, утверждает, что вся эта категория мужчин, как правило, „слабы”. Главную причину доктор Х. видит в нервных напряжениях, которые выпадают на их долю на службе. Вторая причина „слабости” — алкоголь, который они принимают в больших дозах после работы, чтобы расслабиться.

Софья Х. говорит о своих бывших любовниках с некоторым даже сочувствием: „На службе они боятся начальства, боятся потерять свое привилегированное положение. Страшная напряженка съедает их полностью. После работы эти 30—35-летние парни уже ничего не могут... Они пытаются расслабиться с помощью алкоголя, пьют коньяк стаканами, и это окончательно подрывает их сексуальные возможности. Остается только срывать раздражение на жене или любовнице. Начинаются оскорбления...”

Ровесница Софьи, лингвист из Ленинграда, Нина П., рисует более широкую картину поведения советского мужчины в постели. Русский мужчина презирует бабу традиционно. В трезвом виде он кое-как скрывает эти свои затаенные чувства: алкоголь вскрывает этот нарыв. Сексуальные неудачи, связанные в основном с массовым алкоголизмом, еще более озлобляют мужчину. Ему нужен объект, на который можно было бы излить свои недобрые чувства. Знакомый

Нины, талантливый художник дважды в неделю в пьяном виде избивает жену, с которой в остальное время у него не только дружественные, но даже нежные отношения. Со стороны художника это попытка компенсации. Человек российской ментальности всегда ищет причину своих неприятностей во вне. Женщина наиболее подходящий для этого объект. Кстати, художник, о котором рассказала ленинградка, сейчас живет в Нью-Йорке. В Америке в этой семье все продолжается, как и в СССР: выпивка, попытка секса, неудачи, озлобление и издевательства над женой. В трезвом виде художник любит вспоминать, что отец его, сибирский мужик, всю жизнь пробегал за матерью с топором. Традиция...

Молодая пианистка из Москвы считает, что поклонение красоте, благодарность женщине за наслаждение, которое она доставляет, крайне редки на ее родине. Да мужчине российскому и благодарить-то нечем. Те высокопоставленные чиновники, о которых говорит врач Софья Х., лишь малая часть общества. И если женщина в массе своей бедна, то не богат и мужчина. Чаще всего Он не может предоставить Ей ничего из тех даров, которые естественны в обществе людей обеспеченных. Да и в сексуальном отношении его дары более чем скромны. Мужчина унижен. Инженер, аспирант, учитель, рабочий, милиционер — он не может заработать больше, чем его жена. Ему всегда могут сказать в собственном доме: „Я и без тебя обойдусь. Я зарабатываю не меньше тебя. Ты еще и пропиваешь семейные деньги...” Теряя традиционную позицию хозяина, мужчина переходит к агрессии. Он хочет подчинить свою подругу силой, заставить ее терпеть его, бояться его, зависеть от его настроения и желаний. Это стремление подсознательное и массовое. Мужчины хотят вернуть жизнь в прошлое, когда (до революции) они были кормильцами и главами семьи. Сегодня это только претензии...

Чем дольше я слушаю исповеди этих обделенных любовью женщин, тем явственнее видится мне, как тесно переплетены сегодняшние советские нравы с русскими старинными традициями. Насильственно стремясь переключить сексуальную энергию народа на деятельность, полезную властям, режим сделал отношения мужчин и женщин чем-то постыдным, по-

зорным, загнал чувства граждан в глубокое подполье. Низкими заработками, низким стандартом жизни, бездомностью миллионов порождены „бедный мужчина” и „дешевая женщина”. Но вместе с чисто советскими бедами из глубины веков выползают исконно русское пренебрежение мужчины к женщине, его стремление унижить ее только потому, что она стоит на общественной лестнице еще ниже, чем он сам. Материально бедный, советский массовый мужчина на поверку оказывается бедным и духовно, с нищими чувствами, с убогой моралью. Советская власть достроила, завершила конструкцию россиянина – циника и хама. Об этом мужчине очень хорошо говорится в одном из современных анекдотов.

Француз, англичанин, американец и русский обсуждают вопрос о том, как довести женщину до экстаза. Француз говорит о ласках, англичанин о преданности, которой он окружает свою даму, американец о богатых подарках. „А я, – говорит русский, – действую проще. Беру на улице женщину, плачу ей трешку (три рубля), веду в подворотню, е... ее, отнимаю трешку. Тут она до экстаза и доходит...”

Вот мы каковы! Вот мы что умеем! Попробуй, разберись, что тут от советской власти, а что родимое, от древних корней...

„Не случилось ли вам задуматься над содержанием песни „Из-за острова на стрежень” про Степана Разина? – спросила меня как-то пожилая дама, москвичка, знаток литературы и театра. – Перечитайте это народное произведение. Там вы наверняка обнаружите некоторые истоки нынешних нравов...”¹.

Степан Разин (1630–1671) – лицо историческое. Казак, уроженец донской станицы, он был бандитом и грабителем. За что и был казнен. Но под пером советских пропагандистов Разин превратился в идейного вождя крестьянской освободительной войны. В песне, созданной на основе ста-

¹ Песня о Стеньке Разине, написанная в конце 60-х – нач. 70-х гг. XIX века собирателем народных песен, загадок и сказок Д. Садовниковым (1847–1883), стала народной.

ринного предания 110—115 лет назад, описан случай из, так сказать, „частной” жизни Разина. Разбойничая где-то в низовьях реки Волги, он то ли украл, то ли силой увел молоденькую девушку — персидскую княжну, и привел ее на один из своих расписных челнов. Княжна ему нравится. Нравится ли он княжне, Степана не интересует, он просто занимается с ней своим мужским делом. Как говорится в песне, „веселый и хмельной” он справляет свою очередную свадьбу. Но остальные разбойники раздражены: они, конечно, завидуют атаману, но говорят не о зависти, а о том, что вот-де атаман провозился с бабой одну ночь и „сам на утро бабой стал”. По русским понятиям сказать мужчине, что он „стал бабой”, — значит серьезно оскорбить его. Разин чувствует, что общественное мнение против него, и, как все демагоги, быстро находит тот жест, который примиряет его с соратниками. Он хватает княжну и вышвыривает ее из лодки. Девушка тонет. Расписные челны продолжают свой путь. Все довольны.

Надо сказать, что в России мало песен пользуются такой же шумной популярностью, как эта. Про Степана Разина поют в деревнях и городах, песню исполняют с театральными подмостков и тянут пьяными голосами на свадьбах и всякого рода гулянках. Это действительно н а р о д н а я песня. О чем же она? О том только, что бандит украл девушку, изнасиловал ее прилюдно и затем утопил. Согласимся, что сочинение это действительно бросает некий свет на сексуальные нравы и традиции народа...

Есть в песне про Стеньку Разина еще один важный нюанс. Как понимают сегодня люди, Разин утопил княжну во имя мужского товарищества. И это оправдывает его в их глазах. Таковы традиции.

Да, традиции — большая сила. Далеко от Волги до Магадана, от нашего времени до XVII века, но ситуация, описанная в знаменитой народной песне, поразительно схожа с тем, что произошло несколько лет назад на золотых приисках в магаданской тайге. Помните Ваську, которого его товарищи выгнали из артели за то, что он без общественного согласия завел себе бабу? Ему бы отказаться от нее, а еще лучше уто-

пить ее в ближней речке. А он заупрямился. Возможно, любил ее. Васька вел себя нетрадиционно. Зато остальные члены артели действовали в полном соответствии с национальной традицией. Они требовали от товарища того же самого, чего требовали от своего атамана Разина его приятели-разбойники: чтобы он поставил мужское товарищество выше какого-то там личного чувства к женщине. Ваську из Магаданской области, конечно, в народных песнях не воспоют, и героем он по российским стандартам не станет¹.

Не мне первому пришло в голову искать корни национальных российских нравов в народных песнях. Сто пятьдесят лет назад в 1834 году об этом писал наш великий поэт Александр Пушкин. „Вообще, несчастье жизни семейной есть отличительная черта во нравах российского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки мужа постылой жене. Свадебные наши песни унылы, как похоронный вой”².

Наш современник, психолог, эмигрант из Ленинграда Г. С. высказывает мнение еще более радикальное. „То, что происходило на Руси столетиями между мужчиной и женщиной

¹ Кстати, и нынче в Советском Союзе распевают немало народных (без автора) песенок с такой же примерно моральной основой и такими же принципами отношения к женщине. В одной из песен женившийся недавно холостяк бодро декламирует, что жизнь его теперь стала значительно приятнее. Чем же?

Мне не надо бегать на свиданья,
По ночам на улице стоять,
Жаждать мимолетного свиданья,
Умолять и плакать и рыдать.

Целовать какой-то дуре руки,
Говорить, что нравится она.
У меня для этой самой штуки
Есть своя законная жена...

И т. д.

² А. С. Пушкин. „Путешествие из Москвы в Петербург”, 1834. Десятитомное издание ГИХЛ. Москва, 1976, т. 6, с. 347.

меньше всего можно назвать сексом. И не в том дело, что женились и выходили замуж на Руси не по своей воле. Важнее другое. Секс — система отношений, в которой есть две стороны — Он и Она. Они могут получать наслаждение только вместе. Чувства одного возбуждают чувства другого. В России же традиционная скованность женщины и столь же традиционное равнодушие мужчины к ее переживаниям попросту исключают секс, как любовную игру, как радость двоих”.

Суждение психолога получает свое подтверждение в исторических фактах. Россия не пережила Европейского Ренессанса, эпохи, когда между 14 и 16 столетиями европейцы среди прочего по-иному взглянули на женщину. Когда женщина-хозяйка, женщина-мать, женщина-самка была впервые осмыслена как человек, как Дама. В русском средневековом обществе не возникло ни рыцарства, ни джентльменства, пусть даже показного, внешнего, театрального, как это было кое-где в Европе. Лишь в 18 столетии, да и то только в высшем обществе, русская женщина стала появляться „на людях”, а несколько поколений русских цариц заставили мужчину признать за женщиной некоторые общечеловеческие достоинства. Но все это лишь при дворе или около царского двора. А в народной среде баба оставалась только бабой — ломовой лошадью и матерью.

Случались, однако, периоды в российской истории, еще более страшные для женщины-матери. Эпоху, которую именуют татаро-монгольским игом, позднейшие историки описывают как время постоянных насилий над русскими женщинами. Между тем, значительно чаще бывало по-другому. Желая укрепить свою власть над русскими, татары прибегали к мирному варианту: они соглашались вдвое снизить „ордынские тягости” (налоги) на тот „двор”, откуда хозяин на время пошлет к ним свою жену или незамужнюю сестру. Этот вариант устраивал очень многих крестьян и горожан. Татары получали женщин, которых у них не хватало, а русские облегчали себе налог и роднились с татарами, что делало их жизнь более безопасной. Сговор этот шел за счет женщины-матери, бабы, которая в отношениях русских и татар-

ских мужчин играла роль разменной монеты. Очевидно, такое использование женщины было возможно лишь в обществе, где она как личность не существовала.

Не слишком ли мы строги, однако, к нашим предкам? Может быть, вынужденные обстоятельствами торговать своими женами, они все-таки как-то по-своему любили и уважали их? Что говорили мужчины тех давних веков о женщинах? Заглянем в сборники русских народных пословиц и поговорок. Ведь в школе нас учили, что поговорки – зеркало души народной. „Толковый словарь”, составленный в прошлом веке русским писателем и лингвистом Владимиром Далем, – гордость русской культуры. По выражению одного из критиков: „Это самая обширная энциклопедия русской речи, охватывающая одновременно все проявления внутренней и внешней обиходной русской жизни и быта...¹ Читатю статью БАБА. Составитель поясняет: „Баба – замужняя женщина низших сословий... или вдова”. И тут же приводит русские народные поговорки и пословицы, касающиеся этой самой БАБЫ:

У БАБЫ ВОЛОС ДОЛОГ, А УМ КОРОТОК.

ЗНАЙ БАБА СВОЕ КРИВОЕ ВЕРЕТЕНО (знай свое место. – М. П.).

БАБА БРЕДИТ, ДА КТО ЕЙ ВЕРИТ?

КУРИЦА НЕ ПТИЦА, БАБА НЕ ЧЕЛОВЕК.

НЕ ПЕТЬ КУРИЦЕ ПЕТУХОМ, НЕ БЫТЬ БАБЕ МУЖИКОМ.

БАБА НЕ КУВШИН – УДАРИШЬ, НЕ РАЗОБЬЕШЬ.

БЕЙ БАБУ, ЧТО МОЛОТОМ, СДЕЛАЕШЬ ЗОЛОТОМ.

БАБА С ВОЗУ – КОБЫЛЕ ЛЕГЧЕ.

БОГ БАБУ ОТНИМЕТ, ТАК ДЕВКУ ДАСТ (Утешение вдовцу).

Но, может быть, Даль специально подобрал поговорки недоброжелательные по отношению к женщине? Заглянем в другой классический источник: М. И. Михельсон. „Русская мысль и речь... Сборник образных слов и иносказаний. Удо-

¹ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е, 1903. Предисловие.

стоено Императорской Академией Наук премии Митрополита Макария”. В двух томах, 1897. Здесь на слова ЖЕНА и БАБА можно обнаружить еще более многозначительные знаки русского национального сознания. Чего, например, стоят такие пословицы и поговорки: ДЛЯ ЩЕЙ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ, ДЛЯ МЯСА ЗАМУЖ ВЫХОДЯТ. А раз так, то ДОБРА ЖЕНА И ЖИРНЫ ЩИ – ДРУГОГО ДОБРА НЕ ИЩИ. Или, к примеру, поговорка о том, как искать любимую: БУДЬ ЖЕНА ХОТЬ КОЗА, ТОЛЬКО Б ЗОЛОТЫЕ РОГА (только была бы богатая. – М. П.). Но, конечно, бабе потачки давать не следует, ибо: БАБЕ ВОЛЮ ДАТЬ – НЕ УНЯТЬ. И, наконец, как заключительный аккорд: ДВАЖДЫ ЖЕНА МИЛА БЫВАЕТ: КОГДА В ИЗБУ ВЕДУТ, ДА КОГДА ИЗ ИЗБЫ НЕСУТ...

Еще один источник национального духа – народная сказка. Беру сборник народных русских сказок, собранных и опубликованных в прошлом веке видным деятелем русской культуры А. Н. Афанасьевым. Среди сотен текстов есть примерно шесть десятков сказок, которые сам собиратель назвал заветными. О чем толкуют эти заветные? В сказочке „Добрый отец” веселый старик-отец по ночам слезает с печки, чтобы переспать со своей 19-летней дочкой или с какой-нибудь из ее подружек. Другой отец-крестьянин из сказки „Горячий кляп” без особой причины втыкает своей дочери между ног раскаленный гвоздь. В сказке „Нет” проезжий офицер обманом овладевает глупой барыней, муж которой уехал в гости. Пройдоха-батрак в сочинении, которое зовется „Поп, попадя, поповна и батрак”, обманом овладевает женой священника, а затем и его дочерью. Остальные заветные сказочки в том же роде. Женщина везде глупа, бездарна, сластолюбива. Мужчина, наоборот, молодец, он удачно обманывает женщину, срывает цветы удовольствия и тут же, поиздевавшись, бросает женщину, которая дала ему наслаждение. Говоря о половом акте, сочинители народные пользуются выражениями, в самом звучании которых присутствует жестокость, издевка, надругатель-

ство: „Он ей запендрячил... Он ее отделал... Начал ее нажаривать...”¹

Грязно говорят о женщине в сказках даже маленькие мальчики. „Раз пошла мать с детьми в баню, — говорится в сказке „Семейные разговоры”, — собирала черное белье и начала стирать его, стоя перед корытом, а к мальчикам-то повернулась жопою. Вот они смотрят, да и смеются: „Эх, Андрюшка! Посмотри-ка ведь у матушки две пизды”. — „Что ты врешь! Это одна, — да только раздвоилась”. — „Ах, вы сопливые черти! — закричала на них мать. — Вишь что выдумали!..”

Таковы российские традиции. Так было всегда. Песне о Стеньке Разине более 110 лет, основана она на предании, которому триста. Сказкам, собранным Афанасьевым — от ста до двухсот лет и более. А пословицам, которые цитируют Даль и Михельсон, никак не меньше 400–500 лет. Нравы тоталитарного государства? О, они совсем молоды, эти нравы, им всего лишь 68...

¹ Цитирую по книге „Русские заветные сказки, изданные А. Афанасьевым”. Подготовка текста Ю. Перкова, рисунки А. Рапопорта. Окленд, 1980.

ГЛАВА 15. СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ...

В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Романтические и даже меланхолические настроения все чаще проскальзывают ныне в произведениях официального советского искусства. С чего бы это? Ведь еще недавно бодрый тон считался обязательным для армии советских романистов и кинематографистов, а выполнение производственного плана и фронтовой героизм являлись главными разрешенными темами литературы и кино. Сегодня же, если верить газете „Неделя”, „многие прозаики пишут о несостоявшейся любви, о том, как герои нередко отказываются от этого чувства по глупости, по слабости характера, ради душевного комфорта... Все чаще и чаще звучит разговор об одиночестве. Борются с ним герои кинофильмов и рассказов. Ищут от него лекарств психологи, социологи и публицисты...”¹. Но что самое удивительное, газета не критикует писателей и сценаристов за упадничество и нытье, за „не те

¹ Надежда Ажгихина. „Кто восхищенья не достоин”. „Неделя” № 19. Май, 1984.

темы” и не такое, „как надо”, разрешение сюжета. Давно ли считалось, что к о л л е к т и в (наш, советский, здоровый) способен врачевать любые личные раны, а одиночество осмеивалось как „недуг сытых”. И вот, на тебе: сегодня и „Неделя”, и „Литературная газета”, и ряд других изданий соглашаются, что одиночество — серьезная личная и общественная проблема и преодолевать его отнюдь не просто. Слова при обсуждении этой проблемы произносятся совсем почти человеческие: „Не странно ли, полная записная книжка телефонов, а поделиться вроде бы не с кем, полно знакомых молодых людей, а замуж выйти вроде бы и не за кого...”¹.

Оставляя это „вроде бы” на совести редактора, заметим, что т а к раньше отечественная пресса никогда не писала. Даже „Правда”, на что уж издание строгое, и та вдруг заговорила о трудностях семейной жизни, о разводах, о часто возникающем несходстве супружеских характеров. „Неужели советская семья исчерпала свои возможности? Семья умирает?” — с деланным изумлением восклицает автор на страницах советского официоза². Конечно, в конце своих статей авторы дружно приходят к вполне ортодоксальным выводам: семья в СССР не умирает, а „перестраивается”; одиночество имеет место, но против него есть прекрасное средство — законный брак. И хорошо бы при этом детей побольше...

Оптимизм оптимизмом, но поток статей и книг о неполадках в семье, о крушении браков, о разбитых жизнях женщин и брошенных на произвол судьбы детях, а также о других столь же интимных и столь же непривычных для публичного обсуждения предметах продолжается. И поскольку ничего в отечестве нашем случайным не бывает, а совершается всегда по команде, то можно с уверенностью сказать, что в советских верхах серьезно обеспокоены возникшей ситуацией. Настолько серьезно, что, позабыв всегдашний свой страх перед углублением в сферу личной жизни граждан, власти разрешили обсуждать даже такие вопросы, как сек-

¹ „Неделя” № 19. Май, 1984, там же.

² Ю. Рюриков. „Месторождение счастья”- „Правда” № 190, 9 июля, 1983.

суальная неудовлетворенность супругов и массовое появление внебрачных детей.

Для беспокойства на верхах есть серьезные причины. Советский Союз переживает демографическую катастрофу: там непрерывно падает рождаемость. Падает она давно, но многие годы нежелание граждан заводить детей являлось государственной тайной. Ныне молчать об этом стало невозможно: 60 процентов семей в СССР или вовсе бездетны, или имеют одного, от силы двоих детей. Возникшая на сегодня картина особенно разительна, если сравнить светлое социалистическое настоящее с „проклятым царским прошлым”.

Из материалов переписи населения, проведенной в 1897 году, видно, что в те времена на каждые 1.000 подданных российского императора в год рождалось от 40 до 45 детей. Правда, в доантибиотическую пору младенцы часто гибли от болезней, но населении империи, тем не менее, быстро росло, обгоняя большую часть европейских стран. Большевицкая революция 1917 года и гражданская война подорвали кривую нормального возрастания населения России. К 1940 году на 1.000 советских граждан ежегодно рождался только 31 ребенок; в 1960 году — около 25. К 1980 году число ежегодных рождений в стране зрелого социализма упало до 18,3 на тысячу, то есть в два с половиной раза меньше по сравнению с 1897 годом¹. Этот процесс поразил не только город, но и село. Деревенские семьи, когда-то многолюдные, насчитывающие по семь-десять детей, сегодня в пределах Средней России, Украины и Белоруссии не склонны иметь даже 3—4 малышей.

¹ См. „Население СССР в 1973 г.”. М., 1975, с. 68 и „Народное хозяйство СССР в 1980”, с. 31. До 70-х годов цифры эти замалчивались, а в 30-е — 50-е годы официально утверждалось, что рождаемость в СССР после революции растёт. При этом за отсутствием конкретных цифр ссылались на речь Сталина, который в декабре 1935 года заявил: „Жить стало лучше, жить стало веселее. Но это ведет к тому, что население страны размножается гораздо быстрее, чем в старое время. Смертность стала меньше, рождаемость больше, и чистого прироста получается несравненно больше”.

Вопрос о том, сколько иметь в семье детей, вроде бы сугубо личный и касается только двоих. Но сфера личного, то есть касающаяся только личности и никого другого, в Советском Союзе сведена почти на нет. Для московских властей деторождение — процесс, прежде всего связанный с их военными и хозяйственными планами. Уже сейчас на заводах и стройках страны не хватает до 20 процентов рабочих, а в армию приходится призывать юношей, которых по состоянию здоровья в прошлые десятилетия ни за что бы не призывали. Конечно, можно утешаться тем, что низкий уровень рождаемости распространен лишь среди русских, украинцев, белорусов и жителей Прибалтийских республик. В Узбекистане, Туркмении и Таджикистане семьи по-прежнему многодетны и процент рождаемости почти достигает дореволюционного уровня (в соответствии с переписью 1897 г.). Но в Москве эти цифры никого не радуют. Туркмены и узбеки весьма неохотно покидают свои кишлаки, крайне редко становятся к заводскому станку, не желают идти на строительства. Да и в армии они сила весьма сомнительная: после вторжения в Афганистан оттуда пришлось срочно выводить части Среднеазиатского военного округа.

По предсказаниям специалистов, падение рождаемости будет продолжаться среди „белых” народов и впредь, хотя и не такими стремительными темпами, как в последние годы. Вот почему журналистам и писателям, сценаристам и режиссерам, социологам, психологам и демографам дана команда как можно сильнее шуметь о пороках малодетной семьи, о прелестях брака, о радости материнства. В этой связи и об одиночестве разрешено поговорить с сочувствием: жалко их, одиноких, надо бы к делу пристроить... В официозном, поднятном по команде хоре многое звучит фальшиво и неубедительно, ясно видна рука дирижера. Но есть в этой государственной кампании и положительная сторона: на страницы прессы проникло много интересных, прежде утаиваемых цифр и фактов.

Возьмем хотя бы основной вопрос проблемы: сколько в стране мужчин и сколько женщин. На первое января 1979 года в СССР было 122,3 миллиона мужчин и 140,1 миллиона

женщин. Таким образом на сегодня в стране — 17 с половиной миллионов „лишних” женщин. Такой диспропорции нет ни в одном государстве мира. И это при всем при том, что в царской России представителей обоих полов было почти поровну. Советские журналисты и социологи „объясняют” „избыток” женщин гибелью мужчин во Второй мировой войне. Но диспропорция возникла значительно раньше. Уже в результате Первой мировой войны и войны Гражданской погибло и умерло от болезней 2,6 миллиона военнослужащих, и это лишь малая часть погибших в результате потрясений, пережитых Россией между 1914 и 1922 годами. Советские авторы ничего не пишут о жертвах красного террора и о первой антибольшевистской эмиграции, но они признают, что „общие потери населения нашей страны (прямые и косвенные) составили 21—22 млн. человек, из которых около 10 процентов — потери вооруженных сил...”¹ В результате к началу 20-х годов женщин в СССР было уже на 4 миллиона с лишним больше, чем мужчин.

Перепись 1939 года показала, что женщин стало еще больше. Число „лишних” достигло перед войной 8 миллионов! В советских книжках и газетах, разумеется, о сталинском терроре, о лагерях смерти, о раскулачивании и вывозе миллионов кулаков на дальний Север на верную смерть прочитать нельзя. Вместе с тем вроде бы необходимо как-то объяснить, почему в самое мирное за всю историю советской власти время процент женщин среди населения достиг 52,1 процента, а процент мужчин упал до 47,9. Впрочем, авторов, пишущих по прямому заказу партийных властей, ничто не смущает. „Период между переписями 1926 и 1939 годов, — вещают они, — был тем временем, когда в нашей стране в основном был построен социализм. Этот процесс происходил в очень сложных условиях классовой борьбы и быстрой перестройки экономики в исторически короткие сроки”². И все. Какие классы с какими воевали, — неизвестно, а в ре-

¹ Г. П. Киселева, А. Я. Кваша. „О чем рассказывают переписи населения”. М., 1983. Издательство „Финансы и статистика”, с. 56.

² Там же, сс. 76—77.

зультате нескольких миллионов мужиков Россия недосчиталась. „Перестройка” и „борьба” изуродовала жизнь и миллионам женщин, которым стало не за кого выходить замуж, не от кого рожать детей.

О потерях во Второй мировой войне советская статистика гнала долго и упорно. Размеры этих потерь не ясны и донныне. Зато ведомо, что после войны и массовых арестов 1947–1952 годов („вторичные посадки”) женщин в стране по сравнению с мужчинами оказалось уже на двадцать миллионов больше. И снова, как перед войной, не состоялись миллионы свадеб, не родились миллионы детей. И хотя в СССР главную вину за падение рождаемости традиционно взваливают на Вторую мировую войну, не война только виновата. Падение рождаемости не прекращалось в стране, начиная с 1917 года. По словам специалистов, на пороге 70-й годовщины большевистского переворота „рождаемость большей части населения СССР находится на низком уровне, близком к простому воспроизводству...”¹.

Падает рождаемость не только из-за недостатка мужчин. Женщины Украины, России, Белоруссии и Прибалтики не желают рожать также из-за того, что непрочными стали современные браки. Ежегодно в стране заключается 2.700 тыс. брачных союзов и почти миллион из них распадается. Если в 1939 году на тысячу пар распалось 4,8 браков, то в 1959-м — уже 5,3, в 1970-м — 11,5, а к 1979 году на тысячу заключаемых браков в течение года распадается 15,2². Для сравнения укажем, что в Англии, например, на тысячу браков приходится в течение года всего лишь 8,5 разводов, в Венгрии — 9,3, в ГДР — 10,0, в Дании — 10,5. По части разрушения семейного очага Советский Союз, таким образом, держит несомненную пальму первенства. Согласимся, что несколько странно выглядит на фоне этих цифр утверждение одного из советских пропагандистов, что „браки по любви и любовь

¹ Г. П. Киселева, А. Я. Кваша. „О чем рассказывают переписи населения”. М., 1983. Издательство „Финансы и статистика”, сс. 76–77.

² А. Г. Волков. „Семья как фактор изменения демографической ситуации”. Журн. „Социологические исследования” № 1, 1981.

в браке — высший нравственный закон брачного союза при социализме”¹.

Отчего разрушаются браки? У советских социологов и демографов есть целый набор объяснений. Излюбленная формула специалистов по народонаселению состоит в том, что ныне выходят замуж и женятся люди очень юные, недостаточно социально зрелые и неподготовленные к семейной жизни. О сути „незрелости” в большинстве случаев умалчивается. Наиболее смелые, однако, говорят о том, что молодежь не получает сексуального воспитания и образования, хотя в большинстве случаев начинает сексуальную жизнь задолго до брака. О необходимости такого воспитания и образования спор в советской научной и партийной среде идет уже двадцать лет. Но только в начале 1984 года уроки „подготовки к семейной жизни” стали обязательными для большинства старшеклассников.

Ну, а почему разводятся сотни тысяч пар в возрасте 30—40 лет? Социологи снова ищут удобные объяснения. Лепечут что-то об урбанизации, „под воздействием которой меняются нормы поведения, характер семейного и внесемейного общения”². Уход миллионов крестьян из деревни в город („урбанизация”) не вчера начался и истоки его хорошо известны — мужик не принял коллективизацию. Деревенские люди предпочли тесноту заводских общежитий и убожество коммунальных квартир нищете и бесперспективности жизни в колхозе. Вместе с оставленной в деревне мазанкой или пятистенкой остались позади и прочный, освященный церковью брак, и крестьянская многолюдная, многодетная семья.

Пропагандистам такое объяснение, разумеется, не подходит. В поисках „достижений” они договариваются до того, что массовое крушение семей в Советском Союзе — результат успехов советского режима. „Мы все больше поднимаемся по лестнице равноправия между мужчиной и женщиной

¹ Н. Я. Соловьев. „Семья в социалистическом обществе”. М., Политиздат, 1981, с. 44.

² А. Г. Харчев. „Брак и семья в СССР”. М., 1979, с. 312.

в быту, в семье, — разъясняет один из знатоков современных семейных проблем. — В условиях равенства особенно острую реакцию вызывает всякое проявление элементов недостаточного внимания, равнодушия, черствости, безразличия, эгоизма со стороны одного члена семьи по отношению к другому...”¹ Попытку перевести трагедию миллионов разводящихся в план соревнования „хорошего” с „отличным” предпринимает также автор книги „Двадцатый век и проблема семьи” Зоя Янкова. По мнению Янковой, „женщина сегодня стремится не просто любой ценой выйти замуж, а хочет найти в браке взаимопонимание, счастье, духовную близость... Плохому браку современная женщина (читай: „женщина советская”. — М. П.) предпочитает развод и в этом случае выступает его инициатором.

Что касается инициативы, то тут З. Янкова права: разводы в СССР в двух третях случаев действительно происходят по инициативе женщин. Но вызваны они не столько „урбанизацией” и недостатком духовной близости, сколько повальным пьянством мужей. И об этом хорошо знают все, кто всерьез опрашивает разводящихся супругов. Из 500 опрошенных в Ленинграде разведенных женщин 210 ссылались на пьянство мужей как на главную причину расторжения брака (исследователь Д. М. Чечот). Исследовательница из Киева Л. В. Чуйко также утверждает, что чаще других причин развода женщины называли алкоголизм и пьянство мужа. К таким же выводам приходят исследователи Таллина, Минска, Вильнюса.

Другой решающей причиной массовых разводов, особенно среди молодых пар, является отсутствие жилья. Тридцать пять процентов новобрачных в Ленинграде сообщили интервьюировавшему их социологу, что собираются жить с родителями: другого жилья у них нет. Не надо быть специалистом, чтобы предсказать — жизнь с родителями (часто в одной комнате) — верный путь к разводу.

¹ Н.Я. Соловьев. „Семья в социалистическом обществе”. Политиздат, М., 1981, с. 5.

Можно до бесконечности продолжать список причин, по которым разводятся советские граждане. Есть, разумеется, среди них и вечные — „разлюбил”, „изменил”, „не сошлись характерами”. Но есть у развода по-советски и свои особенности. Каждая вторая женщина в стране работает. Процент работающих (51,4) значительно выше, чем в странах Европы и в США. Советская пропаганда утверждает, что этот высокий процент зависит от того, что женщины наши жаждут помогать своей родине трудом, нуждаются в общении на производстве, среди них много людей с высшим образованием — врачей, учителей и т. д. В браке два работающих супруга, утверждает пропаганда, чувствуют себя более комфортно, у них есть о чем поговорить, их интересы шире.

Я опросил несколько десятков бывших советских граждан, живущих ныне в Америке, почему именно женщины Советского Союза идут на производство и как это сказывается на их брачных отношениях. Мои собеседники, люди разной культуры и различного социального положения, высказали, тем менее, одну и ту же мысль: идти на производство женщину заставляет только бедность. Муж, если он только не жулик и не крупный чиновник, не способен прокормить семью. Несколько бывших советских учительниц и врачей высказались в том смысле, что, если было бы возможно, они с большей охотой остались бы дома с детьми; что домохозяйка имеет значительно больше свободы, нежели чиновница или рабочая. Они добавили, что престиж, высокое служебное положение прельщает в СССР лишь ничтожное число женщин. Остальных же из дома на работу гонит только бедность¹.

Что касается семейных последствий ухода жены на работу, то они, по мнению моих собеседников, прямо ведут

¹ О материальной стороне вопроса говорит хотя бы тот факт, что по данным советской статистики среди покидающих службу в поисках другой работы женщин из-за низкой зарплаты уходит 38,1 проц., из-за тяжелых условий труда — 6,3 проц., из-за недовольства профессией — 6,3 проц., из-за трехсменной работы — 6,2. Данилова Е. З. „Социальные проблемы труда женщины-работницы”. М., 1968.

к разрушению брачного союза. Работая по 40 часов на производстве, советская жена и мать вынуждена не менее 40 часов провести затем в очередях, за приготовлением пищи, занимаясь стиркой и уборкой квартиры. У нее чаще всего нет не только газовой плиты и стиральной машины, но часто нет пылесоса и холодильника, без которых западная женщина не мыслит себе нормальной жизни. В результате русская жена вечно утомлена, раздражена, у нее нет времени на то, чтобы привести себя в порядок. Денег на наряды у нее тоже не хватает. Она склонна винить в своих тяготах мужа. Ведь это он не сумел создать для семьи материальное благополучие. Средний советский муж действительно не знает, как выбиться из своих жалких 150–170 рублей в месяц. Он унижен. Он теряет свое положение первого человека в семье. Отсюда раздражение, скандалы в доме. Не уважаемый ни женой, ни начальством, муж ищет утешение в вине. В отношениях супругов возникает новый виток – муж пьет, он пропивает свое и без того ничтожное жалованье. Отчуждение между супругами усиливается. Семейный корабль кренится, он близок к потоплению. Позднее в суде супруги могут выдвигать какие угодно аргументы, но причины развода (этого и миллионов других) таятся прежде всего в бедности, тяжелом быте семьи, который еще более утяжеляется, если жена идет работать. В цифрах процесс этот весьма нагляден: в 60-е годы в СССР распадался каждый четвертый брак, в 70-е разрушался один из трех, а ныне, в начале 80-х годов, в стране есть много районов, где в первый же год после бракосочетания приходит в ЗАГС или в суд, чтобы развестись, каждая вторая пара¹.

Печальный опыт супружества в советских условиях приводит к тому, что две трети мужчин после развода не желают больше жениться. Растет число одиноких и одновременно уменьшается количество семей. По переписи 1970 года в се-

¹ Это прежде всего Москва, Ленинград, большая часть Украины, Прибалтика. В Ленинграде, например, в 1979 году зарегистрировано было 57.554 брака и в том же году расторгнут 28.071 брак. См. „Вестник статистики” № 12, 1980, с. 67.

мьях жило 94,1 процента населения, а девять лет спустя семейных осталось лишь 88,4 процента. Зато одиночек (тех самых, о которых сегодня так печалятся авторы „Литературной газеты” и „Недели”) в 1959 году было 9 миллионов, в 1970-м — уже 14 миллионов, а к началу 80-х годов в стране оказалось около 20 миллионов одиночек!

Ранние разводы и обилие одиноких (среди них не менее 6 миллионов мужчин), разумеется, приводят к тому, что страна лишается изрядного числа (по подсчетам — 15 процентов) так и не родившихся в расторгнутых браках детей. Но проблема „недорода”, переполошившая советские верхи, оказалась еще более печальной, ибо выяснилось, что рожать не хотят даже семьи благополучные. Более того, обнаружилось, что рядовые советские граждане понимают с е м е й н о е с ч а с т ь е совсем иначе, нежели лица начальствующие. При опросе большой группы населения, во время которого мужчин и женщин спрашивали, что всего важнее для их семейного счастья, ДЕТИ были названы лишь в 37,5 процентах (мужчины) и 47,2 (женщины). В то же время ОТДЕЛЬНАЯ КВАРТИРА и МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ заняли первое и второе место (59 процентов). Кстати сказать, роль ИНТЕРЕСНОЙ РАБОТЫ для семейного счастья оказалась самой незначительной и отодвинута была мужчинами и женщинами страны социализма на последнее — пятое — место!¹

„Дети перестали быть в глазах супругов бесценным благом жизни, — сокрушается на страницах газеты „Неделя” доктор медицинских наук, профессор Рижского мединститута Сегелиенице. — Замужние женщины объясняют нежелание иметь детей недостатком жилья, отсутствием мест в яслях и детских садах”. Доктор Сегелиенице имеет особые причины для огорчения. Ее родина Латвия до 1945 года имела вполне достаточный уровень рождаемости. Но после захвата и присоединения ее к СССР Латвия заняла первое место в стране по низкой рождаемости. Каждая третья семья латы-

¹ В. В. Бойко. „Малодетная семья: Социально-психологическое исследование”. М., 1980, с. 105.

шей вообще не имеет детей; 250 тысяч женщин-латышек не имеют семьи. Жители столицы республики Риги за год не рожают даже двух тысяч младенцев! Кто бы мог подумать, что старая истина о том, что звери неохотно размножаются в неволе, распространится на род людской?..

Те причины, по которым пациенты доктора Сегелиенице не желают обзаводиться детьми, к сожалению, вполне реальны и серьезны, хотя власти всячески отмахиваются от них. В книге „Единственный ребенок” автор на ста с лишним страницах пытается доказать, что скверные квартирные условия и материальные недостатки никак не мешают семье завести второго ребенка. Но на последней странице он публикует некоторые отзывы читателей на свою прошлую книгу на ту же тему, и оказывается, что большинство читателей видят суть проблемы малодетности именно в недостатке жилья. „По моему мнению, — пишет москвич Е. Кузнецов, — детей будет больше тогда, когда вместе со свидетельством о браке молодоженам будут давать ключи от квартиры”. А медсестра Т. Землякова из Иркутска уточняет: „Если бы мне твердо обещали: родишь второго — дадим квартиру, я бы дала расписку и родила”¹.

Может быть, Т. Землякова когда-нибудь квартиру и получит и „под расписку” родит второго младенца, но в массе своей молодожены Советского Союза не имеют решительно никакой надежды получить в день свадьбы ключ от собственного жилья. Сколько бы на пленумах ЦК ни болтали о принципе социализма — „каждой семье — отдельную квартиру”, выполнить это обещание власти не собираются, да и не могут. Строительство жилья идет везде крайне медленно, а главное, государство отпускает на жилищное строительство лишь ничтожную часть тех средств, что идут на военные приготовления.

То же самое происходит с яслями и детскими садами. Казалось бы, ясли нужны государству: будь достаточно мест в детских учреждениях, женщины рожали бы больше детей и

¹ К. К. Баздырев. „Единственный ребенок”. Изд-во „Финансы и статистика”, М., 1983, с. 115.

легче шли бы на производство, где сейчас ощущается нехватка рабочих рук. О яслях пишут и говорят десятилетиями, и, тем не менее, хозяева страны не желают поступиться своими военными планами и дать деньги на детские учреждения. В этой области, как и во всех вышеозначенных, возник порочный круг, который наверняка не будет разрешен в ближайшее время.

Не имея возможности дать новобрачным квартиры, ясли и детские сады, вожди делают вид, что для проблемы рождаемости вопросы эти вообще второстепенны. И низкая заработная плата супругов — тоже. Чтобы рожать детей в таком количестве, в каком они необходимы родине, достаточно, по словам одного из авторов, просто „понять подлинную ценность ребенка в семье”. Понял — и давай... ”Сегодня довольно сложно представить себе образ современной семьи, живущей в нужде”, — ерничает автор книги „Единственный ребенок”. Для пушей убедительности он приводит цифры о том, как много в стране людей, которые готовы покупать фарфорово-фаянсовую посуду, золотые украшения и хрустальные вазы.

По официальной статистике у половины населения СССР месячный доход на одного члена семьи достигает ста рублей. Цифра эта представляется мне очень сильно завышенной. Она означает, в частности, что несколько десятков миллионов семей, имеющих о д н о ребенка, имеют доход 300 рублей в месяц, а несколько десятков миллионов тех, у кого двое детей, располагают зарплатой в 400 рублей. Но это — чистая ложь. Зарплата в 300—400 рублей — привилегия ограниченного числа семей крупных советских, партийных и военных работников, а также кое-кого из писателей, кинематографистов и видных актеров. А в нормальной советской семье с одним ребенком средний доход на человека составляет 50—60 рублей. Родить еще одного ребенка означает снизить доход на душу до 45—37 рублей. А это уже нищета...

Вопрос о связи доходов родителей с количеством детей в семье обсуждался осенью 1983 года на Всесоюзной конференции по проблемам семьи в Цахадзоре (Армения). Один из ученых привел данные, из которых явствовало, что насе-

ление СССР может быть разделено по доходам на пять групп: с доходом от 7 рублей в месяц до 45 рублей на человека, от 45 до 70, от 70 до 115, от 115 до 145 рублей и от 145 рублей и выше в месяц. Вывод при этом сделан был такой: рожать можно при любом обеспечении, ибо 45 рублей достаточно всякому, кто не желает для себя слишком многого. Не знаю, как по части статистики, а по части совести у исследователей этих видятся мне серьезные проблемы. Стыдно, опираясь на науку, требовать от простых людей с более чем скромными доходами, чтобы они опускались на дно нищеты, дабы государство получило к двухтысячному году необходимую ему рабочую силу?¹

На той же конференции, к счастью, нашелся и другой ученый, который честно заявил: „Ребенок в наше время стоит дорого, причем с повзрослением стоимость его содержания чувствительно повышается”. Ученый привел цифры, из которых стало ясно, что если на самых маленьких в большинстве семей уходит в месяц примерно 50 рублей, то подросток „стоит” родителям уже 100 рублей и выше. При двух работающих супругах на содержание одного ребенка расходуется сейчас более трети семейного бюджета. Откуда же взять на второго?

Проблема низкого заработка основной массы работающих так же не может быть разрешена государством, как неразрешима проблема квартиры и ясель. Низкая зарплата масс — основной принцип советской системы, принцип, который она нарушает только для своих высокопоставленных чиновников, да для группки избранных ученых, писателей, артистов. Больше того, если бы даже кремлевские чиновники решили резко поднять доходы своих граждан, те больших благ не получили бы: в стране нет достаточного количества товаров.

¹ В СССР не скрывают чисто „хозяйственного” подхода к вопросу о рождаемости. Партийный функционер Соловьев в брошюре „Семья в социалистическом обществе” (Политиздат М., 1981, с. 15) пишет: „Судьба женихов и невест двухтысячного года решается сегодня. А вместе с ней и перспективы трудовых ресурсов... развитие многих других экономических и политических процессов”.

Что же еще может сделать власть для того, чтобы повысить рождаемость? Пресечь пьянство? Хотя с приходом нового вождя сделана попытка ограничить продажу спиртного, но на „сухой закон”, на полное прекращение продажи водки Кремль не пойдет. Дело не только в доходах. Пьянство — лучшая отдушина для переполняющего советское общество раздражения и недовольства. Липить советского гражданина выпивки значило бы попросту толкнуть его на бунт.

И в своей демографической политике Кремль не способен что-либо изменить. Вместо того, чтобы постараться сгладить как-то разрыв в количестве мужчин и женщин в стране, разрыв, вызванный акциями прошлых хозяев страны, нынешние продолжают прежнюю политику. Кроме 5-и миллионов военных, загнанных в казармы, мужчин постоянно бросают на всякого рода „великие” стройки в отдаленные районы страны. То созидаются военные предприятия на севере Урала, то на очереди КАМАЗ, то что-то надо строить на Чукотке, или возникает необходимость тянуть железнодорожную линию между Байкалом и берегом Тихого океана. На таких стройках возникает резкий перевес мужчин, в то время как, например, в Псковской области на 100 женщин приходится 84 мужчины, в Вологодской — 85, а во Владимирской и во все 75.

На что же надеется режим, начиная кампанию за повышение рождаемости? Какие конкретные действия все-таки возможны по мнению властей в нынешних условиях? Это прежде всего попытки материально поддержать женщин, рожающих второго и третьего ребенка. За минувшие полвека постановления такого рода принимались уже не раз. Одно из последних решений ЦК КПСС, Президиума Верховного совета, Совета министров СССР и ВЦСПС об „Усилении государственной помощи семьям, имеющим детей...” (6 сентября 1981 года) ввело выплату единовременного пособия матерям при рождении второго ребенка в размере 50 рублей, а при рождении третьего — 100 рублей”. Эта и другие столь же жалкие подачи никакого влияния на рождаемость не оказали. Делаются попытки продолжить „поощрения” и сейчас. Новейшая идея, с помощью которой намереваются поднять

в стране рождаемость (об этом в июне 1984 года писала газета „Известия”), состоит в том, что парам, согласным завесты второго ребенка, в н е о ч е р е д и будет поставлен квартирный телефон...

В то время как супругов, склонных к деторождению, государство так или иначе поощряет, „нерадивых” оно чувствительно наказывает. Законы, толкующие о разводе в Советском Союзе, довольно либеральны, но судьям разъяснено, что они должны препятствовать расторжению браков, особенно, если это относится к молодым людям, и всеми силами стараться примирить супругов. „Свобода развода в нашей стране находится под контролем государства”, — многозначительно роняет автор книги „Брак, семья, дети” юрист М. А. Иванов (издательство „Педагогика”, М., 1983). Тяжелый груз этого контроля явственно чувствует каждая пара, которой приходится обращаться в суд. „Судебный процесс по бракоразводному делу, — разъясняет юрист Иванов, — преследует в первую очередь в о с п и т а т е л ь н ы е цели (разрядка моя. — М. П.). Судьи стремятся убедить супругов, насколько нежелательны для них (для кого? — М. П.) последствия развода”. В полном соответствии с новой государственной политикой другой автор пишет о „неправильно понятой свободе разводов и злоупотреблении правом на развод”¹. Так, пользуясь мощью своего юридического аппарата, власти СССР сегодня превращают развод в длительное, тянущееся месяцами, тяжелое испытание, цель которого любой ценой заставить супругов сохранить семью и дать потомство.

Очевидно, при обсуждении проблемы рождаемости в Политбюро речь не раз заходила также о том, чтобы запретить аборт. Во взаимоотношениях власти и народа з а п р е т — наиболее естественный, а, главное, наиболее доступный пониманию вождей метод воздействия на общество. Как известно, Сталин запретил аборт в 1936 году, а Хрущев разрешил их в 1955-м. Последующие властители, личности мало-

¹ Н. Я. Соловьев. „Семья в социалистическом обществе”. „Политиздат”, М., 1981.

примечательные, могли бы прославиться хотя бы запрещением аборт на сталинский манер. Но, по всей видимости, аборт в ближайшее время запрещены не будут. В министерстве здравоохранения знают, сколько сот тысяч женщин было искалечено в сталинскую пору в подпольных абортариях. Смертность от так называемых криминальных абортов в эпоху запретов была в 10 раз выше, чем теперь. Вожди хорошо знают свой народ: на второй же день после введения запрета на операцию по всей стране возникнут тысячи подпольных абортариев, и число жертв будет исчисляться миллионами.

Не решаясь в законодательном порядке запретить аборт, власти, тем не менее, отдали распоряжение врачам в женских консультациях, чтобы те всячески затрудняли выдачу разрешений на аборт. Беременную женщину, которая приходит к медикам за справкой, долго, порой неделями, гоняют из кабинета в кабинет, в надежде, что она или передумает, или пропустит срок, до которого разрешается делать операцию.

Впрочем, в погоне за младенцами советская система действует не только путем запрета и приказа. Кое в чем ее несокрушимые идеологические позиции в последнее время размягчились. Так, хотя и не сразу и со множеством предосторожностей, в советский обиход вошли брачные объявления. Этот метод знакомства всегда высмеивался в СССР как сугубо буржуазный, торгашеский. Теперь старые лозунги пересмотрены. Брачные объявления появились сначала в газетах Прибалтики, а затем их стали помещать и на Украине. В частности, за это взялась газета „Днепропетровская неделя”. На первый же призыв сорокалетнего Геннадия Н. (некурящий, рост 167, образование высшее) откликнулось сто женщин. А всего „днепропетровский почин” принес редакции за полгода 38.000 писем из 162 городов страны. „Буржуазный” и „торгашеский” метод знакомства вызвал в социалистическом обществе живой интерес. Вот одно из объявлений в газете „Голос Риги”, подала его москвичка. „Женщина приятной внешности (39 лет, характер спокойный, выдержанный, образование высшее, гуманитарное, с разносто-

ронными интересами) желает вступить в брак с женщиной 37—45 лет, с высшим образованием, эрудированным, честным, обеспеченным”.

Ну, кто бы лет десять назад поверил, что публикация таких объявлений в советских газетах возможна? Но демографическая катастрофа — не тетка...

Насколько можно понять, в борьбе за повышение рождаемости в стране наибольшие надежды власти возлагают на пропаганду во всех ее видах. Читателей советских газет, слушателей популярных лекций то пугают, то обольщают. Вот несколько типичных цитат из современной советской прессы:

„Малодетность повышает риск развода. Одно из условий прочной семьи сплоченный семейный коллектив: муж, жена и несколько детей”.

„Родите братика или сестричку своему ребенку, иначе он вырастет эгоистом. Эгоизм, по исследованию ученых, всегда соседствует с малодетностью”.

„Из тысячи человек населения, состоящего их двухдетных семей, через тридцать лет останется 621 человек, через 60 лет — 386, через 90 — 240, а через триста лет — всего восемь человек. А у нас семьи однодетные...”

„Современная теория сексологии, основанная на глубоких исследованиях этой проблемы, сводится к тому... что сексуальную жизнь и в старом возрасте нужно считать не только возможной, но и необходимой...”

Призывая женщину рожать, пропагандисты охотно цитируют подходящие к случаю народные пословицы и поговорки:

„Птица крыльями сильна, жена мужем красна”. „Без мужа жена всегда сирота”. И даже: „Жизнь без мужа — поганая лужа”.

Но объявлениями и пословицами дело не ограничивается. Для того, чтобы побуждать граждан вступать в браки, создан целый аппарат. В местных органах власти (исполкомах) по единому плану спешно организовываются „Службы семьи и брака”. Службам этим приказано, в частности, придумывать и поддерживать всевозможные „почины”, направленные на усиление деторождения. Журналистам велено разыскивать

по стране и славить многодетные семьи, социологам — проводить обследования и публиковать соответствующие партийной установке выводы. Открываются клубы встреч „Для тех, кому за тридцать”. В частности, в рамках „Службы” в городе Кропоткине Краснодарского края ежегодно проводится „День семьи”. Праздник начинается с парада. Впереди колонны идут самые многодетные граждане города. Затем отцов и матерей с их выводками сажают посреди городской площади за столы, застланные скатертями с надписью „Совет вам да любовь”. Пионеры преподносят им цветы, партийные боссы наделяют наиболее плодовитых специальными медалями. Затем читается текст клятвы о святой супружеской любви. Весь этот ритуал подробно и неоднократно описывали советские газеты. Его подхватывают в других городах. „Кропоткинский почин” становится образцом для подражания. Подражают не только параду и поднесению медалей. В Кропоткине придумана специальная методика для того, чтобы мешать супругам разводиться. Судья, получив заявление желающих расторгнуть брак, не назначает заседание суда, а посылает их заявление на предприятие, где работают злополучные муж и жена. Там собирают народ, и в присутствии супругов публика с удовольствием копается в их грязном белье. Решение собрания — не разводиться — дает судье основание, со ссылкой на „глас народа”, отложить разбирательство еще на несколько месяцев. Цель всех этих мер хорошо объяснила в газете „Неделя” секретарь партийного бюро одного из военных заводов города: „Вокруг нас строится много предприятий. Чем же мы можем удержать у себя людей? Только одним — заботой о семье”.

* * *

Чего в конечном счете добиваются покровители семейного счастья в СССР? Какое поведение советских граждан представлялось бы им идеальным?

В нынешнем году мировая пресса много писала о романе-утопии Джорджа Орвелла „1984-й”. Большинство критиков

утверждали, что орвелловское описание частной жизни граждан в тоталитарном государстве не отражает реальной картины. Ни в фашистской Германии, ни в Советском Союзе ничего подобного не происходит и не происходило. Позволю себе возразить: романист — не предсказатель и не гадалка. Он ищет и обнаруживает главные тенденции общественной жизни. Если говорить о семейной жизни и семейном счастье по-советски, то идеальный вариант его идеально точно описан английским романистом: „... В полутьме супружеской спальни жена-патриотка шепчет мужу-патриоту: „Милый, пойдем в постель... Давай делать беби для государства...”

Разве не об этом мечтают в нынешнем, 1984, году советские вожди?

Нью-Йорк

1980—1984 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об этой книге	5
Глава 1. Государственный секрет: откуда берутся дети	13
Глава 2. Как любили дедушки и бабушки, или комиссары у себя в спальне (20-е годы)	36
Глава 3. Теоретик Джордж Орвелл и практик Иосиф Сталин, или как любили отцы (30-е годы)	63
Глава 4. На войне, как на войне, или как любили мы (40-е годы)	90
Глава 5. Великая бездомность	114
Глава 6. Его величество, рабочий класс	145
Глава 7. Деревенская идиллия	178
Глава 8. Дети – наше будущее	205
Глава 9. Врачи рассказывают	235
Глава 10. Советская проститутка: профессия, которой нет	269
Глава 11. „Девушки за денежки”, милиция и КГБ	305
Глава 12. Наши и не наши	345
Глава 13. Амур за колючей проволокой	378
Глава 14. Традиции и нравы	403
Глава 15. Семейное счастье... в зеркале советской государственной политики	438

